This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

БИБЛІОТЕКА МОСКВИНЫХЪ

Томъ № 520.

Сочин. № 683.

Отд. № IX

15/32

N 449

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

4/4058/15

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ.

Cherkaskiĭ, V.A.

КНЯЗЬ

ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ЧЕРКАСКІЙ.

ЕГО СТАТЬИ, ЕГО РѢЧИ И ВОСПОМИНАНІЯ О НЕМЪ.

МОСКВА.
Типографія П. А. Лебедева, Газетный переулокъ, д. Корзинкина.
1879.

TK

DK188.6
C47A3

3776
84

*

Настоящая книга имѣетъ значеніе „Поминокъ“ по князѣ Владимірѣ Александровичѣ Черкаскомъ, и она будетъ дорога всѣмъ, кто умѣетъ цѣнить его заслуги и скорбитъ объ его преждевременной кончинѣ. Въ видѣ предисловія помѣщаются два автобіографическія отрывка: воспоминаніе о студенчествѣ и выдержка изъ письма къ Ю. Ѳ. Самарину. Это письмо выбрано, потому что оно имѣетъ характеръ самой задушевной сердечной исповѣди и писано въ 1875 году, по возвращеніи изъ путешествія, подъ воздѣйствіемъ величавыхъ впечатлѣній Босфора и въ скорбной увѣренности, что пора общеполезной широкой дѣятельности лично для князя Черкаскаго окончательно миновала, стало быть писано какъ разъ наканунѣ великихъ событій, которымъ суждено было увлечь его снова, къ берегамъ того же Босфора, для послѣдняго доблестнаго служенія Россіи и своей завѣтной мысли. Далѣе въ этой книгѣ собраны его политическія статьи, писанныя слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, но проникнутыя тою же мыслью, которая руководила имъ постоянно и вѣрность которой запечатлѣлъ онъ своею смертію. Князь Черкаскій не принадлежалъ къ числу писателей въ собственномъ смыслѣ слова, и статьи его суть только наброски и летучія обозрѣнія, которыя однако свидѣтельствуютъ, что и въ области печати могъ бы онъ составить себѣ громкое литературное имя. Главныя же произведенія пера его, обширныя работы по крестьянскому вопросу, по внутреннему устройству Привислянскаго края, по Уніатскому дѣлу, по гражданскому возсозданію Болгаріи, остаются въ рукописи и могутъ со временемъ сдѣлаться драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ.

Второй отдѣлъ настоящей книги состоитъ изъ Рѣчей, произнесенныхъ княземъ Черкаскимъ, въ разныхъ случаяхъ его общественной и государственной дѣятельности. Это, такъ сказать, „формулярный списокъ“ его службы Отечеству.

Въ заключеніи помѣщено нѣсколько статей, появившихся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ по поводу кончины князя Черкаскаго.

Память о человѣкѣ, для котораго общее дѣло Россіи всегда было предметомъ личной горячей заботы, должна быть свято сбережена для потомства.

*

СТУДЕНЧЕСКОЕ ВОСПОМИНАНІЕ.

Читано въ кружкѣ однокурсниковъ и товарищей 12 Января 1855 года, въ день столѣтняго юбилея Московскаго Университета, т. е. почти въ послѣдній мѣсяцъ Николаевскаго царствованія.

Вступивъ въ Московскій Университетъ въ 1840 году, я вышелъ изъ него въ 1844 году, слѣдовательно находился въ немъ въ минуту полнаго по возможности его созрѣнія, когда семь лѣтъ, протекшихъ послѣ его преобразованія, уже начали опытомъ своимъ оправдывать и укоренять многія изъ введенныхъ въ жизнь его новыхъ началъ. Студентовъ было много; но что́ гораздо важнѣе, мы искали передъ глазами своими нерѣдкіе уже примѣры многихъ окончившихъ курсъ товарищей, съ выходомъ своимъ изъ Университета не разорвавшихъ мгновенно всѣхъ связей своихъ ни съ нимъ самимъ, ни съ наукою, не увлекшихся выгодами или привычкою службы и въ тиши уединенной жизни продолжавшихъ собственное образованіе, обрѣтши въ ней уже древнему міру сладкое otium cum dignitate. Къ слишкомъ быстро протекшимъ сорокъ первымъ годамъ принадлежитъ наибольшее количество защищенныхъ дѣльныхъ магистерскихъ разсужденій въ Университетѣ, и болѣе или менѣе оправдавшихся въ послѣдствіи призваній къ ученой дѣятельности и профессурѣ питомцевъ обновившагося Университета. Подъ вліяніемъ свободнаго развитія, предоставленнаго ему графомъ Строгоновымъ, росло́ и крѣпло въ немъ историческое направленіе, дѣльно выражаясь во всей умственной жизни тогдашней Москвы; то было время процвѣтанія публичныхъ лекцій и многихъ изданій—Чтеній Общества Исторіи Древностей, Юридическихъ Записокъ, многихъ отличныхъ Сборниковъ, Москвитянина и прочее: То была также пора болѣе или менѣе вѣжливыхъ турнировъ и борьбы Славянъ и Западниковъ. Счастливое время, когда турниръ не былъ смѣшонъ, и между людьми мыслящими могло существовать искреннее разногласіе! Все это прошло, — дай Богъ, чтобы не прошло безвозвратно, — но во всякомъ случаѣ прошло для нашего поколѣнія, оставивъ по себѣ единственнымъ слѣдомъ несбывшіяся надежды и неутѣшительную дѣйствительность. Какъ

бы то ни было, но всѣ эти внѣшнія, близкія Университету, вліянія имѣли въ то время благодѣтельнѣйшее дѣйствіе на образъ мыслей и занятій моихъ товарищей. Первый курсъ постоянно и ежегодно наполнялся множествомъ незрѣлыхъ питомцевъ семейной жизни; строгій переходный экзаменъ съ 1-го на 2-й курсъ немедленно отдѣлялъ надежныхъ студентовъ отъ семейныхъ баловней и возвращалъ послѣднихъ естественному ихъ назначенію — военной службѣ или свѣтской жизни; перешедшіе же на 2-й курсъ, живя и развиваясь въ благопріятной свободной атмосферѣ, часто дѣлались людьми дѣльными и постоянно выносили съ собою изъ Университета по крайней мѣрѣ уваженіе къ наукѣ, чувство личнаго достоинства и теплое сочувствіе ко всякому благородному стремленію. Таковыми я неизмѣнно встрѣчалъ всѣхъ, даже самыхъ дюжинныхъ товарищей своихъ, въ послѣдствіи, въ жизни, среди многостороннихъ ея искушеній и трудностей. Съ 1842-го года введены были въ Университетъ окончательно двѣ мѣры внутренней организаціи, значительно облегчившія правильныя занятія наши: отмѣнены на двухъ послѣднихъ курсахъ полугодичныя репетиціи и распредѣлены предметы по курсамъ въ логической ихъ послѣдовательности; особенно первая мѣра значительно возвысила уровень умственной дѣятельности студентовъ.

Господствующее направленіе въ Университетѣ, сказалъ я, было историческое. Русская Исторія въ особенности была въ то время любимымъ предметомъ большинства дѣльныхъ студентовъ. До сихъ поръ вспоминаю я съ наслажденіемъ лекціи М. П. Погодина, слушанныя мною годъ ex-officio и два года добровольно на постороннихъ курсахъ. Мнѣ и товарищамъ моимъ онъ читалъ исторію Московскаго княжества; на 4-мъ курсѣ юридическаго факультета, кажется въ 1840—1841 гг., слушалъ я его исторію Петра Великаго; въ другомъ, не помню навѣрное которомъ году, слушалъ я вмѣстѣ съ словесниками исторію царя Алексѣя Михайловича. Не одаренный могучимъ или живымъ словомъ, но вполнѣ проникнутый горячею любовію къ Отечеству и къ его исторіи, каждый годъ разнообразя эпохи, входившія въ программу его преподаванія и въ основу послѣдняго кладя всегда подлинное чтеніе на лекціяхъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности, онъ невольно вселялъ въ слушателей своихъ сочувствіе къ историческому труду, возбуждалъ самодѣятельность умовъ ихъ и радушно привѣтствовалъ и поощрялъ каждаго, кого успѣвалъ онъ посвятить въ тайныя наслажденія науки.

Другое преподаваніе, не менѣе имѣвшее на меня вліяніе и конечно не оставшееся чуждымъ образованію склада ума многихъ товарищей, было преподаваніе тогдашняго декана нашего, Никиты Ивановича Крылова. То былъ рѣзкій, трезвый умъ, воспитанный и искусившійся на основательномъ изученіи Римскихъ юристовъ и въ блистательное живое слово облекавшій ихъ строгую логику. Мастерскою частію его преподаванія слыли вообще въ Университетѣ его лекціи о владѣніи по Римскому праву. Но меня болѣе всего поражало его, не на много лекцій растянутое, но исполненное жизни и одушевленія ученіе о Римскомъ колонатѣ и объ емфитевзисѣ; въ глазахъ моихъ то было вѣнцомъ его догматическаго преподаванія, вообще для юридическаго факультета съ успѣхомъ по своему логическому характеру восполнявшаго ощутительный недостатокъ каѳедръ логики и философіи. Еще болѣе поразило меня его преподаваніе исторіи Римского права на 2-мъ курсѣ: послѣдователь Нибура, онъ, въ основаніе всякой разумной и обѣщающей мощное развитіе въ будущемъ исторіи народовъ, клалъ необходимость физіологическаго смѣшенія племенъ. Все преподаваніе его было ни что иное, какъ рядъ блистательныхъ варіацій на туже любимую тему, къ которой такъ легко и непринужденно приспособлялись драматическіе эпизоды изъ борьбы патриціевъ съ плебеями. Разумное значеніе Римскихъ аристократическихъ родовъ и тѣмъ не менѣе естественное, неотразимое ихъ вымираніе подъ наводняющимъ вліяніемъ плебейской жизни, трагическій fatum, тяготѣвшій надъ сомкнутыми древними родами, и исполненное будущности движеніе всякой живой демократіи: таковъ былъ неисчерпаемый предметъ и столько же неисчерпаемый для мыслящаго ума интересъ лекцій Крылова.—За ними по художественной своей отдѣлкѣ и теплотѣ постоянно согрѣвавшаго ихъ чувства отличались чтенія Тимофея Николаевича Грановскаго. Наконецъ, и Рѣдкинъ, не взирая на многія слабыя стороны, былъ далеко не безполезенъ, и на 1-мъ курсѣ, своимъ изложеніемъ энциклопедіи, поселялъ въ умы неопытныхъ слушателей довольно ясное сознаніе ихъ невѣжества, а слѣдовательно и необходимости серьезнаго занятія; на 4-мъ курсѣ иногда случалось ему мастерски прочитать нѣсколько лекцій объ иностранныхъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Такъ росъ и мужалъ Университетъ нашъ. Въ числѣ товарищей моихъ не могу не назвать Соловьева и Леонтьева, нынѣ профессоровъ, Новосильцова, скромнаго Епифанскаго помѣщика, Фета и Полонскаго, Елагина, Ушинскаго, бывшаго въ послѣдствіи

профессоромъ Демидовскаго Лицея, наконецъ изъ студентовъ, бывшихъ при мнѣ на младшихъ курсахъ—Горчакова и Морнгейма.

Впрочемъ, не смотря на скорое и конечно блистательное свое развитіе, Университетъ уже таилъ въ себѣ два начала разложенія: вопервыхъ, постоянно усиливавшееся и распространившееся между дѣльными воспитанниками его отвращеніе къ практической дѣятельности и службѣ, симптомъ, конечно, понятный и легко объяснимый, но тѣмъ не менѣе начинавшій вселять во многихъ недовѣріе къ университетскому образованію или по крайней мѣрѣ къ примѣнимости его въ Россіи; перевороты 1848-го года нашли въ умахъ и въ публикѣ почву уже приготовленную и возникшія уже сомнѣнія, готовыя перейти въ слѣпое одобреніе всѣхъ стѣснительныхъ противъ Университетовъ мѣръ. Другое разрушительное начало, внесенное въ Университетъ извнѣ, изъ общества, снабжавшаго его питомцами, несравненно важнѣйшее и еще болѣе для него зловѣщее, это было образованіе въ самой средѣ студентовъ и при томъ уже съ самаго слѣдовавшаго за мною курса, шайки или партіи аристократической, рѣзко старавшейся отдѣлиться отъ общаго товарищества. Съ тѣхъ поръ уже, долженъ я сознаться, начала̀ падать общественная товарищеская жизнь стараго Университета, а съ этимъ вмѣстѣ нанесенъ ему былъ и рѣшительный ударъ. Постараемся въ нынѣшній день забыть это послѣднее грустное явленіе. Возблагодаримъ по крайней мѣрѣ нашъ старый Университетъ за то, что онъ съумѣлъ заставить насъ себя полюбить, и среди общественнаго къ нему равнодушія или злорадости скажемъ ему отъ себя душевное спасибо и пожелаемъ ему болѣе продолжительныхъ, лучшихъ дней для блага Россіи, въ оправданіе свѣта и на разсѣяніе тьмы.

Января 12 дня 1855.

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Ю. Ѳ. САМАРИНУ.

(1875).

..... И тамъ, во Флоренціи, не переставалъ меня преслѣдовать тотъ же странный образъ Россіи, который я уносилъ съ собою изъ нея. Если бы я могъ располагать собою, какъ хотѣлъ, то я просто ушелъ бы изъ нея на нѣсколько лѣтъ, по крайней мѣрѣ изъ Москвы и Петербурга (въ послѣднемъ я и безъ того не былъ два года); я переселился бы въ дальнія южныя окраины, нынѣшней весной оставившія во мнѣ неизгладимыя впечатлѣнія. Сожалѣю, что не видѣлъ южнаго берега Крыма ранѣе, лѣтъ 25 или 30 тому назадъ, когда я еще ходилъ ощупью и былъ занятъ мыслію о выборѣ себѣ рода жизни. Я непремѣнно поселился бы тамъ навсегда, и сдѣлался бы, быть можетъ, небезполезнымъ піонеромъ Русскаго дѣла на Русскомъ, слишкомъ мало обрусѣвшемъ, Югѣ. Южно-бережскія картины не могутъ изгладиться изъ ума и памяти того, кому однажды дано было ихъ видѣть, какъ не можетъ изгладиться изъ нихъ величавый видъ всемірно-историческаго Босфора, когда въ него разъ пристально и разумно вглядишься *) Я не знаю прекраснѣе и назидательнѣе зрѣлища для Русскаго человѣка. Еслибъ могъ, я посылалъ бы туда гуртомъ и старыхъ, и малыхъ, знатныхъ и незнатныхъ, и прежде всего всѣхъ молодыхъ Великихъ Князей, въ чьихъ рукахъ будущее Россіи, и всю Русскую интеллигенцію, и капиталы Московскіе въ особенности. Очень радъ случаю прочесть нотацію и тебѣ: стыдно дожить тебѣ до 56 лѣтъ, кататься каждый годъ отъ скуки по опошленнымъ Швейцаріямъ и Енгадинамъ, и не заглянуть въ Крымъ, на Черное Море, Босфоръ и Царьградъ. Я твердо убѣдился и увѣрился, что ни прошедшаго Россіи нельзя понять и оцѣнить, ни будущаго ея нельзя предвидѣть и съ нимъ примириться, не прослѣдивъ вновь этотъ старый Русскій, Варяжскій путь, не отдохнувъ мысленно на роскошныхъ образахъ той всемірной исторически-производи-

*) Весною 1875 года, на обратномъ пути изъ Флоренціи, князь Черкаскій обогнулъ моремъ Балканскій полуостровъ, посѣтилъ Царьградъ и побывалъ въ Крыму.

тельной дѣятельности, которая такъ давно уже манитъ къ себѣ нашу глупую матушку-Ѳедорушку, и никакъ не добудитъ ея и не прерветъ ея безобразнаго храпа. А пора бы! А то, пожалуй, проспитъ ребенка, какъ случается подчасъ съ нашими деревенскими труженицами-бабами. Вотъ туда-то, если могъ бы, я выселился бы и навсегда распредѣлилъ бы свою жизнь между южнымъ берегомъ и деревнею, съ ея зелеными дубравами и съ ихъ несказанно-успокоительнымъ и усладительнымъ мирнымъ шелестомъ, и никогда болѣе, какъ на три дня къ ряду не сталъ бы заглядывать въ тѣ наши немногіе и вонючіе города, гдѣ такъ сонливо и такъ нелѣпо бьется нашъ Русскій пульсъ.

Деревня и въ этотъ разъ произвела на меня своеобычное умиротворяющее впечатлѣніе. Это одинъ изъ немногихъ, старыхъ, неизмѣнно-вѣрныхъ, снисходительныхъ друзей; это старая, гостепріимная, неизмѣнно-ясная родня, всегда встрѣчающая и провожающая съ дружескимъ привѣтомъ; здѣсь всегда столько старыхъ добрыхъ лицъ, которыхъ чувства не измѣняются съ обстоятельствами (можетъ быть, потому, что въ послѣднихъ они никогда не видятъ и для себя перемѣнъ), для которыхъ не состарѣешься и не сдѣлаешься слишкомъ тяжелъ. Какъ бы то ни было, я убѣдился и ежедневно убѣждаюсь болѣе и болѣе, что я для свѣта отяжелѣлъ, что въ мірѣ людская память меня покинула, даже въ кругу моихъ прежнихъ присныхъ, что самъ я утратилъ способность и случай сближенія съ болѣе молодымъ поколѣніемъ. Остается примириться съ этимъ положеніемъ, научиться оставаться чуждымъ тому движенію,—разумному или неразумному,—которое совершается вокругъ тебя, и доживать свой вѣкъ какъ можно скорѣе....

ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ ВЪ ЕВРОПѢ

ЗА 1855-й ГОДЪ.

Напечатано было въ 1-й книгѣ Русской Бесѣды 1856 года.

ОБОЗРѢНІЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ ВЪ ЕВРОПѢ

за 1855-й годъ.

1855-й годъ открылся для Россіи двумя чрезвычайными событіями: первое—кончина Императора Николая I-го, почти тридцать лѣтъ управлявшаго судьбами Россіи, державшаго въ теченіи этого долгаго времени въ рукахъ своихъ поочередно судьбы почти всѣхъ государствъ Европы и противъ котораго въ послѣдніе годы его царствованія вдругъ ополчился весь, неоднократно охраняемый имъ отъ внутреннихъ междоусобій, Западъ; второе—мирные переговоры, открытіе которыхъ съ самыхъ первыхъ дней года уже ожидалось въ Вѣнѣ и возбуждало напряженное вниманіе всѣхъ государственныхъ людей и всѣхъ политическихъ партій. Послѣдствія обоихъ этихъ событій не соотвѣтствовали однако, по вліянію своему на отношенія Россіи къ Европѣ, тѣмъ ожиданіямъ, которыя естественно должны были возбудить во многихъ умахъ изумительная неожиданность перваго и несомнѣнная важность того и другаго. Краснорѣчивый манифестъ Императора Александра II-го скоро убѣдилъ Западныя державы, что отъ Русскаго Государя невозможно имъ было ожидать принятія условій, для Россіи унизительныхъ; а послѣдовавшее за тѣмъ подтвержденіе инструкцій, данныхъ Россійскимъ уполномоченнымъ въ Вѣнѣ, показало всему свѣту готовность Государя возвратить миръ до основанія потрясенной и взволнованной Европѣ, лишь бы сама она добросовѣстно пожелала его и отъ него не отказалась.

Подъ вліяніемъ этихъ миролюбивыхъ, но исполненныхъ достоинства расположеній Русскаго правительства, должны

были открыться Вѣнскія конференціи. Политическое положеніе Европы и взаимныя отношенія государствъ ея были уже совсѣмъ не тѣ, какія установлены были Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года и Іюльскою революціею. Союзъ Франціи съ Англіею, эта entente cordiale, которой съ такими усиліями домогался Людовикъ Филиппъ въ смыслѣ оборонительнаго союза и съ единственною цѣлію вывести Францію изъ тягостнаго для нея одинокаго положенія, — этотъ самый союзъ сдѣлался въ рукахъ смѣлаго преемника его орудіемъ системы наступательной противъ отдаленной, чрезмѣрно могущественной Россіи. Наслѣдникъ имени и престола Наполеонова искалъ удобнаго поприща для своего славолюбиваго духа, искалъ случая вновь потѣшить Францію давно забытымъ слухомъ военнаго торжества и возвратить ей, какъ самъ выразился онъ въ послѣдствіи, почетное мѣсто въ совѣтахъ Европы. Берега Рейна и Италія были для этого поприщемъ слишкомъ скользкимъ; по этой дорогѣ не послѣдовала бы за нимъ Англія, да и Русскія знамена еще разъ, безъ сомнѣнія, осѣнили бы Германію. Константинополь и Турція представили ему болѣе удобства для его цѣли, — разъединенія континентальныхъ державъ. Съ другой стороны уже прекратилось существованіе тройственнаго Священнаго Союза, этого хитраго изобрѣтенія корифея Вѣнскаго конгресса, кн. Меттерниха, который умѣлъ съ такимъ искусствомъ связать всѣ политическія нити Восточной и Средней Европы въ одинъ узелъ и средоточіемъ его поставить выгоды и судьбы Габсбургскаго дома. Не думалъ первенствующій министръ Австріи, что онъ переживетъ свое твореніе, и что преемники его сами раззорятъ его дѣло, сами нарушатъ Священный Союзъ заключеніемъ съ Западными державами Декабрьскаго трактата. Въ самомъ дѣлѣ, вся эта хитрая группировка Европейскихъ государствъ, съ такимъ тщаніемъ и трудомъ устроенная Меттернихомъ и Людовикомъ Филиппомъ, и достаточная для уравновѣшиванія силъ Европы, покуда она покоилась на прежнихъ началахъ, должна была разлетѣться въ прахъ при появленіи новой, могучей, ничѣмъ не связанной съ этимъ порядкомъ вещей личности, при первомъ позывѣ къ дѣятельности и жизни,

съ какой бы то ни было стороны. Этотъ внѣшній поводъ скоро явился: то было съ одной стороны непростительное, безумное ослѣпленіе Турціи, рѣшившейся отвергнуть знаменитую ноту князя Меншикова, заключавшую въ себѣ справедливыя требованія покойнаго Государя въ пользу Восточныхъ единовѣрцевъ нашихъ; съ другой домогательство Франціи къ возстановленію давно-утраченнаго дипломатическаго вліянія своего въ Царѣ-градѣ.

Дружественныя связи съ Турціею составляютъ одно изъ древнѣйшихъ преданій Французской дипломаціи, и непрерывное поддержаніе ихъ есть одна изъ главнѣйшихъ ея заботъ. Въ прошедшемъ вѣкѣ, когда Оттоманская Имперія, покинутая всѣми, изнемогала подъ ударами Екатерининскихъ орловъ, одна Франція простирала къ ней дружественную, хотя и безсильную, руку помощи. Изъ обнародованныхъ въ прошломъ году Французскими и Сардинскими оффиціальными газетами дипломатическихъ документовъ, относящихся до 1782 и 1783 годовъ, мы видимъ, какъ настойчиво и горячо ходатайствовало за Турцію у всѣхъ дворовъ Европейскихъ правительство Людовика XVI, не смотря на всю внутреннюю безпомощную свою слабость. Оно обращалось поочередно ко всѣмъ государямъ, — къ Іосифу II, но онъ вѣрно служилъ Екатеринѣ и не внималъ воплямъ Порты; къ Фридриху Великому, но тотъ мало довѣрялъ послѣдовательности и силѣ Версальскаго Кабинета и заботливо взвѣшивалъ его финансовыя и военныя средства; къ Сардиніи и Испаніи, но союзъ ихъ, хотя и искренній, былъ слишкомъ недостаточенъ; наконецъ, и къ Англіи, но Фоксу было не до того: Англія страшилась въ то время лишь одного,—союза Россіи съ Америкою, и она была не прочь досадить Франціи и чужими руками ее унизить. Къ этому времени относится и первое возникновеніе мысли объ ограниченіи Русскаго Черноморскаго флота, которое было тогда предложено Императрицѣ Екатеринѣ Французскимъ Кабинетомъ чрезъ посланниковъ его въ Вѣнѣ и Лондонѣ и было ею отвергнуто [1]). Въ послѣдствіи Наполеонъ I былъ также

[1]) Разговоръ о семъ съ Русскимъ посланникомъ при Британскомъ дворѣ Французскаго посланника Адемара сообщенъ подробно въ депешѣ послѣдняго

вѣрнымъ другомъ Турціи, и одна только настоятельная нужда въ союзѣ съ Императоромъ Александромъ I-мъ могла побудить его временно измѣнить ей. Наполеонъ III спѣшилъ воспользоваться спорнымъ вопросомъ о святыхъ мѣстахъ Іерусалимскихъ, чтобы усилить Французское вліяніе на Диванъ и постараться поколебать преобладаніе въ немъ Россіи.

Когда возникли первыя несогласія Россіи съ Портою, Австрійскому правительству легко было положить имъ предѣлъ. Еслибы Австрія осталась вѣрна консервативной мысли престарѣлаго и оставившаго политическое поприще канцлера, ей слѣдовало бы потушить въ самомъ началѣ первыя искры возникшаго несогласія; для этого стоило только поддержать въ Царѣ-градѣ справедливыя требованія князя Меншикова точно также, какъ не задолго до этого Россія содѣйствовала тамъ же успѣху дипломатическаго порученія графа Лейнингена. Турція, конечно, не дерзнула бы противустать соединенному вліянію обоихъ императорскихъ дворовъ. Но Австрія спѣшила оправдать пророческія слова князя Шварценберга и удивить міръ великостію своей неблагодарности: государственные люди, ставшіе съ 1849 года во главѣ ея правленія, не сдѣлали ни шагу для предотвращенія грозившей войны Россіи съ Турціею и добровольно зажгли ее на берегахъ Дуная, поставивъ тѣмъ отечество свое въ самое затруднительное положеніе. Отселѣ политическая роль Австріи является исполненною всевозможныхъ трудностей: занимая центральное положеніе между всѣми воюющими державами, связанная еще съ Россіею свѣжими воспоминаніями благодѣяній ея въ 1849 году, страшась законнаго вліянія ея на земли Славянскія, боясь за Италію и потому угождая Франціи и Англіи, боясь за всегда готовое ускользнуть изъ рукъ ея первенство въ Германскомъ Союзѣ и потому недовѣрчивая къ Пруссіи и вынужденная дѣлать частыя уступки ея дружественному расположенію къ Россіи, она должна была отселѣ безпрестанно приводить въ дѣйствіе всѣ пру-

---

къ Французскому министру иностранныхъ дѣлъ г. Верженю отъ 30 Октября 1783 года. Предписаніе г. Верженя г-ну Бартелеми, Французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, касательно того же предмета, заключается въ депешѣ отъ 22 Августа 1783 года.

жины своей дипломатической хитрости, чтобы удержать за собою вмѣстѣ и выгоды мира, настоятельно требуемаго грустнымъ положеніемъ ея финансовъ, и политическое вліяніе, доставленное ей честолюбіемъ ея государственныхъ людей.

Первыя попытки Вѣнскаго Кабинета вовлечь въ кругъ своихъ дѣйствій весь Германскій Союзъ были безуспѣшны. Пруссія съ крайнею осторожностію опредѣлила отношенія свои къ Австрійской политикѣ трактатомъ 20-го Апрѣля, оговоривъ въ немъ, что имѣетъ при этомъ въ виду, по мѣрѣ возможности, избѣгнуть всякаго участія въ возгорѣвшейся войнѣ между Россіею съ одной стороны и Западными державами и Турціею съ другой. Когда дошли до нея слухи о приготовляющемся сближеніи Вѣнскаго Кабинета съ Франціею и Англіею, она опять употребила всѣ усилія свои для предотвращенія этого, какъ казалось, рѣшительнаго шага къ разрыву; но графъ Буль подписалъ трактатъ 2-го Декабря и 24-го числа того же мѣсяца поручилъ графу Эстергази пригласить Пруссію къ приведенію своего контингента въ подвижное состояніе. Предложеніе это было отринуто Прусскимъ дворомъ и, будучи передано 22-го Января 1855 года на разсмотрѣніе Германскаго Сейма, вызвало въ немъ сильную оппозицію со стороны Прусскаго Кабинета. Сеймъ, поставленный въ затруднительное положеніе разногласіемъ двухъ первенствующихъ Германскихъ державъ, по обыкновенію своему, согласился на мѣру среднюю и, отвергнувъ требуемую Австріею мобилизацію, согласился только на такъ называемое Kriegsbereitschaft, т. е. на приведеніе союзныхъ войскъ въ такое положеніе, чтобы онѣ всегда могли, по рѣшенію Сейма, быть приведены въ подвижное состояніе въ теченіи двухнедѣльнаго срока.

Между тѣмъ Австрія постоянно стягивала Италійскія войска свои и сосредоточивала ихъ въ Галиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно вѣрная своей двойственной политикѣ, передавала Западнымъ державамъ плоды конфиденціальныхъ сношеній графа Буля съ Русскимъ уполномоченнымъ въ Вѣнѣ. Послѣ двухъ свиданій посланниковъ четырехъ державъ въ Вѣнѣ 28-го Декабря и 7-го Января 1855 года, рѣшено было созвать конференціи. Пруссія въ нихъ не участвовала, не

взирая на неотъемлемое свое право, какъ первостепенная Европейская держава и участница въ трактатѣ 1841 года; но она не согласилась купить это участіе присоединеніемъ своимъ къ Декабрьскому трактату Австріи съ Западными державами.

Конференціи Вѣнскія открылись 3 (15) Марта; онѣ длились 14 засѣданій и кончились только 23 Мая (4 Іюня) представивъ свѣту странное зрѣлище переговоровъ, въ которыхъ всѣ участники дошли до убѣжденія въ возможности возстановить нарушенное согласіе, но изъ коихъ при всемъ томъ не вышло желаннаго мира, потому что на самомъ дѣлѣ мира не хотѣлъ ни императоръ Французовъ, ни лордъ Пальмерстонъ. И тотъ, и другой согласились на переговоры единственно въ надеждѣ встрѣтить упорное сопротивленіе Россіи и окончательно увлечь за собою Австрію; но бѣдствія, постигшія союзныя войска во время похода въ Крыму, стойкое мужество защитниковъ Севастополя и независимое, исполненное опасеній для Австріи, положеніе Пруссіи уже успѣли поколебать минутную рѣшимость Вѣнскаго министерства, и Австрія еще разъ ускользнула изъ объятій императора Французовъ, вмѣсто войскъ и оружія своего оставивъ въ рукахъ его только одинъ лишній проэктъ мирнаго соглашенія, повлекшій за собою паденіе Друэна де Люиса и лорда Росселя. Лордъ Кларендонъ въ засѣданіи Палаты Перовъ 14 (26) Іюня вскорѣ обнаружилъ всю радость своего правительства по случаю неудавшихся переговоровъ, поспѣшивъ торжественно объявить, что отселѣ Франція и Англія считаютъ себя освобожденными отъ всѣхъ принятыхъ ими на себя обязательствъ и признаютъ за собою право предъявлять впредь всякія новыя требованія. Какъ бы то ни было, составъ лицъ, участвовавшихъ въ конференціяхъ, казалось, представлялъ сначала нѣкоторые залоги успѣха. Главный представитель Англіи, лордъ Джонъ Россель, за три недѣли до этого внезапно съ шумомъ покинувшій министерскія скамьи и заживо похоронившій всю администрацію лорда Абердина, по дорогѣ въ Вѣну заѣзжалъ въ Берлинъ и имѣлъ случай на мѣстѣ убѣдиться въ непоколебимости Прусскаго неутралитета: пріѣхавъ въ Вѣну, онъ былъ свидѣте-

лемъ уступчивости борона Буркенея, Французскаго уполномоченнаго и, какъ говорятъ, писалъ даже о ней императору; самъ Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де Люисъ, прибывшій уже въ половинѣ переговоровъ, въ скоромъ времени втайнѣ подчинился миролюбивой Вѣнской атмосферѣ. Засѣданія открылись прямымъ заявленіемъ князя Горчакова, что если кѣмъ бы то ни было предложатся условія мира, несовмѣстныя съ честію Россіи, то она на принятіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не согласится, какія бы послѣдствія ни повлекъ за собою ея отказъ. Съ своей стороны лордъ Россель долженъ былъ признаться, что миръ прочный долженъ по существу быть миромъ честнымъ для Россіи.

Начались пренія о знаменитыхъ четырехъ пунктахъ. Съ совершенною уступчивостію дѣйствовали князь Горчаковъ и г. Титовъ, нелицемѣрно стремясь къ добросовѣстному соглашенію выгодъ Россіи и Европы и непрестанно оговаривая права, купленныя Россіею для пограничныхъ княжествъ цѣною собственной крови. Первыя пять засѣданій привели къ полному обезпеченію и утвержденію политическихъ правъ и независимости Сербіи, Валахіи и Молдавіи, и къ установленію новой системы охраненія торговаго судоходства по Дунаю. Вопросъ о третьемъ пунктѣ, о неутрализаціи Чернаго моря, явился неустранимымъ камнемъ преткновенія. Уполномоченные союзныхъ державъ, сознавая сами несоразмѣрность своихъ требованій, хотѣли предварительно выслушать Русскихъ уполномоченныхъ и, до полученія послѣдними наставленій отъ своего правительства, упорно отказались приступить къ предварительному обсужденію четвертаго пункта, обезпечивавшаго права христіанъ на Востокѣ. Тщетно настаивала на томъ и Австрія; тщетно обращались по телеграфу сами Друэнъ де Люисъ и лордъ Россель къ своимъ правительствамъ съ требованіемъ отъ нихъ на то разрѣшенія: въ Парижѣ и Лондонѣ было хорошо извѣстно, что прѣнія эти возвысятъ положеніе Россіи, дадутъ ей рѣшительное вліяніе на ходъ переговоровъ и отодвинутъ третій пунктъ на степень вопроса второстепеннаго. Когда пришедшія изъ Петербурга наставленія предписали князю Горчакову вы-

ждать предварительнаго сообщенія видовъ союзныхъ державъ на счетъ Чернаго моря, послѣднія должны были, наконецъ, высказать свои требованія, немедленно въ основаніи своемъ отвергнутыя Россіею. Затѣмъ князь Горчаковъ сообщилъ конференціи свои противупредложенія (contrepropositions), основанныя на открытіи Чернаго моря военнымъ флагамъ всѣхъ націй; и когда сообщеніе это было отвергнуто, когда лордъ Россель уже уѣхалъ, князь Горчаковъ, желая истощить всѣ средства примиренія, просилъ созвать еще разъ конференцію, чтобы сдѣлать ей послѣднее предложеніе, уже на старомъ началѣ, mare clausum, поддерживаемомъ и Австріею. Эта попытка имѣла успѣхъ не болѣе первой. За то она позволила Австріи извлечь изъ разногласныхъ мнѣній, выразившихся на конференціи, еще послѣдній средній проэктъ, который она взялась передать Кабинетамъ Французскому и Англійскому, обязываясь въ случаѣ согласія ихъ предложить его Россіи въ видѣ грознаго ультиматума. Но ожесточенное унизительными неудачами общественное мнѣніе въ Англіи и неудовлетворенное еще славолюбіе императора Французовъ требовали продолженія войны. Послѣ бурныхъ преній въ Нижней Палатѣ, лордъ Джонъ Россель вторично вышелъ изъ министерства; равно и Друэнъ де Люисъ, конфиденціально одобрившій Вѣнскій проэктъ, покинулъ портфель свой, передавъ его графу Валевскому, и война возгорѣлась съ новымъ ожесточеніемъ. Циркуляръ Русскаго канцлера возвѣстилъ всѣмъ нашимъ посольствамъ неудовлеворительное окончаніе конференцій, не хотѣвшихъ воспользоваться великодушною уступчивостію нашего правительства; графъ Валевскій отвѣчалъ на него съ своей точки зрѣнія другимъ циркуляромъ отъ 23 Мая. Наконецъ, двѣ оффиціальныя статьи, помѣщенныя въ Journal de S.-Pétersbourg и въ Moniteur, заключили прѣнія; оружіе должно было рѣшить споръ.

Австрія, еще разъ искусно избѣгшая войны, усердно занятая внутренними преобразованіями, продолжала съ напряженнымъ любопытствомъ наблюдать за измѣнчивымъ ходомъ отчаянной борьбы, не воспрещая посланникамъ своимъ принимать участіе въ торжествахъ союзныхъ государей, которыми праздновали они самые двусмысленные успѣхи своего

оружія. Въ концѣ Іюня мѣсяца правительство предписало первое, значительное сокращеніе арміи; а 18-го Августа спѣшило заключить съ папою выгодный для Рима конкордатъ, дабы по возможности противодѣйствовать въ Италіи Французскому и Сардинскому вліянію.

Съ своей стороны Западныя державы продолжали начатую войну, не прерывавшуюся и во все время конференцій, заранѣе стараясь обезпечить себя новыми союзниками. 26-го Января Сардинія подписала съ ними въ Туринѣ трактатъ, по коему обязалась выставить въ Крымъ вспомогательный корпусъ въ 15,000 человѣкъ, получивъ въ замѣну того отъ Франціи и Англіи заемъ въ 50,000,000 франковъ по 4%, изъ которыхъ 1 % долженъ ежегодно быть обращаемъ на постепенное погашеніе долга. Съ тѣми же предложеніями дружбы своей и тѣми же просьбами о военной помощи обратились около того же времени въ Февралѣ мѣсяцѣ союзники и къ королю Неаполитанскому; но онъ остался непреклоненъ, и всѣ усилія Австріи, всѣ позднѣйшія угрозы Франціи и Англіи не могли измѣнить его образа мыслей и заставить его отступить отъ самаго строгаго неутралитета.

Излишне было бы повторять подробности достопамятной войны 1855 года. Свѣжа еще въ памяти каждаго Русскаго исполинская борьба, длившаяся одиннадцать мѣсяцевъ на Севастопольскихъ насыпяхъ; памятны ему и на вѣки незабвенны имена героевъ, „легшихъ тамъ костьми, да не посрамится земля Русская“; памятны также подвиги оружія нашего въ другихъ мѣстахъ совершившіеся, гдѣ въ большихъ, гдѣ въ меньшихъ размѣрахъ, но всегда и вездѣ одушевленные удивительнымъ геройствомъ, безграничною любовію къ Отечеству и полною преданностію къ Вѣрѣ Православной. Блистательное отбитіе приступа въ Маѣ, неудачный, но тѣмъ не менѣе честный бой на Ѳедюхиныхъ высотахъ, славная защита Севастополя въ роковой день послѣдняго приступа, наконецъ безпримѣрное отступленіе войска изъ пылающихъ развалинъ Южной части города на Сѣверную сторону, стяжали, какъ всему Черноморскому флоту, такъ и офицерамъ и солдатамъ Крымской арміи, безсмертіе въ лѣтописяхъ военныхъ. Нельзя не сказать также, что ошибки союзныхъ пол-

ководцевъ не были ни маловажны, ни рѣдки, и что всѣхъ ихъ, даже и счастливаго маршала Пелисье, ожидаетъ въ будущемъ строгій судъ военной исторіи. На долю ея придется сказать со временемъ —позволительно ли было штурмовать Севастополь въ Маѣ мѣсяцѣ, не достигнувъ сперва ни одного изъ предварительныхъ результатовъ, необходимыхъ для успѣха приступа; не благоразумнѣе ли было бы замѣнить продолженіемъ бомбардировки и второй приступъ, стоившій обоимъ союзнымъ войскамъ такихъ страшныхъ потерь; наконецъ, простительно ли было непріятельскимъ полководцамъ, послѣ паденія Южнаго Севастополя, провести цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи, имѣя въ Евпаторіи большое, совершенно безполезное войско, тогда какъ самый нехитрый здравый смыслъ указывалъ имъ на Николаевъ, какъ на естественную цѣль немедленнаго похода.

Не менѣе честна для Россіи была борьба ея съ врагами и въ морѣ Балтійскомъ, подъ стѣнами Свеаборга, и въ особенности въ Турецкой Азіи и въ водахъ Тихаго Океана. Паденіе Карса, этого оплота Азіатскихъ областей Турціи, послѣ продолжительной упорнѣйшей блокады, дѣлающей особенную честь мужеству и безропотной дисциплинѣ Русскаго солдата, было событіемъ громкимъ въ Азіатской политикѣ и, независимо отъ временной стратегической важности своей, надолго нанесло тяжкій ударъ Англійскому преобладанію въ Средней Азіи. Бѣдственный опытъ вторженія въ Мингрелію Омера-паши, кончившійся совершеннымъ разстройствомъ послѣдней Турецкой арміи и доказавшій Европѣ, что владычество Россіи въ Грузіи основано на прочныхъ началахъ любви и приверженности къ ней всего христіанскаго народонаселенія, довершилъ въ этой части свѣта успѣхи Русскаго оружія и заставилъ Англію трепетать, на случай продолженія войны, за судьбу Эрзерума и Англо-Азіатской торговли. Всѣ эти событія имѣли естественно немаловажное вліяніе на отношенія Персіи къ Россіи и Англіи; дружественное расположеніе къ намъ шаха возрастало съ каждымъ днемъ и побудило его, наконецъ, отправить въ С.-Петербургъ чрезвычайное посольство для окончательнаго скрѣпленія взаимныхъ узъ. Англійское вліяніе, ужъ съ самаго начала войны постепен-

но слабѣвшее въ Тегеранѣ, потерпѣло послѣдній ударъ вслѣдствіе ссоры съ Персидскимъ правительствомъ Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Муррея, подражавшаго въ Тегеранѣ пріемамъ сира Стратфорда Редклифа. Вспыльчивый Муррей принужденъ былъ оставить столицу шаха и удалиться въ отдаленный пограничный городъ Персіи, оставивъ полный просторъ въ ней Русскому вліянію. Наконецъ, взятіе Герата, этой важнѣшей станціи сухопутнаго сообщенія съ сѣверною Индіею, Афганскимъ княземъ Юсуфомъ, при дѣятельномъ участіи въ томъ Персидскаго двора, и объявленіе Юсуфа себя подручникомъ Персіи, заключаетъ картину постоянныхъ неудачъ Британской политики въ Средней Азіи въ 1855 году. Онѣ повторялись и въ другой, самой дальной восточной области Азіи, въ устьяхъ Амура и водахъ Тихаго Океана, гдѣ труднѣе всего было бы Россіи ожидать успѣха, по незначительности своихъ тамъ средствъ и страшной отдаленности отъ средоточія государственнаго управленія. Но и тамъ мужество и дѣятельная распорядительность главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, вице-адмирала Путятина, генерала Завойки, генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева и преосвященнаго Иннокентія успѣли, при обычномъ Русскомъ самоотверженіи ввѣренныхъ имъ войскъ, превозмочь всѣ трудности, свято сохранить честь отечественнаго флага и упрочить навсегда за Россіею существенныя выгоды. Памятникомъ имъ останутся на вѣки много обѣщающіе новые поселки наши на Амурѣ и заключенный адмираломъ гр. Путятинымъ трактатъ съ Японіею, безъ сомнѣнія богатый послѣдствіями для вліянія нашего на Восточную Азію.—Если внимательно прослѣдить и разобрать всѣ военныя дѣйствія 1855 года, то нельзя не признаться, что онѣ представили весьма различные результаты для славы оружій Французскаго и Англійскаго; еще и теперь существуютъ во всей своей силѣ всѣ нелестныя для послѣдняго сравненія, вызванныя уже первыми событіями предшествовавшей кампаніи. Военный духъ Французской націи и крѣпкая, могучая организація военныхъ силъ Французскихъ, основанная Наполеономъ I и съ тѣхъ поръ преемственно развиваемая, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, всѣми другъ за другомъ слѣдовавшими правительствами, особенно же семей-

ствомъ Орлеанскимъ, съ самаго начала войны доставили Французской арміи тотъ огромный нравственный перевѣсъ, который еще болѣе, нежели перевѣсъ числительный, немедленно выдвинулъ Францію на первый планъ и сдѣлался предметомъ постоянной, но безсильной зависти Британскаго правительства и всей Англійской націи. День паденія Малахова кургана былъ днемъ торжества Французскихъ легіоновъ не надъ Русскими войсками, въ коихъ привыкли они въ теченіи одинадцатимѣсячной осады видѣть достойныхъ преемниковъ героевъ Бородинскихъ, но надъ опозоренными своими Британскими союзниками, и онъ омылъ для нихъ горькія воспоминанія бѣдствій Франціи подъ Ватерлоо.

Эта унизительная роль, разыгранная Англійскимъ войскомъ въ хвостѣ Французскихъ легіоновъ, отозвалась громовыми ударами въ настроеніи общественнаго мнѣнія и въ политической конституціи острова, уже давно привыкшаго къ преобладающему голосу въ дѣлахъ Европы и къ легкимъ торжествамъ извилистой и всегда своекорыстной политики. Насталъ день горькихъ размышленій: зимою 1854—1855 года Англійская публика съ ужасомъ, уже болѣе 40 лѣтъ ей незнакомымъ, узнала, что Крымская армія ея уже не существуетъ, что отъ всего блистательнаго войска, при столь громкихъ надеждахъ и похвальбахъ отправлявшагося на Востокъ, остались однѣ незначительныя кадры полковъ; что рядомъ съ хорошо содержимымъ и исправнымъ Французскимъ войскомъ безпрестанно умираетъ отъ болѣзней и лишеній цвѣтъ Англійскихъ солдатъ, что конница лишилась всѣхъ лошадей своихъ, офицеры спѣшатъ покинуть полки и возвратиться въ отечество, а рядовые толпами перебѣгаютъ къ непріятелю, предпочитая неминуемой погибели позоръ дезертирства. Полуоффиціальный органъ министерства, Morning Post, долженъ былъ 25-го Февраля оффиціально признаться, что въ Крыму состоитъ подъ ружьемъ только 24,631 человѣкъ; Times ожесточенно и, какъ въ послѣдствіи оказалось, справедливо обличалъ его во лжи, утверждая, что изъ 53,000 отправленнаго на Востокъ Британскаго войска осталось дѣйствительно годныхъ къ службѣ не болѣе 10,000 человѣкъ. Неумѣстная искренность газетъ въ обсужденіи

явленій Крымской кампаніи дошла наконецъ до того, что грозная статья Французскаго Монитера, отъ 11-го Февраля, взялась напомнить имъ объ опасности подобной полемики и признаній въ военное время и настоятельно потребовала большей скромности. Впечатлѣніе, произведенное этими грустными извѣстіями на Англійскій народъ, какъ нельзя лучше, выражается недавними словами одной Англійской газеты: „Зима 1854—1855 года, говоритъ она, не скоро будетъ забыта Англичанами. То было время страшныхъ предзнаменованій, страданій невыразимыхъ; народъ предался самымъ сильнымъ обвиненіямъ, какъ бы какимъ сатурналіямъ... Всякій, кто только могъ писать или говорить, самовольно облекалъ себя въ званіе члена комитета общественной безопасности; конституціонное ученіе объ отвѣтственности министровъ было съ полнымъ ожесточеніемъ вызвано къ жизни; всякій требовалъ немедленнаго отправленія коммисаровъ въ Крымскую армію, подобно тому, какъ посылалъ ихъ нѣкогда Французскій Революціонный Конвентъ для освидѣтельствованія армій Республики; мы увидѣли, наконецъ, истинную, совершенную революцію въ домашнемъ управленіи нашемъ; само правительство отправило таковыхъ коммисаровъ въ Крымъ для произведенія слѣдствія надъ нашими генералами“...

Что можно прибавить къ подобной картинѣ?

Среди этого страшнаго волненія общественнаго мнѣнія, министерскіе кризисы съ неимовѣрною быстротою слѣдовали одинъ за другимъ, доставляя впрочемъ публикѣ лишь частное удовлетвореніе. Первый толчекъ былъ данъ знаменитымъ предложеніемъ г. Робока, требовавшаго, чтобъ Нижняя Палата нарядила коммиссію для изслѣдованія дѣйствительнаго состоянія Крымской арміи и истины сыпавшихся со всѣхъ сторонъ обвиненій. Нѣсколькими днями позднѣе сиръ Чарлзъ Непиръ, на оффиціальномъ обѣдѣ лорда-мера Лондонскаго, осыпалъ бранью и сарказмами лордовъ Адмиралтейства и громогласно вызывалъ ихъ на объясненія въ Парламентѣ, требуя, въ случаѣ несправедливости его показаній, немедленнаго исключенія своего изъ списка состоящихъ на службѣ адмираловъ.

Предложеніе Робока, благодаря враждебному настроенію общественнаго мнѣнія, а отчасти и двусмысленному поведенію лорда Джона Росселя, поспѣшившаго измѣнить своимъ товарищамъ и выйти въ отставку 25-го Января, наканунѣ обсужденія возвѣщеннаго предложенія, имѣло новый, дотолѣ небывалый успѣхъ: оно прошло большинствомъ 305 голосовъ противъ 148. Лордъ Абердинъ и товарищи его, выслушавши въ полномъ смыслѣ справедливый приговоръ надъ ними націи, сложили съ себя власть и немедленно подали въ отставку. Настало долговременное, такъ сказать, между-правленіе. Тщетно обращалась королева къ вождямъ главныхъ партій — къ лорду Ландсдоуну, къ графу Дерби, испрашивая ихъ совѣтовъ и поручая составить новыя управленія. Партіи, раздробившіяся до безконечности, существовали уже только по имени, и Англія должна была съ ужасомъ убѣдиться въ несостоятельности своей старой парламентской системы; лучшіе люди Англіи, и Баринтъ, одинъ изъ первыхъ Лондонскихъ банкировъ, и Ленгъ, извѣстный директоръ многихъ компаній желѣзныхъ дорогъ, отказывались принять участіе въ управленіи. За отсутствіемъ политической партіи, довольно сильной, чтобы твердою рукою взять кормило правленія, кинутаго на произволъ слѣпаго случая, оно опять досталось въ руки человѣка, не смотря на лѣта и аристократическое положеніе свое въ обществѣ, умѣвшаго сохранить и развить въ себѣ удивительную способность примѣнять мнѣнія и убѣжденія свои къ измѣнчивымъ теченіямъ народнаго произвола. Лордъ Пальмерстонъ окончательно составилъ новое министерство или, лучше сказать, въ качествѣ первенствующаго министра остался во главѣ правленія съ прежними товарищами своими, за исключеніемъ только троихъ. Лордъ Россель назначенъ уполномоченнымъ на Вѣнскихъ конференціяхъ; а для удовлетворенія взволнованнаго общественнаго мнѣнія, двѣ до тѣхъ поръ разрозненныя вѣтви военнаго управленія, взаимная независимость коихъ была конечно одною изъ причинъ Крымскихъ неудачъ, поручены были вѣдомству лорда Панмюра, отселѣ сдѣлавшагося уже въ истинномъ смыслѣ министромъ военныхъ силъ. Но общественное мнѣніе не удо-

Социалистическая библиотека

влетворялось еще такими незначительными уступками, временный представитель его, Робокъ, спѣшилъ возобновить предложеніе свое и просить Нижнюю Палату окончательно назначить составъ Слѣдственной Коммиссіи, избравъ въ нее членовъ изъ среды своей. Не имѣя силы отклонить отъ правительства новую грозу и твердо рѣшившись, во что̀ бы ни стало, сохранить за собою съ такими усиліями пріобрѣтенное званіе первенствующаго министра, лордъ Пальмерстонъ согласился теперь на предложеніе, отвергнутое имъ за мѣсяцъ, когда онъ еще былъ простымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Кабинетѣ лорда Абердина, и заранѣе согласился только съ Робокомъ въ выборѣ лицъ, которыя должны были составить коммиссію. Не такъ думали пилисты, немедленно поспѣшившіе разстаться съ первымъ министромъ, которыхъ онъ замѣнилъ людьми совершенно незначительными. Лордъ Джонъ Россель, въ то время уже отсутствовавшій, опять назначенъ министромъ: ему вручили управленіе колоніями, но онъ также не долго оставался въ этомъ столько уже разъ подвергавшемся преобразованіямъ министерствѣ, и разсорился съ нимъ въ конецъ, по случаю дипломатическаго порученія своего въ Вѣнѣ.

Кромѣ дробности обмелѣвшихъ и разбившихся на многіе оттѣнки политическихъ партій, эти безпрерывныя колебанія власти вызывались еще другимъ обстоятельствомъ, тѣсно связаннымъ со всею внутреннею Британскою жизнію. Дѣло въ томъ, что съ изданіемъ билля о реформѣ и съ развитіемъ промышленности, желѣзныхъ дорогъ и компаній, политическое вліяніе перешло совершенно изъ рукъ аристократіи въ руки средняго и даже, еще болѣе, въ руки второстепеннаго торговаго класса. Этотъ классъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на старый порядокъ вещей, испещренный всякаго рода привиллегіями, которыя въ настоящей Англійской конституціи лишаютъ его, не смотря на многочисленность и дѣйствительное могущество, всякаго прямаго вліянія на дѣла, предоставляя ему, вмѣсто участія въ Нижней Палатѣ, лишь право шумно выражать мнѣнія на митингахъ. Явленіе это не ускользнуло отъ взоровъ благородныхъ лордовъ и въ настоящую войну вызвало отчаянный вопль ихъ, хотя

конечно не навело ихъ на истинную причину зла. Лордъ Элленборо уже въ Маѣ мѣсяцѣ говорилъ въ Палатѣ Перовъ: „Я внимательно наблюдаю за ходомъ событій въ нашемъ отечествѣ и убѣждаюсь, что предъ глазами нашими совершается великій и опасный переворотъ въ конституціонномъ механизмѣ. Было время, когда общественнымъ мнѣніемъ руководили парламентскія прѣнія, когда, даже послѣ кратковременнаго вліянія агитаторовъ на народъ, въ промежуткахъ парламентскихъ засѣданій, собравшіяся палаты постоянно вновь успѣвали овладѣвать общимъ направленіемъ умовъ. Боюсь сказать, но все это теперь уже измѣнилось. Я съ ужасомъ вижу, что теперь общественное мнѣніе образуется уже внѣ палатъ и извнѣ на нихъ напираетъ". Еще яснѣе выразился графъ Дерби, обращаясь къ тѣмъ же лордамъ, и притомъ съ тѣмъ наивнымъ сожалѣніемъ объ отжившемъ порядкѣ вещей, которое можетъ служить лучшимъ ручательствомъ за откровенность замѣчаній. „До билля о реформѣ, говоритъ онъ, мы имѣли значительное число избирательныхъ коллегій, находившихся подъ непосредственнымъ контролемъ аристократическихъ или богатыхъ семей и обыкновенно называвшихся „гнилыми мѣстечками". Какъ бы ни были эти коллегіи недостаточны въ устройствѣ своемъ и противны духу конституціи, онѣ доставляли удобный и легкій входъ въ Парламентъ людямъ молодымъ, еще неизвѣстнымъ публикѣ и съ раннихъ лѣтъ избравшимъ себѣ политическое поприще не столько изъ денежныхъ выгодъ, сколько по своей врожденной склонности къ этого рода занятіямъ. Билль о реформѣ закрылъ эту постоянно растворенную дверь въ Парламентъ, и вдругъ изсякъ этотъ плодовитый разсадникъ государственныхъ людей. Теперь большіе города стали избирать людей, конечно весьма способныхъ, но за то зрѣлыхъ, сдѣлавшихъ себѣ уже имя на разныхъ жизненныхъ путяхъ, адвокатовъ, промышленниковъ, погруженныхъ въ значительныя дѣла... Изъ всего этого слѣдуетъ, что Парламентъ заключаетъ въ себѣ теперь несравненно менѣе людей, воспитанныхъ и взрощенныхъ для политической профессіи, чѣмъ ихъ было до изданія билля о реформѣ"...

Весьма замѣчательно это наивное сожалѣніе объ отжившихъ злоупотребленіяхъ въ ту самую минуту, когда злоупотребленія, еще сохранившіяся, ополчаютъ противъ себя единодушный протестъ всего народа; но оно изобличаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и присутствіе въ нынѣ существующей системѣ парламентскаго представительства явныхъ и несомнѣнныхъ недостатковъ, грозящихъ Англійской конституціи дѣйствительною опасностію, если не будутъ они устранены новымъ полнѣйшимъ преобразованіемъ системы избирательства. Впрочемъ, вопросъ объ электоральной реформѣ еще не былъ поднятъ, и самое имя ея не было произнесено въ 1855 году, хотя ей безъ сомнѣнія суждено въ скоромъ времени сдѣлаться существеннѣйшимъ вопросомъ внутренней Британской политики. За то общественное мнѣніе, подстрекаемое ежедневными требованіями войны, стало единодушно настаивать на необходимости преобразованія всѣхъ частей управленія, преобразованія полнаго, безусловнаго. Въ Маѣ мѣсяцѣ составилось, на подобіе прежней Кобденовской лиги, общество административной реформы и произвело сильное движеніе по всему королевству: пилисты соединились съ торіями и другими врагами министерства; протестъ коснулся всѣхъ злоупотребленій,—отсутствія централизаціи, продажности военныхъ чиновъ, монополіи должностей въ рукахъ аристократіи, привиллегій королевской гвардіи, независимаго положенія главнокомандующаго арміею, награждающаго офицеровъ, помимо и вопреки военнаго министерства, наконецъ даже самаго состава Палаты Перовъ. Ожидая исправленія зла лишь отъ напряженнаго состоянія, въ коемъ война содержала всѣ умы, общественное мнѣніе настойчиво требовало продолженія ея, страшась, чтобъ съ возстановленіемъ мира не заснуло правительство; и только въ послѣдствіи стало оно вновь прислушиваться къ заглушеннымъ дотолѣ голосамъ Кобдена и Брайта.

Впрочемъ, это вмѣшательство общественнаго мнѣнія въ дѣла государственныя было для Англіи въ высшей степени спасительно: раскрывая зло, оно съ неподкупной откровенностію указывало вмѣстѣ съ тѣмъ и на лучшіе способы врачеванія, и доставило чрезъ то правительству средство вве-

сти значительныя улучшенія въ военномъ устройствѣ. Огромное усиленіе флота, преимущественно бомбардами и канонирскими лодками, доведеніе сухопутнаго войска до цифры, прежде въ Англіи никогда неслыханной, наконецъ исправное и бодрое состояніе Крымской арміи къ веснѣ 1855 года, были прямыми и непосредственными послѣдствіями годоваго движенія и еще разъ явили свѣту выгоды свободнаго слова и развитаго общественнаго мнѣнія передъ невѣжественнымъ самодовольствомъ коснѣнія.

Война, внезапно вызвавшая Европу къ дѣятельности на новомъ, давно покинутомъ ею поприщѣ, стоила ей страшныхъ усилій и огромныхъ вещественныхъ пожертвованій: когда довершится нынѣшній годъ и представлены будутъ всѣми правительствами Европы отчеты за него, тогда финансовая статистика исчислитъ съ совершенною точностію и опредѣлительно скажетъ, чего стоило Европѣ разрушеніе Севастопольскихъ доковъ. Теперь можно представить уже нѣсколько отрывочныхъ данныхъ, которыхъ совокупность достаточна, чтобъ обнаружить совершенную несоразмѣрность употребленныхъ средствъ и достигнутыхъ политическихъ цѣлей. Еще яснѣе сдѣлается она тогда, когда, по обнародованіи правительствомъ нашимъ отчета за нынѣшній годъ кредитныхъ учрежденій, можно будетъ приблизительно указать на финансовыя послѣдствія для насъ настоящей войны, далеко не обременившей государственнаго нашего казначейства такимъ страшнымъ долгомъ, въ какой вовлечена Европа. Вотъ главныя данныя для опредѣленія финансоваго положенія послѣдней. Въ теченіи 1854 г. война стоила Англіи уже 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; бюджетъ за 1855 годъ опредѣлилъ содержаніе войска и флота въ 49,812,000 ф. ст., изъ которыхъ 33,500,000 вызваны были исключительно чрезвычайными военными издержками. Скажемъ однако къ чести Англійскихъ финансовъ, что эти страшныя издержки покуда повлекли за собою меньшіе займы, чѣмъ во Франціи; Англійское казначейство, съ начала войны до 1856 года, удовольствовалось займомъ въ 16,000,000 ф. ст. и выпускомъ билетовъ казначейства въ 7,000,000 ф. ст. И въ возвышеніи налоговъ оно нашло для веденія войны такія средства, какихъ

ни одно другое Европейское государство не въ силахъ извлечь внезапно изъ этого источника: кромѣ усиленія подати на чай и сахаръ, одно удвоеніе прямой подати съ доходовъ немедленно доставило правительству излишекъ годоваго дохода въ 8 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и доказало, что усиленіе до 10% этого справедливѣйшаго и разумнѣйшаго во всякомъ развитомъ обществѣ источника государственныхъ доходовъ можетъ доставить Британскому правительству до 24,000,000 ф. ст. въ годъ, т. е. около $^2/_5$ всего государственнаго бюджета въ мирное время. Нельзя не изумиться подобному развитію народнаго благосостоянія! Императоръ Французовъ, по самому положенію своему естественно менѣе скупой на займы, ввелъ лишь нѣсколько незначительныхъ налоговъ, изъ которыхъ главный состоялъ въ возвышеніи всѣхъ прямыхъ податей еще на десять процентовъ, что̀ должно доставить казначейству около 50 милліоновъ франковъ въ годъ; чрезвычайные военные расходы удовлетворились во Франціи почти исключительно тремя другъ за другомъ послѣдовавшими отвержденными займами въ 250, 500 и 780 милліоновъ, изъ коихъ къ 1 Января 1856 года Французское правительство получило уже 1,120 милліоновъ франковъ и, какъ видно изъ отчета министра финансовъ отъ 15 Января сего года, издержало уже на войну цѣлый милліардъ въ теченіи 1854 и 1855 годовъ. Изъ оффиціальныхъ сообщеній, сдѣланныхъ Туринскимъ законодательнымъ палатамъ Сардинскими министрами, слѣдуетъ, что война до нынѣшняго 1-го Января должна была обойтись Сардиніи въ 74,500,000 франковъ; почему, кромѣ первоначальнаго займа, сдѣланнаго у Франціи и Англіи въ 50 милліоновъ, открытъ еще второй заемъ въ 30 милліоновъ франковъ.... Наконецъ, и Турція не дешево купила мнимое освобожденіе свое отъ иноземныхъ вліяній. Конечно, невозможно исчислить всѣхъ страшныхъ пожертвованій, наложенныхъ на нее войною и извлеченныхъ изъ нея правительствомъ Турецкимъ въ видѣ разныхъ натуральныхъ повинностей и поборовъ, которыхъ невыносимая тягость для народа усиливалась еще неизбѣжнымъ отсутствіемъ уравненія ихъ и постоянными злоупотребленіями при взиманіи; но кромѣ

этихъ всегда тощихъ и скудныхъ средствъ, обыкновенно составляющихъ первую основу всѣхъ необразованныхъ и мало развитыхъ финансовыхъ управленій, Турецкое правительство было вовлечено и въ немалые расходы денежные. Изъ обнародованнаго имъ отчета видно, что съ 27 Мая 1853 года по 27 Августа 1855 года, въ теченіи 28 мѣсяцевъ, однѣ чрезвычайныя денежныя издержки дошли до баснословной для Турціи цифры 11,200,000 фунтовъ стерлинговъ. Издержки эти, кромѣ выпуска ассигнацій почти на 1,500,000 ф. ст., удовлетворялись еще двумя займами, въ 3 милліона фунтовъ стерлинговъ въ Августѣ 1854 года и въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ Іюнѣ 1855, изъ коихъ послѣдній обезпеченъ ручательствомъ Франціи и Англіи и, кромѣ того, въ видѣ спеціальнаго залога, Египетскою данью и таможенными доходами Сирійскими и Смирнскими.

Если взять въ соображеніе, что первоначальныя смѣты всегда и вездѣ оказываются ниже дѣйствительныхъ расходовъ, что, не смотря на заключеніе мира, чрезвычайныя Европейскія вооруженія не могутъ быть вдругъ сокращены и переведены на мирную ногу и что обратная перевозка войскъ и снарядовъ изъ Крыма будетъ стоить огромныхъ суммъ: то можно уже теперь съ достовѣрностію предположить, что совокупность этихъ послѣднихъ расходовъ съ 1-го Января 1856 года никакъ не можетъ быть ниже половины всѣхъ военныхъ издержекъ, предшествовавшихъ этому дню и, согласно выше-приведеннымъ оффиціальнымъ цифрамъ, простиравшихся до громадной суммы 2,600 милліоновъ франковъ. Такимъ образомъ къ 1857-му году однѣ чрезвычайныя военныя издержки обойдутся Англіи, Франціи, Сардиніи и Турціи въ 4 милліарда; не говоря о тѣхъ расходахъ, въ которые самая обыкновенная осторожность должна была вовлечь Пруссію съ Германскимъ союзомъ, Швецію и Данію, и которые добровольно нажила себѣ Австрія своею двойственною политикою. Одна Пруссія, не смотря на благоразумную бережливость и примѣрное управленіе свое, издержала на чрезвычайные военные расходы, по исчисленію газеты Берлинской биржи, въ теченіи 1854 года 4,135,000 талеровъ, а въ теченіи 1855 года ежемѣсячно по 1,685,000 талеровъ.

Спрашиваемъ у каждаго безпристрастнаго человѣка въ Европѣ: не слишкомъ ли дорого куплено цѣною этихъ вещественныхъ пожертвованій и всей пролитой человѣческой крови то временное преобладаніе Западной политики въ дѣлахъ Турціи, которое вовсе неестественно и вовсе незаконно, а потому и не можетъ долго продолжаться въ нынѣшней мѣрѣ своей, вопреки ничѣмъ несокрушимому вліянію единовѣрія и вѣковыхъ преданій? Спрашиваемъ также у каждаго добросовѣстнаго Англичанина: неужели капиталъ въ 75 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (475 милл. р. сер.), издержанный одной Англіею для временной отсрочки неминуемой судьбы Турціи, можетъ когда-нибудь окупиться для нея успѣхами торговли ея въ Левантѣ, особенно при неизбѣжномъ совмѣстничествѣ промышленности Австрійской, когда и теперь, подъ вліяніемъ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ для ввоза туда товаровъ въ замѣнъ грубыхъ произведеній, потребляемыхъ въ Турціи Англійскими войсками и флотомъ, ввозъ этотъ, по словамъ Англійскаго же журнала Economist, въ 1854 году не превзошелъ 8,119,000 ф. ст.? Не очевидно ли всякому, что капиталъ, однажды непроизводительно поглощенный издержками военными, не успѣетъ вновь составиться этимъ косвеннымъ путемъ?

Впрочемъ, отличительною чертою только что прожитой Европою эпохи кровопролитной брани можетъ служить то обстоятельство, что рядомъ и одновременно съ этимъ страшнымъ непроизводительнымъ потребленіемъ капиталовъ шло повсемѣстно энергическое движеніе народовъ на поприщѣ промышленнаго преуспѣянія. Въ Англіи, водрузившей съ 1846 года знамя свободной торговли и издавна сильной самодѣятельностію общества на всѣхъ путяхъ жизни, правительство не имѣло нужды въ искусственномъ направленіи народа на эту знакомую ему стезю, гдѣ онъ уже давно привыкъ являться вожатаемъ Европейской гражданственности. Въ Пруссіи и Сѣверной Германіи дѣло также сдѣлалось само собою, при содѣйствіи благоразумной либеральной политики правительства въ вопросахъ народной промышленности и подъ вліяніемъ благопріятной для Сѣверно-Германской торговли блокады Русскихъ Прибалтійскихъ портовъ, напра-

вившей весь транзитъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Западною Европою черезъ Пруссію и сопредѣльныя съ нею Нѣмецкія государства и сдѣлавшейся для нихъ источникомъ самыхъ выгодныхъ оборотовъ. За то въ Австріи и во Франціи, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, сами правительства спѣшили стать во главѣ промышленнаго движенія и тѣмъ сообщить ему усиленную жизнь, нечуждую, быть можетъ, и нѣкотораго лихорадочнаго характера.

Во Франціи такое направленіе общественной дѣятельности безъ сомнѣнія въ высшей степени соотвѣтствовало личнымъ выгодамъ Людовика Наполеона, для котораго лучшимъ ручательствомъ собственнаго владычества надъ Франціею служитъ конечно всецѣлое, полное поглощеніе всѣхъ способностей и всей дѣятельности народа не одною войною, но и разнообразнѣйшими предпріятіями промышленности и торговли. Кипящій трудъ въ обширныхъ мастерскихъ, наполняющихъ предмѣстья Парижа и Ліона, развитіе земледѣлія, долженствующее по возможности противоборствовать чрезмѣрному притоку сельскаго народонаселенія въ столицу, учрежденіе огромныхъ казенныхъ работъ въ самомъ Парижѣ для занятія праздныхъ, всегда готовыхъ къ волненію ремесленниковъ, естественно должны были сдѣлаться первою и главною заботою хитраго правителя. Эти небезкорыстныя заботы о развитіи всякаго рода промышленной дѣятельности находили себѣ отчасти оправданіе и въ постигшемъ Западную Европу, и въ особенности Францію, голодѣ, непосредственно послѣдовавшемъ за годомъ (также довольно скуднымъ по урожаю хлѣбовъ), когда цѣны на муку дошли въ Парижѣ въ концѣ Августа мѣсяца до 100 франковъ и 25 сантимовъ за куль во 157 килограмовъ (около $9^1/_2$ пудъ), а къ 1-му Декабря 1855 года возвысились даже до 111 франковъ; когда Moniteur долженъ былъ оффиціально возвѣстить Франціи необходимость ввоза извнѣ по крайней мѣрѣ 7 милліоновъ гектометровъ (9,600,000 четвертей), въ пополненіе необходимаго годоваго запаса для народнаго продовольствія, а самыя умѣренныя и основательныя изъ неоффиціальныхъ газетъ Французскихъ показывали хлѣбный недостатокъ въ полтора раза большій.—Впрочемъ, кромѣ

этихъ случайныхъ поводовъ и эгоистическихъ расчетовъ, дѣйствіями императора Французовъ руководили также болѣе обширные помыслы, почерпнутые имъ изъ внимательнаго изученія современныхъ потребностей Французскаго общества и ошибокъ предшествовавшихъ ему правленій. Соображаясь съ добытыми уже значительными успѣхами внутренней промышленности, настоятельно требовавшей болѣе свободнаго ввоза всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для фабричной разработки и отселѣ въ свободномъ соперничествѣ другихъ народовъ долженствовавшей найти себѣ полезное поощреніе, Людовикъ Наполеонъ спѣшилъ отмѣнить обветшалую охранительную политику, нажившую столько враговъ Орлеанскому дому. Переходъ правительства къ новому воззрѣнію и новой системѣ былъ, такъ сказать, торжественно возвѣщенъ оффиціальною газетою, помѣстившею въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ столбцахъ своихъ длинную статью, доставленную изъ министерства торговли, гдѣ подробно исчислялись всѣ разнообразныя выгоды, извлеченныя Англіею изъ экономическаго переворота Сиръ-Р. Пиля. Вскорѣ новыя начала стали получать и практическое приложеніе: нѣсколько одно за другимъ послѣдовавшихъ постановленій значительно понизили привозныя пошлины съ чугуна, разныхъ сортовъ желѣза и стали, всякихъ паровыхъ машинъ, желѣзныхъ инструментовъ и орудій, съ шерсти, съ поташнаго гидрохлората и смолистыхъ веществъ, измѣнили самыя основанія раскладки многихъ изъ этихъ пошлинъ; наконецъ, въ видѣ временной мѣры, допустили безпошлинный привозъ во Францію всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для корабельной постройки, и разрѣшили самую покупку готовыхъ судовъ за границею, съ платою въ казну только десяти-процентной пошлины со стоимости. Въ тоже самое время счастливое подражаніе первой Всемірной Лондонской выставкѣ собирало въ Парижѣ всѣ чудеса современной промышленности, въ теченіе 198 дней ежедневно созывая въ стѣны роскошныхъ палатъ своихъ среднимъ числомъ около 23,000 частію любопытныхъ, частію праздныхъ зрителей *).

*) Извѣстно, что Лондонская выставка въ теченіи своего 165-дневнаго существованія имѣла среднимъ числомъ ежедневно 36,000 посѣтителей.

Въ Австріи, гдѣ съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія неоднократно повторявшееся государственное банкротство сдѣлалось явленіемъ какъ бы естественнымъ и должнымъ, всѣ мѣры, предпринятыя правительствомъ для возбужденія успѣховъ народной промышленности, естественно должны были клониться главнымъ образомъ къ возможному улучшенію этого бѣдственнаго порядка вещей, а потому и носить на себѣ отпечатокъ постоянной, преимущественной заботы о финансовой прибыли казны. Трудно рѣшить, соотвѣтствуетъ ли силамъ одного человѣка, какъ бы ни былъ онъ даровитъ, многосложная задача, павшая на долю новаго министра финансовъ, г. Брука, успѣетъ ли онъ возстановить жизненныя силы въ отживающемъ организмѣ и спасти государство отъ окончательной несостоятельности, подготовленной полувѣковыми систематическими ошибками и лишь посредствомъ сверхъ-естественныхъ усилій со дня на день до нынѣ отсрочиваемой. Какъ бы то ни было, безпристрастному наблюдателю нельзя смотрѣть безъ истиннаго уваженія на благородную личность человѣка, посвятившаго отечеству своему обширныя способности и неутомимый трудъ и не отчаявшагося въ будущности родной земли своей, не взирая на всѣ видимые признаки ея упадка. Коротко знакомый съ потребностями областей Турецкихъ, онъ прежде всего приложилъ всѣ заботы свои къ поощренію и усиленію дѣятельности торговаго общества Лойда и къ открытію ему обширнаго поприща на богатомъ рынкѣ Балканскаго полуострова и Малоазіатскаго прибережья. Съ другой стороны обращено вниманіе на приведеніе таможенныхъ тарифовъ въ ближайшее соотношеніе съ Сѣверо-Германскими и утверждено, по образу Парижскаго Crédit Mobilier, на 90 лѣтъ Императорское Австрійское привиллегированное учрежденіе для торговли и промышленности, съ капиталомъ во 100 милліоновъ гульденовъ (65 милл. р. сер.) звонкою монетою, основанное банкирами Ротшильдомъ и Леммелемъ въ соединеніи съ знатнѣйшими Австрійскими дворянскими домами. Учрежденіе это возымѣло немедленно полный успѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ обѣщаетъ Вѣнскому рынку блистательнѣйшія выгоды. Для пополненія всепожирающаго дефицита

финансовъ, для расплаты съ Вѣнскимъ банкомъ и возможнаго утоленія монетнаго кризиса, Брукъ долженъ былъ прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ и принести въ жертву всѣ малодоходныя имущества государственныя. Сперва онъ продалъ компаніи Франко-Австрійскихъ банкировъ за 200 милліоновъ франковъ всю сѣть Австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1,100 верстъ, изъ коихъ 900 верстъ уже открыто для проѣзда, съ Богемскими угольными копями, мѣдными рудниками, казенными желѣзными заводами и 110,000 десятинами земли и лѣсовъ, при чемъ казна обезпечила покупщикамъ 5% чистаго дохода. Далѣе онъ вступилъ въ торгъ съ другою компаніею для продажи ей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверной Италіи; а Вѣнскому банку, въ погашеніе должныхъ ему Австрійскимъ правительствомъ 155 милліоновъ гульденовъ, передалъ въ собственность разныя государственныя имущества на сумму 156,485,000 гульденовъ. Наконецъ, и остальныя таковыя имущества также назначены въ распродажу. Просвѣщенный министръ хорошо понялъ, что мертвые во владѣніи правительства капиталы немедленно оживутъ и сдѣлаются производительными въ рукахъ частныхъ лицъ, что такимъ образомъ съ народнымъ благосостояніемъ значительно усилятся косвенные источники государственныхъ доходовъ, а выгоды казны противъ прежде поступавшаго въ нее ничтожнаго дохода съ недвижимыхъ имуществъ по крайней мѣрѣ учетверятся сбереженіемъ процентовъ на необходимые новые займы *).

Должно сказать однако, что до сихъ поръ Брукъ далеко не успѣлъ еще вполнѣ совладѣть съ сверхъ-естественными трудностями финансоваго положенія Австріи и побѣдить грозный fatum, наслѣдованный имъ отъ своихъ предшественниковъ. Изъ послѣдняго отчета его видно, что въ совершившемся обыкновенномъ бюджетѣ 1855 года новый дефицитъ въ 138,899,297 гульденовъ опять послѣдовалъ за дефицитомъ 1854 года, достигавшемъ еще высшей цифры;

*) Это новое направленіе, данное Австрійскимъ финансамъ, исполнено такаго живаго интереса, и исторія ихъ развитія такъ любопытна и важна, что мы постараемся въ одной изъ слѣдующихъ книгъ Р. Бесѣды представить болѣе подробный очеркъ того и другаго.

онъ главнымъ образомъ вызванъ былъ огромными чрезвычайными издержками Австріи на войско, дошедшими въ прошедшемъ году до 101,721,117 гульденовъ и былъ покрытъ доходами случайными. Наконецъ, государственный отвержденный долгъ также возросъ въ 1855 году на 243,527,490 гульденовъ, по случаю изъятія изъ обращенія большаго количества бумажныхъ знаковъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Австрійскіе фонды не пользуются благопріятнымъ курсомъ на Европейскихъ биржахъ: къ 1-му Января нынѣшняго года Австрійскій пяти-процентный національный заемъ стоилъ въ Вѣнѣ $76^{12}/_{16}$; а металлическіе: пяти-процентный $73^{7}/_{8}$, $4^{1}/_{2}$-процентный $64^{1}/_{4}$; на Гамбургской биржѣ цѣнились они еще гораздо ниже. Даже теперь, въ половинѣ Апрѣля, устраненіе страшной для Австріи опасности военной грозы не въ силахъ было поднять ихъ выше $89^{13}/_{16}$, $86^{1}/_{16}$, $77^{1}/_{2}$. Любопытно сравнить съ этими данными курсъ государственныхъ $4^{1}/_{2}$-процентныхъ облигацій Прусскихъ, съ самаго начала года твердо стоящій свыше ста, между $100^{1}/_{4}$ и $100^{3}/_{4}$. Очевидно, что общественный кредитъ Австрійскій, даже при благопріятнѣйшихъ для него обстоятельствахъ, относится къ Прусскому, какъ $77^{1}/_{2}$ къ $100^{3}/_{4}$.

Между тѣмъ какъ государства Европейскія такимъ образомъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались развивать свои внутреннія сокровеннѣйшія силы, одряхлѣвшая и чуждая въ семьѣ ихъ Имперія Оттоманская съ своей стороны подчинялась тому же всеобщему движенію, но не вслѣдствіе собственнаго развитія, а изъ-подъ гнета внѣшней необходимости, подъ строгою указкою грозныхъ и въ сущности мало сочувствующихъ ей покровителей. Трудно рѣшить, до какой именно степени довѣряли въ началѣ войны Западныя державы возможности искуственнаго возрожденія Мусульманскаго Царяграда, котораго неисцѣлимая порча и естественная близость къ разложенію не могли конечно ускользнуть отъ наблюденія людей, близко знакомыхъ со всѣмъ Турецкимъ бытомъ, каковъ, напримѣръ, Англійскій посланникъ, сиръ Стратфордъ Редклифъ. Какъ бы то ни было, но онѣ пытались достигнуть этой цѣли. Онѣ хотѣли

съ одной стороны посредствомъ разныхъ вещественныхъ преобразованій снабдить Турцію тѣми внѣшними средствами и орудіями, которыя казались имъ необходимыми для самостоятельнаго ея противодѣйствія возможнымъ въ будущемъ притязаніямъ Россіи; съ другой—старались отвлечь отъ послѣдней сердца Греческихъ и Славянскихъ ея единовѣрцевъ на Востокѣ, манили ихъ къ себѣ льстивыми обѣщаніями, старались доказать имъ, что они отъ одного вмѣшательства Западныхъ державъ могутъ получить свободу и законное обезпеченіе; наконецъ, онѣ дѣйствительно успѣли исторгнуть для нихъ отъ безсильнаго Турецкаго правительства положительное на бумагѣ признаніе ихъ гражданской полноправности. Матеріальныя пріобрѣтенія Европы въ Турціи несомнѣнны: Европейскія компаніи допущены на свободное состязаніе въ учрежденіи на Турецкой почвѣ дорогъ, банковъ и другихъ промышленныхъ предпріятій; задумываютъ связать Константинополь желѣзными дорогами съ Сербіею и Европою, и рѣшено провести во всѣ направленія телеграфы подземные и подводные; утверждена компанія и открыта подписка на давно желанное прорытіе Суезскаго перешейка и устройство прямаго воднаго сообщенія между Европой и полуденною Азіею. Наконецъ, Совѣтъ изъ верховнаго визиря, министра иностранныхъ дѣлъ и представителей Франціи, Англіи и Австріи, возвѣстивъ предварительно свободу всѣмъ невольникамъ, рѣшилъ, что Порта принимаетъ мѣры (въ 23 статьяхъ) для преобразованія внутреннихъ отношеній политическихъ и гражданскихъ: объявлена свобода вѣроисповѣданій всѣхъ ея подданныхъ, Христіане допускаются къ службѣ военной и гражданской и въ свидѣтели въ Турецкомъ судѣ, иностранцамъ дано право на пріобрѣтеніе поземельной собственности въ Турціи, и пр. и пр.

Замѣчательно однако, что по мѣрѣ того, какъ изнеможенная Порта соглашалась на эти пожертвованія и торжественно возвѣщала своими „хатами“ всѣ эти добытыя западнымъ вліяніемъ улучшенія, преобразованія и благодѣтельныя для Христіанъ постановленія, тотъ же Западъ и всѣ лучшія его газеты, въ особенности Англійскія, такъ долго прославлявшія Турецкое возрожденіе, постепенно мѣняли тонъ

раскрывали глаза свои на дѣло и болѣе и болѣе удостовѣрялись въ окончательной несостоятельности Турецкаго міра. Намъ невозможно не согласиться съ ними въ этомъ явномъ, осязательномъ дѣлѣ, котораго война не измѣнила, которое также несомнѣнно и теперь, какъ было вѣрно и несомнѣнно до начала послѣдней войны. Турція, гдѣ глава правовѣрныхъ въ полузападномъ нарядѣ скитается по баламъ Европейскихъ дипломатовъ; Турція, охраняемая сброднымъ войскомъ Англо-Турецкаго контингента подъ начальствомъ Англійскихъ офицеровъ, безусловно подчиненная велѣніямъ пяти или шести иноземныхъ посланниковъ, покрытая сѣтью непонятнаго ей устройства желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ; Турція, въ которой не существуетъ ни семейства, ни гражданской свободы, ни самаго понятія о гражданствѣ, ни общественной нравственности, гдѣ многоженство и личное невольничество составляютъ коренныя основы частной жизни, гдѣ исчезъ, наконецъ, и религіозный фанатизмъ, единственное живое начало Мусульманскаго государства; Турція является намъ безжизненнымъ трупомъ, разукрашеннымъ въ блестящіе наряды прихотливою волею погребальныхъ распорядителей, домомъ безъ хозяина, плодоносною нивою безъ оратая. Что же касается до Христіанскихъ подданныхъ Порты, то разрозненныя нынѣ стада Православныхъ Грековъ и Славянъ всегда вновь опознаютъ голосъ своего природнаго пастыря, лишь бы тотъ не забылъ ихъ, и всегда съумѣютъ отличить любовную руку, триста лѣтъ питавшую ихъ сладостными надеждами, отъ хищной руки наслѣдниковъ Балдуина и Латинскихъ крестоносцевъ.

Среди этого неблагодарнаго хозяйничанья во внутреннихъ дѣлахъ Турціи, союзныя державы не забывали и другихъ второстепенныхъ государствъ и поочередно обращались ко всѣмъ, принуждая ихъ къ союзу съ собою противъ одинокаго врага своего. Послѣ тщетныхъ попытокъ получить какое-либо дѣйствительное пособіе отъ Испаніи, изнеможенной внутренними раздорами и упадкомъ государственныхъ финансовъ и почти вовсе лишившейся своей арміи, онѣ должны были обратиться къ двумъ государствамъ Скандинавскимъ, которыхъ тѣсный сорокалѣтній союзъ съ Россіею очень дав-

но возбуждаетъ неудовольствіе Англіи. Западныя державы расчитывали, что на ходъ переговоровъ будетъ имѣть вліяніе паденіе южнаго Севастополя, и поручили вести ихъ Канроберу, прибывшему сперва въ Стокгольмъ 4 Октября. Впрочемъ, успѣхъ оказался не вполнѣ удовлетворителенъ. Данія, куда отправился Французскій генералъ по окончаніи дѣлъ въ Стокгольмѣ, твердо помнила бѣдствія, претерпѣнныя ею отъ Англіи въ началѣ нынѣшняго вѣка, и спасительную помощь, недавно поданную ей Русскимъ дворомъ противъ притязаній Франкфуртскаго Національнаго Собранія, тогда когда она всѣми была оставлена; къ тому же, исключительно занятая важнымъ вопросомъ о Зундскихъ пошлинахъ, а еще болѣе вопросами внутренней политики (стремленіями правительства къ централизаціи государственнаго управленія, противодѣйствіемъ тому мѣстныхъ сеймовъ и приходившимъ къ концу судомъ надъ королевскими министрами), она рѣшительно отказалась выйти изъ принятаго ею съ самаго начала положенія строжайшаго неутралитета. На это рѣшеніе Датскаго правительства конечно немало должна была подѣйствовать извѣстность неминуемаго въ будущемъ вліянія Россіи на Датское престолонаслѣдованіе. Но во всякомъ случаѣ невозможно не отдать вполнѣ заслуженной чести твердости и благоразумному мужеству короля, умѣвшаго презрѣть всѣ возможныя новыя опасности отъ Британскаго вѣроломства.—Швеція была уступчивѣе, но и она не вышла покуда изъ предѣловъ строгой осторожности: 20 Ноября подписала она трактатъ съ Франціею и Англіею, которымъ обязалась не уступать Россіи ни малѣйшей части своихъ владѣній, а союзныя державы обѣщали ей вооруженную помощь свою въ случаѣ предъявленія Россіею требованій или правъ своихъ на какую бы то ни было часть Шведскихъ владѣній. Излишне говорить, что опасенія эти были основаны на чистѣйшемъ вымыслѣ. Впрочемъ, предусмотрительное Шведское правительство спѣшило вмѣстѣ съ тѣмъ циркулярною депешею отъ 18 Декабря сообщить всѣмъ посланникамъ своимъ при иностранныхъ дворахъ объясненіе на счетъ побужденій, руководившихъ имъ при семъ, гдѣ выраженія недоброжелательства къ

искусно сочетались съ обѣщаніемъ продолженія неутралитета и увѣреніями, что новый союзъ есть лишь оборонительный и имѣетъ исключительно въ виду одну безопасность Швеціи отъ внѣшнихъ притязаній.

Между тѣмъ Сѣверо-Американскіе Штаты продолжали соблюдать и даже громко вновь заявляли политическія преданія свои о невмѣшательствѣ въ дѣла Стараго Свѣта и о невниманіи къ вопросамъ Европейскаго равновѣсія. Всего рѣзче была вновь выражена ими эта теорія въ томъ, что они отказались признать за Даніею право на сборъ Зундскихъ пошлинъ съ Американскихъ судовъ. Американскій министръ иностранныхъ дѣлъ, выражая въ депешѣ своей отъ 3 Ноября отказъ президента принять участіе въ предлагавшемся Европейскомъ конгрессѣ для рѣшенія вопроса объ этихъ пошлинахъ, говоритъ: „Правительство Соединенныхъ Штатовъ никогда не согласится на это притязаніе Стараго Свѣта пользоваться его вліяніемъ, для поддержанія своего собственнаго политическаго равновѣсія... Мы не будемъ здѣсь разбирать, полезна ли и благоразумна ли эта теорія равновѣсія въ приложеніи своемъ къ семьѣ Европейскихъ государствъ; но правительство Соединенныхъ Штатовъ довольно долго наблюдало дѣйствія ея, чтобы ни подъ какимъ видомъ не дать себя вовлечь въ кругъ ея дѣятельности. Таково издавна любимое основное начало нашей политики, отъ котораго президентъ ни въ какомъ случаѣ не отступитъ“.... Соединенные Штаты и въ настоящей борьбѣ Россіи съ Англіею и Франціею остались вѣрны политическому воззрѣнію своему, чему конечно немало способствовали и заботы внутренней политики — близость срока для избранія вновь президента Штатовъ и борьба аболиціонистовъ съ приверженцами невольничества. Не взирая на всеобщее сочувствіе Сѣверо-Американскаго міра къ нашему отечеству, единственному изъ государствъ Европы, представляющему по юному и могущественному развитію своему, несомнѣнную аналогію съ его собственнымъ развитіемъ; не взирая на осязательныя выгоды вмѣшательства въ войну, отвлекшую всѣ живыя силы Англіи на Востокъ, Америка не вступила въ состязаніе и упустила благопріятный случай вырвать морское владычество изъ рукъ прежней своей метрополіи. Въ этомъ

случаѣ правительство Американское, такъ безусловно и рабски послѣдовавшее дипломатическому преданію своей страны, подчинилось какому-то какъ бы внѣшнему, лишенному жизни, политическому формализму, какаго не привыкли мы до сихъ поръ видѣть въ Американской политикѣ и которое рѣшительно чуждо ея внутреннему духу и разумному свойству. Оно неясно сознавало ошибку свою и не прочь было вступить въ ссору съ Англіею, по поводу какаго-нибудь частнаго Американскаго вопроса,—вопроса о вербовкѣ рекрутъ въ Штатахъ или вопроса о центральной Америкѣ. Но на этой почвѣ уклончивая при случаѣ Англія тщательно избѣгала рѣшительнаго столкновенія, всячески старалась отдѣлываться отъ прямой отвѣтственности за своихъ агентовъ и съ видимою готовностію исчисляла средства къ мирному соглашенію; тутъ, передъ очевидною опасностію, умѣла смириться Британская гордость. Даже и теперь, когда прошли для нея дни тревожной борьбы съ Россіею, она охотно уступитъ опасной Американской настойчивости, и потому можно съ достовѣрностію предположить, что, не смотря на обоюдныя военныя угрозы, на этотъ разъ война едва ли возгорится. Но для Америки урокъ безъ сомнѣнія не будетъ потерянъ, и она конечно вскорѣ сознаетъ, что мало для государства имѣть естественныхъ себѣ союзниковъ между другими народами, но что должно умѣть цѣнить ихъ сочувствія, не отталкивать ихъ отъ себя и въ черный день должно умѣть подать имъ руку помощи... Нельзя не замѣтить при этомъ, что цвѣтущее состояніе финансовъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ даетъ имъ полное право на участіе въ дѣлахъ не одной Америки, но и всего свѣта, и на почетнѣйшее мѣсто въ семьѣ первостепенныхъ государствъ, изъ которой выдѣлиться они безъ сомнѣнія не могутъ. Изъ послѣдняго оффиціальнаго посланія Президента къ Палатамъ видно, что въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ государственные доходы Штатовъ постоянно и значительно превышаютъ расходы, оставляя ежегодно въ государственномъ казначействѣ огромный излишекъ или остатокъ, употребляемый на погашеніе и безъ того ничтожнаго государственнаго долга, не превышаю-

щаго 200 милліоновъ франковъ. Такой долгъ въ скоромъ времени, безъ сомнѣнія, будетъ вовсе погашенъ. Ежегодный излишекъ доходовъ въ 1852—1855 г. простирался до 73, 80, 100 и, наконецъ, до 150 милліоновъ и заставилъ даже правительство Штатовъ стараться изыскивать средства къ выгоднѣйшему для народа сокращенію государственныхъ доходовъ. Удобнѣйшимъ къ тому путемъ признало оно значительное уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ, составляющихъ около 85% всего государственнаго дохода. Этимъ путемъ Президентъ и его министръ финансовъ, г. Гутри, хотятъ поощрить народную промышленность, удешевивъ сырыя произведенія, получающія на Американскихъ фабрикахъ дальнѣйшую обработку, и въ тоже время допустивъ на Американскіе рынки съ умѣренною пошлиною тѣ Европейскія мануфактурныя издѣлія, кои уже не представляютъ предмета опаснаго соперничества для Американскихъ производителей. Согласно этому предположенію, всѣ вышесказанныя сырыя произведенія должны быть впускаемы въ Сѣверо-Американскіе Штаты безпошлинно; желѣзо, сталь, сахаръ, вино и всѣ издѣлія шелковыя, льняныя, бумажныя и пеньковыя, за исключеніемъ немногихъ изъятій, должны быть обложены пошлиною отъ 25% до 30% съ ихъ стоимости; наконецъ, на всѣ прочіе товары, не вошедшіе ни въ одинъ изъ этихъ разрядовъ, предполагается наложить привозную пошлину отъ 15% до 20%.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Европы, когда опоздалая Кинбурнская экспедиція вновь доказала союзникамъ невозможность для нихъ дѣйствовать иначе, какъ у самаго морскаго прибрежья, а взятіе Карса дало Россіи рѣшительный перевѣсъ въ Малой Азіи и въ Азіатской политикѣ.

Послѣднее событіе весьма различно подѣйствовало на общественное мнѣніе и газетный міръ въ Англіи и во Франціи. До сихъ поръ памятны намъ (да и теперь они еще не умолкли) проклятія и обвиненія, посыпавшіяся въ первой на безпечность министерства и сира Стратфорда Редклифа; Французы же съ трудомъ скрывали свою радость, не смотря

на храненіе, наложенное на уста ихъ политическимъ союзомъ съ Англичанами и строгою дисциплиною Людовика Наполеона. Какъ бы то ни было, но отселѣ замѣчаемъ мы въ послѣднемъ значительное отклоненіе отъ прежняго его политическаго пути. Очевидно, въ мысляхъ его общія обѣимъ державамъ дѣла были уже достигнуты, и начиналось разногласіе видовъ и побужденій, которое могло быть скрыто на время, но рано или поздно должно было обнаружиться. Переходъ Императора отъ старой политики къ новой, долженствовавшей принести съ собою миръ и безъ сомнѣнія новое распредѣленіе элементовъ Европейскаго равновѣсія, совершенъ былъ имъ съ той благоразумной осторожностію и неподражаемою скрытностію, которая до сихъ поръ отличала всѣ важнѣйшія его рѣшенія. Первые признаки измѣнившихся намѣреній Императора можно открыть въ двусмысленной рѣчи, произнесенной имъ 15-го Ноября, при закрытіи Парижской всемірной выставки, гдѣ, обращаясь къ собравшимся тамъ промышленникамъ всѣхъ народовъ, онъ прославлялъ благодѣянія мира, косвенно сѣтовалъ о продолжительности войны, взывалъ къ общественному мнѣнію Европы и торжественно приглашалъ всѣ неутральные народы, если хотятъ они мира, рѣшительно объявить себя за Францію или противъ нея: „ибо, говорилъ онъ, среди великой Европейской распри, равнодушіе есть худой расчетъ, а молчаніе есть ошибка“... Это искусное и расчитанное сочетаніе угрозъ и мирныхъ обѣщаній, въ то время не вполнѣ еще понятое, не осталось, конечно, безъ дѣйствія на многіе нерѣшительные умы, особенно въ Германскомъ мірѣ. За симъ слѣдовала знаменитая брошюра о необходимости Европейскаго конгресса, появившаяся 20 Декабря въ Парижѣ и уже завѣдомо носившая полуоффиціальную печать, гдѣ, рядомъ съ утвержденіемъ непоколебимости Англо-Французскаго союза, ясно указано было разногласіе цѣлей обѣихъ политикъ и настоятельно требовалось умиротвореніе Европы.

Рядомъ съ этими косвенными выраженіями мирнаго настроенія Французскаго Императора завязывались вновь и шли рѣшительные переговоры о томъ же предметѣ между

шего отечества столько прекрасныхъ и несомнѣнныхъ залоговъ счастливаго развитія. Да будутъ онѣ лучшимъ напутствіемъ для Русскаго міра на новую указуемую ему отъ Государя дорогу, гдѣ ожидаютъ его гражданское просвѣщеніе, обезпеченный свободный трудъ и благословенія Вѣры Православной.

Россіею и Портою трактата, которымъ, съ общаго согласія этихъ державъ, будетъ опредѣлено число военныхъ судовъ, какое оба государства, владѣющія берегами Черпаго моря, предоставятъ себѣ содержать для безопасности своихъ береговъ. Эти предложенія существенно отличаются отъ объявленныхъ въ депешѣ 11-го (23-го) Декабря только предположеннымъ округленіемъ границъ между Молдавіею и Бессарабіею въ замѣнъ пунктовъ, занятыхъ непріятелемъ на Русской землѣ".

„Здѣсь не мѣсто разсматривать, болѣе ли въ этихъ предложеніяхъ, нежели въ объявленныхъ Императорскимъ правительствомъ, соединяется условій, необходимыхъ для упроченія спокойствія на Востокѣ и безопасности Европы. Достаточно сказать, что на дѣлѣ во многихъ основаніяхъ мира уже существуетъ соглашеніе".

„По причинѣ этого соглашенія, вслѣдствіе желаній, изъявляемыхъ всею Европою, въ виду коалиціи, которой размѣры клонились къ большему распространенію, и пожертвованій, какія въ случаѣ продолженія войны Россія должна была бы принести, Императорское Россійское правительство сочло нужнымъ не отдалять прѣніями второстепенной важности дѣла примиренія, котораго успѣхъ согласуется съ его собственными желаніями".

„И такъ Императорское Россійское правительство согласилось принять предложенія, переданныя Австрійскимъ правительствомъ, за предварительный проэктъ для открытія переговоровъ о мирѣ".

Наконецъ, Высочайшій манифестъ, послѣдовавшій отъ 19-го Марта, окончательно возвѣстилъ Россіи мирный исходъ собравшагося въ Парижѣ конгресса. Самыя условія мира, неизвѣстныя до окончательной ратификаціи трактата всѣми державами, вѣроятно, уже будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе, когда эти строки появятся въ печати. Выраженія Императорскаго манифеста, безъ сомнѣнія, памятны каждому, и потому мы не станемъ приводить его во всей его полнотѣ. Но не можемъ не вспомнить съ чувствами искреннѣйшей радости послѣднихъ словъ его, представляющихъ для на-

Австріею и Россіею, и даже пере
скому двору нѣкоторыя особенныя
Императора Французовъ, черезъ
повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пари
Декабря мѣсяца пріѣзжавшаго
ціальные документы, касающіес
не изданы правительствомъ, а
бы, на основаніи однихъ по
иностранныхъ, входить въ
представимъ лишь подлинн
bourg, заключающія въ с
ственнѣйшихъ сторонъ пе

„Общественное вниман
извѣстіемъ, что Импера
нету были сдѣланы чр
мирныя предложенія,
вились съ Австріею".

„Императорскій Р
своей стороны пер
депешѣ отъ 11-го
иностранныхъ жур
расположенъ сдѣ

„Эти двойствен
казывали обоюдн
вслѣдствіе дур
влетворить все
скоромъ закл

„Въ депе
ское прави
четыре пу
ренціяхъ,
одинъ по
рѣшеніе
отъ тог

„Не
ложен
нейтр

мнѣнныхъ за-
учшимъ на-
ему отъ
просвѣще-
нія Вѣры

ПРОТОКОЛЫ

ПАРИЖСКАГО КОНГРЕССА.

тимъ, нагляднымъ для всѣхъ образомъ перенести средоточіе дипломатической жизни изъ Вѣны въ Парижъ, соотвѣтственно тому, какъ и самое политическое вліяніе уже дѣйствительно въ то время перешло съ тихоструйнаго Дуная на заподозрѣнные нѣкогда всею Европою берега Сены. Парижскій съѣздъ полномочныхъ заранѣе облеченъ въ званіе не простой уже конференціи, а настоящаго конгресса, въ который безпрепятственно могли быть внесены на обсужденіе всѣ вопросы, болѣе или менѣе близко касавшіеся Европейскаго равновѣсія; и Французскія газеты заранѣе спѣшили сравнить его въ значеніи и важности съ пресловутымъ конгрессомъ Вѣнскимъ, такъ долго остававшимся краеугольнымъ камнемъ всей Европейской политики, покуда наконецъ и его не постигла общая участь всего человѣческаго— участь одряхленія и обращенія въ историческую древность. Между тѣмъ нѣтъ никакаго сомнѣнія, что Парижскій конгрессъ, ни по положенію договаривавшихся сторонъ, ни по минутѣ появленія своего въ политическомъ мірѣ, не представляетъ съ Вѣнскимъ ни малѣйшей аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ, Вѣнскому конгрессу суждено было завершить и увѣнчать всеобщимъ миромъ цѣлый рядъ войнъ, первымъ источникомъ коихъ была Французская революція, и коихъ отличительнымъ характеромъ постоянно оставалось это революціонное направленіе, низверженіе повсюду стараго порядка вещей и замѣненіе его новымъ, какъ въ области политики, такъ и въ области жизни гражданской. Въ распоряженіе мужей Вѣнскаго конгресса досталось богатое наслѣдіе перваго Наполеона и нѣкоторыхъ оставшихся ему вѣрными союзниковъ, и обломки стараго, ему самому предшествовавшаго политическаго устройства Европы; здѣсь было чѣмъ надѣлить и насытить всѣ алкавшія корыстолюбія и если не окончательно, то по крайней мѣрѣ надолго, успокоить ихъ тревожные позывы. Распорядившись наличнымъ наслѣдіемъ, Вѣнскому конгрессу оставалось только изобрѣсти и привести въ дѣйствіе совокупность мѣръ для погашенія во всей Европѣ возможныхъ вспышекъ революціоннаго духа. Съ этой стороны онъ явился рѣшителемъ судебъ Европы въ смертельнаго истощенія вещественныхъ силъ всѣхъ

государствъ ея, и притомъ не только материковыхъ, но даже и самой Англіи, которой одинъ послѣдній годъ славной борьбы съ Наполеономъ стоилъ также дорого, какъ все продолженіе нынѣшней войны ея съ Россіею, не взирая на страшныя и здѣсь употребленныя ею напряженія силъ; низверженная же съ высоты своей Франція лежала у ногъ Европы безгласною свидѣтельницею собственнаго позора, одному великодушію Императора Александра одолженная сохраненіемъ границъ, близкихъ къ предѣламъ прежняго Французскаго королевства. При такихъ условіяхъ, не трудно было всѣхъ согласить и умиротворить. Очевидно, не таково было положеніе конгресса Парижскаго, призваннаго прекратить первую значительную войну, возгорѣвшуюся послѣ глубокой сорокалѣтней тишины, обильной промышленнымъ развитіемъ, утвердить болѣе или менѣе прочное перемиріе между государствами, равноцвѣтущими силою, и народами, едва еще выучившимися другъ друга ненавидѣть, разрѣшить въ восточномъ мірѣ, съ сохраненіемъ по крайней мѣрѣ внѣшности филантропическаго чувства, политическіе вопросы, уже 25 лѣтъ со дня на день откладывавшіеся Европейскою дипломаціею, но всѣ неисчетныя трудности которыхъ еще въ первый разъ теперь осязательно для всѣхъ обнаружились. Всѣ эти неизбѣжныя препятствія къ прочному успѣху вызвали уже въ стѣнахъ самаго Англійскаго парламента невольное сближеніе Парижскаго конгресса съ знаменитыми Аміенскими конференціями. Какъ бы то ни было, первая ближайшая цѣль конгресса, открывшагося 13 (25) Февраля, умиреніе Россіи съ Западно-Европейскими государствами и Турціею, была весьма быстро достигнута съѣхавшимися уполномоченными. Предварительными переговорами, при посредничествѣ Австріи, уже были давно установлены главныя основанія будущаго мира въ отношеніи къ Россіи; а Русскіе уполномоченные, строго держась однажды принятыхъ основаній, въ 3-мъ же засѣданіи отказались отъ всякаго измѣненія хода переговоровъ, по случаю взятія Карса, вѣсть о которомъ, какъ извѣстно, пришла въ Европу уже послѣ предъявленія Австріею своихъ рѣшительныхъ мирныхъ предложеній. Излишне было бы повторять здѣсь

всѣмъ извѣстныя, нынѣ окончательныя, условія мирнаго соглашенія: достаточно будетъ только сказать, что уступчивостію своею въ вопросахъ о Карсѣ и объ Аландскихъ островахъ уполномоченные наши успѣли достигнуть менѣе невыгоднаго для Россіи проложенія новой границы въ Бессарабіи. Даже графъ Валевскій, отъ имени Франціи предсѣдательствовавшій на съѣздѣ, долженъ былъ засвидѣтельствовать предъ конгрессомъ о миролюбивой готовности ихъ на всякое соглашеніе.

Шести засѣданій достаточно было для полнаго удостовѣренія во взаимномъ расположеніи всѣхъ воевавшихъ державъ, такъ что на 7-мъ засѣданіи, 10-го Марта, уже было рѣшено пригласить и Пруссію къ принятію принадлежавшаго ей въ нихъ по праву участія. За тѣмъ, послѣ окончательнаго установленія буквы самаго договора и матеріальнаго изготовленія единственнымъ письмоводителемъ конгресса, г. Бенедетти, всѣхъ многочисленныхъ актовъ мирнаго договора, трактатъ былъ подписанъ всѣми уполномоченными въ торжественномъ 19-мъ засѣданіи конгресса, 30-го Марта.

Всѣ засѣданія эти были покрыты непроницаемою тайною для публики и даже для наиболѣе посвященныхъ въ политическія дѣла газетныхъ редакцій. Даже и теперь, когда всѣ умы уже успокоились и Парижскіе переговоры перешли въ область исторіи, тайна эта еще не совсѣмъ раскрыта, и парламентскія прѣнія далеко еще не исчерпали и не разгласили всего ихъ политическаго и анекдотическаго содержанія; изданные же протоколы засѣданій, какъ слышно, подверглись предварительной очистительной работѣ, по возможности изгладившей слѣды несомнѣнныхъ жаркихъ прѣній и непримиримыхъ разногласій. Впрочемъ, внимательно перечитывая протоколы, предшествовавшіе 30-му Марта, мы уже и въ нихъ невольно останавливаемся на нѣкоторыхъ знаменательныхъ особенностяхъ. Отрадно видѣть, что и здѣсь опять также, какъ и въ Вѣнѣ, Русскіе уполномоченные первые изъ всѣхъ потребовали, во второмъ же засѣданіи конгресса, формальнаго обезпеченія самимъ договоромъ судьбы Христіанъ, поселенныхъ въ Турецкой имперіи, основываясь на 4-мъ пунктѣ тѣхъ самыхъ мирныхъ

ритомъ не только материковыхъ, но да-
рой одинъ послѣдній годъ славной
ъ также дорого, какъ все про-
Россіею, не взирая на
напряженія силъ; низ-
ція лежала у ногъ Ев-
бственнаго позора, од-
ксандра одолженная со-
предѣламъ прежняго Фран-
ихъ условіяхъ, не трудно
творить. Очевидно, не таково
арижскаго, призваннаго пре-
ю войну, возгорѣвшуюся послѣ
шины, обильной промышленнымъ
лѣе или менѣе прочное перемиріе
авноцвѣтущими силою, и народами,
я другъ друга ненавидѣть, разрѣшить
съ сохраненіемъ по крайней мѣрѣ внѣ-
ческаго чувства, политическіе вопросы,
ция на день откладывавшіеся Европейскою
всѣ неисчетныя трудности которыхъ еще
теперь осязательно для всѣхъ обнаружи-
неизбѣжныя препятствія къ прочному успѣ-
же въ стѣнахъ самаго Англійскаго парламен-
е сближеніе Парижскаго конгресса съ знамени-
ными конференціями. Какъ бы то ни было, пер-
айшая цѣль конгресса, открывшагося 13 (25) Фев-
миреніе Россіи съ Западно-Европейскими государ-
и Турціею, была весьма быстро достигнута съѣхав-
ся уполномоченными. Предварительными переговорами,
посредничествѣ Австріи, уже были давно установлены
авныя основанія будущаго мира въ отношеніи къ Россіи;
Русскіе уполномоченные, строго держась однажды при-
нятыхъ основаній, въ 3-мъ же засѣданіи отказались отъ
всякаго измѣненія хода переговоровъ, по случаю взятія Кар-
са, вѣсть о которомъ, какъ извѣстно, пришла въ Европу
уже послѣ предъявленія Австріею своихъ рѣшительныхъ
мирныхъ предложеній. Излишне было бы повторять здѣсь

всѣмъ извѣстныя, нынѣ окончательныя; условія мирнаго соглашенія; достаточно будетъ только сказать, что уступчивостію своею въ вопросахъ о Карсѣ и объ Аландскихъ островахъ уполномоченные наши успѣли достигнуть менѣе невыгоднаго для Россіи проложенія новой границы въ Бессарабіи. Даже графъ Валевскій, отъ имени Франціи предсѣдательствовавшій на съѣздѣ, долженъ былъ засвидѣтельствовать предъ конгрессомъ о миролюбивой готовности ихъ на всякое соглашеніе.

Шести засѣданій достаточно было для полнаго удостовѣренія во взаимномъ расположеніи всѣхъ воевавшихъ державъ, такъ что на 7-мъ засѣданіи, 10-го Марта, уже было рѣшено пригласить и Пруссію къ принятію принадлежавшаго ей въ нихъ по праву участія. За тѣмъ, послѣ окончательнаго установленія буквы самаго договора и матеріальнаго изготовленія единственнымъ письмоводителемъ конгресса, г. Бенедетти, всѣхъ многочисленныхъ актовъ мирнаго договора, трактатъ былъ подписанъ всѣми уполномоченными въ торжественномъ 19-мъ засѣданіи конгресса, 30-го Марта.

Всѣ засѣданія эти были покрыты непроницаемою тайною для публики и даже для наиболѣе посвященныхъ въ политическія дѣла газетныхъ редакцій. Даже и теперь, когда всѣ умы уже успокоились и Парижскіе переговоры перешли въ область исторіи, тайна эта еще не совсѣмъ раскрыта, и парламентскія прѣнія далеко еще не исчерпали и не разгласили всего ихъ политическаго и анекдотическаго содержанія; изданные же протоколы засѣданій, какъ слышно, подверглись предварительной очистительной работѣ, по возможности изгладившей слѣды несомнѣнныхъ жаркихъ прѣній и непримиримыхъ разногласій. Впрочемъ, внимательно перечитывая протоколы, предшествовавшіе 30-му Марта, мы уже и въ нихъ невольно останавливаемся на нѣкоторыхъ знаменательныхъ особенностяхъ. Отрадно видѣть, что и здѣсь опять также, какъ и въ Вѣнѣ, Русскіе уполномоченные первые изъ всѣхъ потребовали, во второмъ же засѣданіи конгресса, формальнаго обезпеченія самимъ договоромъ судьбы Христіанъ, поселенныхъ въ Турецкой имперіи, основываясь на 4-мъ пунктѣ тѣхъ самыхъ мирныхъ

предложеній, которыя были предъявлены Россіи Австрійскимъ правительствомъ. Это требованіе возбудило въ 11-мъ засѣданіи конгресса протестъ лорда Каули, спѣшившаго объявить, что и другія христіанскія государства не менѣе Россіи заботятся о восточныхъ Христіанахъ. Между тѣмъ очевидно, что, не говоря о числительномъ превосходствѣ православныхъ единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ, уже и то обстоятельство естественно должно было возбудить болѣе горячее къ нимъ сочувствіе нашихъ уполномоченныхъ въ Парижѣ, что настоящимъ договоромъ уничтожены всѣ предшествующія наши соглашенія объ этомъ предметѣ съ Портою и извѣстнымъ хатти-гумаюномъ отмѣнены нѣкоторыя политическія преимущества Греческой церкви, тогда какъ частныя капитуляціи съ Турціею западныхъ государствъ не отмѣнены формально, какъ видно изъ 14-го протокола. Въ этомъ засѣданіи, на замѣчанія старшаго Турецкаго полномочнаго, искусно воспользовавшагося возникшими жалобами на неизбѣжныя для торговли стѣсненія отъ безчисленнаго множества разнообразныхъ частныхъ капитуляцій, чтобы намекнуть на возможность ихъ уничтоженія (чрезъ что Турецкое правительство освободилось бы отъ всякихъ внѣшнихъ препятствій къ исполненію своихъ благихъ намѣреній) баронъ Буркеней отвѣчалъ: что безъ сомнѣнія желательно было бы, согласивъ выгоды всѣхъ сторонъ, изыскать средства къ отмѣненію этихъ капитуляцій, отчасти, къ сожалѣнію, ограничивающихъ власть Порты, но что необходимо прежде всего соразмѣрить эти средства съ преобразованіями, которыя введетъ Турція въ управленіи своемъ, такъ чтобы согласить добытыя капитуляціями для чужестранцевъ необходимыя обезпеченія съ тѣми выгодами, которыя для нихъ возникнутъ изъ новыхъ законодательныхъ мѣръ самой Порты.

Точно также Русскіе уполномоченные первые напомнили о необходимости посвятить особенную статью договора обезпеченію политической самобытности Сербіи. Когда дошла рѣчь до двухъ княжествъ Придунайскихъ, Молдавіи и Валахіи, тогда возникло явное несогласіе всѣхъ участниковъ конгресса съ своекорыстными видами Турціи и Австріи. Предста-

вители Англіи, Франціи и Сардиніи единогласно требовали слитія обоихъ княжествъ во едино, сообразно пользѣ и желаніямъ самихъ Валаховъ и Молдаванъ. Основываясь на тѣхъ же соображеніяхъ, предложеніе это поддерживалъ и графъ Орловъ; но графъ Буль и Али-паша рѣшительно отказались отъ подобнаго преобразованія, и двудневное совѣщаніе не могло убѣдить ихъ въ его пользѣ. Очевидно и Турціи, и Австріи пріятнѣе въ будущемъ имѣть по прежнему дѣло съ слабыми управленіями отдѣльныхъ областей, чѣмъ съ правительствомъ одного довольно сильнаго, сосредоточеннаго и географически округленнаго государства, исключительно владѣющаго ключами Дунайскихъ водъ. Встрѣтивъ такое рѣшительное сопротивленіе, но немало впрочемъ напугавъ Австрійскихъ дипломатовъ, конгрессъ отложилъ окончательное рѣшеніе этого вопроса до того времени, когда оффиціально огласится общественное мнѣніе въ самихъ княжествахъ. Послѣ нескончаемыхъ прѣній рѣшено отправить въ Бухарестъ коммиссію, составленную изъ повѣренныхъ Европейскихъ державъ, къ коимъ долженъ тамъ присоединиться и Турецкій комисаръ. Въ столицы обѣихъ областей созваны будутъ чрезвычайные Диваны, по составу своему служащіе искреннимъ выраженіемъ народной воли; международная коммиссія, какъ видно изъ рѣчи лорда Пальмерстона въ Нижней Палатѣ, состоящая только изъ представителей Франціи, Англіи, Австріи и Турціи, должна будетъ пересмотрѣть всѣ нынѣ дѣйствующіе статуты и законы, согласно положеніямъ и желаніямъ, выраженнымъ Диванами. За симъ окончательные результаты занятій ея передадутся въ Парижъ, гдѣ сдѣлаются предметомъ рѣшительной дипломатической конвенціи между договаривающимися сторонами, и условленное учрежденіе княжествъ обнародуется султанскимъ хатти-шерифомъ. Начертаніе образа созванія Дивановъ и формы ихъ дѣлопроизводства, а равно и принятіе нужныхъ мѣръ къ временному замѣщенію близкой къ срочному прекращенію своему власти нынѣшнихъ господарей, возложено послѣ долгихъ прѣній на совокупную заботу Турецкаго правительства и представителей Европейскихъ державъ въ Константинополѣ.

По закрытіи конгресса, когда Англійскіе министры предстали предъ Парламентъ, возникъ новый вопросъ: какимъ образомъ оградить прѣнія Валахскаго и Молдаванскаго Дивановъ отъ неминуемаго на нихъ военнаго вліянія въ продолженіи занятія княжествъ Австрійскими войсками? Дѣйствительно, во время Парижскихъ переговоровъ графомъ Булемъ было объявлено, что Придунайскія княжества очищены будутъ ранѣе, чѣмъ изъ Константинополя выведены будутъ послѣднія Англо-Французскія войска; но вслѣдъ за тѣмъ затрудненія, при обратной перевозкѣ послѣднихъ, заставили Порту заключить съ Западными державами конвенцію, по которой на окончательное очищеніе Турецкой имперіи положенъ шестимѣсячный срокъ. Неужели и Придунайскія княжества подвергнутся такому же продолжительному занятію Австрійскими войсками? Пальмерстонъ, объясняя Нижней Палатѣ сомнительныя статьи Парижскаго договора, рѣшительно объявилъ, что прѣнія Валахо-Молдаванскихъ Дивановъ должны быть освобождены отъ вліянія Австрійскихъ штыковъ, и что покуда въ областяхъ этихъ будетъ продолжаться военное занятіе Австрійское, выборы депутатовъ въ Диваны не могутъ считаться свободными. Въ томъ же смыслѣ, хотя нѣсколько уклончиво, отвѣчалъ и лордъ Кларендонъ въ Палатѣ Перовъ на вопросъ лорда Линдгорста. Съ другой стороны, нѣкоторыя важныя по вліянію своему Нѣмецкія газеты, и въ томъ числѣ Аугсбургская, передавая извѣстіе о выступленіи половины Австрійскихъ войскъ изъ княжествъ, видѣли въ самомъ образѣ оффиціальнаго объявленія объ этомъ событіи достаточный поводъ думать, что остальныя войска еще не скоро покинутъ ихъ, и усердно и долго настаивали на необходимости для Вѣнскаго правительства сохранить въ рукахъ своихъ, какъ можно долѣе, этотъ значительный залогъ своего вліянія; даже болѣе оффиціальные источники Австрійскіе глухо обѣщали очищеніе княжествъ лишь къ тому времени, когда выполнены будутъ въ отношеніи къ нимъ всѣ условія Парижскаго договора. Важный предметъ сей, какъ кажется, подлежитъ нынѣ оживленному дипломатическому обсужденію, которое, быть можетъ, въ настоящую минуту уже достигло какихъ-либо положительныхъ результатовъ.

фальскаго и Вѣнскаго провозглашеніемъ во имя человѣчества новыхъ началъ военнаго и морскаго права. Въ этой безспорно искусной рѣчи рѣшительно все заслуживаетъ особеннаго вниманія: какъ самое расположеніе въ ней предметовъ, методически разставленныхъ по степени возрастающаго въ нихъ интереса Французской политики, такъ конечно и самое содержаніе, безъ сомнѣнія первоначально обусловленное предварительнымъ, быть можетъ, уже давнишнимъ соглашеніемъ съ Сардинскимъ дворомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ конечно разсчитанное на особенное дѣйствіе и впечатлѣніе на уполномоченныхъ Австрійскихъ. Самое заключительное воззваніе касательно новыхъ началъ морскаго права носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ личной политики императора Людовика Наполеона и его глубокаго знакомства съ свойствами и складомъ ума Французскаго народа, никогда не довольствующагося одною дѣйствительностію, какъ бы ни была она блестяща, но постоянно требующаго громкой фразы и ей одной безусловно отдающаго себя въ плѣнъ.

Несчастная Греція, послужившая для графа Валевскаго вступленіемъ въ его рѣчь, и желаніе Франціи очистить ее, при первой возможности, упомянуты были конечно лишь во избѣжаніе возможнаго упрека въ явной политической непослѣдовательности при громогласномъ заявленіи уполномоченными Франціи о настоятельной необходимости очистить сѣверную Италію отъ Австрійскихъ войскъ. Самъ графъ Валевскій и вторившій ему лордъ Кларендонъ должны были относительно Греціи ограничиться одними общими мѣстами о неувядшемъ къ ней сочувствіи и необходимости, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердымъ образомъ обезпечить въ королевствѣ порядокъ и спокойствіе. Очевидно, союзныя державы, занявъ насильственнымъ образомъ сочувствующую намъ Элладу, не спѣшатъ покинуть ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ имѣть видовъ на какія-либо важныя въ ней преобразованія, которыя онѣ безсильны были бы совершить безъ полнаго на то соизволенія третьей и главной изъ державъ-основательницъ Греціи, безъ Россіи, славнымъ Адріанопольскимъ миромъ впервыя исторгнувшей формальное признаніе ея у изнемогающей, по упрямой Порты. Вторый изъ уполномоченныхъ съ нашей

стороны, баронъ Бруновъ, замѣтилъ при этомъ случаѣ, что Россія съ своей стороны охотно приметъ участіе во всемъ томъ, что̀ можетъ упрочить и улучшить нынѣ существующій въ Греціи порядокъ вещей, но что съ возстановленіемъ нынѣ мирныхъ отношеній между тремя покровительствующими державами настало уже время подумать и согласиться на счетъ прекращенія военнаго занятія королевства. На этомъ остановились прѣнія конгресса о Греческомъ вопросѣ. Слышно, что правительство Греческое, справедливо негодующее на насиліе Франціи и Англіи, собирается протестовать противъ него и хочетъ прибѣгнуть къ посредничеству дружественныхъ себѣ державъ.

Для Франціи въ настоящую минуту, и лично для Французскаго императора, важнѣйшій изъ всѣхъ поднятыхъ графомъ Валевскимъ частныхъ вопросовъ былъ, конечно, вопросъ о свободѣ книгопечатанія и журналистики въ сопредѣльной и одноязычной съ нею Бельгіи, убѣжищѣ многихъ Французскихъ политическихъ выходцевъ.

Ко всѣмъ этимъ явнымъ и несомнѣннымъ причинамъ и поводамъ ко вмѣшательству во внутреннія дѣла Бельгіи, быть можетъ, присоединялись еще и тайно руководили дѣйствіями Французскаго кабинета какіе-нибудь нераскрытые, дальнѣйшіе виды на привлекательныя всегда для Французскаго воображенія устья Рейна; по крайней мѣрѣ всѣмъ извѣстно, что хитрый правитель Франціи, постоянно отличающійся во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ осторожностію и скрытностію необычайною, любитъ всѣмъ предпріятіямъ своимъ предпосылать неясные намёки и постепенно подготовлять умы къ необычайнѣйшимъ событіямъ двусмысленными, загадочными поступками и рѣчами. Какъ бы то ни было, графомъ Валевскимъ употреблены всѣ старанія и истощены всѣ средства, чтобы завлечь конгрессъ на стезю, избранную себѣ Французскою политикою, и вынудить у него противъ Бельгіи соборную угрозу отъ имени всей Европы. Впрочемъ, виды эти удались только въ половину. Какъ ни поспѣшно ухватились Австрійскіе уполномоченные за это вѣрное и подручное средство угодить на первыхъ же порахъ Франціи, не отступая при этомъ и отъ собственной политики, дабы тѣмъ

по возможности успѣть отклонить рѣчь отъ слишкомъ щекотливаго Итальянскаго вопроса, какъ ни обрадовались они вмѣстѣ съ тѣмъ случаю заподозрить въ глазахъ Франціи Сардинію и ясно намекнуть на мнимыя опасности для всѣхъ сосѣдственныхъ государствъ, скрывающіяся въ ненавистномъ конституціонномъ устройствѣ Сардиніи: но представители прочихъ державъ большею частію осторожно отклонили постановленія слишкомъ яснаго и опредѣлительнаго рѣшенія. Прусскій уполномоченный, баронъ Мантейфель, хотя естественно склонный поддержать Францію и возвысить вновь допущенный на конгрессъ голосъ своего правительства въ дѣлѣ обще-Европейскомъ, выразилъ только готовность свою участвовать въ разсмотрѣніи мѣръ, которыя конгрессъ сочтетъ нужнымъ принять на сей случай: лордъ Кларендонъ, оговоривъ уваженіе Англійскаго правительства къ повсемѣстной свободѣ книгопечатанія, удовольствовался лишь общимъ осужденіемъ людей, преступно употребляющихъ ее во зло; его примѣру послѣдовалъ и графъ Кавуръ: графъ же Орловъ ранѣе всѣхъ объявилъ, что, уполномоченный только на заключеніе мира, онъ въ наказахъ своихъ не находитъ ничего, что̀ дало бы ему право принять участіе въ подобномъ совѣщаніи. Такимъ образомъ спасена по крайней мѣрѣ свобода дальнѣйшаго опредѣленія Русскимъ правительствомъ отношеній его къ Европѣ. Правительство же Бельгійское, столь заслуженно пользующееся славою мудраго управленія, конечно и въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ своихъ вполнѣ съумѣетъ согласить собственное достоинство и независимость съ благоразумнымъ удовлетвореніемъ, по мѣрѣ возможности, требованіямъ сильнаго сосѣда.

Несравненно бо̀льшую суматоху въ политическомъ мірѣ суждено было надѣлать совѣщаніямъ конгресса о дѣлахъ Итальянскихъ, хотя Франція конечно не принимала въ нихъ далеко такаго искренняго участія, какое приписывалось ей газетнымъ міромъ. Безъ сомнѣнія связанная въ этомъ отношеніи давнишними обѣщаніями, сдѣланными Сардинскому правительству еще въ то время, когда исполинская борьба съ Россіею по неволѣ заставляла ее вездѣ искать себѣ по-

мощниковъ; къ тому же вѣроятно подстрекаемая и лордомъ Пальмерстономъ, этимъ вѣчнымъ стряпчимъ Итальянскихъ дѣлъ, Франція не могла отказаться замолвить объ нихъ слово на конгрессѣ, тѣмъ болѣе, что, при отсутствіи прямой себѣ и непосредственной выгоды, она тѣмъ не менѣе должна была видѣть въ этомъ превосходное средство не на шутку напугать графа Буля и разомъ поставить его въ полную и безусловную отъ себя зависимость. И дѣйствительно, расчетъ этотъ удался безошибочно. Съ своей стороны Сардинскій уполномоченный, графъ Кавуръ, нетерпѣливо ожидалъ минуты, когда удастся ему пожать плоды вмѣшательства его правительства въ восточную войну, и прежде даже, чѣмъ мирный договоръ былъ окончательно подписанъ, спѣшилъ 27 Марта вручить графу Валевскому длинную и искусно составленную ноту, гдѣ, напомнивъ прежнія, давнишнія судьбы сѣверныхъ Папскихъ областей, извѣстныхъ подъ именемъ легатствъ, и яркими красками описавъ неустройства Папскаго управленія, онъ предлагалъ для нихъ цѣлый планъ преобразованія, связанный съ удаленіемъ оттуда Австрійскихъ войскъ и замѣненіемъ ихъ національною военною силою; планъ этотъ состоялъ главнымъ образомъ въ полномъ и совершенномъ замѣненіи въ этихъ областяхъ духовнаго управленія гражданскимъ, во введеніи вновь въ дѣйствіе Французскаго гражданскаго уложенія и совершенномъ отдѣленіи отъ Рима управленія этихъ областей, которыя, состоя подъ начальствомъ срочнаго, но безсмѣннаго Папскаго намѣстника изъ лицъ свѣтскихъ, должны были платить Папѣ ежегодно дань и зависѣть отъ него лишь въ отношеніяхъ церковномъ и дипломатическомъ.

Само собою разумѣется, что въ рѣчи своей конгрессу графъ Валевскій не упомянулъ ни о нотѣ графа Кавура, ни о предложенномъ имъ преобразованіи легатствъ. Онъ обратилъ только вниманіе всѣхъ державъ на несчастное положеніе Римскихъ владѣній, выразилъ искреннее желаніе Франціи скорѣе вывести войска свои изъ Рима и вызвалъ графа Буля на подобное же заявленіе либеральныхъ видовъ отъ имени Австріи. Наконецъ, онъ пригласилъ конгрессъ единогласно выразить правительству Неаполитанскому совѣтъ

о настоятельной необходимости измѣнить старую систему правленія и прибѣгнуть къ мѣрамъ кротости и милосердія. Слова графа Валевскаго объ Италіи послужили приступомъ къ ожесточенному спору между представителями Англіи, и въ особенности Сардиніи и Австріи: лордъ Кларендонъ естественно не поскупился на язвительные упреки Римской закоснѣлости и невѣжеству и жестокости управленія Неаполитанскаго, которому пришлось при этомъ удобномъ случаѣ поплатиться за отказъ свой въ послѣднюю войну вооружиться противъ Россіи. Австрійскіе уполномоченные, столь охотно разсуждавшіе о свободѣ книгопечатанія Бельгіи, вспомнили теперь, что имъ невозможно подвергать обсужденію своему дѣйствія государствъ, не имѣющихъ представителей на конгрессѣ; а графъ Кавуръ со всею пылкостію негодующаго Итальянскаго патріотизма настойчиво изобличалъ Австрію въ умышленномъ погубленіи Италіи и нарушеніи постановленій Вѣнскаго конгресса. Русскіе уполномоченные оставались вѣрны принятой системѣ; а баронъ Мантейфель, косвенно выгораживая короля Неаполитанскаго, спѣшилъ передать выгоды Австріи защитѣ и попеченію собственныхъ ея представителей. Какъ далеко зашло разногласіе видовъ и началъ между графомъ Кавуромъ и гр. Булемъ, это лучше всего видно изъ отчета графа Кавура въ своихъ дѣйствіяхъ, поданнаго Туринскимъ палатамъ, гдѣ онъ не усумнился объявить во всеуслышаніе, что никогда еще политики обоихъ государствъ такъ далеко не расходились между собою. Какъ бы то ни было, прѣнія кончились засвидѣтельствованіемъ въ протоколѣ, что Австрійскіе уполномоченные приступили къ выраженному графомъ Валевскимъ желанію—видѣть Италію очищенною отъ войскъ Австрійскихъ и Французскихъ, какъ скоро только позволитъ это положеніе занимаемой ими страны; а большая часть членовъ конгресса одобрили принятіе нѣкоторыхъ мѣръ милосердія Итальянскими правительствами, и въ особенности Неаполитанскимъ.

Послѣдній важный вопросъ, служившій предметомъ для совѣщаній конгресса, былъ вопросъ объ установленіи и провозглашеніи новыхъ началъ военнаго морскаго права. Начала эти были выражены графомъ Валевскимъ въ слѣдующемъ порядкѣ и слѣдующей формѣ:

1-е. Отмѣненіе каперства.

2-е. Неутральный флагъ покрываетъ непріятельскій товаръ, кромѣ военной контрабанды.

3-е. Товаръ неутральной державы, за исключеніемъ одной только военной контрабанды, не можетъ быть захваченъ даже подъ непріятельскимъ флагомъ.

4-е. Блокада считается обязательною лишь только тогда, когда она есть дѣйствительная блокада, т. е. производится при помощи достаточныхъ силъ.

Предложеніе торжественнаго провозглашенія этихъ правилъ конгрессомъ не было, какъ кажется, никѣмъ серьезно оспорено. Лордъ Кларендонъ немедленно объявилъ, что вопреки преданіямъ онъ охотно отъ имени Англіи соглашается на окончательное единожды навсегда принятіе послѣднихъ трехъ началъ, но единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобъ нераздѣльно съ ними было бы утверждено всѣмъ конгрессомъ и первое правило, и чтобъ слѣдовательно отселѣ каперство считалось дѣломъ навсегда запрещеннымъ. Графъ Буль одобрилъ мысль подобнаго международнаго постановленія, но, объявивъ уже себя по поводу дѣлъ Итальянскихъ неуполномоченнымъ ни на какія дальнѣйшія прѣнія, долженъ былъ ради соблюденія обряда испросить разрѣшенія у правительства своего, и въ слѣдующемъ же засѣданіи конгресса заявилъ полученіе изъ Вѣны окончательнаго согласія Австріи. Баронъ Мантейфель немедленно и не обращаясь къ телеграфу, именемъ правительства своего, приступилъ къ предложенной декларацiи началъ морскаго права, издавна составляющихъ предметъ домогательства Пруссіи. Наконецъ, и графъ Орловъ обратился въ С.-Петербургъ за рѣшительнымъ наказомъ.—Предложенія графа Валевскаго заключали въ себѣ и смѣшивали два предмета, явно различные и разнородные, которые до сихъ поръ въ дипломаціи постоянно обсуживались отдѣльно и независимо другъ отъ друга: это вопросъ о неутральномъ флагѣ и вопросъ собственно о каперствѣ. Лордъ Кларендонъ, какъ мы сейчасъ видѣли, съ одной стороны немедленно опознаъ это существенное различіе и указалъ на него, но съ другой, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчинилъ согласіе правительства

своего непремѣнному слитію конгрессомъ обоихъ вопросовъ во едино. Отзывъ Британскаго уполномоченнаго, сохраненный протоколами, косвенно указываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на участіе каждой изъ двухъ главныхъ союзныхъ державъ въ установленіи предложенныхъ началъ. Очевидно, мысль о провозглашеніи вновь правильныхъ началъ блокады и неутральнаго флага принадлежитъ Франціи, издавна ставшей, за исключеніемъ только кратковременнаго періода революціоннаго и Наполеоновскаго, въ ряды державъ-защитницъ этихъ началъ, и ея-то всемогущимъ вліяніемъ мысль эта навязана въ настоящемъ случаѣ Англійскому правительству. Напротивъ, положеніе объ отреченіи отъ каперства есть уступка по крайней мѣрѣ равноцѣнная, выторгованная себѣ у Франціи Англіею, въ виду новыхъ возможныхъ распрей въ старомъ и новомъ свѣтѣ, а притомъ уступка Франціи, объясняющаяся только славолюбивымъ желаніемъ настоящаго императора Французовъ, во что бы ни стало, сдѣлаться законодателемъ международныхъ сношеній и записать имя свое на скрижаляхъ международнаго права подъ славнымъ и любезнымъ для насъ именемъ Екатерины II-й.

Противъ правильныхъ понятій о блокадѣ и неутральномъ флагѣ Англія до сихъ поръ боролась съ тѣмъ настойчивымъ терпѣніемъ и тою неуклончивою послѣдовательностію, опытъ которыхъ въ новѣйшей исторіи умѣли явить лишь ея собственная политика и политика другой державы, безспорно несравненно менѣе счастливой въ выборѣ путеводныхъ началъ своей жизни, но не менѣе замѣчательной по тѣмъ же драгоцѣннымъ свойствамъ въ практическомъ примѣненіи ихъ; мы говоримъ о невольно пришедшей уже вѣроятно каждому на умъ Австріи. Уже нѣсколько разъ принуждена была Англія, подъ вліяніемъ измѣнявшаго военнаго счастія или ради сохраненія драгоцѣнныхъ для себя пріязненныхъ отношеній, отступать въ большей или меньшей мѣрѣ отъ самовольно присвоеннаго ею себѣ права осмотра неутральныхъ кораблей; и каждый разъ при первомъ удобномъ случаѣ, т. е. при первомъ же началѣ войны, представлявшей малѣйшую возможность корысти на счетъ какаго-

либо неутральнаго флага, она немедленно смѣшивала съ грязью торжественно принятыя обязательства и вновь предпринимала рядъ возмутительныхъ насилій, покуда внѣшнее принужденіе не налагало на нее вновь обязанности большей умѣренности въ дѣйствіяхъ своихъ. Такъ было послѣ Утрехтскаго мира (1713), по которому главныя тогдашнія морскія державы, Англія, Франція и Голландія, утвердили законы неутралитета, выработанные прежними частными договорами; такъ было и послѣ Парижскаго и Губертсбургскаго мира (1763 г.), подтвердившихъ Утрехтскія постановленія при согласіи на то Франціи, Англіи, Испаніи и Португаліи. Эти непрестанныя нарушенія Англіею даннаго слова вызвали провозглашеніе Императрицею Екатериною въ 1780 году знаменитаго Вооруженнаго Неутралитета, къ которому спѣшили приступить, въ защиту отъ Англіи, всѣ второстепенныя морскія державы Европы. Какъ униженно тогда искала себѣ милости у Императрицы озабоченная войною съ Франціей и возмутившимися Сѣверо-Американскими Штатами Англія, о томъ неоподозримо свидѣтельствуетъ слишкомъ къ сожалѣнію неизвѣстная у насъ книга, составляющая драгоцѣннѣйшій матеріалъ для отечественной исторіи XVIII вѣка, дневникъ и переписка графа Мальмсбюри, въ то время, еще подъ именемъ господина Гарриса, состоявшаго при дворѣ Екатерины Британскимъ посланникомъ *).

Изображенный въ ней столько же яркими, сколько и невольными, красками упадокъ тогдашней Англіи, порожденный безумнымъ обращеніемъ ея съ подвластными ей землями, несноснѣйшею надменностію въ сношеніяхъ съ иностранными державами и продажнымъ внутреннимъ управленіемъ Торіевъ, эта печальная картина Англіи временъ лорда Норта, изумляетъ разительною противоположностію съ современнымъ блистательнымъ состояніемъ тойже страны и яркимъ свѣтомъ озаряетъ для мыслителя тотъ единственный путь постепенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неуклончивыхъ реформъ, на основаніи самобытныхъ народныхъ потребностей, во имя просвѣ-

*) Diaries and Correspondence of James Harris, first Earl of Malmesbury. Second Edition. London 1845. 4 vol. Напечатаны нынѣ порусски въ Русскомъ Архивѣ 1874 года. П. Б.

щенія и свободы, коими современное государство успѣваетъ исправить вѣковыя ошибки, побѣдоносно выйти изъ накопленныхъ поколѣніями трудностей и вознестись изъ заслуженнаго уничиженія на степень не менѣе заслуженнаго и потому прочнаго величія.

Въ ту счастливую эпоху Русскаго преобладанія, Екатерина, сказали мы, мало внимала сокрушеннымъ воплямъ очнувшагося наконецъ отъ усыпленія Британскаго правительства и твердою рукою впервыя начертала и силою своею утвердила въ международныхъ сношеніяхъ тѣ истинныя начала неутралитета, которыя отселѣ получили явное преобладаніе въ Европейской жизни, и болѣе или менѣе подражательное повтореніе коихъ составляетъ существеннѣйшую часть ученія о морскомъ правѣ, предложеннаго конгрессу графомъ Валевскимъ. Но, внося постоянныя правила въ запутанные вопросы неутральнаго флага и блокады, Екатерина не отмѣняла каперства, а подчиняла его только, въ отношеніяхъ его къ неутральнымъ судамъ, неизмѣннымъ разумнымъ законамъ, и въ 1787-мъ году издала полный уставъ о частныхъ арматорахъ. Эти же самыя начала, въ Европѣ выставленныя Екатериною подъ знаменемъ Вооруженнаго Неутралитета, были въ Америкѣ провозглашены и распространены Сѣверо-Американскими Штатами и подъ могущественнымъ ихъ покровительствомъ вскорѣ всѣмъ свѣтомъ приняты безъ борьбы, по общему непринужденному согласію. Впрочемъ, и по смерти Императрицы Екатерины, Англія каждый разъ, когда заставала континентальныя государства раздѣленными и между собою враждующими, немедленно пользовалась этимъ случаемъ, чтобы прилагать свое стародавнее ученіе о правѣ произвольнаго обыска и притѣсненія неутральныхъ судовъ. Такъ дѣйствовала она въ эпоху континентальной системы, которою Наполеонъ I отвѣчалъ на стѣснительныя мѣры Британскихъ адмиралтействъ; точно такимъ же, не взирая ни на предварительные торжественные посулы союзныхъ правительствъ неутральнымъ флагамъ, ни на дѣйствительную готовность Франціи руководствоваться правилами, болѣе просвѣщенными и человѣколюбивыми, видѣли мы Англичанъ даже и въ послѣднюю войну, особенно когда дѣло шло о бѣдныхъ Дат-

скихъ или Сѣверо-Германскихъ судахъ. Грядущее покажетъ, успѣетъ ли побудить Англію къ добросовѣстному соблюденію на будущее время торжественно признанныхъ ею въ Парижѣ законовъ добытая ею себѣ нынѣ большая обезпеченность торговли отъ иностранныхъ каперовъ. Эта обезпеченность мореходной ея торговли безъ сомнѣнія составляетъ для нея предметъ существеннѣйшей и неоспоримой важности, при огромномъ развитіи въ послѣдніе годы ея торговаго судоходства, которому нечуждо ни одно изъ отдаленнѣйшихъ морей и которое по числительности своей почти во всѣхъ водахъ земнаго шара первенствуетъ между торговыми флагами всѣхъ народовъ. Въ случаѣ внезапнаго открытія войны съ другой морскою державою, на примѣръ съ Америкою, военно-морскія станціи Англійскія, не смотря на всю многочисленность свою, явно безсильны были бы оградить купеческія суда отъ немедленныхъ нападеній каперовъ: хотя въ послѣдствіи Англійское правительство и успѣло бы въ скоромъ времени защитить свою торговлю значительнымъ усиленіемъ всѣхъ военныхъ морскихъ стоянокъ своихъ, соразмѣрно открывшейся нуждѣ, но на первыхъ же порахъ Англія необходимо должна была бы потерпѣть страшные, нелегко вознаградимые убытки. Отъ этой-то страшной случайности избавится вполнѣ Англія, если удастся ей склонить всѣ государства къ добровольному отреченію отъ каперства. Тогда, оградивъ себя отъ единственной невыгодной для себя случайности истребленія своего купеческаго флота при самомъ началѣ возгорѣвшейся войны, она всегда успѣетъ при дальнѣйшемъ продолженіи ея воспользоваться огромнымъ превосходствомъ своего военнаго флота, чтобы, возстановленіемъ стараго права обыска, вопреки Парижскому договору, въ скоромъ времени стереть всѣ неутральные флаги съ лица морей.

Французское правительство уже начало заботиться о распространеніи принятаго Парижскимъ конгрессомъ ученія о морскомъ правѣ, и съ этою цѣлію обратилось уже къ Франкфуртскому Сейму, приглашая его приступить къ тѣмъ же началамъ. Успѣхъ здѣсь почти несомнѣненъ. Но съ достовѣрностію можно сказать, что Сѣверо Американскіе Штаты

едва ли когда-нибудь согласятся признать новое Европейское ученіе о каперствѣ, прямо противорѣчащее ихъ исконному обычаю и существеннѣйшимъ выгодамъ. Это-то обстоятельство безъ сомнѣнія имѣли въ виду Русскіе уполномоченные въ Парижѣ, когда въ 23-мъ и предпослѣднемъ засѣданіи конгресса, приступая отъ имени Императорскаго правительства къ единогласному мнѣнію прочихъ уполномоченныхъ о вопросѣ морскаго права, графъ Орловъ присоединилъ, что Русскій дворъ отнюдь не пріемлетъ однако на себя обязательства поддерживать это новое начало отмѣненія каперства противъ тѣхъ державъ, которыя не заблагоразсудятъ сами принять его; вмѣстѣ съ тѣмъ, когда конгресомъ постановлено, что договаривающіяся державы отнынѣ лишаются права вступить съ какими бы то ни было другими государствами въ соглашенія, основанныя на началахъ, противныхъ новопринятому ученію о морскомъ правѣ, уполномоченные наши оговорили, что правило это не должно имѣть обратнаго дѣйствія на тѣ договоры, которые по сему предмету уже были заключены до настоящаго Парижскаго мира.

Въ самомъ дѣлѣ, Сѣверо-Американскіе Штаты, руководствуясь иными политическими жизненными началами, далеко не съ Европейской точки зрѣнія разсматриваютъ каперство, и Американцы при обыкновенномъ практическомъ настроеніи своемъ не подчиняются слѣпо Европейскому воззрѣнію, ради одной лишь чести прославленія себя въ Англо-Французскихъ журналахъ людьми, ставшими въ уровень съ современными требованіями. Не имѣя почти вовсе сухопутнаго постояннаго войска и, сравнительно съ Европейскими державами, въ мирное время содержа на иждивеніи своемъ лишь самое незначительное число военныхъ судовъ, внѣшнему блеску постоянныхъ чрезмѣрныхъ военныхъ вооруженій систематически предпочитая обогащеніе гражданъ своихъ чрезъ сбереженіе необходимыхъ на всѣ эти расходы податей и повинностей, Американское правительство искусно пользуется одинокимъ, отдаленнымъ отъ Европы положеніемъ своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на случай нужды изыскиваетъ для себя иныя своеобразныя средства безопасности,

болѣе дешевыя и для него пригодныя. Извѣстно, что весь безчисленный купеческій флотъ Американскій строится такимъ образомъ, что въ случаѣ нужды онъ немедленно можетъ быть вооруженъ и обращенъ въ военныя суда; по объявленіи войны, немедленно раздаются всѣмъ каперскіе патенты (lettres de marque), и всѣ отдаленныя отъ Европы, наименѣе защищенныя морскими стоянками воды покрываются густою тучею ловцевъ, отъ которыхъ трудно ускользнуть непріятельскимъ купеческимъ судамъ. Въ случаѣ войны сухопутное войско также составляется изъ немедленно ополчаемыхъ охотниковъ. Такимъ образомъ и на морѣ, и на сушѣ Американское правительство на случай войны почти исключительно прибѣгаетъ къ народному ополченію, какъ къ средству защиты отъ враговъ и даже наступленія; каперство вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ высшее разумное значеніе, являя вполнѣ законное участіе народа въ защитѣ своего отечества и представляя на Американской почвѣ нѣчто совершенно аналогическое нашему Русскому ополченію или Прусскому ландверу и ландштурму. Понято поэтому, что Америка безъ сомнѣнія неохотно отречется отъ столь подручнаго, дешеваго и страшнаго для непріятелей орудія своего; это орудіе, это всегда готовое ополченіе, составляетъ предметъ справедливой ея гордости, и не было до сихъ поръ примѣра, чтобъ оно когда-нибудь измѣнило ей въ день опасности; напротивъ, Американскому правительству несравненно всегда труднѣе умѣрить, чѣмъ возбудить народный жаръ и патріотическія чувства. Справедливо и то, что Американскій гражданинъ всегда заранѣе увѣренъ въ чисто національномъ характерѣ того подвига, къ которому призываетъ его отечество; онъ знаетъ навѣрно, что будетъ сражаться не за отвлеченныя какія либо начала или за чьи либо чужія выгоды, но за родную ему Америку, за преобладаніе въ ней своего отечества или за охраненіе ея отъ вмѣшательства въ ея дѣла державъ чуждаго ему Стараго Свѣта.

Другое государство, еще болѣе намъ близкое и котораго также непосредственно касается новая теорія о каперствѣ, это—маленькое Греческое королевство, по слабости своей

лишенное всякаго другаго оружія противъ сильныхъ западныхъ морскихъ державъ, въ случаѣ разрыва съ ними, но вмѣстѣ съ тѣмъ по географическому положенію своему, извѣстной предпріимчивости и неукротимому патріотическому духу своихъ островитянъ призванное, въ случаѣ каперской войны, нанести страшныя раны западной торговлѣ на Левантѣ. Особенно важно станетъ въ этомъ отношеніи положеніе Греціи, когда имѣющее по всѣмъ вѣроятіямъ вскорѣ осуществиться прорытіе Суэзскаго перешейка немедленно обратитъ на этотъ новый кратчайшій путь всю Индійскую мореходную торговлю и сдѣлаетъ изъ Греческаго Архипелага передовую морскую стоянку, подчиненную Русскому вліянію и всегда держащую въ рукахъ своихъ судьбу главной артеріи всемірной торговли. Понятно, что при этихъ обстоятельствахъ невольно возникаетъ въ умѣ каждаго вопросъ: успѣютъ ли западныя державы, совокупно съ Россіею носящія званіе покровителей возрожденной Эллады, навязать и ей свои новые законы?...

16-го Апрѣля (по нов. ст.) произошло послѣднее 24-е засѣданіе конгресса, и большая часть членовъ его немедленно разъѣхались послѣ двухъмѣсячнаго пребыванія своего въ Парижѣ, куда теперь въ свою очередь спѣшили король Виртембергскій, эрцгерцогъ Фердинандъ Австрійскій и принцъ Оскаръ Шведскій. Шумный Парижъ оживился болѣе, чѣмъ когда-либо: во время продолжительныхъ дипломатическихъ совѣщаній родился Императору многожеланный имъ наслѣдникъ, и пышный городъ, съ равнымъ ликованіемъ всегда встрѣчающій всякаго новаго Цезаря, спѣшилъ нести къ новой колыбели обычную дань оффиціальныхъ восторговъ и обѣтовъ неизмѣнной вѣрности.

Между тѣмъ, наканунѣ дня закрытія конгресса, 15-го Апрѣля, подписанъ въ Парижѣ новый тройственный союзъ Франціи, Англіи и Австріи. Новый договоръ этотъ довольно долго оставался неизвѣстенъ всѣмъ, покуда Англійскіе министры не внесли его, наконецъ, въ палаты, и оживленныя пренія не очертили явственнымъ образомъ его происхожденія, существа и цѣли.

Содержаніе его изложено въ трехъ коротенькихъ статьяхъ:

договаривающіяся державы гарантируютъ независимость и цѣлость Оттоманской Имперіи, обязуются почитать за casus belli всякое нарушеніе Парижскаго мирнаго договора 30-го Марта 1856 года и обѣщаются въ такомъ случаѣ немедленно согласиться съ Портою и между собою на счетъ лучшаго употребленія своихъ сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ.

Договоръ, внезапно такимъ образомъ обнаруженный послѣ окончательнаго обмѣна всѣхъ ратификацій Парижскаго мирнаго трактата, естественно долженъ былъ изумить всѣ оставшіеся ему чуждыми Европейскіе кабинеты и вмѣстѣ сдѣлаться предметомъ самыхъ разнообразныхъ сужденій и пытливыхъ догадокъ газетнаго міра. Всѣхъ несказанно поражало наружное противорѣчіе, невольно бросавшееся всякому въ глаза: явнаго съ одной стороны несогласія двухъ западныхъ державъ съ Австріею на счетъ Итальянскихъ дѣлъ, съ другой не менѣе явнаго и твердаго соглашенія ихъ на счетъ Восточнаго вопроса. Каждый невольно спрашивалъ себя, какъ могла Франція въ одно и тоже время ласкать сослужившую ей службу Сардинію и вступать въ тѣснѣйшія связи съ Вѣнскимъ кабинетомъ, смертельнымъ врагомъ Савойскаго дома; какъ могъ лордъ Пальмерстонъ, при всей обычной изворотливости своей, предлагать палатамъ усиленіе ссуды, сдѣланной Сардиніи, громогласно увѣрять ихъ, что не ручается за сохраненіе Австрійскаго владычества въ Сѣверной Италіи, поощрять изъ-подъ руки преданныя себѣ газеты къ самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ на Австрійскую политику въ этой несчастной странѣ, и въ тоже время съ тоюже самою Австріею входить въ искреннія тяжеловѣсныя и безсрочныя обязательства по вопросу Европейской политики, такъ недавно еще стоившему человѣчеству потоковъ слезъ и крови? Всѣ эти кажущіяся противорѣчія стали по-немногу уясняться лишь съ тѣхъ поръ, какъ, съ раскрытіемъ многихъ новыхъ фактовъ, начало созрѣвать сознаніе, что, не взирая на минованіе кровавой брани, Восточный вопросъ не потерялъ однако своей важности и остался по прежнему главнымъ, существеннымъ элементомъ Европейской политики, хотя, быть

можетъ, подъ временно видоизмѣненной формой; и что по отношенію къ нему всѣ прочія политическія запутанности занимаютъ лишь далеко второстепенное мѣсто, служа западнымъ державамъ или дешевымъ средствомъ расплаты съ старыми союзниками за отбытыя уже услуги, или полезнымъ пугаломъ для содержанія въ постоянномъ страхѣ и обезпеченія себѣ сколько-нибудь искренняго содѣйствія кабинета, извѣстнаго своимъ неисправимымъ двуличіемъ. Рядъ замѣчательныхъ статей о новомъ договорѣ, помѣщенныхъ въ одной изъ старѣйшихъ Французскихъ газетъ и нечуждыхъ, говорятъ, оффиціальнаго внушенія, взялся объяснить намъ многое, намъ долго непонятное, и напомнить намъ многое, что̀ намъ невозможно было забыть. Мы узнали изъ нихъ, что первая мысль этого новаго союза принадлежитъ предусмотрительному Вѣнскому правительству, которое, въ ту самую минуту, когда бралось предъявить въ С.-Петербургѣ свое рѣшительное ходатайство о прекращеніи войны, меморандумомъ отъ 14 Ноября прошлаго года уже испросило себѣ у Франціи и Англіи обѣщаніе союза, на случай примиренія ихъ съ Россіею; мы узнали далѣе, что непосредственною цѣлью западныхъ державъ, при подписаніи договора, было воспрепятствовать по возможности новому сближенію трехъ главныхъ участниковъ отжившаго Священнаго Союза и разъединить Германію, гдѣ искренняя дружба Пруссіи съ Австріею легко могла увлечь послѣднюю въ сферу, чуждую вліянію Франціи и Англіи, и снабдить ее слишкомъ сильными противъ нихъ гарантіями; мы вспомнили, наконецъ, что новый тройственный договоръ не есть въ сущности новость, а только повтореніе и воспроизведеніе другаго подобнаго же союза, правда, по игрѣ случая, не долго существовавшаго, но въ глубокой тайнѣ заключеннаго, 3-го Февраля 1815 года, на зло Александру Благословенному, между Людовикомъ XVIII, за нѣсколько дней до этого имъ возведеннымъ на престолъ, и Австріею съ Англіею, обязанными Русскому оружію низверженіемъ злѣйшаго врага своего.

Сравнительно съ существенною важностію этихъ выгодъ, Французскому правительству конечно могли показаться довольно мелкими политическія отношенія въ Сѣверной Италіи, гдѣ

значительное усиленіе Сардинскаго королевства едвали не нанесло бы ущерба его собственному вліянію; ему покуда достатачно поддерживать къ себѣ симпатіи Итальянскаго народонаселенія посредствомъ миролюбиваго исходатайствованія ему путемъ дипломатическимъ нѣкоторыхъ существенныхъ гражданскихъ преобразованій и правительственныхъ улучшеній.

Лордъ Пальмерстонъ, быть можетъ, охотно пошелъ бы и далѣе; но онъ явно боится переступить грани, положенныя его тревожной дѣятельности волею Французскаго императора, да и въ самой Англіи не вполнѣ расчитываетъ на поддержку общественнаго мнѣнія. Надъ соединеннымъ королевствомъ нависла грозная туча, тяжелымъ камнемъ залегшая на сердцѣ государственныхъ мужей ея всѣхъ мнѣній и всѣхъ партій: это возможность разрыва съ упрямыми и дерзкими Янки (Jankee), въ густыхъ дебряхъ и плодоносныхъ степяхъ своихъ забывшими утонченное обращеніе, учтивую уступчивость и медоточивую рѣчь Европейской дипломаціи. Британское правительство согласно на всякую сдѣлку, сколько нибудь спасающую его честь передъ Старымъ Свѣтомъ, готово даже принять посредничество недавняго врага, увѣрено будучи въ его высокомъ безпристрастіи; оно сдѣлаетъ все, что̀ можетъ, дабы избѣгнуть разрыва съ неучтивымъ племенемъ, желающимъ вѣдать дѣла своего полушарія помимо всякаго посторонняго вліянія, и столько ограниченнымъ, что никогда не пойметъ, что вмѣшательство Англіи также законно въ Никарагвѣ, какъ и въ Царьградѣ или Бухарестѣ. Но увы! все дѣло зависитъ отъ слѣпаго случая, отъ нечаяннаго, быть можетъ, обмѣна въ Американскомъ полушаріи между Англійскими матросами и Американскими искателями приключеній двухъ-трехъ выстрѣловъ, которыхъ лорду Пальмерстону невозможно ни предупредить, ни загладить, если дѣйствительно произошла бы такая бѣда; и по неволѣ долженъ Джонъ-Буль готовиться на всякій случай къ новымъ военнымъ подвигамъ, усиливать свои Американскія морскія стоянки и пересылать подкрѣпленія въ Канаду, производя все это втихомолку, чтобъ еще пуще не раздражить сварливаго противника. Между тѣмъ, даже и для предпріимчиваго, дерзкаго Американца Англія представляетъ въ настоящую минуту опаснаго врага: еще не

разоружившись послѣ упорной брани съ Россіею, обогатившей ее въ дѣлѣ морской войны немалою долею новаго опыта, она недавно потѣшила себя и вѣнценосную королеву свою зрѣлищемъ безспорнаго величія своего на морѣ; и гордо должно было забиться сердце каждаго Британца въ Спитгедѣ, когда раскрылось передъ нимъ море, усѣянное и порабощенное сотнями паровыхъ судовъ, большею частію совершеннѣйшаго изъ нынѣ существующихъ устройства, и въ полной мѣрѣ дающихъ родному острову его право на громкое названіе „царицы морей". Тщетно пророчили ей враги ея, что введеніе въ судостроеніе Архимедова винта уравняетъ съ ея флотомъ флоты всѣхъ народовъ: она немедленно присвоила себѣ новое изобрѣтеніе и немедленно приложила его въ огромныхъ, невиданныхъ размѣрахъ; и теперь, при безчисленномъ множествѣ принадлежащихъ ей во всѣхъ моряхъ острововъ и гаваней, при заботливомъ скопленіи на всѣхъ даже отдаленнѣйшихъ точкахъ огромныхъ запасовъ каменнаго угля, при искусномъ сочетаніи всѣхъ этихъ необходимыхъ условій для повсемѣстнаго успѣшнаго дѣйствія винтовыхъ судовъ, она успѣла какъ бы укрѣпить за собою преимущественное употребленіе новаго двигателя и удесятерить для себя пользу его сравнительно съ государствами, не имѣющими вблизи отъ главныхъ даже домашнихъ гаваней своихъ собственнаго дешеваго угля и принужденными добывать его себѣ изъ Англіи.

Положеніе Германіи новымъ тройственнымъ союзомъ измѣнилось въ томъ смыслѣ, что взаимныя отношенія различныхъ составныхъ элементовъ ея стали яснѣе и опредѣлительнѣе, и степень Прусскаго вліянія на мелкія Нѣмецкія правительства несомнѣнно и благодѣтельно усилилась, въ ущербъ Австрійскому. Причины, побудившія Вѣнскій кабинетъ искать себѣ нравственной опоры въ союзѣ съ западными державами, до того ясны, что распространяться о нихъ было бы, кажется, излишне. Но, дружелюбно протягивая имъ руку ради полученія отъ нихъ помощи, Австрія тѣмъ не менѣе не вдругъ отказалась отъ надежды въ одно и тоже время снискать себѣ еще важнѣйшее для себя сочувствіе и послуги Германскаго міра—Пруссіи и Франкфуртскаго Сейма. Даже неудовлетворительная и нѣсколько сухая благодарность по-

слѣдняго за мнимые подвиги, подъятые Австріею на пользу Германскихъ выгодъ въ Парижѣ и на Дунайскихъ берегахъ, безсильна была сразу убѣдить ее въ охлажденіи къ ней чувствъ Германіи. Прекращеніе Восточной войны положило конецъ дѣйствію оборонительнаго и наступательнаго союза 20 Апрѣля 1854 года, доставившаго Австрійской имперіи драгоцѣнное обезпеченіе Пруссіею (а вслѣдъ за нею и цѣлымъ Германскимъ союзомъ) всѣхъ разнообразныхъ владѣній ея но только Нѣмецкихъ, но и внѣ-Германскихъ, Славянскихъ, Маджарскихъ и Итальянскихъ, и совершенно обезопасившаго ее на время войны отъ всякаго враждебнаго притязанія, съ которой стороны оно ни проявилось бы, съ Востока или Запада. Естественно пламенное желаніе Австріи, при настоящихъ сложныхъ обстоятельствахъ своихъ, достигнуть возобновленія въ свою пользу этой полезной успокоительной гарантіи и при томъ возобновленія ея на возможно-долгій срокъ, если бы посчастливилось—пожалуй, и на вѣчныя времена, по крайней мѣрѣ во столько, во сколько въ жизни дѣйствительно осуществляется формула вѣчности, съ неизмѣнною важностію сопутствующая всѣмъ дипломатическимъ сдѣлкамъ. Вотъ почему всѣ газеты наполнены были послѣднее время слишкомъ правдоподобными слухами о тайномъ порученіи, данномъ при Прусскомъ дворѣ отправленному туда изъ Вѣны престарѣлому князю Виндишгрицу, появленіе котораго въ Берлинѣ было вообще по многимъ семейнымъ его обстоятельствамъ неожиданно и возбудило во всей Германіи сильнѣйшее любопытство. Слухи эти усилились до того, что полуоффиціальныя Вѣнскія газеты, обыкновенно столь почтительно скромныя, въ сердцахъ разболтались не на шутку и въ самыхъ желчныхъ выраженіяхъ спѣшили опровергнуть неблагопріятныя извѣстія, какъ ложь и клевету на мнимую слабость Австрійскаго правительства. Какъ бы то ни было, публика осталась при своемъ мнѣніи; и по крайней мѣрѣ отселѣ стало ясно для всѣхъ, что ни Пруссія, ни самъ Франкфуртскій Сеймъ не согласны въ настоящую минуту слѣпо прислуживать Австріи, покуда она будетъ держать себя въ такомъ недвусмысленномъ отдаленіи отъ прежнихъ своихъ доброжелателей.

Послѣ всего сказаннаго можно повѣрить словамъ лорда Пальмерстона въ Англійскихъ палатахъ и нѣкоторыхъ газетъ Французскихъ и Австрійскихъ, пользующихся высшими внушеніями, что послѣднему договору 15-го Апрѣля не сопутствуютъ никакія статьи, втайнѣ между собою обусловленныя всѣми тремя державами. Дѣйствительно, самая непосредственная цѣль договора также ясна, какъ явно и открыто была выражена всѣми газетами: никто уже давно не скрываетъ ни сущности его, ни побужденій трехъ правительствъ, какъ нѣкогда скрывали три кабинета договоръ 1815 года. Да и съ другой стороны трудно было бы отыскать другой какой либо вопросъ, кромѣ разрѣшеннаго обнародованнымъ договоромъ, въ которомъ всѣ три правительства имѣли бы столь общіе интересы и убѣжденія, что могли бы дойти до общаго предварительнаго установленія цѣлей своихъ, нуждающагося въ тайнѣ. Заранѣе заготовленный раздѣлъ Турціи столько же немыслимъ, сколько былъ бы безразсуденъ въ виду чуждыхъ этой политикѣ Россіи и Пруссіи; а тайно связать руки Сардиніи въ Сѣверной Италіи никогда не посмѣетъ отвѣтственный министръ Англіи и не захочетъ императоръ Французовъ, безспорно нуждающійся въ сохраненіи полной свободы своихъ дѣйствій на этомъ поприщѣ. И безъ того уже обманутая западными державами въ ожиданіяхъ своихъ, Сардинія безсильно протестовала нотою Французскому правительству отъ 16-го Апрѣля противъ недостаточныхъ по ея мнѣнію рѣшеній конгресса относительно Итальянскихъ дѣлъ. Она ищетъ нынѣ сближенія съ другими государствами, прежде всего съ дружелюбною къ ней Россіею, Испаніею, Бельгіею, Франкфуртскимъ Сеймомъ, Пруссіею, и спѣшитъ при первыхъ четырехъ акредитовать своихъ повѣренныхъ; бодрая и твердая въ убѣжденіяхъ своихъ, она мужается противъ встрѣченныхъ препятствій, подобно пылкому юношѣ, переходящему въ зрѣлый возрастъ, впервыя извѣдавшему недостаточность одного заботливаго лелѣянія любимой мечты, чтобы на дѣлѣ достигнуть осуществленія ея, и убѣдившагося въ необходимости тяжелаго, упорнаго, часто неблагодарнаго труда.

Жертва предупредительной дружбы, Оттоманская Имперія изнемогаетъ подъ бременемъ предписанныхъ ей улучшеній. Улицы всѣхъ городовъ ея, большихъ и малыхъ, непрестанно обагряются кровію, проливаемою то во имя вводимыхъ преобразованій, то ради упорнаго ихъ отверженія. Верховный визирь, странствуя между Лондономъ и Парижемъ, непрестанно и, можетъ быть, безнадежно, передаетъ по телеграфу государю своему совѣты, не легко осуществимые. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Имперіи, особенно въ Сѣверной Аравіи, правовѣрные отмѣнили въ мечетяхъ молиться за прежде священную для нихъ особу султана, непрестанно издающаго мудреные законы для непонятнаго мусульманину уравненія всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣроисповѣданій. А между тѣмъ министры Англійской королевы утверждаютъ въ палатахъ, что обезпечить цѣлость Турецкой имперіи не значитъ гарантировать владычество Турокъ въ Турціи *).

Для Россіи вмѣстѣ съ миромъ наступила новая дипломатическая эра, и заслуженный ветеранъ Европейской политики, многолѣтнее поприще котораго протекло между двумя знаменательными эпохами конгрессовъ Вѣнскаго и Парижскаго, доживъ до глубокой старости, передалъ кормило дипломатическихъ сношеній Россіи новому министру иностранныхъ дѣлъ, князю Горчакову. Тройственный союзъ 15 Апрѣля только возвратилъ Россіи полную свободу дѣйствій ея во внѣшнемъ мірѣ, ибо безразсудно было бы мечтать, что можетъ быть извнѣ ослаблена и изолирована держава въ 65 милліоновъ жителей. Для убѣжденія въ томъ западныхъ державъ достаточно было бы имъ вспомнить у всѣхъ на глазахъ находящійся примѣръ конечно менѣе могущественной Франціи. Въ настоящую минуту развитія человѣчества важно прежде всего внутреннее, самобытное, духовное развитіе и преспѣяніе народовъ, естественно за собою влекущее вещественныя улучшенія и размноженіе предметовъ народнаго богатства, и вмѣстѣ

*) Лордъ Абердинъ публично говоритъ, что безъ дѣятельнаго вмѣшательства Европейскихъ правительствъ торжественный фирманъ султана не стоитъ и того лоскутка бумаги, на которомъ онъ написанъ.

служащее лучшимъ залогомъ разумныхъ сочувствій извнѣ. Къ этимъ-то мирнымъ подвигамъ призвано нынѣ отечество наше благою державною волею Государя и къ нимъ побуждается также собственнымъ влеченіемъ.

Будемъ твердо надѣяться, что Провидѣніе благословитъ совокупныя дѣйствія Царя съ Его народомъ и подаритъ Россіи въ грядущемъ неизмѣнно счастливые дни, на благо всему Восточному міру.

3 Іюня 1856 года.

ОБОЗРѢНІЕ

ВНУТРЕННЯГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Напечатано было въ 3-й книгѣ Русской Бесѣды 1856 года.

ОБОЗРѢНІЕ
ВНУТРЕННЯГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Мы пытались въ первыхъ книгахъ Р. Бесѣды изложить въ главныхъ чертахъ политическія отношенія Россіи къ Европѣ и разсмотрѣть исходъ послѣдней ожесточенной борьбы ихъ, борьбы, завѣщанной имъ исторіею и нынѣ на время прекратившейся. Но рядомъ съ этими явленіями внѣшней жизни идетъ внутренняя жизнь народа и государства, всегда составляющая существеннѣйшую, драгоцѣннѣйшую сторону развитія народнаго духа, а нынѣ въ особенности представляющая намъ явленіе тѣмъ любопытнѣйшее, тѣмъ важнѣйшее, что она должна заключать въ себѣ отвѣтъ на многіе запросы и требованія, возникшіе вслѣдствіе послѣдней войны. Въ этомъ-то неразрывномъ единствѣ, въ этой взаимной соотвѣтственности внутренней и внѣшней жизни народовъ и заключается безъ сомнѣнія нравственная законность тѣхъ кровавыхъ международныхъ столкновеній, которыми государства взаимно испытуютъ свою внутреннюю крѣпость, это единственное и непреложное мѣрило и внѣшняго ихъ вліянія. Война, искусственно возбуждая напряженіе всѣхъ сокровенныхъ силъ государства, натягивая всѣ струны внутренней жизни до возможныхъ предѣловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ безжалостно изобличаетъ всѣ слабыя или темныя стороны ея, обнаруживаетъ сравнительную несостоятельность одного государства передъ другимъ въ томъ или другомъ отношеніи и спасительно охраняетъ народы отъ преждевременнаго усыпленія. Это явленіе въ значительныхъ размѣрахъ обнаружилось въ Англіи; ему безъ сомнѣнія суждено отозваться и во всѣхъ прочихъ государствахъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ послѣдней борьбѣ.

Тѣмъ не менѣе самое время продолженія военныхъ дѣйствій есть минута, безъ сомнѣнія мало благопріятствующая немедленному развитію внутреннихъ учрежденій; достаточно уже и того, если въ такую трудную минуту кинуты хотя первыя сѣмена ихъ, положены первыя начинанія тому, чему со временемъ суждено на твердомъ основаніи упрочить вещественное благосостояніе и духовное развитіе народа. Въ особенности важно, когда таковыя начинанія сопряжены съ дѣломъ милосерднаго забвенія давно минувшихъ заблужденій. Теперь, когда еще тѣснѣе скрѣплена едва совершившимся торжественнымъ вѣнчаніемъ Государя на царство и принятіемъ Святаго Мѵропомазанія неразрывная связь народа съ своимъ Царемъ, будетъ болѣе, нежели когда-либо, кстати изобразить въ быстромъ очеркѣ совокупность законодательнаго движенія съ 18 Февраля 1855 по 26 Августа текущаго года.

Законы, изданные въ этотъ краткій промежутокъ времени, говоря вообще, не весьма многочисленны: законодатель, очевидно, имѣлъ въ виду, не расточая вотще дѣятельности своей, ограничиться воздѣйствіемъ на существеннѣйшія стороны народной жизни, вѣковымъ опытомъ убѣжденный, что не числительность мѣръ, но внутреннее достоинство ихъ и строгое соотвѣтствіе дѣйствительнымъ современнымъ потребностямъ народа обезпечиваютъ правильное и прочное вліяніе правительства на историческое развитіе государства. Весьма любопытно сравненіе числъ законодательныхъ распоряженій, завѣщанныхъ Полному Собранію Законовъ четырьмя послѣдними царствованіями; числа эти представляются намъ въ такой послѣдовательности: отъ императрицы Екатерины II (1762 — 1796) осталось 5948 узаконеній; отъ императора Павла I (1796—1801) 2249; отъ императора Александра I (1801—1825) 10821; отъ императора Николая I (1825 до 1 Января 1855) 30366. Такимъ образомъ среднее число указовъ, ежегодно выходившее въ теченіи этихъ четырехъ царствованій, постоянно колеблясь сообразно самой системѣ управленія и, конечно, отчасти усиливаясь также вслѣдствіе неизбѣжнаго съ теченіемъ времени развитія дѣлъ государственныхъ, доходило отъ 175

до 500, 450 и 1047. Незабвенная для Россіи эпоха Екатерины вновь поражаетъ насъ при этомъ, независимо отъ внѣшняго блеска и величія своего, еще и тою неподдѣльною простотою въ пріемахъ управленія, которая внушается лишь истиннымъ геніемъ и глубокимъ умѣніемъ пользоваться для достиженія мудрыхъ своихъ цѣлей могучими средствами, всегда присущими самодѣятельности общественной. Благоразумно довѣрчивая къ мѣстнымъ властямъ и чуждая теоретической мысли сосредоточенія въ высшихъ сферахъ всѣхъ мелочей управленія, чуждая также стремленію къ хозяйственнымъ монополіямъ и всегда готовая дать свободный просторъ личной дѣятельности каждаго, счастливо сочетавъ искреннее уваженіе къ умственнымъ преданіямъ старины съ рѣдкимъ сочувствіемъ ко всему полезному въ учрежденіяхъ иноземныхъ, Екатерина умѣла довольствоваться неторопливою законодательною дѣятельностію и тѣмъ не менѣе дѣйствіемъ власти своей проникать всюду, гдѣ требовали того истинная польза и слава народная.

Предметомъ настоящаго обзора безъ сомнѣнія не можетъ быть исчисленіе всѣхъ безъ изъятія законоположеній, изданныхъ въ теченіи послѣднихъ $1^1/_2$ годовъ; мы должны будемъ удовольствоваться перечнемъ лишь главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ изъ нихъ, тѣхъ именно, въ которыхъ наияснѣе отразилась связующая ихъ мысль, высказанная въ обѣщаніи памятнаго для всѣхъ Манифеста 19 Марта: „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство: правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности; и каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Наконецъ, и сіе есть первое, живѣйшее желаніе Наше, свѣтъ спасительной Вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность,— сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія“.

Изданные законы относятся частію къ распространенію

народнаго образованія, къ развитію общественнаго богатства, частію къ усовершенствованію государственнаго устройства и управленія; они довершаются наконецъ цѣлою драгоцѣнною совокупностію мѣръ милосердія. О многихъ существенныхъ преобразованіяхъ, введенныхъ въ вѣдомствѣ военномъ и особенно въ устройствѣ морскихъ силъ, съ недавняго времени, подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ пріявшемъ новое, живое и чрезвычайное развитіе, мы, къ сожалѣнію, здѣсь упоминать не будемъ, какъ о предметахъ, требующихъ по преимуществу изученія спеціальныхъ цѣнителей и знатоковъ.

Стремленіе къ распространенію свѣта образованія, какъ необходимаго начала народной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ существеннѣйшаго орудія правительственной власти во всѣхъ ея благихъ предначинаніяхъ, всегда является первою заботою послѣдней. Эта простая и ясная мысль, лишь изрѣдка затемняемая въ исторіи непонятнымъ страхомъ мнимой непримиримости духа истиннаго просвѣщенія съ необходимыми внѣшними условіями порядка и тишины, постоянно сопутствовала всѣмъ лучшимъ эпохамъ нашей отечественной исторіи. Волѣ нынѣ благополучно царствующаго Государя обязаны полнымъ возрожденіемъ своимъ университеты, эти могущественнѣйшіе и вѣрнѣйшіе разсадники общественнаго образованія, ведущіе у насъ родословную свою отъ дочери Петра Великаго и въ кругѣ дѣятелей просвѣщенія рѣшительно незамѣнимые никакаго другаго рода учебными учрежденіями; нѣсколькими другъ за другомъ вскорѣ послѣдовавшими Высочайшими повелѣніями, отъ 23-го Ноября 1855 и 5 Марта 1856 года, вновь разрѣшенъ пріемъ на всѣ факультеты университетовъ неограниченнаго числа студентовъ, утверждены права ихъ при вступленіи въ военную службу, и повелѣно вновь отправить отъ университетовъ за границу по нѣскольку человѣкъ для усовершенствованія въ наукахъ и ознакомленія съ ними въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ выработались на Западѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указомъ отъ 27 Декабря 1855 года вновь предположено отдѣлить Учебные Округи отъ вѣдомства мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ и подчинить по прежнему особымъ попечи-

телямъ, что̀ постепенно и приведено уже вездѣ въ исполненіе; Императорская Публичная Библіотека, вслѣдствіе особеннаго относительно ея распоряженія, сдѣлана еще доступнѣе и еще болѣе открытою для любознательной публики; въ Москвѣ разрѣшено основаніе двухъ новыхъ повременныхъ изданій—Русской Бесѣды и Русскаго Вѣстника; въ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства не приказано помѣщать военныхъ чиновъ въ должности надзирателей; наконецъ, именнымъ указомъ Правительствующему Сенату отъ нынѣшняго 5-го Мая, Министерство Народнаго Просвѣщенія взыскано высокою честію быть поставленнымъ подъ непосредственное наблюденіе Государя Императора; вновь опредѣлены отношенія министра къ Главному Правленію училищъ, важнѣйшіе журналы послѣдняго повелѣно представлять непосредственно на Императорское воззрѣніе въ подлинникахъ; въ случаѣ разногласія министра и Главнаго Правленія предписано оба мнѣнія, особымъ докладомъ, повергать на Высочайшее рѣшеніе, и при Главномъ Правленіи возстановленъ Ученый Комитетъ. „Признавая, гласитъ указъ сей, одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ Нашихъ заботъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія Нашей возлюбленной Россіи, Мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Нашимъ наблюденіемъ. Въ этихъ видахъ, оставляя управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и подвѣдомственными оному учрежденіями въ настоящемъ устройствѣ, Мы признаемъ нужнымъ о всѣхъ важнѣйшихъ распоряженіяхъ имѣть постоянныя свѣдѣнія...“ Такимъ образомъ вновь упрочено на твердомъ основаніи гражданское просвѣщеніе и предоставлены ему средства къ безпрепятственному его распространенію въ народѣ. Свободные отъ всѣхъ внѣшнихъ ограниченій, столько несродныхъ ихъ въ высшей степени общительному духу, вновь торжественно ободренные Царскою о себѣ заботою и въ лицѣ старѣйшаго изъ среды своей обрадованные недавно милостивымъ посѣщеніемъ Государя, университеты отнынѣ вступаютъ въ новую эпоху своего существованія, безъ сомнѣнія обильную и новыми трудовыми

подвигами во имя науки, и зрѣлыми плодами истинно народнаго просвѣщенія.

Между тѣмъ, другой важнѣйшій дѣятель народнаго образованія, ближайшій изъ всѣхъ къ народу, доступнѣйшій ему и безъ сомнѣнія призванный имѣть на него существеннѣйшее вліяніе, не оставался также чуждъ попеченію о немъ правительства: мы говоримъ о сельскомъ духовенствѣ. Двумя Высочайшими указами Святѣйшему Сѵноду, отъ 19 Марта 1855 года и 9 Апрѣля 1856 года, не смотря на чрезвычайные расходы и тягости военнаго времени, повелѣно, въ дополненіе къ прежде уже разновременно назначаемымъ 2.815,000 рубл. сер. на содержаніе церковныхъ причтовъ въ епархіяхъ, отпускать еще ежегодно изъ государственныхъ доходовъ двѣсти тысячъ рублей серебромъ на производство жалованья сельскимъ причтамъ въ остальныхъ пяти уѣздахъ Вологодской епархіи, еще не воспользовавшихся этимъ благодѣтельнымъ вспомоществованіемъ, во всей Костромской епархіи, въ трехъ уѣздахъ епархіи Пензенской, именно Пензенскомъ, Чембарскомъ и Мокшанскомъ, и наконецъ на улучшеніе содержанія причтовъ городскихъ и сельскихъ въ области Якутской, назначеннаго имъ еще въ 1849 году. Такое обезпеченіе вещественнаго благосостоянія сельскаго духовенства должно, конечно въ соединеніи съ усовершенствованіемъ образованія его въ мѣстныхъ семинаріяхъ, лучше всего способствовать къ упроченію за нимъ въ обществѣ безспорно принадлежащаго ему почетнаго мѣста, какъ сѣятелю въ народѣ Христіанскаго ученія и проводника свободнаго духовнаго просвѣщенія, изъ всѣхъ просвѣщеній наиболѣе сроднаго и наиболѣе сочувственнаго Русскому міру.

Не менѣе вопроса о народномъ образованіи долженъ былъ обратить на себя вниманіе правительства вопросъ объ усиленіи, по мѣрѣ возможности, средствъ къ развитію народнаго богатства и упроченію вещественнаго благосостоянія государства, какъ посредствомъ облегченія торговыхъ сношеній съ другими народами, такъ и черезъ устраненіе всякаго рода стѣсненій въ сбытѣ собственныхъ произведеній нашихъ внутри предѣловъ самаго отечества нашего и

поощреніе частныхъ дѣятелей къ образованію товариществъ для разныхъ промышленныхъ предпріятій.

Въ первомъ отношеніи главныя измѣненія введены въ торговлѣ Кяхтинской, самыя основныя начала которой преобразованы Высочайше утвержденнымъ 1 Августа прошедшаго года положеніемъ Сибирскаго комитета, а именно: вопервыхъ, вмѣсто прежде существовавшихъ ограниченій торговли купцовъ нашихъ и Китайскихъ общественными разцѣнками и положеніями, установленъ впредъ размѣнъ товаровъ по вольнымъ цѣнамъ; вовторыхъ, разрѣшенъ при этомъ отпускъ за границу черезъ Кяхту золотой монеты съ тѣмъ, чтобъ она вывозима была не иначе, какъ совокупно съ товарами, и чтобъ при каждой торговой сдѣлкѣ цѣнность выпускаемыхъ дрогоцѣнныхъ металловъ не превышала $^1/_3$ цѣнности промѣниваемыхъ при этомъ мануфактурныхъ и $^1/_2$ пушныхъ товаровъ. Время безъ сомнѣнія лучше всякихъ гадательныхъ доводовъ вполнѣ оправдаетъ эту мѣру, вызванную многолѣтнимъ уже застоемъ нашей Кяхтинской торговли при преобладаніи прежней устарѣвшей системы; для осужденія послѣдней достаточно будетъ указать на краснорѣчивыя цифры, собранныя въ извѣстныхъ сочиненіяхъ гг. Тенгоборскаго и Небольсина и подтверждаемыя единогласными показаніями самаго купечества нашего. Говоря о торговлѣ Кяхтинской, не излишне будетъ замѣтить, что невыгодный, такъ называемый торговый балансъ, причиняющій значительный вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ и столько вообще насъ устрашающій, не есть явленіе, исключительно принадлежащее торговымъ сношеніямъ съ Азіею нашего отечества; напротивъ, оно повторяется и въ Азіатской торговлѣ всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ, обусловливаясь съ одной стороны сравнительнымъ богатствомъ Европы, дозволяющимъ ея жителямъ въ значительномъ количествѣ требовать для своего потребленія всѣхъ предметовъ роскоши, коими изобилуетъ Азія, съ другой же — бѣдностію, низкою степенью образованности и мало развитыми потребностями жителей Востока, вслѣдствіе которыхъ они еще не пользуются многими произведеніями Европейской промышленности и мало спрашиваютъ ихъ для себя, предпочитая имъ другаго рода товаръ—золото и серебро.

Другая важнѣйшая вѣтвь нашей заграничной торговли— сахаръ — подверглась также нѣкоторому преобразованію: установленная общимъ тарифомъ 1850 года пошлина съ сахара-сырца по морскому привозу въ 3 р. 80 к. сер. понижена во всѣхъ портахъ Имперіи на 80 к. сер., т. е. до 3 руб. съ пуда, начиная съ 1-го Августа текущаго года, и вмѣстѣ разрѣшенъ привозъ изъ-за границы сахара рафинада въ головахъ съ пошлиною по 5 рублей съ пуда. Необходимымъ и безъ сомнѣнія благодѣтельнымъ для народнаго потребленія послѣдствіемъ новаго учрежденія будетъ среднее пониженіе цѣны на сахаръ у насъ, если не совсѣмъ на 80 к. сер. съ пуда, то по крайней мѣрѣ на цифру, къ тому довольно близкую. Это пониженіе цѣны естественно должно будетъ совершиться насчетъ отечественныхъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, и при томъ, смѣемъ думать, оно окажется всего менѣе чувствительнымъ для владѣльцевъ большихъ паровыхъ заводовъ, коимъ обработка свеклы, а слѣдовательно и самый сахаръ, обходится дешевле, чѣмъ владѣльцамъ малыхъ огневыхъ заводовъ, перенесется вѣроятно и послѣдними и еще не побудитъ къ закрытію ихъ заводовъ, тѣхъ изъ нихъ, которые производство свое ведутъ правильно. Невозможно было бы думать того же о привозной пошлинѣ, еще низшей противъ той, которая нынѣ установлена правительствомъ, еслибы таковая была введена. Можно утвердительно сказать, что съ пониженіемъ по морскому привозу пошлины съ сахара-сырца ниже 3 рублей сер. съ пуда, должно неминуемо начаться постепенное закрытіе огневыхъ свеклосахарныхъ заводовъ, составляющихъ впрочемъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи не безполезнѣйшую часть всей этой отрасли народной промышленности и, быть можетъ, даже оставляющихъ позади себя въ этомъ отношеніи большіе паровые заводы. Въ случаѣ чрезмѣрнаго пониженія привозной пошлины на сахаръ положеніе небольшихъ сахарныхъ заводовъ сдѣлалось бы тѣмъ затруднительнѣе и тѣмъ болѣе достойнымъ вниманія и сожалѣнія, что у насъ, вслѣдствіе особенныхъ условій рабочаго устройства и при совершенномъ недостаткѣ вольнонаемныхъ рабочихъ, весьма часто было бы владѣль-

цамъ такихъ заводовъ, даже и при денежныхъ средствахъ, далеко не такъ легко усиливать ихъ и передѣлывать ихъ на паровую систему, какъ это было возможно и легко въ остальной Европѣ. Вслѣдствіе этихъ-то соображеній правительство вѣроятно и старалось оградить правильное домашнее развитіе свеклосахарной промышленности, обезпечивъ ее тѣмъ же высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта на 6 лѣтъ отъ всякаго дальнѣйшаго пониженія привозной пошлины или повышенія акциза на домашнее производство. Такая заранѣе объявленная, опредѣлительная срочность для дѣйствій тарифовъ и акцизовъ въ высшей степени благопріятна промышленнымъ оборотамъ, вполнѣ ограждая на извѣстный срокъ предпріимчиваго капиталиста и вмѣстѣ всегда указывая ему на предстоящую ему впереди опасность. Само собою разумѣется, чѣмъ назначаемый срокъ длиннѣе, тѣмъ съ меньшимъ рискомъ сопряжено всякое промышленное предпріятіе: поэтому, напримѣръ, Нѣмецкимъ Таможеннымъ Союзомъ былъ утвержденъ срокъ 10-ти лѣтній для періодическаго пересмотра и исправленія тарифовъ.

Чрезвычайная дороговизна хлѣбная въ теченіи прошлаго 1855—1856 года, посѣтившая не одну только Западную Европу, но отозвавшаяся и у насъ почти повсемѣстно, въ особенности же въ краяхъ Новороссійскомъ и Бѣлорусскомъ, вызвала у правительственной заботливости еще двѣ особенныя мѣры, въ видѣ изъятія изъ обыкновеннаго теченія дѣла: высочайшими повелѣніями 12 Августа 1855 и 20 Марта 1856 года дозволенъ подъ извѣстными условіями ввозъ вина и спирта, сперва изъ губерній Великороссійскихъ въ Новороссійскій край, а въ послѣдствіи и въ Могилевскую губернію изъ Великороссіи же и изъ Остзейскаго края. Благодѣтельная льгота эта является конечно мѣрою временною въ законодательствѣ нашемъ, строго различающемъ средства заготовленія вина въ двухъ главныхъ полосахъ, на кои въ этомъ отношеніи раздѣлена Россія. Но если взять во вниманіе очевидную обоюдность выгодъ временно введеннаго порядка, какъ для губерній Великороссійскихъ, всегда стѣсненныхъ въ сбытѣ хлѣба своего, такъ и для края Бѣло-

русскаго и Новороссійскаго; если вспомнить, что въ послѣднемъ цѣны на хлѣбъ опредѣляются преимущественно рынкомъ Европейскимъ и по этому самому часто поднимаются внѣ всякаго соотвѣтствія съ цѣнами безсбыточныхъ областей средней Россіи, въ Бѣлоруссіи же онѣ постоянно въ значительныхъ размѣрахъ превышаютъ послѣднія, вслѣдствіе слишкомъ часто повторяющихся къ сожалѣнію въ томъ краѣ неурожаевъ; если въ такомъ случаѣ ввозъ туда изъ Великороссіи вина не есть стѣсненіе, но лишь истинное благодѣяніе для владѣльцевъ тамошнихъ, ибо имъ сберегается потребленіе на винокуреніе частицы туземнаго хлѣба, и безъ того недостаточнаго для прокормленія мѣстныхъ жителей; если вспомнить, наконецъ, что при всеобщемъ отсутствіи у насъ путей сообщенія и громоздкости товара хлѣбнаго, не выносящаго вообще расхода на дальную гужевую перевозку, хлѣбная торговля въ предѣлахъ Имперіи не можетъ быть почитаема безусловно свободною, покуда существуютъ искусственныя преграды къ повсемѣстной развозкѣ его въ видѣ спирта: то какъ не порадоваться еще болѣе и еще искреннѣе временно испытуемымъ мѣрамъ и какъ не пожелать отъ глубины души, для блага Русскихъ земледѣльцевъ, счастливаго упроченія сихъ мѣръ въ видѣ общаго и постояннаго на будущее время закона?

Между тѣмъ правительство, открывая такимъ образомъ для внутренней хлѣбной торговли отдаленнѣйшіе рынки обширной Имперіи, спѣшило вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать къ усиленной дѣятельности предпріимчивость частныхъ лицъ, усердно поощряя быстрое образованіе новыхъ товариществъ и державнымъ маніемъ указуя имъ, какъ на полезную и близкую цѣль, на умноженіе искусственныхъ пароходныхъ сообщеній по главнымъ рѣкамъ Россіи и самое порабощеніе себѣ морей Чернаго и Средиземнаго, этихъ по преимуществу Русскихъ путей торговли: ибо здѣсь Европа является добровольною данницею Россіи. 15-го Іюля текущаго года утвержденъ уставъ товарищества Донскаго пароходства, кромѣ перевозки грузовъ, имѣющаго въ виду важный для Россіи предметъ распространенія потребленія домашняго антрацита; 20 Іюля утвержденъ уставъ общества пароход-

ства по рѣкамъ Окѣ, Волгѣ и Камѣ, подъ фирмою „Русалка“; наконецъ, 3-го Августа утверждено „Русское общество пароходства и торговли“, по примѣру Россійско-Американской компаніи, состоящее подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ и учрежденное для развитія торговли Южнаго края Россіи и пароходныхъ, какъ торговыхъ, такъ и почтовыхъ сообщеній этого края съ Русскими иностранными портами.

Естественно, учрежденіе всѣхъ этихъ новыхъ промышленныхъ обществъ, предвидимое устройство желѣзныхъ дорогъ въ Южной Россіи и содержаніе въ Черномъ морѣ военныхъ судовъ, исключительно паровыхъ, должны были вызвать со стороны Правительства измѣненіе постановленій, которыми опредѣлялось доселѣ право добыванія каменнаго угля въ землѣ Войска Донскаго, этого драгоцѣннѣйшаго вмѣстилища огромныхъ копей лучшаго антрацита. Только при существованіи свободнаго доступа частной промышленности и частныхъ капиталовъ къ этимъ, безъ того втунѣ лежащимъ, естественнымъ богатствамъ, при образованіи свободнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго соперничества между производителями новаго промысла и при отводѣ имъ рудниковыхъ мѣстъ на возможно продолжительный срокъ, если не на вѣчныя времена и не въ полную собственность, можно было ожидать начала значительныхъ разработокъ каменноугольныхъ копей, основанныхъ на здравыхъ началахъ горной науки, способныхъ удовлетворить непрестанно возрастающимъ требованіямъ промышленности и могущихъ въ скоромъ времени понизить существующія цѣны на новое топливо до степени, дѣлающей его доступнымъ для самаго скромнаго, а слѣдовательно и самаго общаго потребленія. Въ этихъ-то видахъ состоялось высочайше утвержденное 7 Августа текущаго года Положеніе Военнаго Совѣта: разработка каменнаго угля на Дону, во избѣжаніе всякихъ монополій, торжественно объявлена промысломъ свободнымъ и всѣмъ безъ исключенія открытымъ со взносомъ въ пользу Войска Донскаго по $^1/_2$ коп. сер. съ каждаго пуда каменнаго угля, вывозимаго съ мѣстъ разработки; дозволено неограниченное составленіе товариществъ для добыванія его и

свободная его продажа, какъ въ предѣлахъ земли Войска Донскаго, такъ и внѣ предѣловъ его, въ остальной Россіи; опредѣлены правила, по коимъ должны быть на двадцатилѣтній срокъ отводимы рудники, компаніямъ—площадью въ квадратную версту, а частнымъ лицамъ изъ Войска Донскаго—площадьми въ 2500 и до 5000 квадратныхъ саженъ; промышленникамъ обезпечена совершенная свобода въ выборѣ способовъ разработки, лишь бы соблюдены были правила горной науки относительно устройства шахтъ и штольнъ, освѣженія воздуха въ рудникахъ и опредѣленія необходимой отливки изъ нихъ воды, дабы не подвергались опасности жизнь и здоровье рабочихъ. Такимъ образомъ положено на вѣки твердое основаніе дѣлу, обѣщающему Россіи несмѣтныя выгоды въ ближайшемъ будущемъ, освобождающему ее на всегда отъ тягостнаго данничества и зависимости отъ Англіи, доставлявшей намъ большую часть потребляемаго нами каменнаго угля, и наконецъ снабжающему насъ новыми огромными средствами воздѣйствія и вліянія на Востокъ посредствомъ возможнаго отселѣ развитія въ чрезвычайныхъ размѣрахъ промышленныхъ силъ Южной Россіи.

Несомнѣнная важность всѣхъ сихъ вещественныхъ пріобрѣтеній конечно понятна каждому мыслящему человѣку. За ними послѣдовало еще одно торжественное обѣщаніе, украсившее первыя же страницы исполненнаго царственныхъ щедротъ манифеста отъ 26 Августа и всѣми сословіями государства принятое съ нелицемѣрнымъ выраженіемъ всеобщей искреннѣйшей радости: мы говоримъ объ имѣющей открыться въ скоромъ времени 10-й народной ревизіи, необходимость которой столь живо ощутилась всѣми. Этою въ высшей степени благодѣтельною мѣрою вновь разверстаются всѣ общественныя тягости между всѣми сословіями и обществами въ Россіи; ею вновь установится всеобщая уравнительность налоговъ и повинностей, столько необходимая для процвѣтанія народнаго и пользы государственной; будемъ твердо надѣяться, что и самыя числа и цифры, имѣющія быть ею собранными, будутъ заключать въ себѣ счастливое повтореніе многихъ знаменательныхъ данныхъ, добытыхъ ея непосредственною въ порядкѣ переписей предшественницею,

и что мѣста и лица, коимъ поручено будетъ производство самой ревизіи, воспользуются этимъ вѣрнѣйшимъ и единственнымъ средствомъ для собранія точныхъ числовыхъ данныхъ за истекшее шестилѣтіе о движеніи народонаселенія между сословіями и переходахъ лицъ изъ однихъ состояній въ другія.

Преобразованія и улучшенія, въ послѣднее время введенныя въ государственномъ управленіи и устройствѣ, столько же разнообразны, сколько онѣ оказались полезными и соотвѣтствующими живо ощущавшейся въ нихъ потребности. Онѣ состояли частію въ преобразованіи управленія мѣстнаго, частію въ упрощеніи и улучшеніи сложнаго механизма управленія центральнаго, частію, наконецъ, въ многочисленныхъ льготахъ, оказанныхъ всѣмъ почти сословіямъ и состояніямъ государственнымъ и коснувшихся самыхъ задушевныхъ ихъ выгодъ и жизненныхъ отношеній.

Въ отношеніи къ мѣстному управленію введены два главныя измѣненія: высочайшимъ указомъ 17-го Февраля 1856 года упразднены должности генералъ-губернаторовъ въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской и Харьковской, а также въ Витебской, Могилевской и Смоленской; при чемъ предписано управленіе въ этихъ губерніяхъ установить на правилахъ общаго губернскаго учрежденія; а дѣйствія канцелярій, при обоихъ генералъ-губернаторахъ состоявшихъ, прекратить, передавъ находящіяся въ производствѣ ихъ дѣла въ канцеляріи гражданскихъ губернаторовъ; дѣла же общія представить въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Другимъ предшествовавшимъ указомъ отъ 11 Ноября 1855 повелѣно было отмѣнить постановленіе 1853 года о томъ, чтобы, въ случаѣ выбытія изъ службы избранныхъ отъ дворянства земскихъ исправниковъ, они замѣщаемы были коронными чиновниками, а не выбранными отъ дворянства кандидатами своими. Первая изъ этихъ полезныхъ мѣръ, безъ сомнѣнія, внушена съ одной стороны стремленіемъ къ сбереженію значительныхъ штатныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ управленіемъ генералъ-губернаторскимъ и желаніемъ, устранивъ одну административную инстанцію, ускорить мѣстное дѣлопроизводство; съ другой — совершеннымъ минованіемъ въ

вышеозначенныхъ губерніяхъ мѣстной нужды въ особаго рода управленіи, учрежденномъ тамъ еще въ то давнее время, когда того требовали давно исчезнувшій нынѣ пограничный характеръ этихъ областей и нѣкоторыя особенныя политическія соображенія. Выборное начало въ мѣстномъ управленіи, вновь вполнѣ возстановленное узаконеніемъ объ исправникахъ, составляетъ древнѣйшее и драгоцѣннѣйшее преданіе нашей отечественной администраціи, тщательно сохраненное въ ней законодательствомъ въ теченіи многихъ вѣковъ и, среди всеобщаго крушенія древнихъ учрежденій, устоявшее вопреки всѣхъ преобразованій начала XVIII-го вѣка. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ разительное сходство съ другимъ государствомъ, на противуположной оконечности Европы лежащимъ и всѣхъ болѣе походящимъ на наше отечество по крѣпости внутренняго устройства своего и строго охранительному характеру (мы говоримъ объ Англіи), рѣзко отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ сосредоточенной до нельзя Франціи, гдѣ мѣстная община въ конецъ лишена всякой самобытной политической жизни и является уже лишь только отдаленнѣйшимъ, безцвѣтнымъ звѣномъ растянутой административной цѣпи. Это особенное свойство мѣстнаго, такъ сказать, земскаго управленія въ Англіи недавно въ высшей степени поразило отличнаго Французскаго мыслителя и оратора Монталамбера, автора замѣчательнаго сочиненія „о политической будущности Англіи“, заключающаго въ себѣ, не смотря на памфлетическій отчасти характеръ свой, столько возвышенныхъ и здравыхъ мыслей объ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго развитія и преуспѣянія всякой народности. „Лорды-намѣстники, говоритъ онъ, шерифы и мирные судьи, члены обвинительныхъ присяжныхъ судовъ, коммиссары дорогъ и общественныхъ зданій, словомъ, все то, что̀ въ Англіи соотвѣтствуетъ Французскимъ префекту полиціи, прокурорамъ, низшимъ судебнымъ инстанціямъ и управленію путей сообщенія, все это не суть люди, извнѣ самаго общества взятые, получающіе изъ государственнаго казначейства жалованье и назначаемые отъ правительства,— нѣтъ, всѣ они избраны изъ среды мѣстныхъ землевладѣльцевъ и, продолжая жить каждый у себя дома, свободно,

безденежно и ловко заправляютъ земскими дѣлами. Люди безъ имени и состоянія, въ Англіи также часто, какъ и въ республикахъ или монархіяхъ неограниченныхъ, достигаютъ высшихъ государственныхъ должностей и часто даже успѣваютъ стать у самаго кормила правленія, но несравненно рѣже случается и гораздо труднѣе имъ получить вѣсъ и значеніе въ провинціи или даже въ большомъ какомъ-либо городѣ, если предварительно не сдѣлаются они тамъ землевладѣльцами". Монталамберъ сѣтуетъ о стремленіи вѣка къ постепенному сокрушенію этихъ особенностей Англійской жизни и вызываетъ правительство и общество положить этимъ стремленіямъ спасительный предѣлъ. „Пора, продолжаетъ онъ, государственнымъ людямъ признать, что всеобщее и безмѣрное алканіе общественныхъ должностей есть безспорно худшая изъ общественныхъ язвъ. Поэтому настоящая административная реформа должна бы состоять въ энергическомъ отпорѣ демократическимъ стремленіямъ, вслѣдствіе коихъ служебныя мѣста расположаются безъ мѣры, должности, нѣкогда безсмѣнныя или избирательныя и несопряженныя ни съ какими денежными окладами, ввѣряются чиновникамъ на казенномъ жалованьи, произвольно назначаемымъ и смѣняемымъ отъ правительства, и безконечно осложняется отвѣтственность предъ общественнымъ мнѣніемъ власти, невольно изнемогающей подъ тяжелымъ бременемъ ею самою возбужденныхъ, ненасытныхъ искательствъ, непримиримыхъ озлобленій и безпомощной преданности нѣкоторыхъ. Всѣ Англичане, истинно преданные отечеству своему, должны бы вступить въ тѣсный между собою союзъ для дружнаго отпора этому перенятому съ материковой Европы наплыву бюрократіи, которая постепенно точитъ ея древнія учрежденія и можетъ вскорѣ поглотить ея благосостояніе, свободу и славу".

Высочайше утвержденнымъ въ 10 день Августа 1855 года мнѣніемъ Адмиралтействъ-Совѣта распространены на директора Строительнаго Департамента Морскаго Министерства и на Общее Присутствіе этого департамента правила, по коимъ уже прежде была дарована прочимъ хозяйственнымъ департаментамъ Морскаго Министерства бо̀льшая власть

относительно распоряженія казенными суммами, и этимъ значительно сокращено письмоводство, и самое дѣлопроизводство чрезвычайно ускорено.

7-го Апрѣля 1856 года высочайше утвержденъ рапортъ Морскаго Министерства объ учрежденія при Иркутской Полевой Провіантской Коммиссіи Морскаго Отдѣленія, для распоряженія подъ вѣдѣніемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири провіантскими, коммиссаріатскими, артиллерійскими и кораблестроительными дѣлами морскаго вѣдомства Восточной Сибири, такъ какъ, по отдаленности портовъ ея отъ С.-Петербурга, происходили до того времени затрудненія и медленность въ снабженіи ихъ и флотиліи тамошней нужными припасами, и являлась совершенная невозможность надлежащимъ образомъ повѣрять въ Морскомъ Министерствѣ, какъ требованія мѣстнаго начальства, такъ и отчеты его въ произведенныхъ имъ расходахъ.

Высочайшимъ указомъ 20 Іюля препровождено въ Правительствующій Сенатъ для введенія въ дѣйствіе вновь составленное изданіе Свода Военно-уголовныхъ Законовъ, признанное необходамымъ, какъ выражено въ самомъ указѣ, „по неудобству употребленія изданнаго въ 1839 году Свода Военно-уголовныхъ Законовъ, въ большей части статей измѣненнаго девятью прибавленіями Свода и другими постановленіями“...

Послѣднія и знаменательнѣйшія узаконенія, обозрѣваемаго нами періода, суть высочайшій манифестъ 26 Августа и совокупность въ тотъ же день появившихся указовъ Правительствующему Сенату. Неисчислимы вещественныя облегченія, дарованныя ими отдѣльнымъ лицамъ во искупленіе отъ тяжкихъ недоимокъ, штрафовъ, начетовъ и взысканій; безмѣрна благостыня милосердія, съ трогательнымъ обиліемъ излитая въ этотъ день на тысячи горестей, любовно цѣлившая всѣ безъ различія встрѣчавшіяся на ея пути душевныя язвы человѣчества. Любовь современниковъ и благодарная память потомства да свидѣтельствуютъ объ этихъ подвигахъ Царственнаго благочестія. Намъ предстоитъ лишь исчислить въ немногихъ словахъ законодательное содержаніе этихъ указовъ, касающееся всего организма общественнаго и государственнаго.

Первой льготы удостоились храбрые воины наши военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомства, какъ бы въ заслуженную награду за недавно пролитую ими кровь: мы говоримъ о преобразованіи въ учрежденіи кантонистовъ. Всѣмъ извѣстное сословіе это принадлежитъ къ древнѣйшимъ учрежденіямъ новой, Петровской Россіи, хотя нынѣшнее наименованіе свое оно получило гораздо позднѣе: такъ называемыя статьи, состоявшіяся на Генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ, 1700 года Декабря 23, объявивъ по всему государству наборъ солдатъ изъ охочихъ людей, какаго бы ни были они сословія, вмѣстѣ съ тѣмъ постановили, чтобы въ случаѣ записки въ солдаты людей помѣщичьихъ, имѣющихъ дѣтей, за помѣщиками оставляемы были бы въ крѣпости солдатскія дѣти, свыше 12-лѣтняго возраста; всѣхъ остальныхъ же, кто моложе 12 лѣтъ, велѣно брать къ отцамъ. Петръ I предполагалъ въ послѣдствіи этими солдатскими дѣтьми пополнять ряды новаго регулярнаго войска своего и избѣгнуть черезъ то необходимости въ частыхъ рекрутскихъ наборахъ, въ то время бывшихъ истиннымъ пугаломъ для народа; съ другой стороны указанное выше распоряженіе его имѣло похвальную цѣль обезпечить содержаніе на казенный коштъ малолѣтныхъ дѣтей солдатскихъ, часто не имѣвшихъ даже матерей и во всякомъ случаѣ лишенныхъ вѣрнаго призрѣнія. Въ этихъ видахъ, Инструкціею о ревизіи, пунктомъ 20, повелѣно было переписать всѣхъ солдатскихъ дѣтей и опредѣлить ихъ въ военную службу, что̀ подтверждено еще указомъ 1734 года Октября 16. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указами 1732 года Сентября 21, 1735 г. Іюля 9, и 1736 г. Октября 21, велѣно причислить къ военному же вѣдомству всѣхъ солдатскихъ дѣтей, родившихся во время нахожденія отцевъ ихъ на службѣ, предписано устроивать для нихъ школы при гарнизонахъ и, наконецъ, завести школы полковыя и распредѣлить всѣхъ солдатскихъ дѣтей по этимъ полковымъ школамъ. Въ 1738 году, указомъ 6 Августа, положено даже основаніе обученію ихъ разнымъ мастерствамъ, въ коихъ велѣно упражнять дѣтей къ грамотѣ неспособныхъ. Замѣчательно, что въ 1736 году, не смотря на значительный уже составъ регулярнаго войска и на 36-лѣтнее введеніе въ

дѣйствіе положенія объ обращеніи въ военное вѣдомство солдатскихъ дѣтей, число послѣднихъ, вѣроятно, вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ причинъ для размноженія ихъ и несовершенства учрежденія, не только было далеко недостаточно для укомплектованія войска, но даже, какъ видно изъ самаго указа, доходило только до ничтожной цифры 4000 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ ощутительнаго стремленія всей новой исторіи нашей къ обезпеченію каждаго отправленія общественной жизни созданіемъ для него особеннаго состоянія, мало по малу утвердилось и окрѣпло новое сословіе, не взирая даже на преходящія отступленія. Такъ, напримѣръ, самая первоначальная мысль Петра о необходимости даровать солдатскимъ дѣтямъ обезпеченное казенное призрѣніе была временно упущена изъ вида: сенатскимъ указомъ, 1744 года Іюля 11, предписано малолѣтныхъ дѣтей солдатскихъ, до 6-лѣтняго возраста, отдавать на прокормленіе родственникамъ ихъ со взятіемъ съ послѣднихъ росписки и обязательства, по достиженіи 6-лѣтняго возраста, представлять ихъ въ гарнизонныя школы; сиротъ же и дѣтей, родственники коихъ не въ состояніи прокормить ихъ, велѣно отдавать и записывать въ крѣпость за всякимъ, кто только пожелаетъ ихъ взять къ себѣ. Само собою разумѣется, постановленіе это было впослѣдствіи отмѣнено, и учрежденіе кантонистовъ постепенно развилось и образовалось въ томъ видѣ, въ которомъ засталъ его манифестъ 26 Августа. Отселѣ Законодатель, обезпечивъ лишеннымъ средствъ домашняго призрѣнія солдатскимъ дѣтямъ и сиротамъ продолженіе своего благодѣтельнаго надъ ними опекунства, раскрылъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ широкій путь къ возвращенію въ жизнь гражданскую, дозволивъ родственникамъ, воспитателямъ и даже всѣмъ благотворительнымъ лицамъ свободныхъ состояній просить о возвращеніи себѣ дѣтей своихъ или объ отдачѣ себѣ сиротъ на полное попеченіе и воспитаніе. Приведемъ подлинныя слова высочайшаго манифеста:

„1. Всѣмъ вообще отставнымъ солдатамъ, водвореннымъ постоянною осѣдлостію въ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ, въ имѣніяхъ казенныхъ, удѣльныхъ, однодворческихъ, горно-

заводскихъ, дворцовыхъ и прочихъ мѣстахъ, населенныхъ людьми свободныхъ состояній, возвращать, буде пожелаютъ, всѣхъ сыновей ихъ, состоящихъ и числящихся въ военно-сухопутномъ и морскомъ вѣдомствахъ, исключая поступившихъ уже на дѣйствительную службу въ полки и команды, морскіе экипажи и иныя части арміи и флота.

„2. На томъ же самомъ основаніи возвращать солдатскимъ вдовамъ, по желанію ихъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ сыновей, если сами они имѣютъ достаточную для того осѣдлость и примутъ ихъ на прочное при себѣ водвореніе.

„3. Родственникамъ и воспитателямъ малолѣтныхъ солдатскихъ дѣтей предоставить водворить ихъ при себѣ на прочную осѣдлость, если они имѣютъ къ тому возможность, мѣстнымъ начальствомъ достаточно удостовѣренную.

„4. Солдатскихъ и кантонистскихъ сиротъ, а равно и незаконнорожденныхъ, военному вѣдомству принадлежащихъ и не достигшихъ 14-лѣтняго возраста, отдавать благотворительнымъ лицамъ свободныхъ состояній на полное ихъ попеченіе, если они пожелаютъ принять ихъ въ составъ своихъ семействъ, но не иначе, какъ по удостовѣренію мѣстнаго губернатора о доброй нравственности лицъ, желающихъ принять сихъ дѣтей на свое попеченіе, равно какъ и о состоятельности ихъ устроить осѣдлость своихъ питомцевъ.

„5. Всѣхъ возвращаемыхъ на основаніи предшедшихъ четырехъ пунктовъ сей статьи кантонистовъ и иныхъ дѣтей, нынѣ въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ числящихся, исключить изъ оныхъ навсегда, прекративъ со дня сего исключенія и опредѣленное на нихъ отъ казны продовольствіе и содержаніе.

„6. Всѣхъ по симъ правиламъ исключаемыхъ изъ военнаго вѣдомства кантонистовъ, дѣтей солдатъ, матросовъ и иныхъ, принимающіе ихъ родители, родственники или благотворители, обязаны приписать къ податнымъ сословіямъ, при наступленіи новой народной переписи; дотолѣ они отъ всѣхъ личныхъ податей и повинностей остаются свободными.

„Дѣти солдатъ и матросовъ изъ нехристіанъ, которыя, находясь въ военномъ вѣдомствѣ, приняли Христіанскую вѣру, не возвращаются остающимся въ прежней вѣрѣ ихъ

родителямъ и родственникамъ, но могутъ быть приняты на попеченіе лицами Христіанскаго исповѣданія.

„Мѣры сіи распространить и на военныхъ кантонистовъ всѣхъ прочихъ вѣдомствъ“.

Одновременно съ высочайшимъ манифестомъ 26 Августа вышло, сказали мы, еще нѣсколько указовъ.

Первымъ изъ нихъ Евреи, до сихъ поръ при каждомъ частномъ рекрутскомъ наборѣ постоянно выставлявшіе по 10 человѣкъ съ 1000 душъ, сравнены со всѣми прочими состояніями въ отношеніи какъ количества ставимыхъ рекрутъ, такъ и лѣтъ и качествъ, отъ нихъ требуемыхъ, и образа взысканія съ нихъ рекрутъ недоимочныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены правила, постановленныя въ 1853 году о дозволеніи Еврейскимъ обществамъ и каждому Еврею въ частности представлять за себя въ рекруты пойманныхъ безпаспортныхъ единовѣрцевъ своихъ.

Сословію однодворцевъ возвращено также немаловажное право. Вмѣсто существовавшаго доселѣ порядка, по коему выдаваемыя имъ отъ дворянскихъ депутатскихъ собраній свидѣтельства о неоспоримомъ ихъ дворянскомъ происхожденіи, необходимыя для вступленія въ военную службу и для выслуги оберъ-офицерскаго чина, отбирались у нихъ и уже не возвращались, если они по какой-либо, хотя и независящей отъ нихъ причинѣ, не приняты въ службу или не дослужились въ ней офицерскаго чина, черезъ что они лишались возможности къ возвращенію принадлежащихъ имъ по происхожденію правъ: нынѣ постановлено, напротивъ, что въ такомъ случаѣ, на основаніи единожды выданнаго однодворцу отъ дворянскаго собранія свидѣтельства, дозволяется и дѣтямъ его въ свою очередь вступать въ военную службу для возвращенія себѣ этимъ путемъ утраченныхъ предками правъ дворянства.

Далѣе, отмѣнены два постановленія 1837 года и пять постановленій 1852 года, коими вмѣнено было въ обязанность уроженцамъ Западныхъ губерній Имперіи начинать свою службу гражданскую во внутреннихъ губерніяхъ Великороссійскихъ и только по истеченіи 5 лѣтъ такаго служенія доз-

волено имъ опредѣляться въ присутственныя мѣста С.-Петербургской губерніи, въ министерства и главныя управленія, и опредѣленъ былъ также особый порядокъ для опредѣленія въ военную и гражданскую службу и увольненія изъ нея потомственныхъ дворянъ семи Западныхъ губерній.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ казачьихъ войскъ — Донскаго, Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго, уменьшенъ срокъ военной службы на 3 года, а именно: вмѣсто прежняго 25-лѣтняго, постановленъ впредъ срокъ 22-лѣтній. А равно и офицерамъ этихъ войскъ разрѣшено, буде пожелаютъ, просить объ увольненіи себя въ отставку послѣ 22-лѣтней, вмѣсто прежней, обязательной для нихъ 25-лѣтней службы.

Наконецъ, вовсе отмѣнено установленное въ предшествующее царствованіе правило о взысканіи особой пошлины съ отъѣзжающихъ за границу лицъ за выдаваемые имъ паспорты, и повелѣно впредъ никакой пошлины за эти паспорты не взыскивать. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 25 Іюня уже прежде было предписано, чтобы выдача заграничныхъ паспортовъ лицамъ всѣхъ вообще состояній, въ томъ числѣ и дворянамъ, была производима главными начальниками губерній. А указомъ Правительствующаго Сената, вслѣдствіе рапорта министра внутреннихъ дѣлъ минувшаго 21 Іюля, распубликовано высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ такаго же 1847 года, касательно ограниченій пропуска въ Россію иностранныхъ подмастерьевъ и работниковъ.

Мы изложили въ краткомъ очеркѣ совокупность главныхъ узаконеній, ознаменовавшихъ первые 18 мѣсяцевъ, протекшихъ съ 18-го Февраля 1855 года. Они стройнымъ рядомъ своимъ живо напоминаютъ намъ уже отдаленную отъ насъ эпоху Александра Благословеннаго и первые годы рождающагося вѣка, обильные для Россіи радостными надеждами и памятными страницами милосердія и любви. Всѣ они, какъ сказали мы выше, представляются выраженіемъ одной высокой мысли, высказанной въ манифестѣ 19 Марта, мысли о необходимости для правильной государственной жизни—просвѣщенія, законности и общественной нравственности. Близ-

кая будущность безъ сомнѣнія явитъ дальнѣйшее ихъ продолженіе и развитіе въ духѣ того же законодательнаго единомыслія, этого крѣпчайшаго основанія государственной дѣятельности, съ помощію котораго все высокое становится несокрушимо прочнымъ на вѣки.

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ

15 Апрѣля 1856 года.

Напечатано было во 2-й книгѣ Русской Бесѣды 1857 года.

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ

15 Апрѣля 1856 года.

Еще никогда передъ Европейскою дипломаціею не открывалось такое многообразное поле дѣятельности, такая обильная жатва болѣе или менѣе трудныхъ успѣховъ, какую доставила дипломатамъ настоящая эпоха, ближайшая преемница дѣла Парижскаго конгресса. Съ нею не можетъ соперничать въ этомъ отношеніи даже и то памятное въ лѣтописяхъ дипломаціи время, донынѣ слывшее золотымъ ея вѣкомъ, время, непосредственно послѣдовавшее за конгрессомъ Вѣнскимъ. Многое съ той поры измѣнилось въ условіяхъ жизни народной и государственной. Широко раскинувшись по всему пространству земнаго шара, вслѣдъ за оружіемъ и торговлею проникнувъ въ отдаленнѣйшія и долгое время неприступнѣйшія страны всѣхъ частей свѣта; притомъ сблизившись съ ними въ невѣроятной степени посредствомъ всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій въ средствахъ сообщенія; наконецъ, болѣе чѣмъ когда либо захвативъ въ кругъ своей дѣятельности движеніе всѣхъ вопросовъ торговыхъ и промышленныхъ, возведенныхъ у многихъ народовъ на степень существеннѣйшей стороны и почти исключительнаго начала ихъ жизни,—дипломація по неволѣ должна была явиться самымъ тревожнымъ и подчасъ безпокойнымъ дѣятелемъ. Впрочемъ, такъ должна была она сложиться уже и по самому характеру и свойству Парижскаго конгресса.

Мы уже видѣли, чѣмъ ограничилась задача послѣдняго: то было одно лишь прекращеніе слишкомъ долго длившагося кровопролитія, военныхъ дѣйствій, и возстановленіе по возможности предшествовавшаго войнѣ политическаго statu

quo. Впрочемъ, имъ не внесено въ современную жизнь народовъ ни одно новое начало, ни одна новая, живая и плодотворная мысль, кромѣ только отдаленной надежды на возрожденіе Придунайскихъ княжествъ, сообразно настоящимъ видамъ Франціи и давнимъ замысламъ Россіи *). Турція обречена согласнымъ хоромъ западной политики на продолженіе надъ нею ряда трудныхъ, малообѣщающихъ испытаній in animâ vili; Россія въ Черномъ морѣ и Бессарабіи подчинилась нѣкоторымъ ограниченіямъ, которыхъ однихъ уже слишкомъ достаточно было бы, чтобы всякій миръ сдѣлать непрочнымъ, и чтобы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ породить новыя неизбѣжныя распри; заготовлены вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнные поводы и къ ближайшимъ столкновеніямъ поднятыми на Конгрессѣ, подъ вліяніемъ разныхъ соображеній, вопросами о Бельгіи, Неаполѣ, Невшателѣ, и пр., близко и неотразимо касающимися животрепещущаго въ современной международной политикѣ вопроса—объ отрицаніи или утвержденіи права всякой народности на свое признаніе въ сонмѣ Европейскихъ дѣятелей. Наконецъ, торжественно провозглашенное Конгрессомъ ученіе о морскомъ правѣ оказалось на дѣлѣ вполнѣ состоятельнымъ лишь въ части своей, которая уже давно была освящена единомысленнымъ согласіемъ всѣхъ морскихъ державъ, за исключеніемъ одной Англіи; новое же ученіе о каперствѣ, само собою разумѣется, немедленно подверглось вмѣстѣ и критикѣ, и дальнѣйшему развитію со стороны несговорчивыхъ Американцевъ. Хранителемъ и блюстителемъ новаго мира поставленъ новый тройственный союзъ, заключенный въ Парижѣ, 15 Апрѣля 1856 года, между Франціею, Англіею и Австріею, и замѣнившій собою старый Священный Союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи, память о коемъ въ теченіи болѣе 40 лѣтъ на каждое 14-е Сентября благоговѣйно возвѣщается у насъ Церковію православному собору народному чтеніемъ подлинныхъ словъ трактата Братскаго Христіанскаго Союза. De facto и de jure, существованіе Священнаго Союза нынѣ совершенно

*) Екатерина II даже формально хлопотала въ 1772 году о соединеніи Молдавіи и Валахіи, которымъ прочила въ государи князя Понятовскаго. Дѣло не удалось главнымъ образомъ вслѣдствіе противодѣйствія Австріи.

прекратилось. Распаденіе его торжественно объявлено Европѣ циркулярною ко всѣмъ дипломатическимъ агентамъ Россіи депешею, отъ 2 Сентября прошедшаго года, настоящаго нашего министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова. „Нынѣ, сказано въ этомъ замѣчательномъ документѣ, уже болѣе не существуетъ въ своей неприкосновенной цѣлости тѣсный союзъ (le faisceau) государствъ, въ теченіи долгихъ лѣтъ поддерживавшихъ вмѣстѣ съ нами тѣ начала, которымъ Европа болѣе четверти вѣка была обязана своимъ спокойствіемъ и миромъ".

Ближайшее испытаніе сущности и цѣлей новаго западнаго союза естественно приводитъ къ поставленію нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ. Каждый мыслящій человѣкъ невольно стремится дать себѣ отчетъ, какая мысль лежитъ въ основаніи этого союза? Снабженъ ли онъ, подобно предшествовавшему ему Священному Союзу, достаточною вещественною силою, чтобы сломить всякое возможное себѣ противодѣйствіе другихъ государствъ, или единою угрозою могущества своего предотвратить и предупредить подобное враждебное ихъ противодѣйствіе? Наконецъ, въ какой мѣрѣ союзъ этотъ проченъ? И такъ какъ въ каждомъ почти многосложномъ политическомъ союзѣ есть выигрывающій и проигрывающій, то кто въ настоящемъ случаѣ наиболѣе пріобрѣтаетъ, и не приноситъ ли кто въ жертву своихъ насущныхъ выгодъ?

Минувшая борьба разоблачила тѣ вещественныя средства, которыми въ дѣлѣ войны располагаетъ союзъ; эти средства— плодъ высокаго военнаго образованія Франціи, исконнаго развитія Англійскихъ морскихъ силъ, наконецъ и выгоднаго стратегическаго положенія Австріи въ отношеніи къ Россіи; но болѣе и глубже всего покоятся они на громадной совокупности всей Англо-французской гражданственности и на тѣхъ твердыхъ условіяхъ чрезвычайнаго вещественнаго богатства и промышленнаго развитія, которыми наградило обѣ эти страны болѣе или менѣе продолжительное преобладаніе въ томъ и другомъ народѣ свободы политической жизни. Новѣйшія усовершенствованія военнаго дѣла на сухомъ пути и на морѣ, болѣе чѣмъ когда либо давшія наукѣ, про-

мышленности и капиталу рѣшительное вліяніе на судьбы всякой войны, безъ сомнѣнія въ высокой степени послужили къ усиленію военнаго значенія Франціи и Англіи; и если стойкость Русскаго солдата и успѣла на твердыняхъ Севастопольскихъ вознаградить отчасти эти тяжеловѣсные залоги военнаго успѣха,—тѣмъ не менѣе важность ихъ отселѣ становится столько же несомнѣнною и очевидною, сколько неоспоримо вообще въ настоящее время торжество просвѣщенія надъ первобытною силою. Нельзя поэтому не признать, что совокупныя средства двухъ главныхъ морскихъ державъ, въ соединеніи съ Австріею и со всѣми второстепенными державами Европы (дружба или, по крайней мѣрѣ, неутралитетъ которыхъ постоянно должны быть въ услугахъ стороны, владычествующей на морѣ) всегда будутъ въ силахъ уравновѣсить всякій иной возможный противъ нихъ союзъ.

Несравненно болѣе, напротивъ, подвержено спору то, кѣмъ въ сущности возбужденъ тройственный союзъ 15-го Апрѣля, и кто пожинаетъ выгоды, изъ него проистекающія? Дипломатическіе документы ясно указываютъ наблюдателю первоначальный внѣшній источникъ этой политической сдѣлки; какъ мы имѣли уже случай сказать, Австрія сама вытребовала обѣщаніе на нее у Франціи и Англіи въ то самое время, когда взялась она передать С.-Петербургскому кабинету рѣшительныя требованія свои въ пользу возстановленія мира. Но таковъ, спѣшимъ мы прибавить, лишь внѣшній, видимый источникъ этой сдѣлки; самый же союзъ, съ его нравственнымъ значеніемъ и вліяніемъ, коренится много глубже — частію въ историческомъ значеніи загадочной личности Людовика Наполеона, частію же въ самомъ характерѣ и сущности Англо-французской гражданственности.

Весьма поучительно въ настоящее время, для установленія правильнаго пониманія состоянія современной Франціи, тщательное сравненіе другъ съ другомъ двухъ Наполеоновъ— ихъ отношеній къ Европѣ и, можетъ быть, еще болѣе отношеній каждаго изъ нихъ къ современному себѣ Французскому обществу и правительственной идеѣ. Для того и другаго много сдѣлала исторія; оба нашли родную страну и общество, или до основанія потрясенными, или, по крайней

мѣрѣ, глубоко взволнованными внутреннею неурядицею и отрицаніемъ самыхъ первоначальныхъ основъ гражданской жизни, а потому и совершенно готовыми слѣпо слѣдовать за всякою сильною рукою, которая съумѣла бы привести ихъ въ свѣтлую пристань правильнаго общежитія; оба нашли кругомъ себя богатый запасъ накопленнаго раздвоенія между правительствами, множество тлѣющихъ и удобовоспламенимыхъ началъ, разсѣянныхъ по всему протяженію материковой Европы, и множество неудовлетворенныхъ въ ней стремленій. Въ первомъ Наполеонѣ, пріявшемъ власть въ незамѣнимую пору почти юношескаго увлеченія, оказалось изумительное соотвѣтствіе всѣмъ этимъ современнымъ требованіямъ, внѣшнимъ и внутреннимъ; и въ главныхъ чертахъ своихъ жизнь и правленіе его доставили возможно-полное и немедленное имъ удовлетвореніе. Въ дѣлѣ внутренняго уряда онъ явился полнѣйшимъ представителемъ и двигателемъ того гражданскаго и административнаго типа, который уже въ теченіе долгаго времени постепенно выработывала въ себѣ Франція, и исканіе котораго было завѣтнымъ дѣломъ революціи; онъ утвердилъ и освятилъ всѣ, добытые ею, результаты, и потому безъ всякаго внѣшняго видимаго усилія создалъ на диво Европѣ сложную и стройную правительственную машину, подобіе которой нигдѣ еще не существовало, развѣ только въ императорскомъ Римѣ. Не далъ онъ ей только политической свободы; но на дѣлѣ еще незнакомая съ нею въ ея правильномъ проявленіи, Франція мало въ то время о ней заботилась, и охотно забывала о ней при громѣ пушекъ, непрестанно возвѣщавшихъ о новыхъ побѣдахъ. Дѣйствуя такимъ образомъ внутри государства на началахъ, провозглашенныхъ революціонною Франціею, Наполеонъ могъ легко и въ области внѣшней политики не отречься отъ наслѣдія республиканскаго: поэтому краеугольнымъ камнемъ ея постоянно оставалась борьба съ Англіею и Австріею. Вліяніе послѣдней онъ изгналъ изъ Апенинскаго полуострова, и, хотя онъ не возвратилъ Италіи самобытной и единичной жизни, однако щедрою рукою расточалъ сѣмена будущаго развитія этой страны. Ему недоставало лишь одной внѣшней точки опоры для этой своей смѣ-

лой политики; онъ долго искалъ ея себѣ въ Пруссіи; одно время даже нашелъ было ее въ союзѣ съ Россіею и справедливо считалъ подобный союзъ рѣшительнымъ для возможности полнаго торжества новой, приспособленной къ современнымъ требованіямъ національностей, между-народной системы. Но тревожному духу его предстояло сокрушиться о самую громадность постоянно вновь возникавшихъ въ умѣ его замысловъ, и онъ палъ жертвою ихъ неограниченности *); его погубила безпредѣльная вѣра въ свое всесильное *я*, въ безусловное въ его пользу самоотреченіе Французскаго народа и въ возможность поглощенія однимъ лицемъ всей жизни и всѣхъ отправленій общественныхъ, — вѣра, развитая въ немъ долговременною дремотою упоеннаго Французскаго общества. Лишь рѣдкими мимолетными проблесками, и то только въ послѣдніе предсмертные дни его правленія, стала посѣщать его мысль о возможности воззванія къ народнымъ силамъ; въ сущности онъ о нихъ какъ будто позабылъ. Онъ глубоко сознавалъ безспорное превосходство своего нравленія надъ всѣми предшествовавшими ему Французскими правленіями XVIII-го вѣка, и потому именно (нельзя не признаться въ томъ) былъ одушевленъ живою вѣрою въ самого себя, въ свое дѣло, а слѣдовательно и въ возможность своей династіи на престолѣ. — Не таковымъ является Людовикъ Наполеонъ. Франція прошла съ тѣхъ поръ черезъ тридцати-четырехлѣтній опытъ конституціонной жизни, нечуждый тревогъ и разочарованій, но тѣмъ не менѣе сопряженный со многими свѣтлыми сторонами и, быть можетъ, оставившій по себѣ слѣды положительные: невозможно, по крайней мѣрѣ, не признать, что она быстро шагнула на поприщѣ вещественнаго развитія, и что отселѣ формы жизни политической, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторой части Французскаго общества, сдѣлались настоятельнѣйшею, такъ сказать, насущною потребностію. Людовикъ Наполеонъ, явившись во имя случая и грубой силы, естественно ничего не принесъ съ собою въ отвѣтъ этимъ возвышеннымъ требованіямъ об-

*) Въ черновой рукописи автора прибавлено: „жертвою также своего непотизма“.

щества; онъ избавилъ его лишь *отъ потока и разграбленія*, и въ залогъ ему могъ представить только скрытную къ нему ненависть низшихъ народныхъ слоевъ, обманутыхъ окончательнымъ исходомъ Февральскаго переворота. Чуждый такимъ образомъ всѣмъ народнымъ сочувствіямъ внутри Франціи, лишенный вѣры въ собственную свою законность, Наполеонъ III естественно долженъ былъ во что бы то ни стало искать себѣ друзей между другими правительствами; и къ сожалѣнію, съ самаго начала враждебно встрѣченный естественными союзниками Франціи, онъ нашелъ эту опору въ союзѣ съ Англіею и даже Австріею, которымъ долженъ былъ принести жертву—сочувствія своей родины къ большей части народностей. Расположеніемъ къ себѣ Англіи онъ не могъ не дорожить особенно; ибо эта свободная сосѣдственная земля, гостепріимное и какъ бы священное убѣжище всѣхъ политическихъ выходцевъ, есть, по счастливому выраженію самихъ Англичанъ, тотъ Эоловъ гротъ, откуда искусно раздуваемые революціонные токи могутъ по произволу быть направляемы ко всѣмъ почти государствамъ западной Европы. Такимъ образомъ сложились для него политическія условія, діаметрально противуположныя всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя сопутствовали родоначальнику Наполеонидовъ.

Впрочемъ, кромѣ личныхъ выгодъ, къ предпочтительному союзу съ Англіею безъ сомнѣнія должны были въ значительной мѣрѣ склонить его и другія причины. Всю совокупность ихъ мы охотно готовы признать въ томъ неоспоримомъ сочувственномъ общеніи, въ которомъ находятся двѣ рядомъ развившіяся гражданственности—Франціи и Англіи, во многихъ частныхъ и, преимущественно, политическихъ явленіяхъ, широко между собою расходящіяся, но тѣмъ не менѣе для всякаго привычнаго глаза осязательно-подходящія подъ одинъ общій типъ. Это живое общеніе двухъ народовъ можетъ часто, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ, вполнѣ замѣнить даже единство вѣры и кровнаго происхожденія; а временное сходство политическихъ учрежденій, въ періодъ реставраціи и Орлеанскаго дома, естественно должно было еще крѣпче сплотить его. Въ тече-

ніи всего правленія Людовика Филиппа, и не смотря даже на разногласіе о вопросѣ Египетскомъ и на дѣло объ Испанскомъ бракѣ, союзъ съ Англіею служилъ неизмѣнною основою всей Французской дипломаціи; и въ настоящее время къ нему, какъ къ любезному для себя символу несовершеннаго еще отреченія отъ политической свободы, напряженно обращены съ Французскаго берега взоры всѣхъ, кому еще дорого воспоминаніе недавно пройденнаго конституціоннаго поприща. Холодныя, почти враждебныя отношенія подъ Севастополемъ Французскаго и Англійскаго солдатъ могли конечно отчасти поколебать это общеніе въ низшихъ слояхъ обоихъ народовъ; но эти вліянія не могли еще имѣть ощутительнаго дѣйствія внѣ тѣхъ низменныхъ сферъ, гдѣ преимущественно раздавался говоръ возвратившихся изъ Крыма Французскихъ ветерановъ. До времени высшіе, такъ сказать, литературные и отчасти промышленные, слои общества крѣпко стоятъ еще за Англійскій союзъ, и тѣмъ болѣе еще возвышаютъ цѣну его въ глазахъ Императора, зорко слѣдящаго за расположеніемъ умовъ и безъ сомнѣнія по неволѣ дорожащаго этою послѣднею связью своею съ образованнѣйшею частію управляемаго имъ общества.

Вотъ почему существеннѣйшую часть всего тройственнаго союза составляетъ именно союзъ Франціи съ Англіею. Но политика послѣдней имѣетъ свои вѣковыя, скажемъ болѣе, почти роковыя преданія. Къ числу ихъ принадлежитъ тѣсная дружба съ Австріею. Случайныя обстоятельства могутъ заставить Англію временно же и случайно измѣнить ей; еще чаще и съ еще съ меньшими послѣдствіями Австрія приносится Британскими министрами въ жертву ораторскимъ требованіямъ и щекотливой публичности въ засѣданіяхъ Нижней Палаты; но все это одни лишь частныя явленія, или одна пустая фраза; въ сущности и на дѣлѣ Габсбургскій домъ является постояннымъ и вѣрнымъ, хотя, по исконному обычаю своему, небезчестнымъ и небезкорыстнымъ, спутникомъ Сентъ-джемскаго кабинета. Добровольно вступивъ въ сферу тяготѣнія послѣдняго, Наполеонъ необходимо долженъ былъ протянуть дружелюбную руку и постоянному его саттеллиту, и въ свою очередь былъ вынужденъ принести

ему въ жертву нѣкоторыя изъ существеннѣйшихъ выгодъ внѣшней Французской политики. Впрочемъ, правда и то, что Австрія, какъ мы уже видѣли, хотя цѣною и невеликихъ для себя вещественныхъ пожертвованій, однако расплатилась съ Наполеономъ заранѣе за всѣ эти одолженія, въ рѣшительную минуту (когда въ Петербургѣ еще взвѣшивался предложенный миръ) кинувъ на вѣсы нежданную тяжесть своей военной угрозы. Послѣ уже извѣстнаго трактата 4 Декабря 1854 года между Франціею, Англіею и Австріею,—первымъ, долго и тщательно скрываемымъ, звѣномъ этой новой цѣпи отношеній между Франціею и Австріею является тайная военная конвенція ихъ на счетъ Италіянскихъ областей. Подлинныя выраженія ея до сихъ поръ намъ неизвѣстны; безусловное, упорное донынѣ молчаніе Монитера можетъ даже по неволѣ заставить думать, что есть еще какія-либо подробности этого договора, которыя еще не могутъ быть довѣрены общественной гласности, и во избѣжаніе полнаго разоблаченія которыхъ правительство Людовика Наполеона предпочитаетъ пребывать въ оффиціальной газетѣ своей въ предѣлахъ самой осторожной и строгой скромности, оставляя всю отвѣтственность за возможную неполноту или невѣрность показаній на частной редакціи Constitutionel'я, какъ органа непризнаннаго. Какъ бы то ни было, мы знаемъ уже достаточно для того, чтобы ясно усмотрѣть въ этой тайной конвенціи осязательные признаки замѣчательной двуличности двухъ западныхъ правительствъ въ отношеніи къ Итальянской народности. Къ тому же самый образъ внезапнаго оглашенія ея не лишенъ ни комизма, ни особенной характерности для очерченія нравственной личности лорда Пальмерстона и его политической нестыдливости; и, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ старѣйшихъ Французскихъ журналовъ, такой образъ дѣйствія служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ настоящее время, при безусловномъ владычествѣ печатнаго станка и существованіи въ Европѣ свободной среды обсужденія въ нѣсколькихъ законодательныхъ палатахъ,—тайна въ дипломаціи все болѣе и болѣе становится анахронизмомъ, и ей предстоитъ исподоволь перебраться на почву гласно-

заявляемыхъ, твердыхъ и разумныхъ политическихъ началъ. 3-го Февраля нынѣшняго года завязался въ Нижней Палатѣ споръ между талантливымъ вождемъ оппозиціи, Дизраели, и лордомъ Пальмерстономъ; это былъ одинъ изъ послѣднихъ предсмертныхъ боевъ стараго парламента, вызванныхъ тою ожесточенною коалиціею, которая всѣми мѣрами и, правда, не безъ основанія подкапываясь подъ испытаннаго въ парламентской тактикѣ первенствующаго министра, такъ горько въ то время сама ошиблась въ ближайшихъ послѣдствіяхъ своихъ нападеній на него. Дизраели смѣло и съ явнымъ убѣжденіемъ утверждалъ, что между Франціею и Австріею существуетъ безсрочный трактатъ, обезпечивающій Австріи ея Итальянскія владѣнія; онъ упрекалъ лорда Пальмерстона въ недостойномъ Англійскаго министра поощреніи и даже первоначальномъ возбужденіи этого договора; и въ послѣдствіи, когда министръ сталъ отвергать возможность подобнаго акта, объявилъ, что самъ видѣлъ положительныя доказательства защищаемой имъ истины, и указалъ даже день подписанія договора—22-го Февраля 1855 года. Два раза возобновлялись еще прѣнія по этому поводу въ Нижней Палатѣ. Лордъ Пальмерстонъ не постыдился исчерпать орудіе лжи до послѣднихъ крайнихъ ея возможностей; онъ назвалъ сперва все дѣло вымышленнымъ, осыпалъ Дизраели обычными, никогда и нигдѣ непереводящимися сарказмами людей, участвующихъ въ правленіи, надъ мнимою безпокойною изобрѣтательностію всѣхъ оппозицій; наконецъ, не усумнился даже съ фарисейскимъ негодованіемъ осудить всякій подобный договоръ, если бы онъ дѣйствительно былъ заключенъ или предложенъ. Мало по малу онъ былъ вынужденъ признать, что между Вѣною и Парижемъ дѣйствительно происходили переговоры, но еще продолжалъ отвергать положительнѣйшимъ образомъ, чтобы когда нибудь какая бы то ни была конвенція по этому предмету была подписана. Наконецъ, онъ долженъ былъ сознаться и въ послѣднемъ, и сталъ окончательно опровергать лишь извѣстіе о безсрочности трактата. Газетѣ Morning Post, какъ привычному органу его, была поручена неблагодарная обязанность разложить долю отвѣтственности за договоръ между вигами и то-

ріями, и оправдать съ нравственной точки зрѣнія поведеніе посѣдѣлаго въ дѣлахъ министра наивнымъ увѣреніемъ, будто лорду Пальмерстону неизвѣстенъ былъ весь ходъ этого дѣла, такъ какъ актъ былъ подписанъ еще въ то время, когда иностранными дѣлами управлялъ лордъ Абердинъ. Уже только дней черезъ десять послѣ послѣднихъ объясненій въ палатѣ, Constitutionel прервалъ молчаніе Французской печати слѣдующимъ объясненіемъ. Въ трактатѣ 4-го Декабря 1854 года уже предусмотренъ тотъ случай, въ которомъ Австрійскія войска должны будутъ принять участіе въ войнѣ противъ Россіи; по заключеніи его, Австрія немедленно стала требовать себѣ на такой случай обезпеченія Франціею ея Итальянскихъ областей, такъ какъ война съ Россіею могла служить удобнымъ поводомъ къ дружному ихъ возстанію. Справедливость требовала, чтобы Парижскій кабинетъ успокоилъ Австрію на этотъ счетъ, и тогда была дѣйствительно заключена и подписана конвенція, которою Франція обязалась поддерживать спокойное ея владычество въ Италіи во все время войны. Но, прибавляетъ Constitutionel, договоръ этотъ очевидно имѣетъ такимъ образомъ лишь временный и преходящій характеръ, бывши заключенъ только на время продолженія войны; онъ поэтому самому никогда не былъ и не могъ быть приведенъ въ исполненіе, и сила и дѣйствіе его совершенно прекратились. Въ заключеніе невольно приходитъ на умъ послѣдній, также характеристическій, по всему этому дѣлу, вопросъ, къ сожалѣнію оставленный безъ вниманія газетами: кѣмъ сообщены оратору оппозиціи столь драгоцѣнныя для него въ то время и положительныя свѣдѣнія объ этой новой Ахиллесовой пятѣ лорда Пальмерстона? Нескромность кого либо изъ лицъ, принадлежавшихъ къ числу друзей лорда Абердина, служила бы тяжелымъ доказательствомъ многими утверждаемаго вымиранія политическаго такта даже въ Англійскихъ государственныхъ людяхъ. Мы охотно сознаемся, что подобное явленіе было бы для насъ слишкомъ прискорбно. Не естественнѣе ли, напротивъ, приписать огласку трактата своевременной нескромности передъ лицемъ парламентской оппозиціи котораго либо изъ дипломатическихъ аген-

товъ Австріи, хорошо понимающихъ, какъ важно для Вѣнскаго кабинета, чтобы Итальянцы не оставались въ заблужденіи на счетъ степени къ нимъ сочувствія лорда Пальмерстона и Наполеона III.

Послѣ всего сказаннаго нетрудно, кажется, прійдти къ вѣрному заключенію на счетъ того, въ какомъ отношеніи дѣлятся выгоды и невыгоды между различными участниками тройственнаго союза 15 Апрѣля. Австрія пріобрѣтаетъ себѣ въ немъ сильное нравственное ручательство противъ возможныхъ, прямыхъ и непосредственныхъ, покушеній на нее со стороны обманутой ею Россіи и положительное фактическое ручательство противъ всякихъ стремленій послѣдней къ нарушенію безразсуднаго, но Австріи выгоднаго, statu quo въ Турціи. Къ тому же разглашеніе тайной конвенціи ея съ Франціею на счетъ Италіи вновь усиливаетъ вліяніе ея въ сей послѣдней на столько же, на сколько умерщвляетъ оно или, по крайней мѣрѣ, на время остужаетъ надежды и мечтанія Итальянскихъ патріотовъ. Франція добровольно закрываетъ себѣ многіе пути дѣйствія своего въ Европѣ и, вопреки всему характеру своей исторіи и народности, нисходитъ во внѣшней политикѣ своей на степень того неразумнаго для нея консерваторства, которое для Австріи представляется необходимымъ условіемъ жизненнымъ; а для гордой, внутри себя счастливой и мало сочувствующей язвамъ материковой Европы, Англіи—является лучшимъ и вѣрнѣйшимъ орудіемъ обширной своекорыстной дѣятельности. Не говоря уже о многихъ другихъ народностяхъ, не говоря даже о возможной роли Французской дипломаціи въ самой Турціи (если бы она шла тамъ рука объ руку съ вліяніемъ Русскимъ и съ самаго начала не такъ скупо отмѣрила бы одинъ только небольшой край Придунайскихъ княжествъ, въ видѣ какъ бы неутральной почвы, на которой по крайней мѣрѣ невоспрещено обѣимъ державамъ встрѣтиться дружелюбно и дѣйствовать сколько нибудь единомысленно на пользу края), не говоря о всѣхъ этихъ отчасти утраченныхъ Франціею или стѣсненныхъ поприщахъ полезнаго ея вмѣшательства во имя лучшихъ началъ просвѣщенія,—даже и въ самой Италіи она должна была измѣнить всѣмъ вѣко-

вымъ своимъ преданіямъ. Въ иномъ мѣстѣ, когда будемъ подробно излагать весь ходъ Итальянскихъ дѣлъ и прослѣдимъ ихъ возникновеніе и развитіе изъ совѣщаній Парижскаго конгресса, мы постараемся доказать, какъ легко объясняется вся безплодная ихъ до нынѣ запутанность изъ того ложнаго направленія, которое дало имъ двусмысленное положеніе Франціи въ этомъ вопросѣ. Теперь достаточно будетъ на минуту остановиться на одномъ замѣчательнѣйшемъ документѣ, представляющемъ какъ бы въ общемъ фокусѣ весь характеръ Французской политики въ Италіи, и ясно и несомнѣнно опредѣляющемъ ту точку, далѣе которой въ настоящее время ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ сочувствія къ ней Наполеона III (если только взглядъ, изложенный въ депешѣ г. Реневаля, Французскаго посланника въ Римѣ, можетъ быть названъ взглядомъ сочувственнымъ тому обществу, къ которому онъ такъ презрительно относится). Въ депешѣ Реневаля, составляющей донесеніе Французскому правительству о положеніи дѣлъ въ Римѣ, вызванной прѣніями Конгресса объ Итальянскихъ дѣлахъ и одно время опровергаемой въ своей подлинности (хотя, по всѣмъ признакамъ, безъ всякаго къ тому основанія) подробно разсмотрѣны какъ всѣ главные вопросы по управленію папскому, такъ и самый народный характеръ Итальянцевъ и тѣ надежды, которыя ими неуклонно питаются на возрожденіе ихъ родины и призваніе ея вновь къ самобытной политической жизни. Представитель Франціи не щадитъ упрековъ: онъ объявляетъ Піемонтъ страною чуждою Италіи, произвольно отбирая у послѣдней это лучшее ея современное украшеніе; снимаетъ всякую отвѣтственность за неправильное развитіе общественное съ Итальянскихъ правительствъ, возлагая ее исключительно на самый народъ, уличенный въ томъ, что правители его суть лишь кость отъ костей его и мозгъ отъ его мозга. Онъ не находитъ ни одной обѣщающей черты въ народномъ характерѣ и ни одной утѣшительной личности внѣ тѣснаго круга государственныхъ мужей духовнаго Рима,— словомъ, прилагаетъ во всей его жестокости къ нынѣшней Италіи тотъ узкій и бездушный законъ слѣпаго историческаго рока, которымъ такъ легко спасаетъ себя современный

человѣкъ отъ всякой удручающей думы или горькаго чувства. Врачеваніе г. Реневаля столько же просто, сколько и удобно въ практическомъ приложеніи: ни улучшеній, ни преобразованій, ничего не нужно, ибо все это и невозможно, и безплодно; нужно лишь продолженіе занятія Рима Французскими войсками, въ соединеніи съ оффиціальными выраженіями живѣйшаго участія, принимаемаго главными Европейскими правительствами въ бѣдствіяхъ Папы, и само собою разумѣется, еще болѣе съ скромнымъ молчаніемъ Англійскихъ и Піемонтскихъ газетъ. Такова политическая исповѣдь Французскаго правительства на счетъ будущихъ судебъ Италіи! Но въ этомъ замѣчательномъ документѣ, если внимательно прослѣдить его и тщательно взвѣсить всѣ искусно проведенныя въ немъ теоріи государственной жизни и управленія, можно было бы конечно легко подсмотрѣть, какъ въ наглядномъ типѣ, изображеніе еще во сто разъ живѣйшее и осязательнѣйшее того, какъ понимаетъ само Французское правительство свои отношенія къ собственному народу.

За отреченіемъ Франціи отъ преобладающаго вліянія на ближайшемъ Востокѣ и въ Италіи, естественно должно было послѣдовать, въ силу новаго тройственнаго союза, почти равносильное покуда отреченіе ея отъ почетнаго равенства съ Англіею въ значеніи на болѣе отдаленныхъ точкахъ и водахъ обоихъ полушаріевъ. Правда, въ сѣверной и центральной Америкѣ отсутствіе вмѣшательства Франціи, доколѣ она состоитъ въ близкомъ союзѣ съ Англіею, несравненно болѣе выгодно, нежели вредно для будущности Французской политики, не вовлекая ее въ ту безъисходную сѣть позорныхъ затрудненій и еще позорнѣйшихъ полусдѣлокъ, которыя вынуждена здѣсь выносить и добродушно принимать Британская гордость; напротивъ, въ водахъ Китайскихъ Франція по неволѣ видитъ себя вынужденною стать въ хвостѣ военно-морскаго движенія Англіи, не взирая на значительный рискъ играть относительно Англійскаго флота подъ Кантономъ туже самую роль, которую не такъ давно, но такъ плачевно, разыгрывалъ лордъ Рагланъ въ отношеніи къ войску Наполеонову подъ стѣнами Севастополя. А между тѣмъ одновременнаго и какъ бы паралельнаго съ

Англичанами дѣйствія на Китай требуетъ отъ Французскаго правительства самая нехитрая и незоркая дальновидность, не дозволяющая ни одной изъ дѣйствительно первостепенныхъ державъ Европейскихъ равнодушно созерцать разрастающееся не по днямъ, а по часамъ, единовластіе Британскаго флага по всему Азіатскому прибрежью.

Англія въ настоящее время спокойна на счетъ Италіи, Турціи и Придунайскихъ княжествъ, или, въ другихъ словахъ, увѣрена, что во всѣхъ этихъ странахъ заготовлены и искусно поддерживаются поводы къ несогласіямъ, достаточные, чтобы имъ съ выгодою занять и отвлечь вниманіе материковыхъ государствъ Европы и исчерпать ту долю суетливой дѣятельности, которая обыкновенно выпадаетъ на часть рядовой дипломаціи. Она нынѣ рѣшается пуститься въ смѣлый поискъ за исключительнымъ владычествомъ надъ отдаленнѣйшимъ, для нея особенно привлекательнымъ, Востокомъ, хотя бы даже съ опасностію на берегахъ Тихаго Океана возбудить новый, еще до времени покуда дремлющій, восточный вопросъ, восточный—въ полномъ смыслѣ этого названія. Быстрымъ походомъ на берегахъ Персидскаго залива и быстрыми переговорами въ Парижѣ съ Персидскимъ посломъ Ферукъ-ханомъ покончивъ къ своей выгодѣ свою минутную размолвку съ Персіею, болѣе или менѣе уклончиво одобривъ на время въ лицѣ лорда Непира мнимо-миролюбивые замыслы Сѣверо-американскихъ Штатовъ относительно средней Америки, она всею тяжестію своей военно-морской силы сбирается нынѣ приналечь на издыхающій Китай и предъявить на него свое несомнѣнное право—право сильнаго и задорнаго.

Такъ доселѣ сплетаются, примиряются и уравновѣшиваются въ тройственномъ Апрѣльскомъ союзѣ выгоды и невыгоды всѣхъ трехъ странъ: Австрія, какъ мы сказали, выигрываетъ продолженіе на время въ старой Европѣ стараго statu quo; Англія пріобрѣтаетъ по крайней мѣрѣ свободу дѣйствій своихъ въ Азіи; Франція собственно не выигрываетъ ничего, но временный символъ ея, Наполеонъ III, цѣною внѣшней международной охранительной политики пріобрѣтаетъ возможность неуклонно поддерживать и внутри

человѣкъ отъ всякой удручающей думы или горькаго чувства. Врачеваніе г. Реневаля столько же просто, сколько и удобно въ практическомъ приложеніи: ни улучшеній, ни преобразованій, ничего не нужно, ибо все это и невозможно, и безплодно; нужно лишь продолженіе занятія Рима Французскими войсками, въ соединеніи съ оффиціальными выраженіями живѣйшаго участія, принимаемаго главными Европейскими правительствами въ бѣдствіяхъ Папы, и само собою разумѣется, еще болѣе съ скромнымъ молчаніемъ Англійскихъ и Піемонтскихъ газетъ. Такова политическая исповѣдь Французскаго правительства на счетъ будущихъ судебъ Италіи! Но въ этомъ замѣчательномъ документѣ, если внимательно прослѣдить его и тщательно взвѣсить всѣ искусно проведенныя въ немъ теоріи государственной жизни и управленія, можно было бы конечно легко подсмотрѣть, какъ въ наглядномъ типѣ, изображеніе еще во сто разъ живѣйшее и осязательнѣйшее того, какъ понимаетъ само Французское правительство свои отношенія къ собственному народу.

За отреченіемъ Франціи отъ преобладающаго вліянія на ближайшемъ Востокѣ и въ Италіи, естественно должно было послѣдовать, въ силу новаго тройственнаго союза, почти равносильное покуда отреченіе ея отъ почетнаго равенства съ Англіею въ значеніи на болѣе отдаленныхъ точкахъ и водахъ обоихъ полушаріевъ. Правда, въ сѣверной и центральной Америкѣ отсутствіе вмѣшательства Франціи, доколѣ она состоитъ въ близкомъ союзѣ съ Англіею, несравненно болѣе выгодно, нежели вредно для будущности Французской политики, не вовлекая ее въ ту безъисходную сѣть позорныхъ затрудненій и еще позорнѣйшихъ полусдѣлокъ, которыя вынуждена здѣсь выносить и добродушно принимать Британская гордость; напротивъ, въ водахъ Китайскихъ Франція по неволѣ видитъ себя вынужденною стать въ хвостѣ военно-морскаго движенія Англіи, не взирая на значительный рискъ играть относительно Англійскаго флота подъ Кантономъ туже самую роль, которую не такъ давно, но такъ плачевно, разыгрывалъ лордъ Рагланъ въ отношеніи къ войску Наполеонову подъ стѣнами Севастополя. А между тѣмъ одновременнаго и какъ бы паралельнаго съ

Англичанами дѣйствія на Китай требуетъ отъ Французскаго правительства самая нехитрая и незоркая дальновидность, не дозволяющая ни одной изъ дѣйствительно первостепенныхъ державъ Европейскихъ равнодушно созерцать разрастающееся не по днямъ, а по часамъ, единовластіе Британскаго флага по всему Азіатскому прибрежью.

Англія въ настоящее время спокойна на счетъ Италіи, Турціи и Придунайскихъ княжествъ, или, въ другихъ словахъ, увѣрена, что во всѣхъ этихъ странахъ заготовлены и искусно поддерживаются поводы къ несогласіямъ, достаточные, чтобы имъ съ выгодою занять и отвлечь вниманіе материковыхъ государствъ Европы и исчерпать ту долю суетливой дѣятельности, которая обыкновенно выпадаетъ на часть рядовой дипломаціи. Она нынѣ рѣшается пуститься въ смѣлый поискъ за исключительнымъ владычествомъ надъ отдаленнѣйшимъ, для нея особенно привлекательнымъ, Востокомъ, хотя бы даже съ опасностію на берегахъ Тихаго Океана возбудить новый, еще до времени покуда дремлющій, восточный вопросъ, восточный—въ полномъ смыслѣ этого названія. Быстрымъ походомъ на берегахъ Персидскаго залива и быстрыми переговорами въ Парижѣ съ Персидскимъ посломъ Ферукъ-ханомъ покончивъ къ своей выгодѣ свою минутную размолвку съ Персіею, болѣе или менѣе уклончиво одобривъ на время въ лицѣ лорда Непира мнимо-миролюбивые замыслы Сѣверо-американскихъ Штатовъ относительно средней Америки, она всею тяжестію своей военно-морской силы сбирается нынѣ приналечь на издыхающій Китай и предъявить на него свое несомнѣнное право—право сильнаго и задорнаго.

Такъ доселѣ сплетаются, примиряются и уравновѣшиваются въ тройственномъ Апрѣльскомъ союзѣ выгоды и невыгоды всѣхъ трехъ странъ: Австрія, какъ мы сказали, выигрываетъ продолженіе на время въ старой Европѣ стараго statu quo; Англія пріобрѣтаетъ по крайней мѣрѣ свободу дѣйствій своихъ въ Азіи; Франція собственно не выигрываетъ ничего, но временный символъ ея, Наполеонъ III, цѣною внѣшней международной охранительной политики пріобрѣтаетъ возможность неуклонно поддерживать и внутри

расплавленнаго Французскаго общества туже самую нелишенную лично для него выгодъ и разумнаго значенія политику охраненія, во что бы ни стало; ибо безъ сомнѣнія еще болѣе, чѣмъ самъ г. Реневаль, онъ имѣетъ право присвоить себѣ слѣдующія знаменательныя строки изъ вышесказанной депеши своего представителя въ Римѣ, прилагая ихъ къ Французскому обществу: „Я не думаю, чтобы всѣ вопросы міра сего необходимо должны были имѣть себѣ разрѣшеніе. По моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ, вопросъ Римскій (читай Французскій) безспорно принадлежитъ къ таковымъ. Неусыпною заботою мы можемъ лишь отдалить на время опасность переворота и продлить на сколько нибудь временное состояніе, уже и тѣмъ драгоцѣнное, что оно по крайней мѣрѣ спасаетъ Европу отъ бѣдствій неисчислимыхъ“....

Этотъ-то охранительный типъ Апрѣльскаго союза подалъ поводъ инымъ сравнивать его съ отжившимъ священнымъ союзомъ, не смотря на то, что они имѣютъ между собою лишь одно общее составное начало, правда—начало самое характеристическое, именно—элементъ Австрійскій. Другіе справедливо замѣтили, что Апрѣльскій союзъ, или вѣрнѣе сказать, союзъ Англіи съ Франціею, есть союзъ отрицательный, или, въ другихъ словахъ, союзъ, болѣе страдательный, чѣмъ дѣятельный, съ той поры, по крайней мѣрѣ, какъ разсѣяны опасенія Европы на счетъ немедленнаго поглощенія Царяграда Россіею.

Какъ бы то ни было, ближе и ближе вглядываясь въ него, мы, не смотря на все искреннѣйшее желаніе наше найти какой либо достаточный поводъ къ убѣжденію противному, не можемъ не признать въ немъ нѣкотораго исключительнаго, особенно важнаго свойства: онъ является намъ съ одной стороны ключемъ всей настоящей международной системы, съ другой — мы невольно убѣждаемся въ его относительной прочности. Этимъ свойствомъ объясняется то, что, не смотря на всѣ разноглагольствованія газетъ, онъ могъ безъ всякаго видимаго для себя ущерба устоять противъ всѣхъ болѣе или менѣе мелочныхъ, но во всякомъ случаѣ многочисленныхъ поводовъ къ раздвоенію, или вопро-

совъ политическаго самолюбія, которыми изобиловали дѣла Неаполитанскія, ссора Сардиніи съ Австріею, споръ о Болградѣ и Змѣиномъ островѣ, безконечные переговоры о Невшателѣ, зараждающійся Скандинавизмъ, дѣла Голштино-датскія, весьма важное дѣло о предпочтеніи Египетскимъ пашею, для прорытія Суезскаго перешейка, Французской компаніи и г. Лессепса всѣмъ Англійскимъ компаніямъ, и многія другія. Мы даже невольно склоняемся къ мысли, что и для самаго вопроса о княжествахъ Дунайскихъ дипломація найдетъ еще какое либо среднее разрѣшеніе, которое успѣетъ помирить столько повидимому разнорѣчащіе виды западныхъ государствъ. Причины такой нами приписываемой союзу прочности мы уже указали выше; то—личное положеніе Людовика Наполеона и существенное политическое сочувствіе двухъ обществъ, Англійскаго и Французскаго, развившихся по типамъ, во многомъ между собою сходнымъ. Мы безъ сомнѣнія далеки отъ того убѣжденія, будто бы и то и другое изъ этихъ условій принадлежитъ къ числу политическихъ явленій неизмѣнныхъ, вѣчныхъ и какъ бы роковыхъ. На землѣ нѣтъ непреходящаго: увѣрившись въ достаточной окрѣплости и надежной упругости другой какой-либо внѣшней точки опоры, Наполеонъ III конечно можетъ со временемъ предпочесть ее первоначальному своему союзу съ Англіею, какъ скоро убѣдится наглядно, что новый союзъ влечетъ за собою не однѣ хлопоты, но и положительныя для него самого выгоды; а общественныя сочувствія народовъ, какъ бы послѣдніе ни были развиты и просвѣщенны, не застрахованы отъ временныхъ затмѣній и уклоненій неправильныхъ, особенно когда ниже уровня высшихъ сочувственныхъ слоевъ двухъ обществъ бродитъ въ народѣ неосѣвшая еще вполнѣ закваска вѣковыхъ недоразумѣній и вражды. Дѣло дипломаціи и состоитъ именно въ томъ, чтобы правильнымъ дѣйствіемъ тайныхъ пружинъ своихъ, а, быть можетъ, еще больше искуснымъ перевоспитаніемъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ съ помощію гласности и печати (этой новой, прежнему міру невѣдомой, силы) способствовать желанному результату и пріуготовить возможность новыхъ, болѣе правильныхъ отношеній. Мы хо-

тимъ сказать только, что такое дѣло въ настоящее время не совсѣмъ легко или, лучше сказать, почти столько же трудно, сколько оно было бы славно; что для полнаго достиженія притомъ подобнаго результата мало одного дѣйствія правительственнаго въ тѣхъ народахъ, которые остались внѣ новаго тройственнаго союза, но нужно еще дружное и свободное содѣйствіе внутри ихъ самихъ дѣятельности частной и общественнаго мнѣнія. Успокоивать себя мечтаніями и надеждами на какія-либо счастливыя случайности, имѣющія помимо всякаго дѣятельнаго личнаго подвига народа привесть къ естественному распаденію опасныхъ для него внѣшнихъ сочетаній, есть дѣло вмѣстѣ безплодное, унизительное и вредное. Никто не долженъ забывать, что Священный Союзъ, при всей наглядной несостоятельности своей, могъ однако насчитать около сорока лѣтъ признаннаго существованія; а еще менѣе должна исторія забыть то въ высокой степени честное для Франціи народное чувство непримиримаго отвращенія къ трактатамъ 1814 года, которые временно низвели ее съ высшей ступени политическаго преобладанія. Мѣра негодованія народнаго противъ всякаго извнѣ налагаемаго ограниченія и мѣра возможности благодушнаго съ нимъ примиренія народа,— вотъ лучшее и единственно вѣрное мѣрило народныхъ правъ на уваженіе въ области политики и исторіи. Франція умѣла не забыть нанесенныхъ ей въ 1814 году оскорбленій (хотя, быть можетъ, и оправдывавшихся обстоятельствами того времени); она умѣла изъ внутренняго 40 лѣтняго въ самой себѣ плодоноснаго сосредоточенія извлечь тѣ живыя вещественныя и духовныя силы, которыя дали ей вновь почетное мѣсто въ Европейской семьѣ. Подобный подвигъ, въ которомъ участвуетъ своею мыслію весь народъ, до послѣдняго въ немъ недѣлимаго, не можетъ и не долженъ быть исторіею пройденъ въ молчаніи.

Тихій океанъ, а вслѣдъ за нимъ, быть можетъ, и Атлантическій; главныя гавани Китайскія, а вслѣдъ за ними, быть можетъ, устья Русскаго Амура и Панамскій перешеекъ въ средней Америкѣ—вотъ естественное, мы готовы сказать, неизбѣжное поприще дальнѣйшихъ столкновеній и, можетъ

быть, новыхъ, желанныхъ сближеній. Эти, отдаленныя отъ Европы, воды и земли суть лучшая неутральная почва, на которой можетъ когда нибудь образоваться лишенное вражды и зависти дружное воздѣйствіе трехъ второстепенныхъ морскихъ державъ, Франціи, Америки и Россіи, противъ морскаго деспотизма Британскаго. Здѣсь тщательно собраны самою природою всѣ необходимыя вещественныя условія для успѣшнаго ихъ совокупнаго дѣйствія; здѣсь Англія накопила цѣною вѣковой дѣятельности богатое наслѣдіе, дальнѣйшее разростаніе или расхищеніе котораго составляетъ животрепещущій вопросъ современности; здѣсь предложится со временемъ вопросъ уже не-Европейскаго только, но правильнаго всемірнаго равновѣсія. Подобные вопросы безъ сомнѣнія рѣшаются не сразу и не въ одинъ день. Но эта логическая и историческая необходимость борьбы главныхъ всемірныхъ началъ именно на этой отдаленной и зыбкой почвѣ океана, уже сама въ себѣ, и независимо отъ всякаго числительнаго опредѣленія времени, когда она можетъ возникнуть, крайне важна и поучительна для всѣхъ правительствъ Европейскихъ, въ томъ смыслѣ, что съ несомнѣнною вѣрностію указуетъ имъ на то орудіе внѣшней государственной силы, которое должно въ настоящую минуту составлять предметъ ихъ неусыпнѣйшей заботы;—мы говоримъ о настоятельной необходимости для всѣхъ государствъ Европы болѣе, чѣмъ когда-либо, усиливать свои морскія силы и согласовать ихъ развитіе съ новѣйшими успѣхами морской науки. Потребность эта живо сознана всѣми въ Европѣ. Англія донынѣ лишь съ крайнею медленностію приступала къ разоруженію огромнаго флота, ею выставленнаго во время минувшей борьбы съ нами. Достойно замѣчанія, что въ послѣднемъ бюджетѣ ея съ Апрѣля 1856 года по Апрѣль 1857 года на одну постройку новыхъ и исправленіе старыхъ кораблей употреблено 1,310,000, ф. ст. болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ исключительно-военномъ году; сверхъ того учрежденъ, подъ именемъ усиленной прибрежной стражи, пятнадцати-тысячный резервъ моряковъ; а открывшаяся война съ Китаемъ безъ сомнѣнія поведетъ еще къ значительному возвышенію всѣхъ цифръ морскаго управленія. Сѣверо-американскій конгрессъ тщательно упо-

требляетъ богатые излишки своихъ государственныхъ доходовъ на приведеніе береговъ своихъ въ оборонительное состояніе и на умноженіе числа образцовыхъ своихъ фрегатовъ. Во Франціи, съ 1848 года не обратившей ни одного франка на уменьшеніе своего государственнаго долга, постоянно отвлекавшей съ того времени на текущіе расходы свои всѣ суммы, первоначально опредѣленныя на погашеніе его, и усилившей еще свой долгъ на чудовищную сумму,—заготовленіе новыхъ военныхъ судовъ, при всей ненормальности общаго финансоваго положенія, идетъ дѣятельнѣе, чѣмъ когда-нибудь, такъ что къ началу нынѣшняго года состояло 58 военныхъ судовъ въ постройкѣ. Даже Австрія, столь настойчиво и искусно борющаяся съ неотвязчиво-привившимся къ ней, какъ бы роковымъ, дефицитомъ, и Сардинія, вовлеченная послѣдними своими войнами въ столь значительные долги, всѣми мѣрами стараются сравнять свои микроскопическіе флоты съ возрастающими требованіями новаго времени. Словомъ, всѣ государства Европы какъ бы единодушно сознали, что въ настоящую минуту нѣтъ того разстроеннаго положенія финансовъ, которое могло бы оправдать уменьшеніе морскихъ силъ или слишкомъ медленное ихъ возобновленіе тамъ, гдѣ онѣ требуютъ преобразованія, и что сокращеніе государственныхъ расходовъ должно быть искомо не въ этой статьѣ государственнаго бюджета, а въ другихъ, менѣе тѣсно связанныхъ съ народною безопасностію и честію, и болѣе темныхъ его частяхъ.

Изъ представленнаго нами быстраго очерка союза 15 Апрѣля и отношеній его къ остальной западной Европѣ довольно ясно слѣдуетъ, что въ этой послѣдней средѣ единственный существенный элементъ, на которомъ можетъ быть расчитано какое-либо новое опредѣленіе между-государственныхъ отношеній, это движеніе и преуспѣяніе народностей; но очевидны и тѣ многочисленныя препятствія, которыми затруднено всякое подобное движеніе. Съ другой стороны, за предѣлами океана, Америка продолжаетъ относиться понынѣ къ Европѣ вообще, и въ особенности къ тройственному союзу, какъ къ факту, ей еще совершенно чуждому; подробное изслѣдованіе, въ какой степени вѣроятно и возможно въ

будущемъ подобное продолжительное еще разобщеніе Америки съ Европою, есть конечно предметъ первой и живѣйшей занимательности.

Но не останавливаясь на немъ въ настоящую минуту, мы спѣшимъ отыскать нѣчто другое, а именно — ясное, положительное, такъ сказать, документальное удостовѣреніе тѣхъ, еще несравненно болѣе для нашего сердца важныхъ, отношеній, въ которыя дипломація собственнаго нашего отечества стала къ тому же Европейскому явленію — къ тройственному союзу. Мы уже имѣли случай въ одномъ изъ прошлогоднихъ обозрѣній нашихъ, вскорѣ по оффиціальномъ разглашеніи этого союза, выразить свое личное мнѣніе о важности его для насъ въ томъ смыслѣ, что онъ возвратилъ Россіи полную возможность опредѣленія своихъ международныхъ отношеній на новыхъ основаніяхъ. Депеша князя Горчакова, отъ 2-го Сентября, безъ сомнѣнія принадлежащая къ числу важнѣйшихъ дипломатическихъ сообщеній, обмѣненныхъ между собою въ прошедшемъ году Европейскими кабинетами, а каждому Русскому особенно любезная, какъ новый несомнѣнный залогъ обновленной политической системы, внѣшней и внутренней, заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія знаменательныя слова, живо отозвавшіяся въ нашемъ народномъ сознаніи, будто завѣтное для него обѣщаніе и выраженіе его собственной мысли: „Обстоятельства возвратили намъ полную свободу дѣйствій. Государь пріялъ твердое рѣшеніе преимущественно посвящать Свои попеченія на благосостояніе Своихъ подданныхъ, и сосредоточить всю дѣятельность государственную на развитіи внутреннихъ силъ общественныхъ, направляя ее наружу лишь тогда, когда того настоятельнѣйшимъ образомъ будутъ требовать положительныя выгоды Россіи“... Такое направленіе, неуклонно поддерживаемое, можетъ имѣть вліяніе самое выгодное и на будущія наши внѣшнія отношенія, и на уваженіе къ намъ западныхъ народовъ. Правильное, широкое и свободное внутреннее развитіе есть незамѣнимое условіе для пріобрѣтенія въ ихъ глазахъ всякимъ государствомъ полнаго права гражданства и полнаго права на ихъ собственное искательство; въ этомъ отношеніи каждая вновь

проложенная верста желѣзныхъ дорогъ, или вновь устроенное на живучихъ основаніяхъ промышленное предпріятіе, всякое вновь заведенное училище, всякое благодѣтельное возвышеніе существующаго уровня народной нравственности и народнаго богатства, должны болѣе содѣйствовать склоненію вновь Европы къ Россіи, чѣмъ могли бы для этой цѣли сдѣлать совокупныя усилія всѣхъ умнѣйшихъ и преданнѣйшихъ своему отечеству дипломатовъ.

Характеръ внутренняго, такъ сказать, домашняго развитія каждаго изъ государствъ, образующихъ новый трехчленный союзъ, заслуживаетъ также нѣкотораго особеннаго наблюденія. Еще никогда, быть можетъ, союзъ изъ трехъ государствъ не вмѣщалъ въ себѣ такаго разнообразія правительственныхъ системъ, вызванныхъ своебытными особенностями въ жизненныхъ условіяхъ каждаго изъ его сочлененій. Правильнѣйшее конституціонное государство, или изукрашенная монархическими символами республика; вулканическое общество, уже около 70 лѣтъ съ неистощимою энергіею отыскивающее себѣ новыхъ, еще неразгаданныхъ, формулъ, и на время пріостановленное въ своемъ бѣшеномъ движеніи сильною рукою искушеннаго въ житейскомъ дѣлѣ, нежданнаго правителя; наконецъ, дряхлая, разноязычная, разноплеменная и разновѣрная имперія, обновляющаяся подъ свѣжимъ дыханіемъ новыхъ токовъ, въ живыхъ водахъ новой государственной науки находящая цѣленіе отъ застарѣлыхъ язвъ, и уже съ пробивающимся свѣжимъ румянцемъ изъ подъ перешедшихъ въ пословицу морщинъ: вотъ странная картина, представляемая западнымъ союзомъ.

Изображеніе, хотя нѣсколько полное, внутренней жизни Франціи въ теченіи послѣдняго года со времени закрытія Парижскаго конгресса, далеко не могло бы умѣститься въ тѣсныя рамки настоящаго нашего скромнаго обозрѣнія; мы можемъ лишь указать въ главныхъ, существенныхъ чертахъ общій характеръ эпохи, а именно, съ одной стороны— степень и свойство участія Французскаго общества во всемъ томъ, что̀ совершается передъ его глазами, съ другой— общій типъ дѣятельности самого Наполеона. Многотрудную, тяжелую ношу взялъ на себя императоръ Французовъ

и, если подъ бременемъ ея онъ подчасъ изнемогаетъ, то въ этомъ уже конечно невозможно видѣть ни отсутствіе въ немъ дѣятельности, ни недостатокъ приготовленія къ наукѣ царствованія, а развѣ только громадность самой задачи, особенно въ обществѣ, столько уже развитомъ, гдѣ нужды такъ многочисленны и разнообразны, и гдѣ цѣною многихъ перемѣнъ уже, казалось, по-немногу началъ устанавливаться нѣкоторый навыкъ къ самоуправленію. Извѣстно, что имперскою конституціею Людовикъ Наполеонъ de facto сосредоточилъ въ своемъ Государственномъ Совѣтѣ всю законодательную власть и иниціативу; онъ вообще мало довѣряетъ свободной игрѣ конституціоннаго механизма, и рѣдко упускаетъ удобный случай гласно, всенародно отдать предпочтеніе быстротѣ и рѣшительности собственныхъ своихъ распоряженій надъ неизбѣжною медленностію движенія законодательныхъ дѣлъ въ прежнихъ, совѣщательныхъ палатахъ. Таково между прочимъ было существенное содержаніе знаменитаго письма, имъ писаннаго лѣтомъ прошедшаго года къ министру публичныхъ работъ, по случаю закона о назначеніи огромной суммы 100 милл. франковъ на дренажъ, и предположеній о необходимости обширной системы барражей или плотинъ по всѣмъ рѣчнымъ сѣтямъ для предотвращенія на будущее время страшнаго бича наводненій. Императоръ усердно и мастерски пользовался этимъ народнымъ бѣдствіемъ для привлеченія къ себѣ общественной любви: дѣятельность его была неутомима; онъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль лично обозрѣвалъ на мѣстахъ всѣ опустошенія, исчислялъ убытки, щедро помогалъ изъ домашней казны своей, наконецъ открылъ въ громадныхъ размѣрахъ подписку, уже въ Августѣ мѣсяцѣ возросшую до 10 милліоновъ франковъ, при особенномъ усердіи префектовъ къ поощренію частной благотворительности, но конечно не покрывшую и $^1/_{20}$ доли всѣхъ понесенныхъ убытковъ. Съ тою же нѣжною заботливостію относился Наполеонъ также къ нуждамъ безчисленныхъ Парижскихъ работниковъ, порожденнымъ между прочимъ страшною дороговизною квартиръ; и здѣсь опять онъ на собственныя деньги спѣшилъ покупать пустыри и застроивать ихъ образцовыми дешевыми по-

мѣщеніями для рабочихъ, и также взывалъ къ частной благотворительности, настойчиво приглашая ее слѣдовать за нимъ по новому имъ проложенному пути. А между тѣмъ оффиціальная перепись, какъ бы на зло всѣмъ филантропическимъ стремленіямъ, спѣшила съ своими обличительными статистическими данными, доказывая неопровержимыми фактами, что Французское народонаселеніе рѣшительно измѣняетъ своему прежнему бодрому движенію впередъ, въ теченіи цѣлаго пятилѣтія съ 1851 усилившись во всей Франціи только на 256,000 душъ, а во многихъ отдѣльныхъ департаментахъ даже значительно уменьшившись противъ послѣдней переписи. Такъ расплачивалась Франція за одновременное столкновеніе военныхъ трудностей съ неурожаями, хлѣбнымъ и виноградным. И между тѣмъ народонаселеніе Парижа въ тотъ же самый промежутокъ времени умножилось болѣе, чѣмъ на 300,000 жителей, покинувшихъ родные очаги въ отдаленныхъ департаментахъ ради обольстительной, но невѣрной приманки дорогихъ казенныхъ заработковъ. Всѣми мѣрами стараясь привлечь къ себѣ благорасположеніе рабочихъ классовъ народныхъ, Императоръ съ другой стороны всячески ищетъ истребить вліяніе прежнихъ династій, нынѣ томящихся въ тяжкомъ изгнаніи: графъ Шамборъ окончательно раззоренъ придирчивымъ процессомъ, оспорившимъ у него въ пользу казны всѣ огромные его лѣса, главное его достояніе; а несчастный Орлеанскій домъ, назначеніемъ тремъ принцессамъ Орлеанскимъ ежегодной пенсіи по 200 т. фр., поставленъ въ грустное положеніе—или принять отъ Императора какъ бы милостыню въ замѣнъ незаконно отобраннаго имѣнія, или вовсе лишиться и послѣдней возможности получить хоть что нибудь въ замѣнъ отнятаго. Съ другой стороны, Наполеонъ не упускаетъ изъ виду ничего, что̀ можетъ къ нему крѣпче привязать высшіе слои общества, и въ особенности людей, непосредственно его окружающихъ, и употребляемыхъ имъ въ управленіи. Здѣсь приводятся въ движеніе по преимуществу струны прирожденнаго человѣчеству корыстолюбія: новымъ закономъ, предложеннымъ отъ правительства на одобреніе Законодательнаго Сословія,

Императору предоставлена власть, въ награду за особенныя услуги назначать пенсіоны силою одного своего декрета. Одно время ходилъ даже по Парижу нелѣпый слухъ о скоромъ будто бы возстановленіи новой имперской аристократіи, на подобіе той, которую нѣкогда пытался создать первый Наполеонъ; пожалованіе Пелисье герцогомъ Малаховскимъ съ назначеніемъ ему изъ государственнаго казначейства наслѣдственной ежегодной ренты во 100,000 франковъ казалось первымъ къ тому приступомъ. Слухъ не оправдался, но до времени, по крайней мѣрѣ въ угоду закоренѣлому чванству пережившихъ себя остатковъ стараго Французскаго дворянства, подготовленъ новый законъ о воспрещеніи носить титулы, присвоиваемые себѣ безъ законнаго на то основанія. Впрочемъ, несправедливо было бы не отдать Людовику Наполеону той, по истинѣ слѣдующей ему, чести, что рядомъ съ этими болѣе или менѣе удачными попытками всячески утвердить свое собственное личное положеніе, идетъ цѣлый рядъ мѣръ, дѣйствительно достойныхъ его ума и имѣющихъ цѣлію общественное благо. Сюда должно отнести главнымъ образомъ утвержденіе двухъ большихъ новыхъ сѣтей желѣзныхъ дорогъ — Алжирской и такъ называемой Пиренейской во Франціи, и удвоеніе капитала Французскаго Банка въ видахъ усиленія помощи, оказываемой имъ торговлѣ и промышленности. Рѣшимость даровать Алжирскимъ степямъ правильные пути сообщенія, нынѣ сдѣлавшіеся необходимыми орудіями просвѣщенія, тѣмъ похвальнѣе, что малолюдство страны этой, представляющей среднее народонаселеніе только въ 300 жителей на каждую квадратную милю, или 6 человѣкъ на квадратную версту, служило въ этомъ отношеніи донынѣ пугаломъ для всѣхъ государственныхъ людей Франціи. Императору принадлежитъ честь правильнаго уразумѣнія истинныхъ нуждъ края и твердой рѣшимости въ избраніи лучшихъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Независимо отъ этого, съ помощію дорого стоившихъ артезіанскихъ колодцевъ, добыта тамъ же вода въ мѣстахъ, до сихъ поръ ея лишенныхъ; положено, наконецъ, твердое начало распродажѣ съ торговъ пустопорожнихъ казенныхъ земель

примѣру того, какъ это ежегодно производится въ Америкѣ. Прежде нежели окончательно рѣшиться на удвоеніе банковаго капитала, замышлявшееся еще первымъ Императоромъ, но въ то время имѣвшее противъ себя мнѣніе извѣстнаго его министра графа Молліена, Людовикъ Наполеонъ двукратно созывалъ особенные чрезвычайные совѣты, приглашалъ спеціальныхъ людей къ участію въ ихъ прѣніяхъ подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, и, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, положилъ привести его въ исполненіе. Еще съ бо́льшею осторожностію приступалъ онъ къ преобразованію тарифа, тщательно вопрошая и выслушивая всѣ затронутые интересы и всѣхъ людей, практически знакомыхъ съ дѣломъ; для свободнаго обсужденія вопроса была даже допущена правительствомъ какъ-бы нѣкоторая агитація, не воспрещено составиться лигѣ или союзу въ пользу свободной торговли по примѣру бывшихъ въ Англіи; не воспрещена и самая ожесточенная противъ нея полемика, и когда правительство усмотрѣло въ обществѣ сопротивленіе слишкомъ жаркое своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ немедленнаго отмѣненія или пониженія въ огромныхъ размѣрахъ многихъ привозныхъ пошлинъ,—оно сперва декретомъ 22 Іюня видоизмѣнило свои предположенія, а въ послѣдствіи объявило, что до 1 Іюля 1861 года, для статей, нынѣ вовсе запрещенныхъ къ привозу, это запрещеніе во всякомъ случаѣ отмѣнено не будетъ. Замѣчательно при томъ, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ Французскій привозный тарифъ донынѣ несравненно строже нашего: такъ онъ до сихъ поръ вовсе воспрещаетъ ввозъ бумажной пряжи; и даже новый проэктъ имѣлъ лишь цѣлію установить пошлину, возвышающуюся собразно номерамъ и свойству пряжи отъ 1 фр. 44 сантимовъ до 8 фр. 40 сант. съ килограма (то есть отъ 5 р. 90 коп. сер. до 34 рубл. сер. за пудъ) и выше, для самыхъ цѣнныхъ ея сортовъ, тогда какъ въ Россію пряжа допускается съ платежемъ однообразной платы лишь 5 рубл. сер. съ пуда безъ всякаго различія номеровъ. Мы не оправдываемъ окончательнаго рѣшенія Французскаго правительства на счетъ тарифа своего; мы скорѣе даже склонны думать, что пользы Франціи требо-

вали совершенно противнаго при настоящей степени развитія ея промышленности, при обиліи въ ней рукъ и капиталовъ и дешевизнѣ каменнаго угля; но справедливость требуетъ признанія, что правительство, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ правильно оцѣнило несомнѣнныя выгоды гласности и добросовѣстнаго отношенія къ отечественной промышленности.

Между тѣмъ среди шумныхъ толковъ, возбужденныхъ вещественными интересами въ дѣлѣ тарифа и благоразумно терпимыхъ правительствомъ, стали въ истекшемъ году подчасъ подниматься и другіе вопросы, касающіеся болѣе возвышенныхъ сторонъ человѣческаго развитія. Оцѣпенѣвшее Французское общество, какъ бы съ трудомъ очнувшись, наконецъ, отъ страха, на него нагнаннаго Февральскою революціею и Декабрьскимъ переворотомъ, отвыкаетъ по немногу отъ того гробоваго молчанія, которое три года сряду никто не осмѣливался прервать, и начинаетъ въ литературной формѣ заявлять свой политическій протестъ, тщательно облекаемый въ критику на другія эпохи или страны чужія. Во главѣ этого движенія стоятъ нѣсколько преданій стараго времени: Journal des Debats, съ его живою полемикою, Академія, гдѣ пріемъ всякаго новаго члена торжественно празднуется рѣчью, произносимою кѣмъ-либо изъ старыхъ, по немногу вымирающихъ политическихъ личностей Франціи конституціонной—или Гизо, или герцогомъ де Брогліо, или Фаллу. Къ числу лучшихъ явленій этой же стороны Французской жизни принадлежатъ въ особенности двѣ замѣчательнѣйшія книги—Монталамбера и Токвиля, которымъ по всѣмъ вѣроятіямъ выпала заслуженная доля открыть собою новую эпоху умственной дѣятельности во Франціи. Таковы первые симптомы оживленія въ верхнихъ слояхъ общества; оно отсюда какъ бы проникаетъ даже слегка въ прѣнія совѣщательныхъ сословій, но здѣсь постоянно замираетъ на самыхъ первоначальныхъ оппозиціонныхъ пріемахъ. Ниже всего этого поверхностнаго движенія, доступнаго наблюденію всякаго, даже иностранца, а для Французскаго правительства не представляющаго ничего, что̀ бы не могло быть имъ съ совершенною точностію взвѣшено, исчислено и р

считано,—совершается въ незримой глубинѣ народной другая, какъ бы подземная, неуловимая, работа духа и мысли, о которой доходятъ до насъ лишь немногія, самыя неясныя указанія, и которая едва ли можетъ быть съ точностію изслѣдована самымъ правительствомъ Наполеона. Тутъ кипятъ всѣ сдержанныя страсти Французскаго народа, лишенныя всякаго правильнаго внѣшняго выраженія; и только ими объясняются тѣ ежечасные слѣды заговоровъ, на которые безпрестанно нападаетъ императорская полиція, всюду встрѣчающая тайныя общества, то въ формѣ такъ называемой Маріанны, то въ другихъ разнообразнѣйшихъ видахъ. Юношество военныхъ школъ Парижскихъ, очевидно, также мало сочувствуетъ современному порядку. Между высшимъ и низшимъ духовенствомъ царствуетъ совершеннѣйшій разладъ, плачевно засвидѣтельствованный трагическою сценою убійства Парижскаго архіепископа, но безъ сомнѣнія питаемый деспотизмомъ епископовъ, противъ котораго должна была вооружиться, наконецъ, самая свѣтская власть. Вся остальная Франція торгуетъ, продаетъ и покупаетъ на биржѣ, въ упоеніи вещественнаго пріобрѣтенія находя себѣ отводъ отъ всего, что̀ составляло нѣкогда ея жизнь, какъ бы забывъ общественное дѣло и равнодушно отстранившись отъ всѣхъ мѣстныхъ выборовъ и интересовъ. Глубокій знатокъ человѣческаго сердца и всегда вѣрный цѣнитель факта, Людовикъ Наполеонъ не можетъ не примѣчать совершающагося кругомъ его; онъ самъ спѣшитъ уже новыми постановленіями положить предѣлъ имъ самимъ возбужденному току корыстныхъ страстей; онъ самъ подчасъ негодуетъ на Французское общество и упрекаетъ его всегда краснорѣчивымъ словомъ своимъ въ неисправимой безпомощности и постыднѣйшемъ равнодушіи.

Англія, сказали мы, представляетъ, напротивъ, образъ правильнѣйшаго гражданскаго развитія. До этого высокаго типа она достигла посредствомъ неутомимой вѣковой работы надъ собственными учрежденіями и непрестаннаго принаровленія ихъ къ разрастающимся требованіямъ живой личности своего гражданина. Въ новѣйшее время, послѣ продолжительнаго, почти исключительнаго развитія учрежденій

аристократическихъ, она рѣшилась покинуть этотъ, уже слишкомъ узкій для себя путь, и постановленіями о парламентской реформѣ и объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ и покровительственной системы, смѣло пошла, подъ руководствомъ передовыхъ мужей вѣка, по новой дорогѣ общественнаго демократическаго развитія. Но всякій шагъ впередъ обусловливаетъ и вызываетъ новыя требованія: Крымская война, какъ мы уже видѣли, вновь обнаружила многія застарѣлыя язвы, дотолѣ сокрытыя спокойнымъ теченіемъ жизни; общественное мнѣніе возстало, и политическое волненіе на этотъ разъ проникло, быть можетъ, глубже, чѣмъ когда-либо прежде. Во главѣ министерства стоялъ и стоитъ понынѣ престарѣлый государственный мужъ, безъ сомнѣнія отличный умомъ и политическими свѣдѣніями, но воспитанный какъ бы въ кровномъ сочувствіи ко всѣмъ старымъ аристократическимъ злоупотребленіямъ конституціи, какъ къ вѣрнымъ средствамъ кормленія для семействъ Палаты Лордовъ: вигъ по политическому своему положенію, но въ глубинѣ души ожесточенный доктринеръ. Это личное расположеніе лорда Пальмерстона, соединенное съ желаніемъ, во что бы то ни стало, удержать за собою и политическую власть, и вещественныя выгоды носимаго званія, и все это, въ связи съ тѣмъ страшнымъ разложеніемъ партій, которое составляло отличительную черту отживавшей свой вѣкъ Нижней Палаты и было доведено въ ней до крайнихъ предѣловъ бурными тревогами войны съ Россіею,—породило ту совершенную неспособность къ правильному пониманію внутреннихъ нуждъ и общественныхъ требованій, подъ бременемъ которой пала палата, и въ которой глубоко заподозрѣно предъ Англіею само министерство. Послѣднее отвергало въ минувшемъ засѣданіи Парламента всѣ безъ изъятія реформы, живя лишь внѣшнею политикою и непрестанно раздувая внѣшнія несогласія, дабы найти себѣ въ народномъ самолюбіи и патріотизмѣ защиту противъ явнаго нерасположенія къ себѣ законодательнаго большинства. Вотъ почему со времени Парижскаго мира, даже внутренняя исторія Англіи какъ бы нераздѣльно сливается съ исторіею ея многосложныхъ внѣшнихъ сношеній, и только въ связи съ послѣдними можетъ

быть подробно разсказана. Оппозиція, съ своей стороны, пыталась цѣною пожертвованія всѣми политическими началами вырвать бразды правленія у стараго министра, равно ненавидимаго, и немногими сохранившимися въ Парламентѣ старыми протекціонистами, и обновленными торіями, и школою Манчестерскою или Пилистами, и партіею демократическою. Впрочемъ, знаменитая коалиція по вопросу Китайскому, погубившая въ глазахъ избирателей всю Манчестерскую школу, недолго могла торжествовать свою побѣду надъ искушеннымъ въ парламентской жизни министромъ. Смѣлое обращеніе лорда Пальмерстона къ народу, призванному избрать себѣ новую палату, если не рѣшило дѣло въ его пользу (ибо все покуда еще закрыто), то во всякомъ случаѣ отсрочило, по крайней мѣрѣ на время, его паденіе и возбудило рѣшительный, хотя и не безпристрастный, приговоръ націи надъ самою коалиціею. Новый Парламентъ теперь уже собранъ. Англія походитъ въ настоящую минуту на человѣка, погруженнаго въ глубокое раздумье и крѣпко озабоченнаго настоятельною необходимостію принять окончательное твердое рѣшеніе на счетъ будущаго плана своей жизни. Будетъ ли новая палата долговѣчна? Возъимѣетъ ли къ ней надлежащее довѣріе Англійскій народъ, привыкшій считать Парламентъ вѣрнымъ представителемъ своихъ выгодъ и воззрѣній лишь тогда, когда всѣ мнѣнія и всѣ партіи имѣютъ въ немъ своихъ защитниковъ, и не видящій теперь въ обновленной средѣ его ни Кобдена, ни Брайта, столь долго любимыхъ и имъ самимъ принесенныхъ въ жертву корнееевъ? Не предвѣщаетъ ли также исключеніе изъ палаты многихъ первостепенныхъ личностей новыя еще опаснѣйшія бури внѣ парламентскихъ стѣнъ, новую агитацію въ самихъ народныхъ массахъ? Успѣетъ ли, наконецъ, новая палата неприкосновенно сохранить всегда ясный политическій смыслъ, отличавшій прежніе Англійскіе парламенты, тогда какъ въ ней сидитъ до 200 членовъ, не принимавшихъ еще участія въ законодательныхъ трудахъ? Вотъ цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ разрѣшеніе принадлежитъ близкому будущему. Мы, съ своей стороны, можемъ указать лишь на то поприще, на которомъ должна завязаться суще-

ственнѣйшая борьба старыхъ и новыхъ началъ. Лордъ Пальмерстонъ, являясь передъ новымъ Парламентомъ, явно носящимъ на себѣ сильную краску либерализма, увидѣлъ себя вынужденнымъ обѣщать длинный рядъ давно требуемыхъ реформъ: онъ самъ внесъ билль для измѣненія присяги, донынѣ закрывавшей Евреямъ доступъ въ Нижнюю Палату и упорно до сихъ поръ поддерживавшейся Палатою Перовъ. Онъ обѣщалъ преобразованія въ законахъ о бракѣ, о наслѣдованіи, о злоупотребленіи чужаго довѣрія; наконецъ, онъ долженъ былъ попытаться вырвать изъ рукъ оппозиціи самое дѣйствительное ея орудіе и обязался самъ предложить новое распространеніе избирательныхъ правъ, отсрочивъ только подачу билля до будущаго года. Вотъ роковой вопросъ, разрѣшеніе котораго, въ болѣе или менѣе обширномъ смыслѣ, должно установить будущія судьбы самой Англіи, и который теперь едва ли можетъ быть совершенно обойденъ и замѣненъ какими-либо другими второстепенными, но быть можетъ еще необходимѣйшими реформами (какъ то легко могло быть сдѣлано нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Въ прошедшемъ еще засѣданіи палатъ лордъ Пальмерстонъ и даже лордъ Джонъ Россель положительно отвергали необходимость всякой избирательной реформы, разсчитывая, что для Англіи вполнѣ достаточно въ настоящее время наличное число ея избирателей, превосходящее 4 раза число лицъ, пользовавшихся тѣмъ же правомъ во Франціи наканунѣ Февральскаго переворота. Напрасно г. Локъ Кингъ старался въ то время скрыть тайныя намѣренія демократической партіи и вносилъ предложеніе, искусно составленное на первый разъ, въ смыслѣ какъ бы благопріятномъ земледѣльческому сословію, но въ сущности представлявшее лишь первое звѣно цѣлой системы избирательныхъ преобразованій и окончательно направленное къ крайнему пониженію ценза и къ торжеству ремесленныхъ сословій. Предложеніе это было тогда отвергнуто; но теперь положеніе дѣлъ измѣнилось: уже самъ Morning Post проповѣдуетъ увеличеніе числа избирателей двадцатью пятью тысячами лицъ, хотя и не имѣющихъ собственности, но заслужившихъ какой-либо дипломъ; а демократическія газеты прямо

предъявляютъ свое требованіе на полное и коренное преобразованіе.

Но изъ всѣхъ государственныхъ мужей современной Европы задачу, самую многосложную и неблагодарную, получили на свою долю настоящіе правители Австрійской имперіи. На именахъ Брука и Баха невольно останавливается съ особеннымъ уваженіемъ мысль каждаго просвѣщеннаго человѣка и, каковы бы ни были его личныя политическія убѣжденія, какъ бы ни былъ онъ враждебно расположенъ къ отечеству этихъ двухъ мужей, ему невозможно не питать горячаго сочувствія къ ихъ терпѣливому труду. Недавно одинъ даровитый писатель посвятилъ три прекрасныя статьи въ одномъ изъ новыхъ повременныхъ изданій нашихъ живому и поучительному очерку всего того, что̀ сдѣлано возраждающеюся Австріею для улучшенія своего финансоваго положенія и для прочнаго обновленія своихъ внутреннихъ силъ. Любознательный читатель найдетъ въ нихъ много фактовъ, доказывающихъ возможность для Австріи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и съ помощію просвѣщеннаго министра своего, выйти изъ того запутаннаго финансоваго положенія, которое баронъ Брукъ наслѣдовалъ отъ предшествовавшихъ ему управленій. Рядомъ съ этимъ какъ бы хозяйственнымъ обновленіемъ своимъ, основаннымъ на правильномъ пониманіи самой сущности народныхъ силъ и лучшихъ законныхъ средствъ къ ихъ развитію, идетъ столько же просвѣщенная и заботливая дѣятельность и во всѣхъ прочихъ частяхъ государственнаго управленія. Такъ кипитъ живая работа, приносящая за собою и живые результаты, постоянно и неуклонно направленная къ одной разумной цѣли, и потому безошибочно ее достигающая. Австрійское правительство, безъ предразсудковъ и самообольщенія, смѣло смотритъ въ глаза всякой нелегко разрѣшимой задачѣ, не ищетъ себѣ прибѣжища отъ настоятельной злобы дневной за мнимыми удобствами отсрочки на долгое время всякаго серіознаго дѣла, и не накопляетъ себѣ трудностей въ будущемъ. Такъ, устроивая финансы свои и раздѣлываясь съ застарѣлымъ своимъ дефицитомъ, оно въ одно и тоже время проводитъ новыя сѣти желѣзныхъ дорогъ въ восточныхъ своихъ предѣлахъ, примыкая ихъ къ

точкамъ ближайшимъ отъ нашихъ южныхъ границъ, приступаетъ къ правильному вооруженію всей Галиціи цѣлою системою укрѣпленій, снимаетъ съ помощію 80 офицеровъ генеральнаго штаба подробнѣйшую военно-топографическую карту Придунайскихъ княжествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно старается создать себѣ флотъ и учреждаетъ новое, отдѣльное морское управленіе; вступаетъ въ дѣятельнѣйшіе переговоры съ Пруссіею и всѣми Германскими государствами, почти въ одно и тоже время въ разныхъ пунктахъ—въ Ганноверѣ, въ Нюрнбергѣ, въ Вѣнѣ, договариваясь о введеніи въ Германіи однообразнаго вѣса, однообразной монетной системы и однообразнаго коммерческаго уложенія, и стараясь объ открытіи себѣ доступа въ Сѣверный Таможенный Союзъ. Съ другой стороны, цѣлымъ рядомъ новыхъ постановленій отмѣняются внутренніе паспорты, сглаживаются различія въ мѣстныхъ управленіяхъ, и разноплеменная имперія постепенно подводится подъ общій уровень. При этомъ даруются пространныя всепрощенія и льготы, и милостями, если не превлекаются, то по крайней мѣрѣ усердно призываются къ государственному общенію всѣ, до сихъ поръ его чуждавшіеся или отчужденные. Наконецъ, религіозный элементъ получаетъ полную законную свободу развитія и дѣятельности, нигдѣ не подавляемую безнаказанно: первоначально собирается въ Вѣнѣ католическій соборъ, вслѣдъ за нимъ вѣроятно не преминетъ возвысить свой голосъ и сѵнодъ протестантскаго духовенства.

Останавливаясь на совокупности этихъ явленій, мы съ одной стороны не можемъ не признать, что такое разумное направленіе, даваемое живымъ внутреннимъ силамъ государства, необходимо должно отразиться плодотворно и на степени его внѣшняго вліянія и силы; съ другой—мы не можемъ не скорбѣть отъ глубины души при мысли, что правительство, пошедшее столь блистательнымъ путемъ существеннѣйшихъ улучшеній, лишено исторіею, какъ бы недоброжелательною мачихою, всякой твердой, законной почвы для своей дѣятельности, и что оно, вслѣдствіе злаго историческаго рока, единою лишь силою штыковъ и искусствомъ ссорить между собою враждебныя національности можетъ удержать свое владычество надъ многочисленнѣйшею и лучшею

частію своихъ областей. Это не мѣшаетъ впрочемъ Австріи, пользуясь обстоятельствами, предъявлять дальнѣйшія притязанія свои на другія еще племена — искать, напримѣръ, рѣшительнѣйшаго вліянія въ княжествахъ Придунайскихъ и въ любезной намъ Черногоріи. Въ какой мѣрѣ можетъ она успѣтъ въ этихъ новыхъ проискахъ—вотъ вопросъ, невольно западающій на мысль каждому Русскому....

18 Мая 1857.
Москва.

О СОЧИНЕНІЯХЪ

МОНТАЛАМБЕРА И ТОКВИЛЯ.

Напечатано было во 2-й книгѣ Русской Бесѣды 1857 года.

DE L'AVENIR POLITIQUE DE L'ANGLETERRE.

Par le comte de Montalembert. Paris, 1856.

(О политической будущности Англіи, соч. гр. Монталамбера, Парижъ, 1856).

L'ANCIEN RÉGIME ET LA RÉVOLUTION.

Par Alexis de Tocqueville. Paris, 1856.

(Старый бытъ Франціи и Революція, соч. Токвиля. Парижъ, 1856).

При постоянно усиливающемся у насъ вниманіи общества къ развитію внутренней своей жизни и при стремленіи его къ отдачѣ себѣ сознательнаго отчета въ различныхъ ея проявленіяхъ, становится болѣе и болѣе необходимымъ для литературы нашей заглядывать въ богатый запасъ пріобрѣтеннаго западною жизнію ученаго и политическаго знанія, и, тщательною критикою очищая эти извнѣ получаемыя впечатлѣнія и данныя, не менѣе тщательно провѣрять съ ними наши собственные выводы, которые безъ сомнѣнія почасту найдутъ себѣ въ первыхъ и новое оправданіе, и драгоцѣнное подкрѣпленіе. Каждая изъ трехъ главныхъ современныхъ отраслей Западно-Европейской литературы (Англійская, Нѣмецкая и Французская) способна конечно доставить обществу нашему немалую долю полезной пищи. Стòитъ только произвесть тщательный изъ нихъ выборъ, не довольствуясь однимъ рабскимъ усвоеніемъ себѣ безъ исключенія всего предлагаемаго; необходимо также умѣть иногда не поддаться ослѣпительному обаянію той или другой временно господствующей теоріи—ученой, соціальной, или политической, и постоянно сохранять въ отношеніи къ ней всю свободу своего созерцанія, основанную на самобытномъ взглядѣ, невольно слагающемся изъ безчисленнаго и неуловимаго множества постоянно на насъ воздѣйствующихъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ. Тогда все пріобрѣтетъ для насъ новое значеніе и новую несомнѣнную пользу. Даже самая бѣдная изъ современныхъ Западно-Европейскихъ литературъ заключаетъ въ себѣ многое такое, чтò невольно должно при-

влечь и остановить на себѣ самое пристальное наше вниманіе: на сей разъ ограничимся указаніемъ на два вышеприведенныя сочиненія графа Монталамбера и Токвиля, о которыхъ уже не разъ упоминалось въ Русскихъ повременныхъ изданіяхъ.

Читая обѣ книги и говоря о нихъ, невозможно не предпослать всякому о нихъ разсужденію нѣкоторыхъ первоначальныхъ, общихъ замѣчаній, касающихся современнаго состоянія Франціи. Прежде всего насъ поражаетъ свободное, безпрепятственное появленіе и печатаніе во Франціи двухъ такихъ капитальныхъ сочиненій, явно направленныхъ противъ существующаго въ ней нынѣ порядка вещей: авторы ихъ не только не скрываютъ своего образа мыслей и сочувствія къ прежней конституціонной свободѣ, но на каждой страницѣ пользуются всякимъ случаемъ, чтобы горько осуждать самовластную систему управленія современною Франціею и доказывать проистекающее отъ того зло. Къ этому предмету оба писателя возвращаются безпрестанно; и намъ достаточно будетъ, безъ всякаго особеннаго выбора мѣстъ изъ ихъ сочиненій, привесть первыя попавшіяся подъ руку строки. Такова, напримѣръ, у Токвиля параллель между свободою и деспотизмомъ. „Одинъ деспотизмъ, говоритъ онъ, можетъ доставить всѣмъ низкимъ страстямъ человѣка тотъ таинственный покровъ тьмы, который даетъ полный просторъ его корыстолюбію и позволяетъ ему обогащать себя безчестными выгодами, не страшась позора. Даже при отсутствіи деспотизма всѣ эти страсти могутъ окрѣпнуть въ обществѣ; но при немъ онѣ владычествуютъ исключительно. Единая свобода въ силахъ съ успѣхомъ побороть всѣ свойственные подобному обществу пороки и удержать его на скользкомъ пути паденія.... Она одна способна оторвать людей отъ суевѣрнаго поклоненія золоту и отъ мелкой ежедневной заботы о дѣлахъ денежныхъ; она одна можетъ заставить ихъ ежеминутно видѣть и ощущать отечество свое возлѣ себя и превыше себя. Она одна способна отъ времени до времени отженить отъ сердца человѣка алканіе вещественныхъ выгодъ, замѣняя его страстями болѣе благородными и возвышенными; она одна способна указывать стремленіямъ его предметы, болѣе высокіе, чѣмъ одно непрестанное исканіе бо-

гатства и разливать тотъ спасительный свѣтъ, который нещадно обнаруживаетъ все и даетъ намъ возможность равно обсуживать пороки и добродѣтели людей" [1]). Въ другомъ мѣстѣ, описавъ мастерскими чертами всеобщую апатію и равнодушіе къ общественному дѣлу, которыя являются постояннымъ удѣломъ государствъ, лишенныхъ свободнаго развитія, Токвиль прибавляетъ: „Въ исторіи явленіе это повторяется безпрестанно. Почти всѣ государи, поправшіе въ отечествѣ своемъ свободу, первоначально пытались сохранить на время внѣшнія ея формы: такъ было отъ самаго Августа и до нашихъ временъ; они льстили себя надеждою соединить такимъ образомъ въ лицѣ своемъ и всѣ удобства власти безграничной, и ту нравственную крѣпость, которою въ силахъ облечь правительства одно лишь свободное совпаденіе съ ними общественнаго мнѣнія. Почти всѣ они окончательно испытали въ этомъ дѣлѣ неудачу и вскорѣ должны были сознать, что невозможно долго сохранить обманчивую внѣшность тамъ, гдѣ уже болѣе не существуетъ дѣйствительности" [2]). А вотъ еще личная исповѣдь благороднаго автора. „Многіе, говоритъ Токвиль, быть можетъ, обвинятъ меня въ несвоевременномъ обнаруженіи сильной любви къ свободѣ, къ которой, увѣряютъ меня, всѣ до послѣдняго нынѣ равнодушны во Франціи. Да благоволятъ однако замѣтить возражатели, что это чувство во мнѣ далеко неново. Уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, описывая иное общество, выражался я почти тѣми же словами.... Въ теченіи сихъ 20 лѣтъ ничего такаго не случилось на свѣтѣ, что̀ могло бы заставить меня измѣнить мое мнѣніе. Громко исповѣдавъ сочувствіе мое къ политической свободѣ въ то время, когда была она въ модѣ, я позволю себѣ остаться вѣрнымъ своему убѣжденію и тогда, когда ее всѣ покидаютъ" [3]).

Не менѣе открытымъ защитникомъ политической свободы и еще сильнѣйшимъ порицателемъ системы упра-

---

[1]) Tocqueville, p. 18—19.
[2]) Tocqueville, p. 92.
[3]) Id. p. 15.

вленія Людовика Наполеона заявляетъ себя графъ Монталамберъ, большею частію облекающій приговоры свои надъ бытомъ Франціи въ форму похвалы Англійскимъ учрежденіямъ, но впрочемъ нерѣдко и прямо указывающій на непримиримую противуположность политическихъ началъ двухъ послѣднихъ королевскихъ династій съ началами Наполеонидовъ. Доходитъ ли рѣчь до Англійскаго Парламента, онъ со всею силою убѣжденія восклицаетъ: „До сихъ поръ всѣ существенныя потребности народныя постоянно находили себѣ въ немъ свободное выраженіе; всѣ искренніе интересы народные были въ немъ правильно размѣщены и уравновѣшены. Никогда никакой другой образъ правленія не доставлялъ человѣку столько удобствъ для открытія истины и справедливости, столько средствъ для избѣжанія погрѣшностей или исправленія ихъ.... Мы тщетно стали бы искать въ политической исторіи свѣта явленія великолѣпнѣе этихъ благородныхъ, умныхъ и честныхъ поединковъ парламентской жизни, гдѣ человѣкъ достигаетъ наивысшаго значенія своего, вооруженный единымъ могуществомъ слова, ограниченный единою силою закона; и конечно нѣтъ задачи, болѣе своевременной, какъ передавать потомству память объ этихъ незабвенныхъ побѣдахъ чувства права и совѣсти человѣческой, именно въ такой вѣкъ, которому преимущественно суждено было сдѣлаться свидѣтелемъ то кроваваго, то тлетворнаго торжества насилія и лжи“ [1]). Доходитъ ли рѣчь до государственныхъ людей Англіи, онъ говоритъ: „Мы не отвергаемъ, что и въ Англіи встрѣчаются примѣры подкупа вещественнаго и отступничества отъ политическихъ мнѣній: мы утверждаемъ только, что подобныя явленія никогда не находили себѣ оправданія или извиненія передъ судомъ общественной совѣсти... Нѣтъ примѣра въ современной намъ Англіи, чтобы человѣкъ, возвысившійся посредствомъ отступничества, управлялъ судьбами роднаго края, принося въ жертву своему властолюбію собственную честь и нравственное чувство“ [2]). „Нѣтъ, говоритъ онъ еще въ дру-

---

[1]) Montalembert, p. 120, 152.
[2]) Id. p. 252—253.

гомъ мѣстѣ, Англія никогда не преклонитъ слуха къ голосу лжепророковъ, научающихъ народы искать себѣ въ собственномъ уничиженіи убѣжища отъ своего легкомыслія и разсчитывать на всеобщее молчаніе для заглушенія своей совѣсти. Нѣтъ, Англія никогда не примирится и не приложитъ къ жизни этого нынѣ распространяющагося ученія, которое выдаетъ свѣту за идеалъ всего прошедшаго и будущаго развитія такой общественный бытъ, гдѣ человѣкъ только ползкомъ можетъ двигаться и возвышаться, и гдѣ ни талантъ, ни доблести, ни мысль, ни мужество человѣка не имѣютъ значенія, если они не облечены въ цвѣта оффиціальной ливреи" [3]).

Таковъ памфлетическій характеръ обоихъ сочиненій, и въ особенности книги Монталамбера. Тѣмъ не менѣе свободное печатаніе и распространеніе ихъ совершается во Франціи безпрепятственно, не смотря даже на то, что заключающіяся въ нихъ истины, безразличныя для всякаго инаго правительства, явно и исключительно направлены противъ системы Людовика Наполеона. Но такъ велика уже во Франціи и такъ крѣпко укоренилась въ ней свобода мысли и свобода жизни, которую она добыла себѣ тридцатилѣтнимъ періодомъ правленія Бурбоновъ и Орлеанскаго дома, что подобное литературное явленіе, даже въ эпоху настоящей диктатуры, проходитъ какъ бы незамѣченнымъ внѣшнею властію, не возбуждая особеннаго полицейскаго ея вниманія. Это явленіе можетъ конечно служить замѣчательнымъ признакомъ созрѣвающей общественной жизни во Франціи, каковы бы впрочемъ ни были судьбы ея въ невѣдомомъ для насъ грядущемъ. Скажемъ болѣе, этими первоначальными пріобрѣтеніями своими общественная жизнь Франціи уже не можетъ удовлетвориться. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточто намъ будетъ привести незаподозримое свидѣтельство одного изъ замѣчательныхъ первоначальныхъ дѣятелей настоящаго Наполеоновскаго періода, доктора Верона, въ томъ видѣ, какъ передается оно намъ газетою Le Nord, раскрывшей столбцы свои отрывкомъ изъ одного новаго его

---

[3]) Id. p. 289.

произведенія: „Четыре года правленія Наполеона III“. Вотъ подлинныя слова доктора Верона: „Добровольно отказавшись отъ мнимой поддержки, находимой будто бы во всеобщемъ онѣмѣніи, императоръ ясно докажетъ и внутреннимъ политическимъ партіямъ, и въ особенности иностранцамъ, какъ велика его сила и увѣренность въ ней. Гдѣ не допускается свободное обсужденіе, гдѣ не позволенъ споръ, тамъ и похвала теряетъ все значеніе свое, а между дѣйствіями четырехлѣтняго правленія императора встрѣчается многое, что́ по совѣсти можно бы похвалить. Къ тому же этотъ строгій законъ молчанія, наложенный на печать туземную, пораждаетъ въ публикѣ лишь живѣйшее сочувствіе и любопытство къ газетамъ иностраннымъ, въ которыхъ духъ злобы и непріязни доходитъ до клеветы. Я понимаю, что критика, даже благоразумная и умѣренная, можетъ казаться непріятною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые окружаютъ престолъ и, утопая въ спокойствіи власти безотчетной, крѣпко стоятъ за то, чтобы никакой шумъ, никакой свободный звукъ извнѣ не пришелъ бы его смутить. Но во всякомъ случаѣ налагаемое на газеты и журналы молчаніе къ сожалѣнію всегда кидаетъ нравственную тѣнь на личность самого государственнаго вождя“.

Мы не безъ умысла распространились здѣсь о личныхъ отношеніяхъ обоихъ разсматриваемыхъ нами писателей къ современному Французскому быту, и не безъ умысла также старались выразить это отношеніе собственными ихъ словами. Послѣдней методы мы строго станемъ придерживаться и далѣе, будучи твердо увѣрены, что это лучшее средство къ полному и правильному, такъ сказать, введенію читателя въ кругъ мыслей и понятій автора, будучи убѣждены при томъ, что читатель ничего не потеряетъ, вмѣсто нашихъ собственныхъ соображеній получивъ къ свѣдѣнію нѣсколько лишнихъ строкъ двухъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ публицистовъ Франціи. Свободное, независимое воззрѣніе послѣднихъ на образъ правленія Наполеона, ихъ горячее сочувствіе къ формамъ жизни политической, свободной и обезпеченной, еще яснѣе и осязательнѣе выскажется при слѣдующемъ изложеніи ихъ изслѣдованій; но мы хотѣли

уже заранѣе твердымъ образомъ опредѣлить для читателя исходную точку всего ихъ созерцанія, въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній на счетъ степени и мѣры независимости ихъ воззрѣнія и пріемовъ. Подобная предосторожность безъ сомнѣнія ненужна была бы во всякомъ иномъ, болѣе самостоятельнѣе развитомъ обществѣ; у насъ она, къ сожалѣнію, еще необходима.

Въ Европѣ, и особенно въ Англіи, гдѣ вся жизнь общественная сложилась и развилась на началахъ самостоятельныхъ, гдѣ при томъ продолжительное столкновеніе и борьба въ дѣйствительной жизни самыхъ противуположныхъ на нее воззрѣній послужили къ достаточному уже уясненію и относительному оправданію каждаго изъ нихъ, гдѣ между мнѣніями противуположными время во всѣхъ областяхъ мысли выдвинуло уже множество посредствующихъ звѣньевъ въ видѣ теорій переходныхъ; гдѣ, наконецъ, вслѣдствіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ, успѣло уже установиться взаимное уваженіе другъ къ другу различныхъ мнѣній, а поэтому установилось и вообще уваженіе къ чужому мнѣнію, какъ бы ни противорѣчило оно личнымъ понятіямъ каждаго: тамъ, говоримъ мы, сдѣлалось уже невозможнымъ голословное охужденіе всего намъ ненравящагося, голословное отрицаніе цѣлаго ученія и самаго нравственнаго его характера по причинѣ одного разногласія въ воззрѣніи; тамъ, наконецъ, Вигъ умѣетъ уважать Торія и не доходитъ до клеветы на него, какъ бы ни смотрѣли они разно на жизнь; и благородные бойцы борются на смерть въ предѣлахъ честной, добросовѣстной борьбы. У насъ, къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ: мнѣнія наши вообще мало еще установились, они почти всегда цѣликомъ заняты изъ чуждой намъ среды и мало имѣютъ у насъ приложенія въ своемъ первоначальномъ видѣ; а между тѣмъ мы суевѣрно держимся за нихъ, какъ за святыню, извнѣ намъ завѣщанную, къ которой ни прибавить ничего не можемъ, ни убавить изъ нея іоты не смѣемъ, боясь исказить все содержаніе ея и не чувствуя въ себѣ ни довольно энергіи, ни довольно жизненныхъ къ ней отношеній, чтобъ обращаться съ нею свободно и съумѣть разработать ее на свой ладъ.

Поэтому, когда извѣстная мысль, предъявляя притязаніе на самостоятельность, не подходитъ прямо подъ заимствованныя нами категоріи, мы привыкли немедленно отвергать ее, скажемъ болѣе, мы не только отвергаемъ ее безъ суда и разбора, мы даже спѣшимъ заподозрѣть ее въ томъ, чего въ ней вовсе не заключается, приписать ей то, что̀ ей чуждо, несочувственно, даже положительно противно. Словомъ, у насъ въ спорахъ мало пониманія, добросовѣстности и много придирчивости. Таковъ удѣлъ всѣхъ обществъ мало развитыхъ, и въ особенности, развитыхъ неправильно. Не говоримъ о примѣрахъ ближайшихъ; намъ помнится, какъ одинъ, нѣкогда знаменитый журналъ, въ припадкѣ слѣпаго поклоненія современному факту и слѣпаго осужденія всего отжитаго, немилосердно гналъ малѣйшее сочувствіе къ которой бы то ни было сторонѣ средневѣковой жизни, и Европейской, и нашей, и металъ грозные перуны свои на осмѣливавшихся въ той и другой находить живыя любезныя стороны. Да и въ настоящее время, средневѣковая и до-Петровская жизнь Россіи не въ большомъ у насъ почетѣ: не подходитъ она подъ наши современныя категоріи, не соотвѣтствуетъ всѣмъ настоящимъ нашимъ требованіямъ, не пригодна она къ полному воскрешенію своему въ большей части уже отжившихъ своихъ учрежденій; стало быть, и въ свое время, при тогдашнихъ требованіяхъ эпохи и мѣста, не была она никуда годна, и жила она сотни лѣтъ какимъ-то ненужнымъ въ мірѣ уродомъ. Такъ и теперь разсуждаютъ и пишутъ у насъ многіе, и забываютъ, что новая Россія могла воздвигнуться лишь на крѣпкой незыблемой основѣ Россіи древней, что послѣдняя и наметала, и сплотила государство наше цѣною многихъ тяжкихъ жертвъ, что потратила она на это немало честнаго труда и благородной отваги, и что, не смотря на явное несовершенство многихъ присущихъ ей древнихъ учрежденій (несовершенство, повторявшееся впрочемъ въ современныхъ учрежденіяхъ и всѣхъ прочихъ государствъ Европейскихъ), она уже въ то время пользовалась тѣмъ единствомъ, и тою свободою народной жизни, тою дивною способностію усвоивать себѣ самые чуждые ей элементы, которые и теперь являются удѣломъ не всѣхъ

намъ извѣстныхъ современныхъ государствъ. А между тѣмъ, на бѣду всѣмъ этимъ рѣзкимъ теоріямъ, ни Монталамберъ, ни Токвиль неравнодушны къ идеѣ самостоятельнаго народнаго развитія всякаго общества. Они не сочувствуютъ централизаціи, равно чуждой древней Европѣ и древней Россіи *), они признаютъ въ средневѣковой жизни драгоцѣнные залоги будущаго развитія; въ тщательномъ историческомъ сбереженіи сихъ залоговъ Англіею они видятъ главную причину ея мужественнаго созрѣнія и крѣпости; въ легкомысленномъ отреченіи отъ нихъ Франціи—главный источникъ ея послѣдующихъ и донынѣ неисчерпанныхъ еще вполнѣ бѣдствій. Таковъ поучительный урокъ, невольно извлекаемый изъ тщательнаго изученія ихъ сочиненій. И притомъ, скажемъ мимоходомъ, до сихъ поръ въ Европѣ никто не спѣшилъ обвинить ихъ въ измѣнѣ началамъ, любезнымъ всякому образованному человѣку. Да и мы, робкіе ученики Запада, во множествѣ журналовъ нашихъ, уже спѣшимъ на попятный дворъ отъ многихъ сгоряча высказанныхъ сперва теорій, тревожимые недоумѣніемъ, кто же окончательно правъ — мы ли, или учители наши? Невозможно, впрочемъ, не порадоваться этому явленію: авось общество наше, равнодушное или враждебное къ исторической теоріи, взращенной дома, потому только, что она была плодомъ самостоятельной народной мысли, поспѣшитъ принять ее хоть на вѣру, какъ скоро появилась она подъ фирмою и за рукоприкладствомъ Французскихъ мыслителей!..

Но пора приступить къ самому анализу ихъ сочиненій. Мы начнемъ съ книги графа Монталамбера о политической будущности Англіи и прослѣдимъ шагъ за шагомъ все развитіе его мысли.

Что будетъ съ Англіею? Неужели такъ близка къ паденію своему эта классическая земля свободы? „Сломится ли наконецъ гордыня народа, до сихъ поръ безнаказанно попиравшаго законы строгой логики и столько дерзновеннаго,

*) Въ черновой рукописи автора находимъ еще слѣдующія строки: „Ни политикѣ Людовика XI и Ришелье, этихъ Западныхъ типовъ нашихъ Іоанна IV и Петра Великаго, ни столь любезной у насъ многимъ теоріи насильственнаго воспитанія общества посредствомъ государства“.

что смѣетъ вѣрить въ одно и тоже время и въ историческое преданіе, и въ прогрессъ, умѣетъ сохранить за собою монархію и жить свободно, отклоняетъ отъ себя революцію и ускользаетъ отъ деспотизма?" [1]) Вотъ вопросъ, постановленный Монталамберомъ въ заглавіе труда своего, на который вся книга его отвѣчаетъ отрицательно, исчерпывая всѣ доводы, предлагаемые исторіею и личнымъ ежедневнымъ опытомъ Британской жизни, горячею, неподдѣльною любовью автора къ свободѣ и возвышенною его оцѣнкою достоинства человѣческаго. Главнымъ поводомъ къ заблужденію иностранцевъ на счетъ будущности Англіи, онъ признаетъ преимущественно то состояніе тревожнаго волненія, въ которомъ постоянно представляется Англія взору непривычнаго наблюдателя, незнакомаго съ спасительными смятеніями свободной жизни, съ выгодами непрестаннаго вмѣшательства въ общественное дѣло частнаго лица, издавна пріобыкшаго къ однообразному томленію родной страны (авторъ имѣетъ въ виду Францію), гдѣ нѣтъ ни борьбы, ни упорнаго труда, ни самобытной и самородной дѣятельности, гдѣ царствуетъ какой-то холодный внѣшній порядокъ, гдѣ все и всегда носитъ оффиціальный ярлыкъ, имѣетъ себѣ неизмѣнное мѣсто, разставлено по угламъ, согласно щепетильной попечительности внѣшней власти, всегда готовой избавить гражданина отъ всякаго безпокойства и снять съ него всякую отвѣтственность въ общемъ дѣлѣ, но тѣмъ самымъ нещадно умерщвляющей въ немъ духъ отчизнолюбія и самопожертвованія, разслабляющей современную людскую породу и осуждающей народъ на безъисходное несовершеннолѣтіе" [2]). Другимъ поводомъ къ тѣмъ же заблужденіямъ служитъ неистощимое злословіе Англичанъ и Англійскихъ газетъ на счетъ самихъ себя и собственнаго своего отечества, слишкомъ часто и слишкомъ простодушно принимаемое на вѣру иностранцами; въ этомъ отношеніи Англичане поразительно походятъ на тѣхъ „нѣсколько брюзгливыхъ баръ, которые, хотя и глубоко убѣждены въ своемъ безспорномъ величіи и превосходствѣ, но тѣмъ не менѣе прини-

---

[1]) Montalembert.
[2]) Id. p. 257.

ваютъ наружный видъ, будто они мало цѣнятъ все то, чѣмъ богато надѣлила ихъ судьба". Но скажемъ также—эта способность всегда относиться къ самимъ себѣ критически, оставаться всегда собою недовольными, не поддаваться исключительно ничьему обаянію, быть даже иногда, подъ вліяніемъ страстнаго, мимолетнаго движенія, несправедливыми къ тріумфаторамъ, въ Римѣ къ Сципіону, въ Англіи къ Веллингтону, *у котораго однажды, въ минуту неразумнаго гнѣва, чернь выбила всѣ стекла въ окнахъ,*—эта способность врождена лишь великимъ народамъ. Она имѣетъ еще и другую обратную сторону, обнаруживающуюся въ изумительной стойкости и непреклонности передъ политическими невзгодами и военными неудачами; она дала Римлянамъ силу выдержать къ ряду три Пуническія войны и внушила Сенату мужество продать съ аукціона землю изъ-подъ Аннибалова лагеря и послѣ пораженія подъ Каннами поздравить Варрона съ тѣмъ, что онъ не отчаялся въ судьбѣ Рима; она воодушевляла также Питта и Англійскій Парламентъ въ отчаянной двадцатилѣтней борьбѣ съ первымъ Наполеономъ; она въ послѣднюю войну научила Англичанъ ихъ чудовищнымъ морскимъ вооруженіямъ и дала имъ вмѣстѣ съ тѣмъ средства справиться съ внутреннимъ волненіемъ партій.

Но если Англіи суждено выйти побѣдоносною изъ окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ уже теперь и еще въ сильнѣйшихъ размѣрахъ ожидающихъ ее въ близкомъ будущемъ опасностей отъ наплыва демократическихъ стремленій, то любопытно знать, должна ли она будетъ преобразиться въ этой борьбѣ съ ними, или возможно ей будетъ сохранить все старое, завѣтное свое устройство? Безъ сомнѣнія—нѣтъ, отвѣчаетъ Монталамберъ; ей конечно предстоитъ многотрудная работа постепеннаго отреченія отъ многихъ старыхъ исключительно аристократическихъ формъ. „Постоянное усиленіе и неминуемость окончательнаго торжества демократіи представляются нынѣ явленіями неотразимыми и столько же осязательными, сколько постепенное развитіе и торжество неограниченной монархіи съ XV-го и до XVIII-го вѣка. Демократія теперь уже вездѣ и всѣмъ управляетъ, даже тамъ, гдѣ она еще не воцарилась гласно. Безразсудно было бы не при-

знавать этой побѣды ея; не менѣе было бы безразсудно сопротивляться ей, покуда это торжество не перерождается въ угнетеніе и не влечетъ за собою нѣкоторыхъ послѣдствій, несовмѣстимыхъ ни съ совѣстію человѣка, ни съ его здравымъ смысломъ" [1]). Но есть на свѣтѣ два вида демократіи—демократія, ищущая для гражданъ своихъ лишь гражданской свободы, и демократія унитаризма, алчущая всеобщаго во всемъ равенства и повсемѣстнаго однообразія учрежденій. Первая допускаетъ свободно развиваться личности человѣка во всѣхъ направленіяхъ—въ области мышленія, нравственности и капитала; „старается о развитіи въ обществѣ начала правомѣрности, ищетъ упрочить за людьми равенство передъ закономъ, заботится о вещественномъ благосостояніи и о просвѣщеніи народа, объ освобожденіи совѣсти человѣка изъ-подъ гнета свѣтскаго ига" [2]). Другая демократія, демократія унитарная, по самой сущности своей „враждебна всѣмъ постепеннымъ пріобрѣтеніямъ свободы; враждебна также всему, что̀ крѣпко и долго̀вѣчно, что̀ одарено силою сопротивленія. Она стремится отвергнуть и сокрушить всякое превосходство, истекающее изъ природы вещей или сложившееся изъ исторической жизни народовъ... Она вездѣ ищетъ замѣнить нравственныя и естественныя обезпеченія, основанныя на историческомъ преданіи, узами механическими, искусственными и потому непрочными и вездѣ осуждаетъ личное достоинство и личное значеніе человѣка къ поглощенію его государствомъ... Для нея ultima ratio заключается лишь въ исключительномъ преобладаніи числа, категоріи количественной, въ ея самомъ слѣпомъ и самомъ грубомъ образѣ проявленія.... Она вездѣ сопряжена со всеобщимъ пониженіемъ общаго уровня талантовъ, способностей и нравственныхъ вліяній, съ отреченіемъ человѣка отъ всякаго личнаго значенія и величія и отъ всякой независимой индивидуальной силы своей" [3]). Присутствіе этихъ худыхъ демократическихъ стремленій выражается всегда въ извѣстныхъ неизмѣнныхъ признакахъ, и можетъ всегда быть опредѣлено

---

[1]) Id. p. 33.
[2]) Id. p. 33.
[3]) Id. p. 34, 36—37; 52.

по нѣкоторымъ постоянно повторяющимся симптомамъ. Эти признаки суть: вопервыхъ, развивающаяся въ обществѣ крайняя раздражительность и неумѣніе выносить политическія неудачи; смѣняющіеся въ народѣ пароксизмы слѣпой самоувѣренности, безотчетнаго гнѣва и апатическаго упадка духа; далѣе, одностороннее безусловное охужденіе всѣхъ безъ изъятія старыхъ учрежденій, даже тѣхъ, которыя въ свое время были и, при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, могли бы еще служить лучшими обезпеченіями свободы жизни, и безусловное поклоненіе тлетворнымъ теоріямъ бюрократіи и централизаціи; наконецъ, безсознательно вкрадывающееся въ самую литературу слѣпое поклоненіе успѣхамъ грубой силы, обоготвореніе человѣческихъ идоловъ, подъ именемъ hero worshipping или поклоненіе героямъ, провозглашенное въ Англіи даровитымъ писателемъ Карлейлемъ, „котораго несомнѣнный талантъ, говоритъ Монталамберъ, безспорно болѣе всѣхъ другихъ послужилъ къ извращенію общественнаго духа въ Англіи и къ сокрушенію обаянія древнихъ ея учрежденій".

„И такъ, мы должны въ томъ признаться, продолжаетъ Монталамберъ, успѣхъ демократіи есть господствующее явленіе новѣйшаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ это—главнѣйшая для него опасность, и ускользнуть отъ этой опасности ни одна страна до нынѣ еще не съумѣла. Умѣрить и управить демократію, не уничижая ея, организовать ее въ видѣ умѣренной монархіи или охранительной республики, такова задача нашего вѣка" [1]). Разрѣшеніе этой задачи, по мнѣнію мыслителя нашего, выпало на долю современной Англіи; и мы, признавъ симптомы развивающагося въ ней новаго строя жизни, не должны отъ этого впадать въ отчаяніе и придавать имъ излишнюю, не заслуженную ими важность: Англія, думаетъ онъ, носомнѣнно выдетъ побѣдительницею изъ открывающагося кризиса.

Главный доводъ для убѣжденія себя въ томъ, и главную причину къ успокоенію своему на сей счетъ, находитъ онъ въ томъ практическомъ, по преимуществу, складѣ Англійскаго ума, въ той несомнѣнной практической мудрости его,

---

[1]) Id. p. 38.

которая и до сихъ поръ никогда не дозволяла ему предаваться исключительно логическому развитію какой бы то ни было политической системы и доводить ее въ жизни до послѣднихъ крайностей. „Къ счастію своему, говоритъ онъ, Англія никогда не щеголяла слѣпымъ поклоненіемъ законамъ логики. Она издавна выговорила себѣ привиллегію на отъявленнѣйшую непослѣдовательность, да и теперь не намѣрена приносить въ жертву логикѣ ни славы, ни благоденствія, ни безопасности своей.... Никогда она доселѣ еще не подвергала опасности трудомъ добытыхъ плодовъ своего гражданскаго развитія, никогда не безславила своего торжества, и не переходила за назначенную себѣ цѣль. Поэтому не станетъ она подражать тѣмъ странамъ, гдѣ всякое торжествующее начало (будь то власть, или свобода) немедленно же спѣшитъ рыть самому себѣ могилу руками своихъ льстецовъ и логиковъ; гдѣ вслѣдъ за провозглашеніемъ всякаго новаго или вновь воскрешеннаго начала немедленно съ шумомъ сокрушаются всѣ противудѣйствующія силы, которыми сдерживалось это начало до минуты своего торжества, и которыя теперь-то именно и становятся для него всего болѣе необходимыми“ [1]). Такимъ средствомъ обузданія напирающей отвсюду демократіи должны служить сохранившіеся еще въ Англіи остатки аристократическихъ учрежденій, во сколько они совмѣстимы съ новымъ зараждающимся бытомъ.

Но что́ же такое эта Англійская аристократія? И въ чемъ заключается отвлеченная идея аристократизма вообще?

Гр. Монталамберъ не довольствуется однимъ простымъ изложеніемъ подмѣченныхъ имъ въ Британской жизни фактовъ: вѣрный особенному свойству своего таланта и мышленія, всегда стремящагося къ возведенію случайныхъ и преходящихъ формъ жизни подъ общіе и вѣчные законы, истекающіе изъ самаго существа вещей, онъ и здѣсь опять стремится открыть первоначальный, отвлеченный, философскій источникъ аристократизма въ человѣчествѣ, его первоначальную законную причину бытія; точно также, какъ и противуположное понятіе о демократіи, независимо отъ всякаго

[1]) Id. p. 58.

внѣшняго, юридическаго опредѣленія, доведено имъ въ главныхъ своихъ развѣтвленіяхъ до самаго тайнаго и задушевнаго источника его въ сокровеннѣйшихъ изгибахъ человѣческаго сердца.

Ни то ни другое отвлеченное понятіе не формулировано имъ нигдѣ въ какомъ либо законченномъ видѣ и завершенной фразѣ; но отдѣльныя для нихъ черты щедрою рукою разсыпаны по всей книгѣ; а потому намъ надобно будетъ опять постараться собрать и свести ихъ во едино для выраженія отвлеченной идеи аристократизма, точно также, какъ уже сдѣлано это нами для понятія о демократіи. Въ этой отвлеченной формѣ своей аристократическій характеръ народа, предварительно воспитанный въ немъ дѣйствительными аристократическими учрежденіями, можетъ продолжать существовать въ обществѣ даже и послѣ паденія этихъ самыхъ учрежденій, отпечатлѣваясь въ самыхъ пріемахъ и воззрѣніяхъ новой демократіи. Вообще подобно тому, какъ въ крайнемъ развитіи демократіи Монталамберъ усматриваетъ незаконное отреченіе отъ человѣческой личности и личной самостоятельности, точно также аристократизмъ представляется ему въ идеѣ своей высшимъ осуществленіемъ этой личности и этого человѣческаго достоинства. Онъ съ любовію и съ вѣрою останавливается передъ этою мыслію,—завѣтнымъ, задушевнымъ своимъ политическимъ убѣжденіемъ; отъ окончательнаго торжества ея въ новой просвѣтленной формѣ онъ ожидаетъ и въ новомъ демократическомъ обществѣ окончательной побѣды разума надъ грубой силою, и свободной личности человѣка надъ внѣшними требованіями толпы и деспотизма. „Верхъ аристократизма, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, когда человѣкъ дерзаетъ сопротивляться неразумному требованію дня, смѣло ступаетъ на встрѣчу потока, низвергающагося съ высоты, и хранитъ гордую осанку въ то время, какъ все кругомъ его падаетъ ницъ и поклоняется, или ищетъ себѣ спасенія въ бѣгствѣ“ [1]). Въ жизни, по его мнѣнію, всякая положительная аристократія должна быть не только независима, но еще для всѣхъ от-

1) Id. p. 250.

крыта и доступна, и въ особенности она должна быть полезна для народа: это свойство ставитъ онъ необходимѣйшимъ и первымъ условіемъ ея бытія, безъ котораго она не имѣетъ ни смысла, ни законнаго права на существованіе. „Таковъ, говоритъ онъ, величавый образъ Англійской аристократіи, свободной, гордой, но благоустроенной, тѣмъ болѣе почтительной къ власти, что она отъ нея вполнѣ независима, всегда доступная людямъ заслуженнымъ, всегда склонная къ полезнымъ усовершенствованіямъ и преобразованіямъ необходимымъ, но покоющаяся на твердой основѣ историческаго преданія и личнаго права“..... „Вотъ аристократія, говоритъ онъ далѣе, покоющаяся на самомъ твердомъ изъ всѣхъ основаній, на заслугахъ общественному дѣлу и на безпрерывномъ отправленіи самостоятельной и доселѣ никѣмъ неопровергаемой власти.... Понятіе объ аристократіи проникло въ Англіи всюду, ибо тамъ глубоко укоренилось чувство личной независимости, и энергіи, и личнаго значенія, которое есть самое существо аристократизма или власти, удѣленной гражданамъ достойнѣйшимъ и полезнѣйшимъ“ [1]).

Впрочемъ сочувствіе къ древнимъ аристократическимъ учрежденіямъ далеко не лишаетъ умнаго публициста яснаго и правильнаго на нихъ воззрѣнія и не связываетъ съ ними его мысли узами неразрывными. Онъ ясно сознаётъ возможность ихъ паденія, при новыхъ требованіяхъ общества, и, довольный тѣмъ, если удовлетворительно завершится ими дѣло воспитанія народнаго въ чувствахъ уваженія къ личности и къ достоинству человѣка, онъ также мало ищетъ искусственнаго возрожденія этихъ учрежденій, какъ мало съ другой стороны сочувствуетъ ихъ легкомысленному разоренію.

„Единожды сокрушенную аристократію, говоритъ онъ, силы человѣческія не воскресятъ вновь, также какъ невозможно отъ корня вновь развести единожды расчищенную дубраву“ [2]).

Мы завершимъ картину Англійскаго воззрѣнія на патриціатъ приводимыми Монталамберомъ словами изъ письма

[1]) Id. p. 84, 91, 167.
[2]) Id. p. 232.

знаменитаго Бурка къ герцогу Ричмондскому, въ 1772-мъ году. „Вы, пишетъ онъ, люди древнихъ родовъ, богачи наслѣдственные, вы не походите на насъ, людей новыхъ. Какую бы ни пріобрѣли мы силу, какъ бы ни были вкусны и обильны плоды нашей жизни, мы все-таки всегда останемся растеніями однолѣтними: одного года достаточно намъ, чтобы созрѣть и увянуть. Но въ васъ, если вы дѣйствительно являетесь тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, мой взоръ любитъ признавать тѣ могучіе дубы, тѣнь которыхъ въ теченіи многихъ и многихъ поколѣній доставляетъ спасительную прохладу огромнымъ пространствамъ. Не важны для насъ власть и личное вліяніе какаго-нибудь герцога Ричмондскаго или маркиза Рокингамскаго; но важенъ ихъ примѣръ и ихъ образъ дѣйствія. Онъ долженъ быть таковъ, чтобы черезъ его посредство могло быть передано преемникамъ славнаго имени вѣрное преданіе о ихъ предкахъ. Тогда только домà ихъ содѣлаются живыми хранилищами общественной конституціи“ [1]).

Приступимъ, наконецъ, къ самому анализу политическаго устройства и условій существованія и силы Англійской аристократіи, какъ намъ передаетъ ихъ Монталамберъ въ своихъ всегда вѣрныхъ изысканіяхъ; этотъ отдѣлъ сочиненія его есть безъ сомнѣнія одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ, и вмѣстѣ съ главою, посвященною устройству Англійскихъ университетовъ и изображенію характера Англійскаго общественнаго воспитанія, былъ преимущественно оцѣненъ всею Англійскою литературою.

Много существенныхъ условій соединено тамъ исторіею для упроченія за аристократіей особенной силы и особеннаго вліянія. Изъ нихъ первое и самое общеизвѣстное, это—существенное и постоянное развѣтвленіе аристократіи на двѣ партіи—Виговъ и Торіевъ, раздѣленіе, проходящее чрезъ всю новую исторію Англіи, и только весьма недавно, со времени знаменитаго преобразованія сира Роберта Пиля, начинающее искажаться въ своемъ характерѣ и послѣдствіяхъ. Въ силу такаго раздѣленія, постоянно пи-

---

[1]) Id p. 81.

тавшаго спасительное соревнованіе къ общественному дѣлу между двумя главными вѣтвями сословія, призваннаго къ управленію государствомъ, послѣднее никогда не могло сдѣлаться добычею и жертвою эгоистическихъ цѣлей или политической бездарности какаго-либо замкнутаго кружка, чуждаго внушеніямъ гласности и требованіямъ народнымъ. Ибо, покуда одна сторона находилась у кормила правленія, другая постоянно стояла на сторожѣ, готовая воспользоваться всякою ошибкою первой и ловить малѣйшій намёкъ народной воли, дабы изъ немедленнаго осуществленія его сдѣлать себѣ орудіе для достиженія власти; старый заслуженный герцогъ и молодой депутатъ, всѣ принимали равное участіе въ этой игрѣ парламентскихъ учрежденій, безпрерывно переходя съ министерскихъ скамей въ оппозицію и обратно, и непрестанно поддерживая въ эфемерномъ правительствѣ чувство политической бодрости, но никогда не выпуская власти изъ рукъ аристократій, той или другой. Въ подтвержденіе словъ гр. Монталамбера о спасительномъ для общественнаго дѣла характерѣ этой борьбы двухъ аристократическихъ партій приведемъ тѣ опасности, коимъ не разъ подвергалась Англія, особенно въ XVIII вѣкѣ, при слишкомъ продолжительномъ случайномъ преобладаніи одной которой либо изъ двухъ сторонъ, когда несоразмѣрная сила одной изъ нихъ, казалось, обезпечивала ее отъ опасности быть сверженной и позволяла ей предаваться дремотѣ. Такъ было напримѣръ, въ длинное управленіе Виговъ при Вальполѣ, оставившее по себѣ такую позорную память въ лѣтописяхъ Англіи. Къ счастію, подобные примѣры, по самому существу Англійской жизни, никогда не могли, какъ въ другихъ земляхъ, обратиться въ общее правило, и временное политическое меньшинство, подъ эгидою положительныхъ политическихъ учрежденій, всегда оставалось въ Англіи вѣрнѣйшимъ хранителемъ народной пользы и свободы общественной.

Раздвоенная внутри себя, Англійская аристократія, съ другой стороны, не подчинялась тѣмъ преданіямъ родовой замкнутости, которая существовала и въ Венеціи, и въ Германіи, и отчасти во Франціи, содѣйствуя во всѣхъ сихъ

земляхъ постепенному образованію, внѣ очарованнаго круга, новыхъ живыхъ и крайне враждебныхъ силъ, и подвергая его самого медленному, но неотразимому, физіологическому истощенію. На уединенныхъ, своеобразно сложившихся островахъ Британскихъ, разумная знать всегда умѣла дать къ себѣ доступъ всѣмъ живымъ силамъ общества, охотно поглощала въ себя и усвоивала себѣ всѣ тѣ живые элементы, которые всплывали на народной поверхности, успѣвъ отличиться отъ простой толпы какими либо особенными заслугами. Даже во внутренней семейной жизни, различныя сословія не отдѣлялись другъ отъ друга несокрушимыми Китайскими стѣнами: они охотно смѣшивались между собою и не признавали ничего постыднаго въ неравныхъ бракахъ, этомъ лучшемъ и единственномъ предохранительномъ средствѣ противъ вырожденія породъ. Такъ, замѣчаетъ графъ Манталамберъ, Англійскому языку остались даже вовсе чужды, и не имѣютъ себѣ на немъ соотвѣтственнаго выраженія, два понятія—parvenu et mésalliance—надѣлавшія столько вреда во Франціи. И мы также (замѣтимъ то съ справедливою гордостію) принуждены привести здѣсь въ подлинникѣ оба Французскія слова; ибо простодушная рѣчь нашихъ предковъ, даже въ устахъ старыхъ бояръ Московскаго княжества, какъ ни развитъ былъ въ нихъ политическій элементъ аристократизма, чужда была и чужда осталась этимъ понятіямъ мелочнаго тщеславія; а щегольское современное общество наше, не нуждаясь въ Русскомъ языкѣ для выраженія своихъ нерусскихъ понятій, не умѣло изобрѣсти для нихъ новыхъ вполнѣ соотвѣтствующихъ Русскихъ словъ.

Кромѣ браковъ и повседневнаго непрестаннаго поглощенія въ ряды перства всякой личности, знаменитой по заслугамъ,—еще многими другими точками умѣла и донынѣ умѣетъ Англійская аристократія приходить въ ближайшее и искреннѣйшее соприкосновеніе съ обществомъ и поддерживать свою живую съ нимъ связь: таковъ тотъ вѣковой обычай, по которому всѣ младшіе сыновья каждаго пера возвращаются въ общую, безразличную толпу гражданъ, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ, кромѣ нѣкоторыхъ связей и высшаго ут

тавшаго спасительное соревнованіе къ общественному дѣлу между двумя главными вѣтвями сословія, призваннаго къ управленію государствомъ, послѣднее никогда не могло сдѣлаться добычею и жертвою эгоистическихъ цѣлей или политической бездарности какаго-либо замкнутаго кружка, чуждаго внушеніямъ гласности и требованіямъ народнымъ. Ибо, покуда одна сторона находилась у кормила правленія, другая постоянно стояла на сторожѣ, готовая воспользоваться всякою ошибкою первой и ловить малѣйшій намёкъ народной воли, дабы изъ немедленнаго осуществленія его сдѣлать себѣ орудіе для достиженія власти; старый заслуженный герцогъ и молодой депутатъ, всѣ принимали равное участіе въ этой игрѣ парламентскихъ учрежденій, безпрерывно переходя съ министерскихъ скамей въ оппозицію и обратно, и непрестанно поддерживая въ эфемерномъ правительствѣ чувство политической бодрости, но никогда не выпуская власти изъ рукъ аристократій, той или другой. Въ подтвержденіе словъ гр. Монталамбера о спасительномъ для общественнаго дѣла характерѣ этой борьбы двухъ аристократическихъ партій приведемъ тѣ опасности, коимъ не разъ подвергалась Англія, особенно въ XVIII вѣкѣ, при слишкомъ продолжительномъ случайномъ преобладаніи одной которой либо изъ двухъ сторонъ, когда несоразмѣрная сила одной изъ нихъ, казалось, обезпечивала ее отъ опасности быть сверженной и позволяла ей предаваться дремотѣ. Такъ было напримѣръ, въ длинное управленіе Виговъ при Вальполѣ, оставившее по себѣ такую позорную память въ лѣтописяхъ Англіи. Къ счастію, подобные примѣры, по самому существу Англійской жизни, никогда не могли, какъ въ другихъ земляхъ, обратиться въ общее правило, и временное политическое меньшинство, подъ эгидою положительныхъ политическихъ учрежденій, всегда оставалось въ Англіи вѣрнѣйшимъ хранителемъ народной пользы и свободы общественной.

Раздвоенная внутри себя, Англійская аристократія, съ другой стороны, не подчинялась тѣмъ преданіямъ родовой замкнутости, которая существовала и въ Венеціи, и въ Германіи, и отчасти во Франціи, содѣйствуя во всѣхъ сихъ

ныхъ неправильными и самопроизвольными отношеніями къ окружающей ихъ средѣ и изъ-подъ сѣни родныхъ дубравъ завѣдывающихъ всѣмъ мѣстнымъ управленіемъ областей, довольныхъ сознаніемъ выполненнаго передъ обществомъ долга, не получая за труды свои ни казеннаго жалованья, ни неизвѣстныхъ себѣ чиновъ. Но, вѣрнѣе сказать еще—въ Англіи аристократизмъ находится вездѣ и всюду, ибо все проникнуто въ этой счастливой странѣ чувствомъ личной самостоятельности и уваженія къ любезной старинѣ; для всякаго Англичанина, будь онъ лордъ или простолюдинъ, лучшее завѣтнѣйшее названіе родной страны есть „old merry England", старая веселая Англія; онъ хвастается ея сѣдою древностію, въ буряхъ и испытаніяхъ прожитыми ею вѣками; и хвастается ими, и любитъ ихъ также искренно и также безотчетно, какъ искренно и безотчетно любилъ нѣкогда девизъ своихъ предковъ простодушный потомокъ рыцарей—товарищей Чернаго Принца.

Въ странѣ, столько пропитанной аристократическимъ характеромъ, самая аристократія конечно могла легче и безпрепятственнѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, удержать свои права и учрежденія. Но за это снисхожденіе къ себѣ народа она впередъ и щедро расплатилась съ нимъ. „Пусть другіе, говоритъ Монталамберъ, восхваляютъ ея великолѣпіе, мужество, краснорѣчіе и политическую мудрость; они будутъ вполнѣ правы. Но я хвалю, благословляю ее выше всего за то, что она умѣла, прежде всей остальной Европы, внять голосу справедливости въ установленіи отношеній своихъ къ своимъ подданнымъ, что она вступила въ правомѣрный съ ними союзъ, не будучи къ тому вынуждена ни внѣшнею властію, ни возстаніями, и при томъ совершила дѣло это съ такой неподдѣльной простотою, что едва-едва можно съискать въ исторіи слѣды этого огромнаго и благодѣтельнаго переворота.... Когда и какъ свершилось это спасительное отреченіе? Въ силу какаго закона перестали Англійскіе gentlemen составлять отдѣльную касту, перестали пользоваться непосредственнымъ правомъ суда и расправы, отказались отъ тягостныхъ и уничижительныхъ повинностей своихъ вассаловъ, отъ выгодной для

образованія, упорнымъ трудомъ пріобрѣтеннаго на школьныхъ скамьяхъ, и долженствующаго въ свою очередь открыть имъ путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ жизни. Конечно подобный обычай предполагалъ цѣлую совокупность аристократическаго устройства всѣхъ вѣтвей служебной іерархіи, и притомъ не только свѣтской, гражданской и военной, но даже и духовной, для надѣленія младшихъ отраслей древнихъ родовъ вещественными выгодами службы и церковныхъ мѣстъ. Противъ этого злоупотребленія, доселѣ впрочемъ сопрягавшагося для народа и съ нѣкоторыми выгодами, общественное мнѣніе Англіи возстало съ обыкновенною силою, особенно подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ Крымскаго похода; богатое среднее сословіе Англійское искусно умѣло разжечь затронутое народное самолюбіе, изыскивая прежде всего облегченія и для собственныхъ своихъ сыновей доступа къ выгоднымъ синекурамъ, обезпеченнымъ государственнымъ бюджетомъ, и поспѣшая воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ взойти въ болѣе уравнительную дѣлежку съ многочисленною роднею Палаты Перовъ. Но послѣдняя не забыла еще старой тайны управленія и, конечно, не свяжетъ своего политическаго существованія съ мелкимъ денежнымъ вопросомъ; она вò время съумѣетъ сдѣлать нужныя уступки, и административная реформа безъ сомнѣнія разыграется также правильно, какъ уже правильно совершились и многія другія, не менѣе важныя преобразованія.

Вся совокупность вышеприведенныхъ явленій должна была неминуемо привести къ тому результату, что аристократизмъ въ Англіи, какъ справедливо и остроумно замѣчаетъ Монталамберъ, не сосредоточивается исключительно въ учрежденіи Палаты Перовъ и въ четырехъ или пяти стахъ семьяхъ, которыя носятъ званіе лордовъ и главы коихъ засѣдаютъ въ Верхней Палатѣ, но проникъ въ кости и въ мозгъ всего Англійскаго общества, и во всѣхъ слояхъ его отпечатлѣлся печатію, нелегко изгладимою. Въ особенности замѣтенъ этотъ аристократическій характеръ Англійскаго общества на многихъ тысячахъ семей землевладѣльцевъ, крупныхъ и мелкихъ, образующихъ то крѣпкое и здоровое, также всѣмъ доступное, сословіе gentry, Англійскихъ помѣщиковъ, незапятнан-

стороны неутомимыми заботами о распространенія всякаго рода улучшеній въ дѣлѣ вещественнаго обезпеченія и нравственно-духовнаго образованія народнаго, съ другой постояннымъ и почти исключительнымъ участіемъ въ дѣлѣ областнаго управленія. Почти невозможно назвать ни одного значительнаго предпріятія филантропическаго, во главѣ котораго не нашелся бы какой-нибудь лордъ или по крайней мѣрѣ какой-нибудь почтенный джентльменъ изъ высшихъ рядовъ общества. Распространеніе грамотности и Священнаго Писанія въ бѣднѣйшихъ сословіяхъ народныхъ, улучшеніе жилищъ для мастеровыхъ и ремесленниковъ, умноженіе средствъ призрѣнія и врачеванія для неимущихъ, обобщеніе полезныхъ техническихъ свѣдѣній посредствомъ публичныхъ чтеній, производимыхъ часто людьми высшаго свѣтскаго круга, составленіе разнообразнѣйшихъ обществъ для всякаго рода усовершенствованій во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, всякія публичныя выставки и митинги объ общеполезныхъ предметахъ, наконецъ даже забавы народныя, скачки и всякаго рода Sport или охота,—все находитъ себѣ искреннее неподдѣльное сочувствіе и нравственную и денежную поддержку въ самыхъ щегольскихъ слояхъ Англійской знати. Такой либеральный обычай придаетъ общественной жизни особенную крѣпость и самостоятельность; здѣсь ненужно правительственнаго вмѣшательства въ дѣло общества; даже болѣе того—положительный вредъ отъ подобнаго вмѣшательства ясно всѣми сознанъ, и спасительное начало selfgovernement (самоуправленія) самовластно и неограниченно владычествуетъ во всей области Англійской общественной жизни. Добровольная подписка—вотъ тотъ неисчерпаемый источникъ, который питаетъ почти всѣ безчисленныя богоугодныя заведенія Англіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе ими остается исключительнымъ дѣломъ частныхъ благотворителей: Англичанинъ, жертвующій и деньги, и время, и всю жизнь свою на общеполезное дѣло, и связывающій съ нимъ всѣ силы своего самолюбія, никогда не пойметъ, чтобы могло когда-нибудь прійти на мысль правительству отнять у него законное участіе въ управленіи имъ самимъ поддерживаемаго заведенія или дѣла, точно ти

какъ не поймешь онъ, чтобы правительство могло съумѣть лучше его самого управиться съ мѣстными дѣлами его прихода или графства и отобрать ихъ въ вѣдомство какагонибудь центральнаго учрежденія. Отъ этого централизація и неизмѣнная спутница ея, бюрократія, вообще мало сочувственны Англичанину, и встрѣчаютъ себѣ доселѣ дѣятельное противодѣйствіе въ историческомъ преданіи и народномъ обычаѣ. Впрочемъ Монталамберъ съ ужасомъ указываетъ на усиливающееся значеніе этихъ новыхъ началъ и на грозящія отъ нихъ опасности старому быту Англіи и ея свободнымъ учрежденіямъ; онъ призываетъ всѣхъ искреннихъ друзей свободы дать имъ дружный отпоръ. Мы уже имѣли случай въ иномъ мѣстѣ [1]) привесть его краснорѣчивыя по этому поводу слова и не станемъ ихъ повторять здѣсь вновь; обратимъ только особенное вниманіе читателя еще на одно замѣчаніе Монталамбера, крайне вѣрное, какъ и всѣ психическія наблюденія его надъ обществомъ человѣческимъ. Онъ думаетъ, что только въ высшей степени развитое разнообразіе общественныхъ правъ и законное признаніе вмѣшательства личной воли частныхъ лицъ въ дѣло общественное, способны сломить въ самомъ зародышѣ его то пагубное государственное однообразіе, которое всюду воспитывается централизаціею и бюрократіею; онъ утверждаетъ, что послѣднія навѣваютъ на жизнь элементъ безотчетной скуки и томленія, которыя для современнаго общества являются одною изъ существеннѣйшихъ и повседневнѣйшихъ его опасностей. Отъ этой скуки гражданинъ можетъ быть избавленъ лишь предоставленіемъ ему отъ государства полнаго и искренняго простора въ ближайшей области своей дѣятельности; иначе она съ неотразимою силою овладѣваетъ имъ и распространяетъ во всемъ обществѣ то пагубное чувство томленія, которое нѣкогда внушило Ламартину знаменитую и къ сожалѣнію пророческую фразу его: „La France s'ennuie".

Впрочемъ, независимо отъ нравственнаго и въ высшей степени либеральнаго характера своего, Англійская аристокра-

---

1) Русская Бесѣда 1856, кн. III „Обозрѣніе внутренняго законодательства".

тія, и съ нимъ вмѣстѣ духъ аристократизма въ Англіи, покоится еще на одномъ положительномъ учрежденіи—на законѣ о такъ называемыхъ субституціяхъ. Учрежденіе это въ той формѣ, въ какой оно нынѣ существуетъ въ Англіи, никакъ не должно быть смѣшиваемо съ учрежденіемъ маіоратовъ; оно стоитъ далеко выше его и по идеѣ, и по политическимъ послѣдствіямъ своимъ, и въ особенности по тому жизненному своему характеру, который избавляетъ его отъ опасности мертвеннаго окостенѣнія, на подобіе исключительно-аристократическихъ учрежденій прочей западной Европы. Въ идеѣ своей все учрежденіе Англійское основывается на свободномъ правѣ всякаго гражданина располагать по произволу всѣмъ имуществомъ своимъ по духовному завѣщанію, въ пользу кого онъ пожелаетъ: поэтому привычка дѣлать завѣщаніе, для всякаго Англичанина сдѣлавшаяся настоятельнымъ требованіемъ, нигдѣ такъ не распространена, какъ въ Англіи. На дѣлѣ, по закону, все недвижимое имѣніе умершаго, если онъ не распорядился о немъ предварительно духовнымъ завѣщаніемъ, переходитъ къ старшему сыну его; но вмѣстѣ съ тѣмъ всякому человѣку предоставляется полное право при своей жизни сдѣлать духовную, и съ полною и неограниченною свободою завѣщевать свое имѣніе кому и въ какой мѣрѣ онъ пожелаетъ. Въ этомъ отношеніи законъ дозволяетъ въ Англіи завѣщателю болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другой странѣ: ему предоставлено право, если онъ пожелаетъ, субституировать, такъ сказать, упрочить свое недвижимое имѣніе, т. е. завѣщать его на два поколѣнія, установивъ, что имѣніе это должно перейти послѣ него къ старшему сыну, а послѣ смерти послѣдняго—къ старшему его сыну, въ полномъ, нераздѣльномъ составѣ. Но здѣсь опять благоразумно ограничиваются закономъ дѣйствія его воли: далѣе втораго поколѣнія воля завѣщателя не распространяется, и если внукъ его пожелаетъ продолжать далѣе въ семьѣ своей подобный порядокъ наслѣдованія, то онъ принужденъ сдѣлать новое формальное о томъ распоряженіе; онъ долженъ возобновить субституцію. Всѣ эти распоряженія о субституціяхъ недвижимыхъ имѣній устанавливаются и входятъ въ закон-

ную силу безъ всякаго вмѣшательства въ то верховной власти, единымъ дѣйствіемъ личной воли и личнаго произвола владѣльца. Съ другой стороны, сынъ, наслѣдовавшій субституированное имѣніе, и внукъ, имѣющій на него дальнѣйшее право, могутъ всегда, по достиженіи послѣднимъ законнаго совершеннолѣтія, по взаимному согласію своему, уничтожить волю первоначальнато завѣщателя, и вновь возвратить временно упроченному недвижимому имѣнію его свободный оборотный характеръ. Таковъ неограниченный просторъ, предоставляемый Англійскимъ законодательствомъ личной волѣ человѣка въ распоряженіи его имѣніемъ на случай смерти. Изъ Англіи перенесенное въ Сѣверо-Американскіе Штаты, учрежденіе субституцій сохранилось тамъ въ первоначальномъ образѣ своемъ лишь до войны за независимость; съ освобожденіемъ Америки, оно было отмѣнено въ нѣкоторыхъ штатахъ, и прежде всего въ Виргиніи и Ньюіоркѣ (въ 1776 и 1786 годахъ), въ другихъ сохранилось, оно еще до нынѣ; только въ порядкѣ наслѣдованія по закону, или наслѣдованія ab intestat, введено значительное улучшеніе въ смыслѣ демократическомъ, а именно постановлено, что въ случаѣ, если человѣкъ умираетъ, не сдѣлавши духовнаго завѣщанія, недвижимое его имѣніе переходитъ не къ одному старшему сыну, какъ въ Англіи, а дѣлится поровну между всѣми его дѣтьми; впрочемъ неограниченная свобода завѣщателя тщательно за нимъ удержана. Драгоцѣнное указаніе на эти видоизмѣненія находимъ мы въ примѣчаніяхъ Токвиля къ сочиненію его „О демократіи въ Америкѣ“.—Изъ представленнаго очерка вполнѣ, кажется, ясно превосходство Англійскаго учрежденія субституцій надъ обыкновенными маіоратами, ибо послѣдніе устанавливаются почти всегда не иначе, какъ при сложномъ содѣйствіи правительства, никогда не подлежатъ уничтоженію по взаимному согласію всѣхъ наслѣдниковъ, носятъ наконецъ ложный характеръ учрежденія вѣчнаго, долженствующаго пережить всѣ роды и всѣ поколѣнія, и потому вполнѣ безсмысленны въ новомъ обществѣ, живо сознающемъ временное и преходящее свойство всякаго гражданскаго учрежденія. Монталамберъ противу-

полагаетъ Англійское законодательство о наслѣдованіи ученію Французскаго гражданскаго уложенія, деспотически предписывающаго ровный дѣлежъ имѣнія, не предоставляющаго даже и отцу семейства почти никакаго простора въ опредѣленіи надѣловъ дѣтей своихъ и, подъ личиною демократизма (а въ сущности ради выгодъ преобладанія центральной государственной власти), низводящаго такимъ образомъ самое право собственности на степень какъ бы временнаго пожизненнаго пользованія. Еще ближе и подробнѣе, и при томъ съ замѣчательною оригинальностію пріемовъ, изслѣдуетъ этотъ вопросъ другой Французскій публицистъ Le Play, авторъ недавно вышедшаго любопытнаго во всякомъ случаѣ сочиненія „Les Ouvriers Européens". Онъ посвятилъ этому предмету цѣлую главу изслѣдованія своего и, никогда не теряя его изъ виду, охотно указываетъ на существующій въ Швейцаріи, Венгріи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ обычай совокупнаго перехода всего недвижимаго имущества, остающагося послѣ умершаго, къ одному которому нибудь изъ сыновей—старшему, второму, или даже меньшему. Лепле разсматриваетъ вопросъ преимущественно въ отношеніяхъ его къ сословію поселянъ, утверждая крайнюю важность сохраненія между послѣдними однажды установленныхъ обычаемъ, временемъ и мѣстными удобствами единицъ хозяйственныхъ, которыя отъ равныхъ между сыновьями раздѣловъ дробятся, не представляя для нихъ уже никакой полной хозяйственной единицы, не обезпечивая ихъ въ будущемъ, часто, напротивъ, повергая изъ нихъ малосмышленныхъ въ еще бо́льшую нищету черезъ насильственное ихъ, такъ сказать, прикрѣпленіе къ дробному недостаточному клочку земли, или раззоряя лучшихъ, при неблагодарной и дорого стоющей работѣ возсозданія единожды нарушенныхъ прежнихъ единицъ. Онъ заявляетъ далѣе вредное вліяніе Французскаго закона на развитіе семейной жизни въ низшихъ сословіяхъ, на упадокъ власти родительской, тѣсно сопряженной съ легальнымъ стѣсненіемъ воли завѣщателя, наконецъ на духъ враждебности, воспитываемый имъ между сонаслѣдниками, членами одной семьи, и вовсе чуждый тѣмъ странамъ, гдѣ дѣйствуетъ

наслѣдственное право, менѣе стѣснительное и менѣе повелительное въ своихъ постановленіяхъ. Монталамберъ подходитъ къ вопросу съ другой стороны; его болѣе занимаютъ крупные и средніе землевладѣльцы. Всякій Англичанинъ, говоритъ онъ, упорнымъ трудомъ пріобрѣтшій капиталъ, спѣшитъ купить недвижимую собственность и субституировать ее, дабы черезъ то увѣковѣчить плоды своего труда. „Тутъ нѣтъ аристократическаго чувства въ томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову; но тутъ чувство весьма естественное, управляющее всякимъ обществомъ человѣческимъ — любовь къ упрочиванію и забота о будущемъ... Учредивъ субституцію въ новопріобрѣтенномъ имѣніи своемъ, Англичанинъ тѣмъ самымъ влагаетъ въ лоно семьи своей живительное сѣмя прочнаго, продолжительнаго, надолго разростающагося существованія: онъ тѣмъ самымъ надолго замѣняетъ въ немъ слѣпыя внушенія обыденной алчности попечительною заботою о грядущемъ... Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ знаетъ навѣрное, или, по крайней мѣрѣ, твердо надѣется, что въ свою очередь внукъ его, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, послѣдуетъ его примѣру: и, должно сказать, онъ рѣдко бываетъ обманутъ въ своей надеждѣ“ [1]).

„Такъ, говоритъ онъ далѣе, образуются у наслѣдственнаго очага, подъ тѣнію деревъ, насажденныхъ отцами, эти спокойныя и цѣльныя существованія, эти благородныя и чистыя поколѣнія, которыя воплощаются въ образѣ Англійскаго country gentleman'a. Тамъ-то научаются они тому свѣтлому чувству личнаго достоинства, той почтительной и вмѣстѣ вполнѣ самой себѣ удовлетворяющей независимости, тому отсутствію подлости и нахальства, словомъ тѣмъ почтеннымъ чертамъ, которыхъ въ свою очередь они могутъ служить лучшими образцами. Тамъ-то развивается въ нихъ то спокойное ощущеніе обезпеченнаго благосостоянія, которое служитъ твердою основою государственному спокойствію“ [2]). Возвышенныя личности двухъ сельскихъ владѣльцевъ, Англійскаго и

---

[1]) Montalembert, p. 105.
[2]) Id. p. 3.

Американскаго, Гампдена и Вашингтона, являются Монталамберу лучшимъ и естественнымъ плодомъ такаго правильнаго жизненнаго строя.

Обращаясь взоромъ къ нашему отечеству, мы не можемъ не признать, что дѣйствующіе въ немъ законы о наслѣдованіи, близко подходя къ Англійскимъ, и въ особенности Американскимъ, далеко превосходятъ законодательство Французское. Они покоются на признаніи довольно полной свободы завѣщателя въ своихъ распоряженіяхъ и на началѣ равенства всѣхъ сыновей въ наслѣдованіи послѣ отца своего. Мы знаемъ въ послѣднемъ отношеніи, что учрежденіе маіоратовъ, со всѣми экономическими его несообразностями, далеко несочувственно нашему обществу, и даже могучею волею Петра не могло быть насильственно къ нему привито. Тѣмъ не менѣе теперь, когда ежедневно пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе важности вопросъ о возможномъ упроченіи недвижимыхъ имѣній сельскихъ въ однѣхъ рукахъ на нѣсколько-продолжительный срокъ, вопросъ, тѣсно связанный съ возбужденіемъ повсюду, или, правильнѣе, возрожденіемъ у насъ живой мѣстной жизни и мѣстныхъ союзовъ; когда съ другой стороны учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, основанное Александромъ Благословеннымъ, уже получило значительное развитіе, и когда ему безъ сомнѣнія открывается новая, еще блистательнѣйшая будущность, —теперь, думаемъ мы, настало, быть можетъ, время поразмыслить о томъ: не приложимо ли къ нашему быту Англо-американское учрежденіе субституцій и преимущественно Американское, разумѣется, не насильственно-привитое закономъ, какъ учрежденіе для всѣхъ обязательное, но предоставленное въ употребленіи своемъ на свободный произволъ каждаго отца семейства? Не будетъ ли оно благодѣтельно и спасительно для дворянства? Не обезпечитъ ли оно и свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ одной стороны отъ безконечнаго дробленія ихъ поземельной собственности *), съ другой — отъ нерѣдко встрѣ-

*) Хотя по закону вся земля должна быть въ личной собственности свободныхъ хлѣбопашцевъ, однако въ весьма многихъ селахъ они сохранили общинное владѣніе землею, какъ болѣе сродное Русскому человѣку. Впрочемъ, предполагаемое здѣсь измѣненіе въ порядкѣ наслѣдованія могло бы быть съ боль-

чающагося сосредоточенія ея въ рукахъ немногихъ богатѣйшихъ изъ нихъ?...

Другое твердое основаніе и другой живой источникъ особенностей Англійской жизни Монталамберъ находитъ въ методѣ воспитанія и учрежденіяхъ, служащихъ къ образованію Англійскаго юношества высшихъ сословій. Къ сожалѣнію онъ обращаетъ мало вниманія на средства воспитанія дѣтей изъ сословій низшихъ, изъ рабочихъ классовъ, городскаго и земледѣльческаго, и лишь мимоходомъ указываетъ въ двухъ другихъ главахъ своего сочиненія на дѣятельное участіе, принимаемое въ этомъ дѣлѣ Англиканскимъ духовенствомъ и высшимъ Англійскимъ обществомъ, въ лицѣ аристократіи поземельной и владѣльцевъ значительныхъ мануфактурныхъ заведеній. Онъ приводитъ лишь отдѣльные примѣры того и другаго, а равно и нѣкоторыя поразительныя цифры, непреложно доказывающія добросовѣстныя и слишкомъ мало оцѣненныя еще заботы Англиканскаго духовенства о нравственномъ и духовномъ образованіи своей паствы *), и указываетъ на особенный характеръ этого бла-

---

шею пользою принято въ отношеніи къ личной отдѣльной земляной собственности, которая можетъ и должна существовать и при общинномъ владѣніи землею. Изд. Р. Бесѣды.

*) Любопытны эти цифры: въ 1847 году Англиканское духовенство содержало 21,000 школъ, при 81,000 наставниковъ и 1,500,000 учащихся, употребляя на это ежегодно изъ собственныхъ доходовъ до 5.500,000 рубл. серебромъ. Графъ Монталамберъ могъ бы присоединить къ этому дѣйствія библейскихъ обществъ Англійскихъ, съ благочестивою и просвѣщенною ревностію распространяющихъ Священное Писаніе по всей вселенной и на всѣхъ языкахъ, по самымъ сходнымъ цѣнамъ; напримѣръ превосходныя изданія Библіи въ лучшихъ переплетахъ по 75 к. сер., и Новаго Завѣта по 15 к. сер. Замѣчательно, что при этомъ многочисленные расколы, издавна существовавшіе въ Англиканской церкви, постоянно уменьшаются въ численности своей, и, обращаясь уже преимущественно къ второстепенному вопросу іерархическаго устройства церкви, сливаются съ нею самою въ дѣлѣ воспитанія, въ общеніи нравственныхъ началъ жизни и въ чувствахъ искренняго къ ней уваженія. Лучшія книги и сочиненія Англійскія, могущія служить къ духовному образованію народа, безпрестанно печатаются въ Англіи трудами и иждивеніемъ частныхъ лицъ и обществъ въ несмѣтномъ множествѣ экземпляровъ и изданій. Приводимъ въ примѣръ извѣстную книгу „Line uponline or a second series of the earliest religions instruction", вышедшую въ 1855 году въ Лондонѣ послѣ многихъ другихъ изданій, въ новомъ выпускѣ, превышающемъ шестьдесятъ тысячъ экземпляровъ; другая книга: „the Pilgrims progress", духовно-мистическаго

годѣтельнаго и просвѣщеннаго попеченія высшихъ слоевъ общества о меньшихъ братіяхъ своихъ, на совершенную независимость его отъ всякаго оффиціальнаго покровительства и поощренія его правительственною властію, на полную свободу его въ своихъ дѣйствіяхъ. Всякаго сожалѣнія достойно конечно, что искусное и правдивое перо почтеннаго автора не взялось прослѣдить глубже этотъ любопытный вопросъ: при дальнѣйшемъ изслѣдованіи онъ безъ сомнѣнія указалъ бы подробно на живительныя послѣдствія для народнаго образованія въ низшихъ его слояхъ того серьёзнаго, свободнаго и многосторонняго воспитанія, которымъ измлада обогащаются въ Англіи сыны лучшихъ ея семей, на взаимное соотношеніе того и другаго образованія и живую ихъ связь, которыя ни однимъ обществомъ и ни однимъ правительствомъ безнаказанно не могутъ быть забыты, наконецъ на ту живую силу, которая охраняетъ отъ всякаго истиннаго и существеннаго зла и которая составляетъ удѣлъ всякой свободно-развивающейся жизни въ дѣлѣ общественнаго и народнаго просвѣщенія, и всегда съ несомнѣнною выгодою замѣняетъ въ ней мелочную, придирчивую и раздражающую дѣятельность предупредительныхъ образовательныхъ учрежденій. Впрочемъ, мы не въ правѣ требовать отъ писателя болѣе, чѣмъ сколько онъ нашелъ для себя возможнымъ дать намъ, и съ живою благодарностію должны принять благородный трудъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его начерталъ. Всякому любителю просвѣщенія отъ души совѣтуемъ прочитать XI главу сочиненія графа Монталамбера „О школахъ и университетахъ“ въ подлинникѣ, все обиліе и богатство содержанія коего не легко можетъ быть передано въ краткомъ обзорѣ и въ немногихъ, еще болѣе краткихъ, выпискахъ. Онъ останавливается сперва на тѣхъ „трехъ или четырехъ обширныхъ учебныхъ уч-

---

содержанія, имѣетъ еще болѣе успѣха. Не говоримъ уже о типографическихъ предпріятіяхъ коммерческихъ — о баснословной, напримѣръ, распродажѣ извѣстной книги г-жи Бичеръ Стовъ „Дядя Томъ“, описывающей нравы Американскихъ плантаторовъ и ихъ невольниковъ, и по появленіи своемъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1852 года расходившемся, по свидѣтельству Edinburgh review, въ одномъ Лондонѣ ежедневно въ числѣ болѣе 10,000 экземпляровъ.

рожденіяхъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ Итонъ и Гарро (основанныя въ 1441 и 1585 годахъ) и которыя, подъ скромнымъ названіемъ училищъ (schools), принимаютъ въ нѣдра свои почти всѣхъ безъ исключенія дѣтей достаточныхъ семействъ Англіи и даютъ имъ вмѣстѣ классическое и мужественное воспитаніе, руководимое лучшими людьми изъ Англійскаго духовенства" *). Они отличаются, говоритъ онъ, отъ всѣхъ учрежденій Французскихъ своею древностію, непрестанно напоминаемою школьникамъ рядами портретовъ и бюстовъ всѣхъ прежде въ тѣхъ же стѣнахъ получившихъ воспитаніе великихъ мужей, и уединеннымъ помѣщеніемъ своимъ вдали отъ значительныхъ городскихъ сосредоточій, въ деревнѣ, гдѣ рѣзвые юноши пользуются почти неограниченною свободою. „Извѣстна любовь Англичанъ къ жизни деревенской и благодѣтельное воздѣйствіе ея на нихъ. Естественно поэтому развилась въ нихъ мысль уединить среди полей эти живые разсадники истинно-народнаго образованія; да и невозможно придумать что-либо, болѣе соотвѣтственное потребностямъ нравственнаго и физическаго развитія юношества.... Вокругъ училищныхъ зданій обширные луга, прихотливо омываемые Темзою, образуютъ пространный паркъ, испещренный то роскошными дубравами, то зелеными луговинами. Впрочемъ не однимъ этимъ мѣстомъ ограничены дѣти въ свои часы отдохновенія: они безпрестанно густыми толпами бѣгаютъ то въ сосѣднее мѣстечко, то въ сопредѣльныя поля; вообще, за исключеніемъ часовъ, назначенныхъ для ученія, они пользуются почти совершенною свободою, и весьма рѣдко случается, чтобъ они употребили ее во зло. Безъ надзирателей, безъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя налагаютъ на нихъ немногіе вѣковѣчные обычаи и то чувство самоуваженія, коимъ пропитанъ всякій Англичанинъ, они такимъ образомъ съ ранней молодости и притомъ съ необузданною энергіею начинаютъ обучаться привычкамъ жизни общественной и тайнѣ самоуправленія (self-governement), на подобіе того, какъ нѣкогда обучались тому же и ихъ соб-

*) Montalembert, p. 154

ственные отцы, да и наши предки въ эпоху среднихъ вѣковъ. Число прилежныхъ воспитанниковъ не болѣе у нихъ, чѣмъ у насъ, быть можетъ, даже и меньше; но классическое изученіе древнихъ языковъ, въ замѣчательной степени развитое между нѣкоторыми, любимо и уважаемо всѣми безъ изъятія. Къ тому же широкимъ потокомъ текутъ въ этихъ дѣтяхъ дары жизни, здоровья и ума, порождая въ повседневномъ настроеніи ихъ ту, вмѣстѣ почтительную и откровенную, ясность души, которая рѣдко встрѣчается въ воспитанникахъ нашихъ коллегіальныхъ казармъ *)".—Этому естественному и правильному строю жизни Англійскаго юношества графъ Монталамберъ противупоставляетъ бытъ училищъ Французскихъ, въ картинѣ, заимствованной имъ изъ собственнаго опыта и изъ классическихъ по этому предмету сочиненій гг. Ленормана „Объ изученіи классическихъ языковъ", и Лорена „О народномъ образованіи во Франціи". Замѣчательно въ особенности у Лорена энергическое осужденіе всей Французской системы обученія. Мнѣніе его тѣмъ достойнѣе вниманія, что самъ онъ долгое время былъ многоуважаемымъ ректоромъ одного изъ Французскихъ лицеевъ: „Невозможно людямъ, коротко знающимъ наши коллегіи, не убѣдиться, что такое систематическое подавленіе дѣтскихъ умовъ въ теченіи 10 лѣтъ, и притомъ въ ту раннюю эпоху ихъ развитія, когда откровенная натура юноши всего настоятельнѣе требуетъ себѣ свободнаго простора, должно вести къ искусственному ихъ ожесточенію; и что все внутреннее развитіе ихъ насильственно направляется на постоянное накопленіе чувства ненависти къ внѣшнему правилу и къ власти... При устройствѣ новыхъ заведеній необходимо начать съ совершенной отмѣны этой казарменной жизни, которой императоръ (Наполеонъ I) преднамѣренно подчинилъ дѣтей, дабы подготовить ихъ къ солдатскому быту".—Съ своей стороны мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что тайна любви Англійскаго общества и Англійскаго юношества къ классической древности и литературѣ лежитъ далеко не въ одной только общеупотребительности этого

*) Montalembert, p. 156—157.

классическаго изученія въ учебныхъ учрежденіяхъ Англіи, которое почасту встрѣчается и въ другихъ странахъ, не возбуждая ни въ учащихся, ни въ обществѣ того же сочувствія къ Грекамъ и Римлянамъ; мы полагаемъ, что тайны этой должно искать въ самомъ образѣ преподаванія классическихъ языковъ, въ методѣ, ограничивающейся не однимъ изложеніемъ законовъ построенія ихъ и не однимъ усвоеніемъ юношеству ихъ формальныхъ трудностей и тонкостей, но простирающейся въ особенности на разъясненіе и усвоеніе ему самаго содержанія классическихъ писателей, ихъ здраваго, художественнаго, политическаго и философскаго воззрѣнія на жизнь, ихъ постояннаго, глубоко-искренняго чувства любви къ своему отечеству, любви къ вѣчнымъ идеямъ истины, добра и красоты. Только тамъ, гдѣ допущено такое широкое и свободное толкованіе ихъ, часто ложащееся неумолимою критикою на мелочность и лживость современнаго быта, только тамъ въ правѣ мы ожидать отъ юношества сочувствія къ классическому изученію, и отъ взрослыхъ поколѣній, — живыхъ плодовъ и практической пользы подобнаго образованія.

Далѣе Монталамберъ переходитъ къ университетамъ; они поражаютъ его своимъ средневѣковымъ характеромъ, еще яснѣе и осязательнѣе сохранившимся въ нихъ, нежели въ вышеупомянутыхъ училищахъ. „Англійскіе университеты, говоритъ онъ, точно также, какъ и Англійская конституція и вся жизнь Англіи, суть не что иное, какъ великолѣпнѣйшій образецъ древняго средневѣковаго общества, въ томъ видѣ, какъ существовало оно во всей Западной Европѣ.... Нигдѣ во всемъ свѣтѣ средніе вѣка не являются намъ столько живымъ еще учрежденіемъ, какъ въ Оксфордѣ или Кембриджѣ: они не поражаютъ насъ здѣсь видомъ какаго нибудь лжевоскресенія или не представляются искусною древнею мозаикою, откапываемою изъ подъ неугасшей еще лавы революцій. Нѣтъ, здѣсь средніе вѣка никогда не вымирали“ *).... Монталамберъ любитъ напоминать намъ объ отдаленной эпохѣ основанія почти всѣхъ коллегій, образу-

*) Montalembert, p. 161. 170.

ющихъ Англійскіе университеты, и о вліяніи католицизма на ихъ развитіе; онъ съ особенною охотою и неизмѣнною свѣжестію таланта останавливается на описаніи великолѣпія ихъ внѣшняго вида, съ ихъ дивными памятниками средневѣковаго зодчества, съ ихъ обширными садами и парками, и вѣковыми дубравами, подъ тѣнію коихъ донынѣ беззаботно гуляютъ стада оленей и павлиновъ, тщательно содержимыхъ согласно буквѣ завѣщанія благотворительныхъ учредителей этихъ коллегій, уже за нѣсколько вѣковъ почившихъ. Въ краткихъ чертахъ описываетъ онъ также строгую, уединенную, связанную съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ, жизнь Англійскихъ студентовъ. Наконецъ, онъ указываетъ на главныя историческія основанія, на которыхъ покоятся особенное значеніе и характеръ университетовъ Англійскихъ и ихъ вліяніе на общественную жизнь.

Первымъ основаніемъ этого вліянія является совершенная ихъ независимость и самостоятельность въ отношеніи къ исполнительной власти или правительству, собственно такъ называемому. По назначенію послѣдняго замѣщаются только 8 профессорскихъ кафедръ въ Оксфордѣ, и 6 въ Кембриджѣ, т. е. число самое незначительное. Всѣ же прочіе члены и начальники университетовъ, всѣ члены различныхъ коллегій, совокупность коихъ образуетъ университетъ, избираются самимъ университетомъ, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло правительства и даже безъ всякаго съ его стороны утвержденія. Они не получаютъ отъ казны жалованья и не даютъ ему отчета въ своей дѣятельности. Учебная программа, условія пріема и экзаменовъ, все внутреннее управленіе и дисциплина, находятся внѣ круга дѣйствія правительственной власти и зависятъ единственно отъ самихъ университетовъ. Всѣ расходы на содержаніе ихъ покрываются платою, взимаемою съ студентовъ и доходами съ многочисленныхъ и богатыхъ недвижимыхъ имѣній, издавна составляющихъ собственность коллегій и большею частію завѣщанныхъ имъ первоначальными ихъ основателями. Наконецъ, званіе канцлеровъ Англійскихъ университетовъ, пожизненно облекаемыхъ въ этотъ санъ свободнымъ избраніемъ всѣхъ докторовъ и магистровъ, считается высшею въ Англіи по-

честію, которою могъ гордиться самъ престарѣлый герцогъ Веллингтонъ; и даже честь засѣдать въ Нижней Палатѣ въ качествѣ депутатовъ отъ университета обыкновенно достается въ удѣлъ лишь лучшимъ людямъ Парламента, въ видѣ лестной награды за долговременное и обильное плодами политическое поприще.

Все вышесказанное очевидно полагаетъ существеннѣйшее различіе между учрежденіемъ Англійскимъ и университетами на материкѣ Европы, и въ особенности во Франціи, гдѣ первый Наполеонъ, на развалинахъ средневѣковыхъ университетовъ и вольныхъ училищъ, воздвигъ однообразное зданіе государственнаго воспитанія, преподаваемаго обществу казенными чиновниками за казенное жалованье.

Вторая отличительная черта университетовъ Англійскихъ, это—ихъ сложный составъ, вслѣдствіе котораго они являются живою совокупностію или союзомъ множества коллегій: въ Кембриджѣ ихъ считается 17, въ Оксфордѣ 24. Каждая коллегія есть не что̀ иное, какъ маленькая республика, свято хранящая статуты, завѣщанные ей отъ ея основателя и обыкновенно теряющіеся во мракѣ отдаленной древности. Она имѣетъ свою исторію, свою особенную славу, свои спеціальныя академическія почести (honours), своего безсмѣннаго главу, единожды избраннаго всѣми товарищами (fellows), число которыхъ въ разныхъ коллегіяхъ различно, отъ 10 до 100, и которые живутъ въ академическихъ зданіяхъ и посвящаютъ себя образованію студентовъ. Товарищи не могутъ быть женаты; особое помѣщеніе дается каждому изъ нихъ и каждому студенту, но служба церковная и общая трапеза ежедневно по нѣскольку разъ соединяютъ всѣхъ и поддерживаютъ между всѣми живую непрерывную связь; а общій условный нарядъ, не произвольно выдуманный кѣмъ-либо, а завѣщанный преданіемъ, кладетъ на всѣхъ внѣшнюю осязательную печать внутренняго единства. Такова въ Англіи организація образованія, даваемаго юношеству аристократическихъ слоевъ общества.

Мы знаемъ, что подобное по преимуществу историческое устройство университетовъ, не лишенное конечно своихъ невыгодныхъ сторонъ даже въ самой Англіи, вообще мало

сочувственно нашей публикѣ и находитъ себѣ у насъ многихъ, почти безусловныхъ, порицателей. Да и въ Англіи, и въ особенности во Франціи, университеты эти въ глазахъ многихъ слывутъ учрежденіями отсталыми, слишкомъ богатыми, слишкомъ непроизводительными и слишкомъ мало пишущими. „Но, справедливо замѣчаетъ гр. Монталамберъ, на все это Англійскіе университеты могутъ побѣдоносно отвѣчать, указавъ на добытые ими результаты, т. е. на самый народъ, ими воспитанный въ лицѣ его высшихъ политическихъ сословій: ибо задача ихъ, какъ прекрасно выразился докторъ Пюзей, „состояла не въ томъ, чтобы произвести множество книгъ, а въ томъ, чтобы производить людей“ *). Какъ глубоко соотвѣтствуютъ донынѣ эти университеты народнымъ потребностямъ своего отечества, это ясно изъ того уваженія, въ коемъ они у него состоятъ, и изъ той, почти суевѣрной, осторожности, съ которою понынѣ прикасается къ его древнимъ статутамъ самъ Парламентъ, какъ ни пріобыкъ онъ уже теперь къ постепенному введенію коренныхъ преобразованій въ прочихъ частяхъ государственной жизни. Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы подобное же устройство было примѣнимо въ настоящее время къ другимъ землямъ? Это совершенно иной вопросъ, и мы, конечно не усумнимся отвѣчать на него отрицательно; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сказать, что только цѣною предоставленія университетамъ полной свободы развитія, значительной степени независимости отъ внѣшней власти и прочнаго усвоенія ихъ управленію начала избирательнаго, могутъ быть сообщены имъ тѣ необходимыя условія внутренней энергіи, жизненной упругости и серьезнаго корпоративнаго характера, внѣ которыхъ нѣтъ искренняго уваженія общества къ учрежденію, нѣтъ прочнаго воздѣйствія образовательной среды на юношество, нѣтъ, наконецъ, для нея возможности воспитать для отечества своего гражданина, съ привычкою равно уважать и самого себя, и существующій законъ.

Графъ Монталамберъ не могъ конечно представить полную картину Англійскаго быта, не посвятивъ двухъ-трехъ

*) id. p. 174.

главъ своей книги изображенію Парламента. Самъ отважный боецъ въ буряхъ парламентской жизни, развившій въ нихъ свое первостепенное ораторское дарованіе и достигнувшій на этомъ поприщѣ высокой славы, онъ не могъ пройти молчаніемъ этого замѣчательнаго учрежденія, служившаго первообразомъ для всѣхъ подражательныхъ уложеній материковой Европы. Впрочемъ, мы не послѣдуемъ за нимъ по этому пути, уже и безъ него вообще коротко всѣмъ извѣстному. Въ началѣ статьи нашей мы указали на горячее сочувствіе его къ парламентской жизни; здѣсь замѣтимъ только, что онъ съ радостію привѣтствуетъ тотъ практическій смыслъ, то разумѣніе общественныхъ нуждъ, которое въ 1831 году внушило Англійскому Парламенту энергію, нужную для своевременнаго преобразованія самого себя, не смотря на личныя жертвы, понесенныя въ этомъ дѣлѣ многими сильнѣйшими членами самаго этого Парламента. Съ другой стороны, вѣрный просвѣщенному аристократизму своего взгляда, Монталамберъ съ жаромъ отвергаетъ введеніе числительности народонаселенія, какъ единственнаго основанія системы его представительства въ Нижней Палатѣ, и взываетъ къ Англійскому обществу, убѣждая его не отнимать легкомысленно у графствъ, т. е. у земледѣльческаго сословія и земледѣльческихъ интересовъ, спасительнаго перевѣса надъ городами и населеніемъ фабричнымъ въ назначеніи числа депутатовъ въ Парламентъ. Послушается ли Англійскій народъ голоса Французскаго публициста? Какъ долго будетъ Парламентъ въ состояніи выдержать совокупный напоръ внѣшней ажитаціи и внутреннихъ коалицій партій въ немъ самомъ, по этому многозначительному вопросу? Это—тайна болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, въ которомъ безъ сомнѣнія совершится со временемъ и это преобразованіе; теперь оно покуда отсрочено состоявшимся на дняхъ рѣшеніемъ Нижней Палаты, отвергнувшей незначительнымъ впрочемъ большинствомъ 13-ти голосовъ предложеніе Кинга объ уравненіи избирательнаго ценза графствъ и мѣстечекъ. Намъ, постороннимъ, но неравнодушнымъ зрителямъ борьбы внутреннихъ партій въ Англіи, остается пожелать только, чтобы этому уравненію цензовъ—сельскаго и городскаго—пред-

послано было достаточное внесеніе серьезныхъ началъ умственнаго и нравственнаго образованія въ скромную жизнь и бѣдный бытъ низшихъ ремесленныхъ сословій Англіи...

Такимъ образомъ Монталамберъ завершаетъ очеркъ существеннѣйшихъ особенностей политическаго быта Англіи, очеркъ, изъ котораго мы съ своей стороны въ тѣсныхъ рамкахъ нашего обозрѣнія могли передать лишь главныя, наиболѣе выдающіяся черты. Человѣкъ религіозный по преимуществу, пламенный, но добросовѣстный католикъ, онъ не могъ оставить безъ вниманія замѣчательнаго явленія Англиканской церкви, не смотря на то, что по собственному его выраженію, „онъ задалъ себѣ задачею разсмотрѣть Англію съ одной лишь политической точки зрѣнія, а не съ религіозной". Мы съ своей стороны остаемся вѣрны первоначальной мысли автора, и послѣдуемъ за его отклоненіемъ лишь во столько, во сколько это необходимо для разсѣянія нѣкоторыхъ обвиненій, лично направленныхъ противъ него самого, обвиненій, впервыя высказанныхъ тою частію Англиканской журналистики, которая все еще продолжаетъ съ неизмѣннымъ жаромъ ненавидѣть католицизмъ и католиковъ, и вслѣдъ за нею повторенныхъ у насъ. Графа Монталамбера обвиняютъ въ привязанности къ догматамъ католицизма, въ которыхъ онъ родился и сознательно выросъ. Оправдывать его въ этомъ мы считаемъ излишнимъ. Далѣе обвиняютъ его въ пристрастіи, слѣпомъ и фанатическомъ, ко всѣмъ частнымъ проявленіямъ католическаго міра, ко всѣмъ дѣйствіямъ католической іерархіи, хранительницы этого ученія, считаемаго имъ за православное, въ готовности къ насильственной пропагандѣ этого ученія, въ стремленіи утвердить, такъ сказать, оборонительный и наступательный союзъ между церковію и государствомъ, и воспользоваться для первой всѣми грубыми, вещественными силами втораго.

Противъ этихъ обвиненій, несовмѣстимыхъ впрочемъ ни съ личнымъ его характеромъ, ни со всею предшествующею его политическою жизнію, Монталамберъ долженъ самъ оправдать себя собственными своими словами, имъ сказанными по поводу Пюзеистовъ: „Вѣчную честь принесетъ современной католической церкви ея торжество надъ сими воз-

вышенными душами, торжество, пріобрѣтенное единою силою убѣжденія, безъ всякой внѣшней помощи правительства или даже общественнаго мнѣнія. Но не менѣе честно и для Англійскаго народа то, что могъ онъ произвесть на свѣтъ такихъ поборниковъ истины, подавшихъ, въ настоящій вѣкъ торговли убѣжденіями, возвышенный примѣръ добровольнаго промѣна всѣхъ вещественныхъ выгодъ своихъ на искреннія радости побѣжденной и озаренной вѣрою совѣсти.... Но я боюсь, чтобы понятія, въ теченіи послѣдняго времени къ сожалѣнію сдѣлавшіяся обиходными въ кругу нѣкоторыхъ католиковъ, не проникли бы и не заразили бы молодаго поколѣнія нашихъ заморскихъ братьевъ. Если Англійскіе католики послѣдуютъ примѣру и наукѣ той фанатической и упрямой школы, которая прославила героемъ герцога Альбу, и задала себѣ задачею оправданіе безсмысленнаго уничтоженія Эдикта Нантскаго, то они добровольно отрекутся отъ самаго драгоцѣннаго и, скажу болѣе, отъ единственнаго непобѣдимаго въ наше время оружія. Свобода совѣсти передъ закономъ человѣческимъ, это спасительное и торжествующее начало, которое они же первые имѣли высокую честь внести съ собою еще въ XVII вѣкѣ въ уединенныя дебри Новаго Свѣта, это начало составляетъ всю ихъ силу и всю ихъ славу. Изъ него должны они сдѣлать законное свое знамя, и ни къ какому другому случайному оружію не должны они прибѣгать..... Католицизмъ обязанъ всѣмъ свободному развитію и ничѣмъ не долженъ свѣтской власти. Для него ни Филиппъ II Испанскій, ни Яковъ II ничего не могли сдѣлать" *)..... Этихъ немногихъ выписокъ, кажется, достаточно. Мы конечно не поручимся за историческую достовѣрность религіозной теоріи Монталамбера; еще менѣе имѣемъ мы притязанія выдавать вышеприведенныя слова его за полное и искреннее выраженіе католицизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ донынѣ понимается огромнымъ большинствомъ католиковъ, и преимущественно самимъ католическимъ духовенствомъ; но мы видимъ въ нихъ несомнѣнно-правдивое выраженіе личныхъ убѣжденій разсматри-

*) Id. p. 180. 193. 196.

ваемаго нами писателя. Если бы предметомъ труда его былъ критическій разборъ дѣйствій церкви католической и ея іерархіи, онъ безъ сомнѣнія, мы увѣрены въ томъ, умѣлъ бы при случаѣ и ей сказать жесткое слово правды. Но, въ настоящемъ случаѣ, имѣя передъ собою задачу совершенно иную, созерцая новую, на развалинахъ первой воздвигнувшуюся церковь, онъ долженъ былъ искать и указывать въ ней на слѣды стараго, отжитаго религіознаго быта, и при томъ углубляться болѣе въ смыслъ нѣкоторыхъ донынѣ сохранившихся въ ней полезныхъ слѣдовъ католицизма, чѣмъ изъискивать и безъ того извѣстныя причины его давнишняго паденія. Впрочемъ невозможно отвергнуть и того, что вся живая сторона современнаго англиканизма постоянно находитъ въ Монталамберѣ не только справедливаго, но, скажемъ болѣе, горячаго цѣнителя и неподкупнаго заступника. Онъ нелицемѣрно хвалитъ все, что̀ находитъ въ немъ хорошаго; и этого хорошаго онъ ищетъ въ немъ неутомимо и въ высшей степени добросовѣстно. Какъ на несомнѣнные признаки и ручательства живучести и долговѣчности англиканизма, онъ указываетъ на участіе, принимаемое Англиканскимъ духовенствомъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія народа, на заботу его объ умноженіи числа церквей и на 600 храмовъ, воздвигнутыхъ имъ въ теченіи послѣднихъ 35 годовъ съ помощію почти исключительно добровольныхъ пожертвованій; наконецъ, на возобновляющееся значеніе такъ называемой конвокаціи или ежегодно созываемаго духовнаго собора епископовъ и священниковъ. „Религія, воздвигающая новые храмы, не такъ близка еще къ паденію“, справедливо замѣчаетъ онъ, и съ жаромъ нападаетъ на тѣхъ, которые желаютъ гибели Англиканской церкви и сулитъ Англіи скорое возвращеніе въ лоно католицизма. „Несомнѣнно, говоритъ онъ, что съ начала нынѣшняго вѣка совершилось въ Англіи религіозное обновленіе, и притомъ столько же между англиканами, сколько между католиками. То было одновременное и совокупное возрожденіе не одной только вѣры, но и нравственности христіанской.... Уже совершенно исчезло племя тѣхъ гулякъ-священниковъ, тѣхъ канониковъ и ректоровъ, пьяницъ и охотниковъ, которыхъ

изображенія мы нѣкогда всюду встрѣчали въ повѣстяхъ, и которыхъ лично помнятъ еще всѣ, кто жилъ въ Англіи лѣтъ тридцать тому назадъ. Это старое племя замѣнилось теперь новымъ духовенствомъ, въ которомъ конечно можно встрѣтить элементы несовершенства, но которое безспорно заключаетъ въ себѣ множество людей строгой жизни, ученыхъ, благочестивыхъ и благотворительныхъ. Духъ благотворительности, драгоцѣнное наслѣдіе католицизма, пережилъ всѣ неустройства церковныя и воцарился нынѣ въ новыхъ, неслыханныхъ размѣрахъ" *). Подобный отзывъ о чужой церкви и чужомъ духовенствѣ конечно невозможно считать отзывомъ враждебнымъ или недобросовѣстнымъ.

Пора приступить къ заключительному выводу, завершающему въ глазахъ писателя нашего всю послѣдовательную нить его сужденій. Выводъ этотъ крайне простъ и ясенъ.

По мнѣнію его, Англія спасена будетъ отъ торжества въ ней худшихъ демократическихъ стремленій дѣйствіемъ непрестанно-обновляющихся своихъ аристократическихъ учрежденій, которыя являются въ этомъ дѣлѣ какъ бы спасительнымъ тормазомъ общественнаго развитія.

Но даже и въ такомъ случаѣ, если, изнеможенная въ неровной борьбѣ съ противуположными началами, аристократія Англійская падетъ и замѣстится торжествующею демократіею, то и тогда паденіе ея не должно повлечь за собою извращеніе всего Англійскаго свободнаго быта, и послѣдній по всѣмъ вѣроятіямъ избѣгнетъ деспотизма, этого законнаго преемника всѣхъ революцій.

Въ этомъ убѣжденіи укрѣпляетъ Монталамбера примѣръ всѣхъ основанныхъ и воспитанныхъ Англіею колоній, и притомъ не однихъ только Сѣверо-американскихъ Штатовъ, но и всѣхъ другихъ, Канады, Австраліи, мыса Доброй Надежды, и пр. Ни въ одной изъ нихъ, говоритъ онъ, не встрѣчается ни аристократическихъ учрежденій, ни даже аристократическихъ преданій. Тѣмъ не менѣе онѣ живутъ и развиваются, гордыя и свободныя, и ничто не предвѣщаетъ еще скораго вырожденія въ нихъ свободной жизни: такъ крѣпко и прочно

*) Id. p. 211. 215.

было данное имъ Англіею воспитаніе. Но, если таковъ ихъ счастливый удѣлъ, то за чѣмъ же сомнѣваться въ судьбахъ ихъ общей матери, самой Англійской націи?

Послѣдней, думаетъ Монталамберъ, должны способствовать въ этомъ дѣлѣ самохраненія и саморазвитія два драгоцѣнныя свойства, заблаговременно ею въ самой себѣ воспитанныя и служащія лучшимъ обезпеченіемъ благоустроеннаго свободнаго развитія. Это, во-первыхъ, уваженіе къ чужому мнѣнію, особенно ясно выражающееся въ политической терпимости, всегда оказываемой въ Англіи всякимъ большинствомъ всякому меньшинству и выработавшееся въ ней какъ плодъ многовѣковой политической жизни; во-вторыхъ, господствующая въ Англіи во всѣмъ дѣлахъ гласность, нигдѣ не являющаяся столь искренне, какъ тамъ, и служащая лучшею опорою для личной свободы и независимости.

Наконецъ, почтенный писатель опровергаетъ то мнѣніе, будто бы всѣ политическія особенности Англійскаго быта исключительно покоятся на началѣ физіологическомъ, и будто бы всѣ доблести, нами чтимыя въ немъ, составляютъ исключительную принадлежность племени Англо-саксонскаго. Онѣ являются для него плодомъ не одного превосходства породы, съ негодованіемъ имъ отвергаемаго, и не особенныхъ выгодъ уединенной и безопасной извнѣ жизни островной (о которой онъ впрочемъ и забываетъ вовсе), но прежде всего и главнымъ образомъ, представляются онѣ ему естественнымъ разультатомъ хорошихъ законодательныхъ учрежденій, тщательно взрощенныхъ и сбереженныхъ предками для отдаленныхъ потомковъ. Ce n'est pas l'esprit public, говоритъ онъ, qui a fondé les institutions de l'Angleterre; ce sont ces institutions qui ont créé, maintenu et vingt fois sauvé cet esprit public, qu'il vaudrait encore bien mieux imiter qu'admirer *); или въ другихъ словахъ, если обобщить его наблюденіе и дать ему тотъ обширный смыслъ, который очевидно согласенъ съ намѣреніями и взглядомъ Монталамбера: народы не столько созидаютъ свои учрежденія, хорошія или худыя, сколько сами ими воспитываются и совершен-

*) Id. p. 296.

ствуются, или ими развращаются. Такова задушевная мысль автора, краснорѣчиво развитая имъ въ заключительной главѣ его труда и безъ сомнѣнія внушенная ему печальною современностію Франціи. Признавая ея односторонность, мы не можемъ не признать также въ ней и доли правды, которая, быть можетъ, еще ярче выступитъ послѣ разсмотрѣнія книги графа Токвиля. Къ послѣдней мы теперь обратимся.

Мы уже представили на первыхъ страницахъ нашихъ нѣсколько выписокъ изъ этого новаго сочиненія его; ихъ достаточно, чтобы познакомить читателя съ благороднымъ и возвышеннымъ взглядомъ автора на политическую жизнь народовъ. Впрочемъ онъ не новичкомъ выступаетъ на общественное поприще: давнишній поклонникъ политической свободы, искренній защитникъ ея при Людовикѣ Филиппѣ во Французской Палатѣ Перовъ, онъ уже 20 лѣтъ тому назадъ прославился знаменитымъ своимъ сочиненіемъ „О демократіи въ Америкѣ", единогласно оцѣненнымъ въ то время всею западною литературою, но къ сожалѣнію слишкомъ мало нашедшемъ себѣ послѣдователей въ области практическаго приложенія между тогдашними Европейскими правительствами. Началамъ, имъ тогда изложеннымъ въ книгѣ объ Америкѣ, графъ Токвиль остался вѣренъ и въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Двадцатилѣтнее, упорное и добросовѣстное изслѣдованіе новѣйшей исторіи Франціи, сравнительное съ нею изученіе современныхъ явленій Англіи и Германіи, наконецъ обширная личная опытность, все это еще болѣе утвердило его въ прежнемъ не слегка высказанномъ воззрѣніи; такъ что оба сочиненія его являются намъ какъ бы непрерывнымъ слѣдованіемъ одной и той же мысленной нити, и читатель естественно черпаетъ цѣлыя страницы изъ одной книги для пополненія и поясненія недосказаннаго въ другой. Такая твердость убѣжденія, такое постоянство мысли, соединенныя съ тѣмъ обиліемъ частныхъ фактовъ, коими щедрою рукою переполнены оба труда, вселяютъ въ насъ невольное довѣріе къ политическимъ мнѣніямъ графа Токвиля.

Оба труда вызваны въ немъ сознаніемъ безграничнаго во Франціи злоупотребленія централизаціи и печальнаго

послѣдствія ея, современнаго самовластнаго управленія Людовика-Наполеона. Дѣйствительно, настоящая Франція какъ бы насквозь пропитана этою страстію централизаціи; ею проникнуто не одно правительство, но даже самое общество. Такое настроеніе Французскаго общества выражается безпрестанно во множествѣ явленій, то серьезныхъ, то просто смѣшныхъ: такъ еще у всѣхъ насъ свѣжо на памяти то недавнее время, когда немедленно послѣ Февральской революціи почти всѣ требовали отъ временнаго правительства и преемника его, Кавеньяка, чтобы желѣзныя дороги во Франціи были выкуплены у частныхъ компаній и обращены въ государственную собственность и государственное управленіе; а не далѣе, какъ два мѣсяца тому назадъ, появилась въ Парижѣ истинно-комическая брошюра, по случаю усиливающейся дороговизны квартиръ, требующая, чтобы правительство скупило всѣ домà у частныхъ лицъ для раздачи ихъ отъ себя въ наемъ по менѣе высокимъ цѣнамъ и, сдѣлавшись такимъ образомъ единственнымъ столичнымъ домовладѣльцемъ, облекло настоящихъ дворниковъ въ званіе казенныхъ чиновниковъ. Оба эти явленія имѣютъ между собою безспорную, внутреннюю связь, глубоко затаенную въ самой сущности безгранично и безпротиводѣйственно развитаго демократическаго быта. Противъ всей этой совокупности явленій возставалъ уже, какъ мы сказали, графъ Токвиль въ своемъ первомъ сочиненіи: онъ уже тогда въ знаменитой главѣ Des effets politiques de la décentralisation administrative en Amérique", донынѣ остающейся существеннѣйшимъ словомъ политической мудрости, указывалъ на различіе между централизаціею политическою и административною, и требовалъ всюду поддержанія первой и ослабленія второй. Онъ утверждалъ, что „централизація способна только мѣшать развитію, а не содѣйствовать ему и не производить его... способна только сохранять общество въ извѣстномъ statu quo, которое нельзя назвать собственно ни совершеннымъ упадкомъ, ни улучшеніемъ; способна поддерживать въ общественномъ тѣлѣ какую-то сонливость, которую правители обыкновенно вели-

чаютъ названіемъ общественнаго порядка и спокойствія" [1]). Образцомъ подобной, крайне усовершенствованной, къ народному ущербу, администраціи является ему Китай, гдѣ жизнь общественная всегда кое-какъ плетется и никогда не достигаетъ полноты... „гдѣ путешественники находятъ спокойствіе, лишенное благоденствія, промышленность, чуждую развитія, стойкость безъ истинной крѣпости и силы, внѣшній вещественный порядокъ безъ общественной нравственности"... [2]) „И въ Европѣ, говоритъ онъ, вѣроятно намекая на Францію, встрѣчаются такія государства, житель которыхъ самъ смотритъ на себя какъ на жильца, равнодушнаго къ участи обитаемой имъ страны. Въ ней происходятъ величайшія коренныя перемѣны, безъ всякаго его въ нихъ участія; онъ даже не знаетъ заподлинно, что̀ именно произошло; онъ только догадывается, дѣло доходитъ до него лишь по слухамъ, и то какъ-то случайно.... Когда народы пришли къ этой точкѣ, они должны приступать къ преобразованію своихъ законовъ и нравовъ, или они погибаютъ; ибо въ нихъ изсякъ уже самый источникъ общественныхъ доблестей: между ними встрѣчаются еще подданные вѣрные, но гражданъ между ними уже нѣтъ"... [3]) „Демократія, говоритъ онъ далѣе, безъ независимыхъ областныхъ учрежденій безсильна... И только тѣ народы отвергаютъ пользу подобныхъ учрежденій, которые ихъ не имѣютъ вовсе, или имѣютъ ихъ слишкомъ мало; или въ другихъ словахъ: только тотъ осуждаетъ ихъ, кто о самой вещи не имѣетъ понятія"... [4]) „Во Французской революціи, замѣчаетъ онъ еще, соединилось два движенія въ противуположныя стороны: одно, благопріятное свободѣ, другое—благопріятное деспотизму. Въ старой Французской монархіи король одинъ издавалъ законъ. Ниже власти королевской стояли еще полуразрушенные остатки областныхъ учрежденій. Эти областныя учрежденія были неправильны,

---

1) Tocqueville. De la démocratie, vol. I. p. 145.
2) id. vol. I. p. 145.
3) id. vol. I. p. 148. 149.
4) id. vol. I. p. 153. 156.

между собою безсвязны, иногда даже нелѣпы. Въ рукахъ аристократіи они подчасъ являлись даже орудіями притѣсненія низшихъ сословій народныхъ. Революція возстала въ одно и тоже время и противъ власти королевской, и противъ областныхъ учрежденій. Она соединила въ чувствѣ къ нимъ питаемой ненависти всѣ безъ разбора явленія, ей предшествовавшія: и безграничную власть королей, и все то, что̀ служило къ смягченію ея суровости"... [1]).

Въ чемъ же состоитъ предметъ и цѣль послѣдняго сочиненія Токвиля? Онъ самъ опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Я хотѣлъ объяснить, почему тотъ огромный переворотъ, который въ одно и тоже время подготовлялся почти на всемъ материкѣ Европы, разразился у насъ ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иной странѣ; почему онъ какъ бы самъ собою естественнымъ образомъ возникъ изъ того самаго быта, который онъ призванъ былъ сокрушить; и почему, наконецъ, старинная монархія могла пасть такъ внезапно и такъ всецѣло.... Но я хотѣлъ указать не только на болѣзнь, сразившую больное общество, но еще и на тѣ средства, которыя могли заблаговременно исцѣлить его" [2]).

Эта вѣра въ былую возможность исцѣлить дореволюціонное общество Франціи или, вѣрнѣе сказать, болѣе правильнымъ образомъ опредѣлить дальнѣйшее его развитіе и исторію, и лучшимъ соблюденіемъ внутренняго общественнаго равновѣсія заранѣе обезпечить его противъ насильственныхъ переворотовъ,—твердое убѣжденіе въ этой истинѣ ни разу не покидаетъ Токвиля въ продолженіе всего труда его. Мысль эта служитъ лучшею связью его труда съ трудомъ Монталамбера: ни тотъ, ни другой не вѣрятъ въ законъ исторической необходимости въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ покорилъ себѣ почти всѣ умы; они взираютъ на положительныя учрежденія, вводимыя законодателями, не какъ на всегда необходимый плодъ народнаго развитія, а какъ на элементъ, по крайней мѣрѣ, столько же воздѣйствующій на народъ, сколько въ свою очередь изъ него образующійся,

---

[1]) id. vol I. p. 154.

[2]) Tocqueville, l'Ancien Régime, p. 14. 15.

часто даже произвольно извнѣ вносимый въ общество и обусловливающій въ такомъ случаѣ не всегда правильное его развитіе. Поэтому они всегда, въ дѣлѣ развитія обществъ, готовы снять долю отвѣтственности за его историческое развитіе съ самаго общества и возложить ее на личныхъ историческихъ дѣятелей и преимущественно на правителей общественныхъ, давая такимъ образомъ въ исторической своей теоріи болѣе мѣста и простора личной свободѣ человѣка и не дозволяя личности отдѣльнаго дѣятеля избѣгнуть за свои поступки отвѣтственности предъ исторіею, за валовою отвѣтственностію безгласной толпы. Въ исторіи Франціи ближайшею поворотною точкою, послѣднею минутою, когда еще могло быть остановлено неправильное историческое развитіе Французскаго общества, и могло еще быть ему дано иное теченіе, онъ считаетъ эпоху около 1750 года. Въ то время даже передовые люди Франціи, экономисты или физіократы, и во главѣ ихъ извѣстный Кене (Quesnay), не только не думали о свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ, но даже положительно были имъ враждебны; они говорили, что „система политическаго уравновѣшиванія силъ въ государствѣ есть вещь пагубная и нелѣпая“ *), и въ правильномъ общественномъ воспитаніи находили единственное и вполнѣ достаточное ручательство и обезпеченіе противъ злоупотребленій власти. Правда, графъ Токвиль плохо вѣритъ этому литературному воззрѣнію на дѣло; но онъ говоритъ: „Около 1750 года весь народъ конечно не болѣе самихъ экономистовъ сталъ бы требовать себѣ политической свободы; ибо въ то время уже утратились въ обществѣ, и всякій навыкъ къ ней, и всякое къ ней особенное пристрастіе. Народъ не искалъ себѣ положительныхъ правъ, онъ жаждалъ лишь преобразованій; и я убѣжденъ, что если бъ тогда, вмѣсто Людовика XV, случился на престолѣ государь, подобный Фридриху II, то онъ безъ всякаго сомнѣнія не только миролюбиво совершилъ бы переворотъ, но еще успѣлъ бы значительно расширить свою власть на счетъ старыхъ отжившихъ учрежденій. Увѣряютъ даже, что одинъ

*) Id. p. 266.

изъ лучшихъ министровъ Людовика XV, Машо, самъ провидѣлъ эту истину и сообщалъ ее королю" *)... Трудно не раздѣлить мнѣнія почтеннаго историка; можно сказать развѣ только то, что подобная роль преобразователя, вó время на себя взятая законодателемъ, требуетъ не столько даже энергіи и деспотическихъ наклонностей, какими отличался Фридрихъ II, сколько душевной прямоты и честности и искренняго благодушія и любви къ народу, всегда находящихъ себѣ въ немъ готовую и благодарную взаимность, и порождающихъ въ обществѣ то неограниченное довѣріе къ правительству, которое служитъ ему лучшею и самою крѣпкою опорою.

Внимательно вглядываясь въ отдаленнѣйшую эпоху исторіи Франціи и всей Западной Европы, Токвиль доходитъ до того убѣжденія, что въ средніе вѣка Франція, Англія и Германія управлялись почти одинаковыми учрежденіями, разнообразными только по своему внѣшнему виду, но въ сущности сходными по внутреннему своему смыслу и основнымъ своимъ началамъ. Если исторія сихъ странъ, и въ особенности исторіи Англіи и Франціи, развились своеобразно и далеко разошлись въ теченіи вѣковъ, то главную причину тому онъ видитъ въ особенномъ преобладаніи во Франціи власти королевской, произвольно нарушившей равновѣсіе составныхъ элементовъ средневѣковаго общества, и образовавшейся по новымъ понятіямъ, чуждымъ средневѣковой народности и почерпнутымъ съ помощію юристовъ изъ классическихъ преданій имперіи Римской; тогда какъ Англія, напротивъ, осталась вѣрна идеѣ первоначальнаго своего построенія и посвятила труды свои исключительно на медленное историческое совершенствованіе своихъ старыхъ политическихъ учрежденій. „Если бы Англичане, говоритъ онъ, подобно намъ утратили, по завершеніи среднихъ вѣковъ, свою политическую свободу и свое мѣстное политическое устройство, то весьма вѣроятно, что разнообразные классы, изъ коихъ слагается у нихъ аристократія, раздробились бы на части и обособились бы, какъ то сдѣлалось во Франціи и

*) id. p. 274.

въ большей части Западной Европы; и всѣ они на вѣки отдѣлились бы отъ народа" [1]). „Если бъ Французамъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, было предоставлено прежнее ихъ участіе въ управленіи, выражавшееся въ учрежденіи Генеральныхъ Штатовъ (Etats Généraux), если бъ имъ, по крайней мѣрѣ, дозволено было ежедневно заниматься, какъ встарь, своими областными мѣстными дѣлами; еслибъ они, подобно Англичанамъ, пріучены были, не раззоряя старыхъ своихъ національныхъ учрежденій, постепенно исправлять ихъ и посредствомъ долговременной практики видоизмѣнять ихъ духъ,—то они безъ всякаго сомнѣнія и теперь не такъ охотно стали бы безпрестанно изобрѣтать себѣ новыя формулы... Но никогда во Франціи короли не думали объ усовершенствованіи учрежденій сообразно требованіямъ времени, но при всякомъ удобномъ случаѣ всегда спѣшили только ихъ уничтожать и извращать, а иногда дѣлали и хуже... Малѣйшей доли настойчивости и усилій, употребленныхъ ими для извращенія и раззоренія независимыхъ областныхъ учрежденій, достаточно было бы для лучшаго ихъ усовершенствованія и упроченія, и для приспособленія ихъ къ требованіямъ и нуждамъ новѣйшей гражданственности... Но несравненно легче оказалось раздѣлять гражданъ и отчуждать ихъ другъ отъ друга, чѣмъ впослѣдствіи ихъ вновь соединить... Отселѣ во Франціи ничто уже болѣе не сопротивляется правительству; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ уже въ обществѣ ничего, что̀ бы въ немъ было заранѣе подготовлено для подачи правительству въ случаѣ нужды руки помощи... Почти всѣ недостатки, заблужденія и пагубные предразсудки, мною описанные, обязаны своимъ первоначальнымъ зарожденіемъ въ обществѣ, или позднѣйшимъ своимъ развитіемъ, искусству правителей нашихъ раздѣлять людей для полнѣйшаго ихъ себѣ порабощенія" [2]).

Такимъ образомъ всѣ язвы дореволюціонной Франціи сосредоточиваются, въ глазахъ Токвиля, въ чудовищной централизаціи, постепенно введенной на основаніи извнѣ заим-

---

[1]) id. p. 173.
[2]) id. p. 348. 362. 188. 230 231.

ствованной теоріи и сопряженной съ уничтоженіемъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, съ сокрушеніемъ всякихъ областныхъ учрежденій и съ совершенною разрозненностію сословій. Отдѣльныя черты, въ коихъ выражались эти существенныя явленія Французской жизни, мы представимъ нѣсколько ниже.

Все сочиненіе Токвиля раздѣлено имъ на три части: въ первой онъ опредѣляетъ самое существо Французской революціи, какъ общественнаго, политическаго и религіознаго переворота, и сравниваетъ ея характеръ съ характеромъ другихъ подобныхъ же историческихъ явленій; во второй онъ изслѣдуетъ самыя отдаленныя и основныя, во всей предшествующей исторіи коренящіяся причины, ее развившія и подготовившія;—и это безъ сомнѣнія составляетъ лучшій и существеннѣйшій отдѣлъ его книги, съ которымъ мы всего болѣе желаемъ познакомить читателя; наконецъ, третья часть посвящена изображенію ближайшихъ причинъ или случайныхъ поводовъ революціи, тѣхъ причинъ, которыя равно могли быть или не быть, при отсутствіи которыхъ исторія всегда нашла бы себѣ иные, вполнѣ достаточные поводы или причины: ибо единожды созрѣвшій во внутренней жизни народа фактъ всегда найдетъ себѣ въ окружающей средѣ достаточный случай, тотъ или другой, для вещественнаго своего осуществленія.

Какъ ни занимательна эта послѣдняя часть, какъ ни полна она новыхъ любопытныхъ фактовъ, съ крайнимъ трудолюбіемъ собранныхъ и съ немалымъ искусствомъ сгруппированныхъ сочинителемъ, изслѣдованіе этихъ ближайшихъ причинъ Французской революціи уже такъ часто было производимо всѣми безчисленными и часто даровитыми ея историками, они такъ близко знакомы уже всей читающей у насъ публикѣ, что мы считаемъ излишнимъ распространяться о нихъ здѣсь и охотно отсылаемъ любопытныхъ къ самой книгѣ. По той же самой причинѣ мы прейдемъ молчаніемъ и первый отдѣлъ ея; къ тому же строгая справедливость требуетъ отъ насъ признанія, что изъ всего сочиненія Токвиля эта первая часть есть безспорно слабѣйшая, наименѣе достойная вниманія: его по преимуществу аналитическій умъ, его дарованіе, незамѣнимое тамъ, гдѣ нужно во множествѣ

разнообразнѣйшихъ явленій прослѣдить одну какую-либо тонкую, едва уловимую нить исторической мысли, или гдѣ въ темной грудѣ повидимому безразличныхъ фактовъ необходимо раскрыть сокровеннѣйшія причины явленій, отдѣленныхъ отъ нихъ вѣками,—дарованіе, неоцѣнимое для вѣрнаго отысканія законовъ исторической причинности событій, является отчасти несостоятельнымъ тамъ, гдѣ нужно обобщеніе отдѣльнаго факта, возведеніе его къ высшему разумному закону; словомъ, великолѣпный, всегда и невольно присущій Монталамберу, синтезъ мысли остается ему недоступенъ; и въ этомъ заключается какъ существенное различіе ихъ дарованій, такъ—съ другой стороны—и выгода сопоставленія ихъ трудовъ, для взаимнаго ихъ другъ другомъ восполненія. Мы не можемъ, однако, и въ этой первой части труда Токвиля не обратить особеннаго вниманія читателя на замѣчательную причину, имъ указываемую, той злобы, которую въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ эпоху революціи возбудила противъ себя церковь во Франціи почти во всѣхъ умахъ того времени. „Всѣ эти страшныя ненависти, говоритъ онъ, возбудило противъ себя христіанство далеко не какъ ученіе религіозное, но какъ учрежденіе политическое, потому что члены духовенства сдѣлались всѣ землевладѣльцами, помѣщиками, сборщиками десятинъ, администраторами; потому что церковь въ старомъ политическомъ обществѣ, обреченномъ на погибель, заняла самое крѣпкое и самое привиллегированное мѣсто.... Церковь была въ то время первымъ въ государствѣ политическимъ учрежденіемъ и притомъ самымъ ненавистнымъ изъ всѣхъ, не смотря на то, что она не была стѣснительнѣйшимъ; ненавистнымъ, потому что она пришла на добровольное съ ними смѣшеніе, не будучи къ тому призвана по своему существу, потому что она въ нихъ освящала множество пороковъ, въ иномъ мѣстѣ ею осуждаемыхъ, потому что она прикрывала ихъ неприкосновенностію собственной святыни, и какъ будто бы хотѣла обезсмертить ихъ наравнѣ съ собою.... Внѣшняя сила ея ослабла по мѣрѣ того, какъ возрасла власть свѣтскихъ властителей. Поочередно являвшись въ исторіи сперва владычицею ихъ, а послѣ имъ равною, она въ то время

низошла уже на степень ихъ кліентки; между ними и ею установился какъ бы нѣкоторый торговый обмѣнъ услугъ: они поддерживали ее своею вещественною силою, она прикрывала ихъ своею нравственною властію; они внушали всѣмъ повиновеніе къ ней, она требовала отъ всѣхъ къ нимъ уваженія: сообщество опасное и всегда невигодное для власти духовной, основанной не на внѣшнемъ принужденіи, а на единой вѣрѣ" [1]). Это, даже и донынѣ неминовавшее, положеніе католицизма, не ускользало отъ Токвиля уже двадцать лѣтъ тому назадъ и внушило ему тогда слѣдующія во многомъ сходныя строки, въ введеніи къ его сочиненію „О демократіи въ Америкѣ": „Страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ религія нынѣ случайно спуталась съ тѣми политическими учрежденіями, противъ которыхъ направлены усилія демократіи; она частехонько отталкиваетъ отъ себя начало равенства, въ сущности ей любезное, или проклинаетъ свободу, какъ будто отъявленнаго себѣ врага, а между тѣмъ такъ легко было бы церкви протянуть ей руку и благословить ея подвиги.... Съ другой стороны, рядомъ съ людьми религіозными, я встрѣчаю другихъ, въ помышленіяхъ своихъ болѣе направленныхъ къ выгодамъ земнымъ, чѣмъ къ предметамъ инаго міра, любящихъ свободу не столько за то, что она есть источникъ лучшихъ доблестей, сколько потому, что они видятъ въ ней источникъ многихъ несомнѣнныхъ благъ,—людей, стремящихся упрочить ея владычество и дать человѣчеству вкусить ея даровъ: вотъ, думаю я, они немедленно призовутъ на помощь себѣ религію, ибо они не могутъ не знать, что безъ доброй нравственности нельзя основать царства свободы, а добрые нравы въ обществѣ безъ твердыхъ вѣрованій невозможны. Но они провидѣли религію въ рядахъ своихъ противниковъ, и безъ дальнѣйшаго разсужденія, одни немедленно нападаютъ на нее, другіе не смѣютъ за нее вступиться" [2]).

Обратимся теперь ко второму отдѣлу книги Токвиля. Здѣсь онъ предлагаетъ себѣ прежде всего слѣдующій, самъ

---

[1]) Id. p. 33. 253. 254.

[2]) Tocqueville „De la Démocratie", vol. 1. p. 18.

собою на умъ напрашивающійся вопросъ: отъ чего именно во Франціи, гдѣ феодальныя права́ уже задолго до революціи были значительно ограничены, стали они ненавистнѣе народу, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ Европы, въ которыхъ они въ то время еще царствовали во всей своей силѣ? Отъ того, отвѣчаетъ онъ, и развиваетъ эту мысль въ цѣлой главѣ, что короли Французскіе, направивъ всю дѣятельность свою на сокрушеніе политической стороны феодальнаго зданія, оставили неприкосновенными всѣ гражданскія или имущественныя права, съ нимъ сопряженныя. Эти права́ были столько же безчисленны и разнообразны, сколько нелѣпы и тягостны для подчиненныхъ имъ поселянъ; тутъ были и остатки стѣснительной безплатной барщины, и разорительныя десятины, взимавшіяся почти со всѣхъ земныхъ произведеній, и право, извѣстное подъ именемъ lods et ventes или пошлина въ пользу владѣльца со всякаго движенія или перехода въ другія руки поземельной собственности въ предѣлахъ его seigneurie, и исключительное право охоты на земляхъ прежнихъ вассаловъ, земляхъ, уже давно обратившихся впрочемъ въ ихъ частную собственность, и разные мыты, и дорожные и перевозные сборы, пошлины съ торговли на базарахъ, исключительныя права на мелево и печеніе хлѣба; и всѣ эти права̀ были права вѣчныя, отъ которыхъ единовременнымъ взносомъ равноцѣннаго капитала селянину откупиться было невозможно. А между тѣмъ сосѣдственный владѣлецъ, собиравшій всѣ эти мелочные доходы, уже лишился всего политическаго своего значенія, кромѣ незначительнаго и при томъ опять таки почти исключительно финансоваго участія въ правѣ суда; онъ не участвовалъ вовсе въ управленіи общиною, еще менѣе въ управленіи областномъ, не принималъ участія въ общинныхъ тягостяхъ, не могъ защитить селянина отъ ничтожнѣйшаго короннаго чиновника; словомъ, онъ былъ столько же безсиленъ передъ властію, сколько и самъ крестьянинъ. Политическая связь и общеніе между владѣльцемъ и крестьяниномъ рушились; и они остались другъ къ другу лишь въ имущественныхъ отношеніяхъ, породившихъ между ними страшное, озлобленное раздвоеніе. Поземельная собственность,

сказали мы, въ то время уже въ значительныхъ размѣрахъ перешла въ руки крестьянъ; извѣстно, что въ первой четверти нынѣшняго вѣка она распредѣлялась во Франціи между 10,083,751 крупными и мелкими владѣніями (côtes) или почти 4.800,000 семействъ и состояла изъ 123,360,338 дробныхъ дачъ (parcelles [1]); тщательныя изысканія Токвиля привели его къ тому убѣжденію, что это дробленіе поземельной собственности отнюдь не было послѣдствіемъ революціи, но далеко предшествовало ей, такъ что оно уже въ концѣ XVII-го и въ XVIII-мъ вѣкѣ возбуждало удивленіе и жалобы внимательнѣйшихъ наблюдателей общественной жизни Франціи—Англійскаго путешественника Юнга, маршала Вобана, Неккера и многихъ другихъ. Изъ сличенія числа поземельныхъ участковъ въ нѣкоторыхъ общинахъ въ настоящее время съ числомъ владѣній, показанныхъ въ тѣхъ же приходахъ по оффиціальнымъ спискамъ 1790 года, Токвиль выводитъ, что количество всѣхъ землевладѣльцевъ тогдашней Франціи относится къ числу нынѣшнихъ какъ 2 къ 3, не взирая на многократное дробленіе земли съ тѣхъ поръ между наслѣдниками и на значительное возрастаніе народонаселенія. Въ томъ же убѣждаемся мы и изъ чтенія другой замѣчательной книги, не такъ давно вышедшей и пополнившей значительный пробѣлъ во Французской исторической литературѣ: „Histoire des classes agricoles en France depuis St. Louis jusqu'à Louis XVI, 1854, par Dareste de la Chavanne".

Эти полезныя и въ высшей степени любопытныя наблюденія Токвиля подали нѣкоторымъ легкомысленнымъ читателямъ поводъ отвергать выгоды, проистекающія для общества изъ доставленія низшимъ сословіямъ широкаго доступа къ поземельной собственности, какъ лучшаго и необходимаго основанія консервативныхъ началъ въ новомъ обществѣ. Извращая ясный смыслъ всей книги Французскаго публициста, они стали худо понятымъ и превратно истолкованнымъ свидѣтельствомъ его подтверждать то ложное мнѣніе, будто бы именно поземельная собственность сдѣ-

[1]) Schnitzler „Statistique générale de la France" 1846. Chaptal.

лала во Франціи низшія сословія столько требовательными, и будто бы таково необходимое послѣдствіе приложенія этого начала и во всякомъ иномъ обществѣ. Токвиль и съ нимъ опытъ всей современной Европы, да и самый первоначальный здравый смыслъ, прямо удостовѣряютъ насъ въ противномъ: крѣпко организованная и распространенная въ низшихъ сословіяхъ поземельная собственность есть послѣдній якорь спасенія современнаго государства въ Европѣ; если во Франціи она не помѣшала разразиться первой революціи, то это произошло именно и единственно потому, что въ ней исторически сложилось въ то время какое-то уродливое, неполное право собственности, подверженное, какъ мы выше видѣли, множеству частныхъ, нелѣпыхъ имущественныхъ ограниченій въ пользу прежняго владѣльца,— ограниченій, служившихъ неизсякаемымъ источникомъ вещественныхъ столкновеній между владѣльцемъ и крестьяниномъ; средневѣковыя отношенія ихъ пали, не замѣнившись учрежденіями мѣстнаго административнаго патронатства первыхъ надъ послѣдними, не развязавши взаимно связывавшій ихъ узелъ отношеній, чисто гражданскихъ, имущественныхъ. Непредусмотрительная беззаботность или бездарность Французскаго правительства предоставила насильственнымъ переворотамъ конца XVIII-го вѣка сокрушить эти остатки древняго учрежденія къ ущербу дворянства, лишеннаго справедливаго вознагражденія. Такимъ образомъ конецъ XVIII-го вѣка во Франціи далеко не размножилъ вдругъ въ неслыханныхъ размѣрахъ мелкую поземельную собственность, но только освободилъ ее отъ всѣхъ лежавшихъ на ней тягостей, возвелъ ее на степень полной юридической собственности, и далъ ей то прочное и крѣпкое устройство, которое не такъ давно дозволило Французскому обществу побѣдоносно выйти изъ грозившаго ему въ 1848 году соціальнаго переворота.

Средневѣковыя, феодальныя отношенія, сказали мы выше, рушились во Франціи и повлекли за собою паденіе дворянскаго сословія. Чѣмъ объясняется это явленіе, и почему не повторилось тоже самое въ сосѣдственной Англіи? Отъ чего въ Англіи дворянство сохранило всеобщее къ се-

бѣ уваженіе и любовь народную, и отъ чего утратило оно ихъ невозвратно во Франціи? Мы уже имѣли выше случай представить на это частный отвѣтъ Монталамбера; Токвиль дополнитъ этотъ отвѣтъ. Въ его глазахъ всякая аристократія, чтобы быть прочною и уваженною обществомъ, должна принимать серьезное участіе въ дѣлѣ управленія, по крайней мѣрѣ мѣстнаго; она не столько должна пользоваться какими-либо исключительными преимуществами или изъятіями изъ общихъ тягостей народныхъ, изъятіями, которыя часто падаютъ на нее тяжелымъ укоромъ, сколько должна быть допущена къ дѣятельному участію въ управленіи, къ дѣятельному вспомоществованію центральному правительству въ завѣдываніи мѣстными интересами. „Когда дворянство, говоритъ онъ, не только пользуется нѣсколькими привиллегіями, но еще имѣетъ положительную власть и принимаетъ участіе въ управленіи, тогда его особенныя преимущества становятся менѣе замѣтны для народа, и могутъ безъ особенной опасности быть расширены. Въ эпоху феодализма народъ нѣкоторымъ образомъ глядѣлъ на дворянство какъ на правительство: онъ безропотно сносилъ тягости, дворянствомъ на него налагаемыя, потому что съ другой стороны получалъ отъ него немалое обезпеченіе. Дворянство пользовалось, правда, нѣкоторыми стѣснительными преимуществами и тягостными правами; но за то оно хранило общественный порядокъ, чинило судъ и расправу, наблюдало за исполненіемъ закона, брало подъ свою защиту бѣдныхъ и слабыхъ, словомъ, заправляло общественными дѣлами. По мѣрѣ того, какъ правительство стало отдалять дворянство отъ всѣхъ этихъ дѣлъ, невыносимѣе стало для народа безцѣльное бремя его исключительныхъ преимуществъ, и самое продолженіе его существованія сдѣлалось какимъ-то непонятнымъ анахронизмомъ“ [1]).

Одновременно съ постепеннымъ изглаживаніемъ аристократическихъ вліяній дворянства на дѣло мѣстнаго управленія, Токвиль усматриваетъ въ древнемъ быту постепенное зарожденіе централизаціи и развитіе ея въ ущербъ мѣстной жиз-

---

1) Tocqueville „l'Ancien Régime“, p. 70.

ни, подъ вліяніемъ усиливающейся власти королевской: онъ утверждаетъ, вопреки общепринятому мнѣнію и вопреки словамъ самого Тьера, что сосредоточеніе государственнаго управленія есть коренное учрежденіе древней дореволюціонной Франціи, а отнюдь не пріобрѣтеніе и не плодъ революціи или генія Наполеонова; и говоритъ, что изо всѣхъ старыхъ учрежденій Франціи оно одно пережило революцію, ибо одно оно могло быть соглашено съ новымъ общественнымъ бытомъ, ею созданнымъ. На первый взглядъ Франція XVIII-го вѣка является какъ бы усѣянною независимыми мѣстными учрежденіями, въ отдѣльныхъ областяхъ встрѣчаются часто даже наслѣдственные намѣстники (gouverneurs), люди большею частію знатнаго происхожденія. На дѣлѣ совершенно иное: намѣстникамъ этимъ оставлена лишь тѣнь прежней ихъ власти, лишь внѣшній блескъ и почетъ: все завѣдываніе дѣлами сосредоточено въ Королевскомъ Совѣтѣ, Conseil du Roi, составленномъ изъ людей происхожденія весьма посредственнаго, но съ малолѣтства пріобыкшихъ къ дѣловой практикѣ; такъ называемый contrôleur-général, членъ этого совѣта, есть главный и безотвѣтственный распорядитель всѣми безъ исключенія дѣлами внутренняго управленія, вмѣщая въ себѣ власть нынѣшнихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, публичныхъ работъ, и пр. Изъ числа второстепенныхъ и младшихъ членовъ Королевскаго Совѣта онъ назначаетъ въ отдѣльныя области управителей или индендантовъ (intendants), которые въ данной мѣстности опять сосредоточиваютъ въ своемъ лицѣ всю власть Совѣта; они зависятъ единственно отъ Совѣта и въ особенности отъ государственнаго контролера, и управляютъ всѣми дѣлами въ званіи совѣтскихъ коммисаровъ (commissaires départis), часто живя рядомъ съ намѣстниками, представителями отжившаго начала, и почти не имѣя съ ними дѣловыхъ сношеній. Королевскій Совѣтъ производитъ раскладку по областямъ податей и рекрутъ, требуемыхъ для милиціи, и ежегодно отряжаетъ для обозрѣнія областей королевства множество инспекторовъ, поручая однимъ высшее наблюденіе за гражданскими инженерными работами, другимъ—главный надзоръ за теоретическимъ усовершенствованіемъ земледѣлія и

промышленности. Въ свою очередь областной интендантъ производитъ на мѣстѣ податную раскладку между отдѣльными приходами своей области (province), и поручаетъ какъ всѣ эти сборы, такъ и мѣстное производство общественныхъ работъ и завѣдываніе полицейскою командою (или maréchaussée) чиновникамъ, непосредственно имъ самимъ назначаемымъ и отъ него зависящимъ. Эти чиновники, завѣдывающіе какъ бы уѣздами (canton), носятъ названіе субделегатовъ (subdélégués), и также произвольно могутъ быть смѣнены высшею властію, какъ и самъ интендантъ, и всѣ члены Королевскаго Совѣта, и контролеръ. Старыя мѣстныя власти—le seigneur, le grand voyer, les bureaux de finances, les trésoriers de France, и пр., сохранили лишь названія свои и нѣкоторые ничтожные аттрибуты и занятія; все существенное въ управленіи, плодъ развитія новаго общества, постепенно перешло въ новыя руки. Даже судебная власть, хотя и крѣпче всѣхъ другихъ организованная, мало по малу вырывается Королевскимъ Совѣтомъ изъ рукъ парламентовъ и старыхъ судебныхъ мѣстъ, непрестанно ограничиваемыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ указами Королевскаго Совѣта (arrêts du Conseil), уничтожающими распоряженія первыхъ и вводящими новые уставы, дѣйствіе которыхъ распространяется имъ на все безъ исключенія королевство. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же государствѣ мало по малу образовались другъ возлѣ друга двѣ, какъ бы другъ отъ друга независимыя и другъ другу чуждыя, системы управленія: одна, съ трудомъ сохраняющая въ дряблыхъ рукахъ своихъ кое-какіе остатки дѣлъ обветшалыхъ и забытыхъ, всегда основывающая притязанія свои на какой-либо стародавней привиллегіи, являющаяся въ новомъ обществѣ какою-то отжившею формою, лишенною содержанія; другая—молодая, могучая, властолюбивая, все ищущая въ себѣ сосредоточить и поглотить, смѣло врѣзывающаяся въ тѣсную область первой или разростающаяся и раскидывающая молодыя вѣтви свои по всему государству, самонадѣянно мечтающая, что ею одною можетъ общество быть спасено, что ей одной принадлежитъ исключительная и полная надъ нимъ опека.

Вотъ почему знаменитый Шотландецъ Ло, бывшій самъ государственнымъ контролеромъ, имѣлъ полное право сказать: „Я никогда не повѣрилъ бы всему этому прежде; знайте же, вся ваша Франція находится исключительно въ рукахъ тридцати областныхъ интендантовъ. Вы въ сущности не имѣете ни парламентовъ, ни провинціальныхъ штатовъ, ни намѣстниковъ; отъ тридцати рекетмейстеровъ Королевскаго Совѣта зависитъ благосостояніе или злополучіе вашихъ областей, ихъ богатство или безплодіе“ [1]).

Этимъ областнымъ начальникамъ правительство поручало даже все дѣло мѣстнаго призрѣнія неимущихъ и нуждающихся, оставшееся совершенно чуждымъ участію и вліянію мѣстныхъ сословій. Мало того, „правительство хотѣло даже черезъ нихъ научить крестьянина лучшему средству обогатиться; оно старалось помогать ему въ томъ и подчасъ было не прочь отъ принудительныхъ къ тому мѣръ. Для этого оно отъ времени до времени поручало областному начальству безденежную раздачу крестьянамъ печатныхъ руководствъ земледѣльческихъ, основывало сельско-хозяйственныя общества, назначало преміи и награды, цѣною огромныхъ расходовъ содержало разсадники и питомники разныхъ растеній и производило безденежную раздачу ихъ. Казалось, легче и полезнѣе было бы облегчить несносное бремя тяжестей, подавлявшихъ въ то время земледѣліе, и разномѣрнѣе распредѣлить ихъ между сословіями; но объ этомъ рѣшительно никто не помышлялъ“ [2]).

Отдѣльныя общины королевства, городскія и сельскія, также лишены были всякой свободы самоуправленія. До 1692 года первыя сохраняли по крайней мѣрѣ право избирать свое начальство или такъ называемый corps de ville (городскую думу) и предсѣдательствовавшаго въ немъ мера или голову. Способъ избранія былъ далеко несовершененъ и обусловливался олигархическимъ устройствомъ городскаго общества, въ которомъ постепенно переродилась прежняя свободная и живая жизнь средневѣковыхъ общинъ. Всѣ интенданты едино-

---

[1]) Id. p. 79.
[2]) Id. p. 86.

гласно свидѣтельствовали объ этомъ злоупотребленіи передъ правительствомъ, но находили лишь одно средство для исцѣленія его—все большее и большее порабощеніе городовъ центральному управленію. Король съ своей стороны нуждался въ деньгахъ. Такимъ образомъ въ 1692 году были внезапно во всей Франціи отмѣнены городскіе выборы, и городскія должности назначены въ распродажу; право выборовъ возвращено лишь тѣмъ изъ городовъ, которые поспѣшили уплатить въ казну полную стоимость назначенныхъ въ распродажу мѣстныхъ должностей. Эта позорная финансовая операція повторялась 7 разъ въ теченіи послѣдующихъ 80 лѣтъ и стоила городамъ несмѣтныхъ суммъ; одна провинція Лангедокская заплатила въ 1773 году выкупу за городскія должности свои 4,000,000 франковъ тогдашнею монетою. Въ селахъ, благодаря ихъ крайней бѣдности и ничтожности, сохранилось старое демократическое устройство общины, и осталось неприкосновеннымъ ея право избирать себѣ двухъ обычныхъ начальниковъ своихъ—сборщика податей и синдика или старосту; но за этою внѣшностію свободныхъ формъ скрывалось полное и самое грубое самовластіе мѣстныхъ правителей, на дѣлѣ безотчетно распоряжавшихся выборомъ и смѣною общинныхъ начальниковъ. „Нельзя представить себѣ, говоритъ Токвиль, положенія бѣдственнѣе участи этихъ несчастныхъ. Самый ничтожный коронный чиновникъ, субделегатъ, заставлялъ ихъ подчиняться малѣйшимъ своимъ капризамъ: онъ безпрестанно приговаривалъ ихъ къ уплатѣ пеней, часто даже произвольно сажалъ ихъ въ тюрьму... Поэтому и самое несеніе общественной должности разсматривалось въ то время далеко не какъ почесть, а какъ невыносимая тягость, которой всякій и всячески старался избѣгнуть“ *). Мѣстные правители были безсильны сами оказать въ нужномъ случаѣ общинѣ спасительную помощь и избавить ее отъ раззорительныхъ проволочекъ. „Даже въ случаѣ единогласнаго рѣшенія общины, она безъ разрѣшенія Королевскаго Совѣта не могла ни обложить себя новымъ налогомъ для своихъ мѣстныхъ нуждъ, ни продать, ни купить, ни на-

*) Id. p. 100. 101.

нять, ни тягаться. Необходимо нужно получить указъ Совѣта, чтобы приступить къ починкѣ церковной ограды, или церковной кровли, сорванной вѣтромъ. Самая отдаленная отъ Парижа община, даже сельская, была подчинена тѣмъ же формальностямъ. Мнѣ не разъ случалось читать просьбы королю, коими общины выпрашивали себѣ позволеніе издержать на свои нужды 25 франковъ.... Между тѣмъ дѣлопроизводство, сопряженное съ страшною письменностію, шло такъ медленно, что я не встрѣчалъ ни одного случая, гдѣ разрѣшеніе воспослѣдовало бы ранѣе какъ черезъ годъ; почти всегда приходилось ждать два и три года" [1]). За то мѣстный правитель имѣлъ полное право не разрѣшить жителямъ города или селенія собраться для совѣщанія о своихъ дѣлахъ и могъ вмѣшиваться во всѣ малѣйшія внутреннія распоряженія города; такъ, напримѣръ, онъ въ извѣстные дни самъ предписывалъ изъявленія общественной радости, приказывалъ зажигать огни и украшать дома иллюминаціями [2]). О, если бы, по крайней мѣрѣ, восклицаетъ Токвиль, эта строгая подчиненность городовъ спасала бы ихъ финансы! Но и того никакъ нельзя сказать. Увѣряютъ, что безъ благотворнаго дѣйствія централизаціи города немедленно должны раззориться; право не знаю; но достовѣрно то, что въ XVIII-мъ вѣкѣ централизація вовсе не достигала этой цѣли. Вся исторія управленія того времени полна доказательствъ того страшнаго безпорядка, въ которомъ находились ихъ дѣла" [3]).

Среди этого административнаго хаоса Токвиль различаетъ нѣкоторыя какъ бы родовыя черты, общія всѣмъ чиновникамъ того времени: прежде всего поражаетъ его „безотчетная ненависть, которую внушаютъ имъ всѣ тѣ люди безъ различія, дворяне ли они или члены средняго сословія, которые, не принадлежа сами къ администраціи, хотятъ заняться общественными дѣлами. Имъ и страшно, и докучно малѣйшее общество, желающее составиться безъ ихъ со-

---

[1]) Id. p. 100. 118.
[2]) Id. p. 94.
[3]) Id. p. 95.

дѣйствія, каковы бы ни были его цѣли; они допускаютъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя ими самими учреждены, или въ коихъ они сами предсѣдательствуютъ. Они не сочувствуютъ даже большимъ промышленнымъ компаніямъ"... [1]). Съ другой стороны замѣчательны сужденія низшихъ чиновниковъ, напримѣръ субделегатовъ, о подвѣдомственныхъ имъ людяхъ; въ донесеніяхъ своихъ высшему начальству они никогда не преминутъ побранить крестьянина и выразить о немъ самое невыгодное мнѣніе: „крестьяне, говорятъ они всегда въ такихъ случаяхъ, суть естественные лѣнтяи, и они никогда не станутъ работать, если не принудитъ ихъ къ тому нужда" [2]).

Наконецъ, главные начальники уже заражены въ древней Франціи неизлечимою страстію къ собиранію множества безпутныхъ, невѣрныхъ и ничего недоказывающихъ статистическихъ данныхъ и къ сосредоточенію въ рукахъ своихъ всѣхъ ничтожныхъ мелочей управленія. „Въ министрахъ уже зародилась мысль собственными глазами вникать въ подробности каждаго дѣла и все рѣшать самимъ, не выѣзжая изъ Парижа. Страсть эта усиливается и разрастается по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени совершенствуется самое управленіе. Около конца XVIII-го вѣка уже ни одно благотворительное заведеніе не можетъ быть учреждено въ областной глуши безъ личнаго вмѣшательства государственнаго контролера въ опредѣленіи расходовъ его, въ начертаніи для него устава и избраніи для него приличнаго помѣщенія. Онъ хочетъ въ точности знать имя каждаго нищаго, принимаемаго въ рабочій домъ, день его вступленія и день выхожденія"... [3]). Дѣло доходитъ до того, что уже въ 1733 году у одного государственнаго человѣка невольно вырывается слѣдующее знаменательное признаніе: „Подробности, сосредоточивающіяся въ рукахъ министровъ, чрезмѣрны. Ничего безъ нихъ не дѣлается, и если всевѣдѣніе ихъ не равняется ихъ всемогуществу, то они по неволѣ

---

[1]) id. p. 121.
[2]) id. p. 119.
[3]) id. p. 117.

принуждены предоставлять все на рѣшеніе своихъ дѣлопроизводителей, которые становятся настоящими хозяевами" [1]).

И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ царитъ чувство глубокаго неуваженія къ закону. Дѣльныхъ и трудныхъ преобразованій правительство вообще не предпринимаетъ вовсе или, по крайней мѣрѣ, немедленно покидаетъ ихъ; но за то по всѣмъ возможнымъ частямъ, королевскіе эдикты слѣдуютъ за эдиктами, уставы за уставами; чиновники не успѣваютъ вытверживать самаго для себя необходимаго въ ежедневно выходящихъ новыхъ постановленіяхъ; законы вообще крайне строги, но приложеніе ихъ вяло, терпитъ тысячи изъятій и исключеній, и пораждаетъ еще болѣе злоупотребленій и неудовольствій [2]).

Съ другой стороны, администрація Французская громко обнаруживаетъ самое отъявленное неуваженіе къ праву частной собственности гражданъ и легкомысленное презрѣніе къ соблюденію загробной воли завѣщателей, когда послѣдніе опредѣляютъ имѣніе свое на цѣли общественной благотворительности. Такъ эдиктъ 1780 года разрѣшилъ всѣмъ благотворительнымъ учрежденіямъ продать всѣ разновременно и на различныхъ условіяхъ завѣщанныя имъ частными людьми имѣнія, и повелѣлъ вырученные капиталы передать въ королевское казначейство, обязавъ послѣднее съ нихъ выплачивать ежегодные проценты. Но еще до этого бо̀льшая часть имѣній, принадлежавшихъ этимъ заведеніямъ, уже неоднократно была отклоняема отъ первоначальной цѣли, предположенной завѣщателями, безпрестанно передаваясь въ силу указовъ Королевскаго Совѣта отъ однихъ заведеній, казавшихся слишкомъ богатыми, въ вѣдомство и пользованіе другихъ, менѣе обезпеченныхъ. Всѣхъ самопроизвольнѣе дѣйствовало во Франціи управленіе путей сообщеній. „Когда во второй половинѣ XVIII-го вѣка, говоритъ Токвиль, распространился вкусъ къ общественнымъ работамъ и преимущественно къ благоустроеннымъ дорогамъ, управленіе это нимало не затруднилось захватить необходимыя ему

---

[1]) id. p. 118.
[2]) id. p. 124—127.

земли и стало безъ милосердія разрушать дома, лежавшіе по предположеннымъ путямъ. Уже въ то время безусловно прельщалось это управленіе геометрическимъ изяществомъ прямолинейныхъ направленій; оно тщательно избѣгало существующихъ торныхъ дорогъ и малѣйшему изгибу предпочитало самопроизвольное перерѣзываніе тысячи мелкихъ владѣній. За захваченные такимъ образомъ участки казначейство или расчитывалось поздно и по произвольнымъ оцѣнкамъ, или, и всего чаще, не расплачивалось вовсе. Областной сеймъ Низменной Нормандіи, принимая дѣла отъ интенданта, нашелъ всѣ подобныя вознагражденія еще неуплаченными казною за цѣлыхъ 20 послѣднихъ годовъ" *). Вознагражденія эти выплачивались исправо только въ тѣхъ немногихъ областяхъ Французскихъ, которыя, подъ названіемъ pays d'états, пользовались самостоятельными учрежденіями, историческими развалинами своего прежняго независимаго быта.

Такихъ областей во всей Франціи было всего только пять; между ними лучшимъ устройствомъ пользовался Лангедокъ и потому находился, сравнительно со всею остальною Франціею, въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Токвиль съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на описаніи царствовавшаго въ немъ благоденствія: барщина, во всей остальной Франціи исключительно употреблявшаяся на подъемъ военныхъ тяжестей, на перевозку корабельнаго лѣса, на починку дорогъ, постройку казармъ и доставленіе ссыльныхъ и нищихъ къ мѣсту ихъ назначенія, эта тяжелая барщина была въ Лангедокѣ неизвѣстна, будучи издавна переведена тамъ на деньги; дороги и каналы находились въ отличномъ состояніи; цѣлая сѣть ихъ задумывалась и выполнялась въ огромныхъ размѣрахъ, ежегодно поглощая до 2,000,000 ливровъ, добровольно жертвовавшихся на этотъ предметъ самою провинціею. Эти производительныя работы замѣняли въ ней казенныя заведенія для нищихъ, извѣстныя подъ именемъ ateliers de charité, и сберегали такимъ образомъ значительные расходы на сей предметъ королевской казны;

*) Id. p. 311, 312

наконецъ, въ затруднительныхъ случаяхъ Лангедокъ приходилъ собственными своими областными средствами на помощь разстроеннымъ государственнымъ финансамъ, которые въ послѣднее время задолжали ему 73,200,000 ливровъ.

Чѣмъ объяснить такое неслыханное въ древней Франціи процвѣтаніе отдѣльной области? Токвиль видитъ въ немъ естественное и необходимое послѣдствіе существованія въ Лангедокѣ независимыхъ провинціальныхъ учрежденій и предоставленія центральною властію всѣхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, всей внутренней раскладки податей и надзора за общественными предпріятіями, областнымъ Лангедокскимъ штатамъ, состоявшимъ изъ 92 членовъ, изъ коихъ 46 депутатовъ средняго сословія, 23 епископа и 23 депутата отъ дворянства. Способъ собиранія ихъ и дѣлопроизводство, даже самый ихъ составъ, все было въ нихъ далеко неудовлетворительно; и, должно признаться, королевская власть мало заботилась объ усовершенствованіи ихъ, всегда видя въ областныхъ собраніяхъ орудіе докучливое и недовольно гибкое въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Но уже и этого несовершеннаго учрежденія, этого всегда присущаго и озаряющаго пути мѣстнаго интенданта *свѣтоноснаго фокуса*, какъ называетъ его Токвиль, было достаточно, чтобы спасти Лангедокъ отъ многихъ невольныхъ промаховъ и предотвратить или исправить многія ошибочныя дѣйствія центральной Французской администраціи. — Мы видѣли, что крайнею поворотною точкою новѣйшей Французской исторіи Токвиль полагаетъ самую середину XVIII в. Любопытно знать, откуда беретъ онъ древнѣйшую первоначальную точку раздвоенія между исторіею Франціи и исторіею Англіи, ту исходную точку, которая обусловила все позднѣйшее развитіе первой, сообщила ей свой особенный, спеціальный характеръ, и на вѣки раздвоила внутреннюю жизнь двухъ народовъ и двухъ обществъ, колыбели которыхъ такъ близко другъ отъ друга стояли въ началѣ ихъ политическаго поприща. Прислушаемся къ словамъ самого Токвиля. „Въ XIV-мъ вѣкѣ, говоритъ онъ, юридическая пословица—n'impose qui ne veut (въ другихъ словахъ: народъ можетъ быть обложенъ лишь тѣми податьми, на которыя онъ самъ изъявилъ согласіе)—

также крѣпко соблюдалась во Франціи, какъ и въ самой Англіи. Генеральные Штаты часто напоминали о ней, дѣйствовать вопреки ей казалось всякому чрезмѣрнымъ превышеніемъ власти; строгое соблюденіе ея было, напротивъ, дѣломъ твердаго обычая. Въ то время встрѣчается, какъ уже выше сказано, множество аналогій между учрежденіями Французскими и Англійскими; но тутъ развѣтвляются историческія судьбы обоихъ народовъ, и отселѣ они постоянно болѣе и болѣе между собою расходятся по мѣрѣ того, какъ подвигаются впередъ. Мы легко можемъ представить ихъ себѣ двумя прямыми линіями, исходящими изъ двухъ сосѣдственныхъ точекъ, но движущимися по двумъ различнымъ склонамъ, такъ что всякое дальнѣйшее движеніе ихъ впередъ еще болѣе удаляетъ ихъ другъ отъ друга. Я утверждаю, что зародышъ всѣхъ недостатковъ и почти всѣхъ злоупотребленій, которые въ послѣдствіи постоянно точили древній бытъ Франціи и окончательно привели его къ насильственной развязкѣ, былъ положенъ въ тотъ день, когда народъ, утомленный безконечными неурядицами, ознаменовавшими эпоху плѣна короля Іоанна и безумія Карла VI, позволилъ королямъ налагать на него подати, не испрашивая на то общественнаго согласія; а дворянство, движимое своекорыстіемъ, допустило изоброченіе средняго сословія, лишь бы ему самому избѣгнуть налога. Навольно удивляешься замѣчательной проницательности Филиппа де-Комина, уже сказавшаго: Charles VII qui gagna ce point d'imposer la taille à son plaisir, sans le consentement des états, chargea fort son âme et celle de ses successeurs, et fit à son royaume une plaie qui longtemps saignera *).

Токвиль развиваетъ передъ читателемъ подробную и въ высшей степени любопытную картину всѣхъ злоупотребленій, постепенно вкравшихся въ финансовое управленіе древней Франціи и превратившихся тамъ, наконецъ, въ общее и неизмѣнное правило. Онъ указываетъ на гибельныя послѣдствія чрезмѣрнаго развитія, даннаго прямому налогу, и въ особенности налогу, извѣстному подъ именемъ taille, тя-

*) Id. p. 175.

гостнѣйшему и безобразнѣйшему изъ всѣхъ по самому сп
собу раскладки; онъ указываетъ далѣе на введеніе прода
ности служебныхъ должностей, въ 1664 году уже достави
шей казнѣ страшную сумму 500 милліоновъ ливровъ;
распродажу правъ дворянства, многократно послѣ того опя
отбиравшихся правительствомъ у покупщиковъ, чтобы заст
вить ихъ вновь поплатиться за нихъ въ другой и въ тре
разъ; наконецъ, на множество другихъ финансовыхъ прод
локъ, подкопавшихъ въ народѣ подъ самый корень всяк
уваженіе и всякое довѣріе къ королевскому казначейству
къ его финансовымъ дѣйствіямъ. Мы заключимъ нашъ кра
кій обзоръ вредныхъ послѣдствій централизаціи въ древн
Франціи характеристическимъ разсказомъ, встрѣчаемымъ н
ми у Токвиля. Двумъ просвѣщеннымъ сановникамъ, госп
дамъ Орри и Трюдену, изъ которыхъ одинъ былъ въ
время государственнымъ контролеромъ, а другой—глав
управляющимъ путей сообщенія, пришло на мысль по в
Франціи замѣнить денежнымъ сборомъ барщинскую рабо
сходившую съ крестьянъ на исправленіе дорогъ. Они д
го думали и гадали, и наконецъ вовсе отложили испол
ніе своего намѣренія: ихъ испугала мысль, что, по сбо
денегъ, невозможно будетъ упасти ихъ отъ государств
наго казначейства, которое непремѣнно растратитъ ихъ
свои нужды, и бѣдные крестьяне, заплативъ положенн
сборъ, принуждены будутъ еще сверхъ того исправить
винность натурою.

Другая, по мнѣнію Токвиля, существеннѣйшая язва др
ней Франціи, тѣсно связанная съ первою, это—разрозн
ность сословій, политическое ихъ другъ отъ друга отчуж
ніе. Въ концѣ XVIII-го вѣка, всѣ образованные Француз
какъ бы они ни назывались въ обществѣ—дворянами,
аббатами, или мѣщанами (bourgeois), въ сущности чрез
чайно, хотя и безсознательно, походили другъ на дру
они заимствовали просвѣщеніе у одного и того же источ
ка, имѣли однѣ и тѣ же привычки, одни вкусы, цѣн
одни удовольствія и читали одни и тѣ же книги; быть п
виціальный и городовой, поддерживавшій столько особен
стей жизни, давно изсякъ, и всѣ Французы были въ ка

ствѣ гражданъ, равно безучастны въ дѣлѣ общественномъ. Это безразличное и несознанное единство ихъ жизни уже какъ бы просвѣчивало сквозь сохранившіяся внѣшнія отличія; оно издавна подготовлено было единствомъ государственнымъ, и для внѣшняго своего выраженія оно ожидало какъ бы только той законодательной формулы, которая должна была быть выговорена революціею. Но время, сгладившее личныя различія между Французами, съ одной стороны раздѣлило ихъ другъ отъ друга множествомъ искусственныхъ преградъ, съ другой—разрушило всѣ прежде существовавшія точки соприкосновенія ихъ между собою въ политической жизни. Въ началѣ XIV-го вѣка было не то: дворяне мало походили на людей средняго сословія, но оба сословія, какъ учрежденія политическія, часто сходились и въ провинціальныхъ собраніяхъ, и въ генеральныхъ штатахъ; они легко и скоро другъ друга понимали, имѣли общіе интересы и охотно защищали ихъ, крѣпко вообще стояли другъ за друга, и умѣли быстро и крѣпко соглашаться въ дѣлѣ общественнаго устроенія. Токвиль приводитъ замѣчательные тому примѣры, почерпнутые изъ исторіи областныхъ учрежденій Франціи—въ Оверни и въ Шампаньи. Срамъ первой измѣны общему дѣлу падаетъ въ томъ же XIV-го вѣкѣ, какъ мы выше видѣли, на Французское дворянство: оно первое предало интересы общества, поддавшись на искусно предложенное искушеніе и промѣнявъ на личное изъятіе отъ налога высокое положеніе свое въ совокупной жизни народа. Это изъятіе отъ налога, эти исключительныя преимущества, лишенныя нравственной опоры въ политическомъ значеніи дворянства, постепенно образовали между нимъ и прочими сословіями цѣлую, неудобопроходимую бездну; отселѣ сословія отдѣлились другъ отъ друга постоянными, внѣшними, всегда наглядными, всегда памятными, неизгладимыми признаками, ежедневно получавшими въ обыденной жизни все большее и большее значеніе и развитіе. Съ совершеннымъ упадкомъ Генеральныхъ Штатовъ и провинціальныхъ учрежденій, дворянство лишилось единственнаго случая встрѣчаться въ жизни съ среднимъ сословіемъ. Въ ту роковую минуту, когда депутаты отъ трехъ политическихъ состояній Франціи опять

встрѣтились, наконецъ, въ послѣдніе дни XVIII-го вѣка, они сошлись, схожіе между собою во всей внутренней и внѣшней жизни, и внесли съ собою въ послѣдніе Генеральные Штаты почти одинаковыя требованія политическія; но въ теченіи предшествовавшихъ трехъ вѣковъ они глубоко и неизлѣчимо научились другъ друга ненавидѣть или презирать, и среднее сословіе въ свою очередь не усумнилось предпочесть теорію всеобщаго равенства настойчивому требованію личной, существенно огражденной, свободы.

Еще ярче отдѣлилась Французская аристократія отъ крестьянъ. Мы уже видѣли, что она отказалась отъ всякаго участія въ ихъ общинныхъ дѣлахъ и не умѣла собственнымъ начинаніемъ вызвать и основать какое либо мѣстное политическое учрежденіе, гдѣ оно могло бы стать во главѣ мѣстной жизни и взять подъ свое храненіе мѣстное сиротствующее народонаселеніе. Напротивъ, она довольствовалась исправнымъ сборомъ съ прежнихъ вассаловъ своихъ феодальныхъ доходовъ; и когда надоѣла ей жизнь сельская, когда города, съ ихъ пышною, разнообразною и легкомысленою жизнію, разставили передъ нею свои обманчивые призраки, она густою вереницею покинула родные очаги, поручила наемникамъ щепетильное взысканіе оброковъ и спѣшила занять въ передней временщиковъ выгоднѣйшія, не легко достающіяся мѣста. Короли Французскіе сперва поощряли это выгодное для себя движеніе; въ послѣдствіи они опомнились и разными искусственными мѣрами, разными личными распоряженіями, старались предотвратить зло. Эти распоряженія не помогли, нужно было бы измѣнить всю систему. „Главная и существенная причина этого явленія, говоритъ Токвиль, коренилась въ медленномъ, но постоянномъ дѣйствіи самихъ учрежденій, а не въ личной волѣ и не въ преходящемъ расположеніи нѣсколькихъ людей; лучшее тому доказательство—то, что, когда въ XVIII-мъ вѣкѣ само правительство захотѣло искоренить зло, оно, при всей доброй волѣ своей, не успѣло даже замедлить его развитіе. Переселеніе дворянства въ города постоянно усиливалось въ той же самой мѣрѣ, въ какой исчезали мѣстныя учрежденія и въ какой дворянство утрачивало нѣкоторыя политическія права

свои, не пріобрѣтая новыхъ. Отселѣ стало уже ненужнымъ поощрять дворянъ къ покиданію селъ: они сами не хотѣли въ нихъ долѣе жить; имъ въ нихъ стало невыносимо скучно" [1]).

Покинутыя низшія сословія платили за это аристократіи или скрытною ненавистію, или явнымъ и неизлѣчимымъ равнодушіемъ. Глубокій тайникъ ихъ души оставался непроницаемо закрытымъ для взора, имъ чужаго. „Мы, говоритъ Токвиль, съ той точки, гдѣ мы теперь находимся, ясно и осязательно сознаемъ эти вещи; но современники ихъ не провидѣли. Вообще люди высшаго состоянія могутъ лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ достигнуть до того, чтобы ясно разсмотрѣть сокровенныя явленія души простолюдина и особенно души крестьянина. Близкое къ природѣ воспитаніе его и образъ жизни раскрываютъ ему на здѣшній міръ такіе ему одному свойственные виды, которые всякому другому остаются на вѣки недоступными. Но когда богатый и бѣдный лишены всякаго общаго интереса, когда они не живутъ одною жизнію, не волнуются общимъ чувствомъ или вѣрованіемъ: тогда эта тьма, взаимно скрывающая другъ отъ друга ихъ созерцанія, становится густымъ непроницаемымъ мракомъ, и эти два человѣка могутъ всю жизнь провести рядомъ, никогда не понявъ другъ друга" [2]).

Не менѣе были отдѣлены отъ сельскаго народонаселенія и люди средняго сословія. Да и въ собственной своей средѣ городовое мѣщанство дробилось на множество отдѣльныхъ и всегда враждебныхъ между собою корпорацій, внутреннія распри которыхъ значительно облегчали короннымъ чиновникамъ присвоеніе себѣ преобладающаго вліянія на рѣшеніе дѣлъ городскихъ. Внутри городскихъ общинъ развивалось постоянное стремленіе къ образованію смѣшныхъ и безцѣльныхъ маленькихъ олигархій. Съ близъ лежащими деревнями города находились въ безпрерывной и непримиримой враждѣ, вызывавшей даже вмѣшательство правительства и засвидѣтельствованной намъ Тюрго, который самъ имѣлъ случай наблюдать это любопытное явленіе въ то время, какъ былъ

---

[1]) Id. p. 210.
[2]) Id. p. 227.

Лиможскимъ интендантомъ и впослѣдствіи государственнымъ контролеромъ. Разбогатѣвшіе мѣщане охотно покупали себѣ земли на деревнѣ; но, избѣгая неразумной раскладки прямаго налога (taille), никогда не оставались жить въ своихъ помѣстьяхъ, также довольствовались однимъ сборомъ съ нихъ доходовъ и наравнѣ съ родовыми дворянами спѣшили уйти въ города. Съ другой стороны они хотѣли, во что бы ни стало, отличиться отъ своихъ собратій, добивались на подобіе дворянъ изъятій отъ податей и повинностей, по чему-либо считавшихся въ тогдашнемъ обществѣ унизительными, и расточали трудомъ нажитые капиталы на покупку себѣ дворянскихъ дипломовъ или должностей, держа всегда на готовѣ для финансовыхъ операцій государственнаго контролера неистощимый запасъ тщеславія и столько же неисправимаго, сколько постоянно наказываемаго, легковѣрія.

Невозможно лучше завершить все, нами сказанное, какъ словами администратора философа Тюрго, взятыми изъ тайной записки, составленной имъ для короля: „Франція есть общество, составленное изъ различныхъ плохо сомкнутыхъ сословій и народа, члены котораго не имѣютъ между собою никакой связи, и въ которомъ слѣдовательно всякій человѣкъ исключительно занятъ своими личными выгодами. Между городами и селами царствуетъ такое же отсутствіе всякихъ политическихъ отношеній, какъ и между округами, къ коимъ они принадлежатъ. Имъ не позволено даже совѣщаться между собою о необходимыхъ общественныхъ работахъ, которыя могутъ быть предприняты лишь совокупными силами. Среди этой всеобщей неурядицы, Ваше Величество принуждены все рѣшать сами или черезъ вашихъ чиновниковъ. Чтобы осмѣлиться содѣйствовать общему благу, чтобъ не нарушить чужаго права, весьма часто даже для того, чтобъ смѣть воспользоваться собственнымъ своимъ правомъ, всякій ожидаетъ особеннаго приказанія отъ Вашего Величества“ [1]).

Впрочемъ всю печальную картину этого быстро отживавшаго быта читатель долженъ самъ прочесть въ книгѣ Ток-

[1]) Id. p. 187.

виля. Онъ найдетъ въ ней еще множество въ высшей степени замѣчательныхъ страницъ, изображающихъ почти всѣ стороны древней политической жизни Франціи: развившуюся въ ней страсть къ занятію общественныхъ служебныхъ должностей, упадокъ благосостоянія крестьянскаго сословія, худыя послѣдствія личныхъ изъятій отъ податей, мелкопомѣстность и бѣдность дворянства, губительное для Франціи сосредоточеніе всѣхъ живыхъ силъ его въ Парижѣ, историческое образованіе такъ называемой административной юстиціи, наконецъ тѣ сверхъестественные размѣры, въ которые революція XVIII-го вѣка, сокрушивъ всѣ старыя учрежденія, естественно и необходимо должна была облечь центральное управленіе. Мы удовольствовались бѣглымъ указаніемъ на одни главныя, существеннѣйшія явленія стараго быта. Счастливыми почтемъ себя, если хоть сколько нибудь успѣемъ возбудить или усилить въ обществѣ разумное сочувствіе къ просвѣщенному, единственному, нынѣ возможному, консерватизму двухъ замѣчательныхъ публицистовъ современной Франціи.

Токвиль обѣщаетъ намъ продолженіе своего труда. Въ немъ онъ долженъ изобразить тотъ практическій выводъ, который слѣдуетъ изъ его историческихъ изслѣдованій и изъ его наблюденій надъ современностію. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать новаго слова его. Между тѣмъ самая жизнь, безостановочно слѣдуя своему теченію, откликается на вопросы, задаваемые ей публицистами, и стремится разрѣшить ихъ въ своихъ положительныхъ учрежденіяхъ. Вопросъ о централизаціи и вредѣ, ею наносимомъ, становится уже отчасти вопросомъ современной моды; и чуткое ухо Людовика Наполеона, прислушивающееся къ народной молвѣ, успѣло подстеречь общественное къ нему сочувствіе. Замѣчательны въ рѣчи, произнесенной имъ 16-го Февраля при открытіи засѣданій Законодательнаго Собранія и Сената, тѣ выраженія, въ которыхъ онъ упрекаетъ Французское общество въ его безмощности, и которыя какъ бы подсказаны ему Тюрго, Монталамберомъ и Токвилемъ: „Мы должны поощрять однихъ, удерживать другихъ, должны доставлять пищу дѣятельности этого ненасытнаго, безпокойнаго и взыскатель-

[illegible] отъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Въ [illegible] [illegible] [illegible] Франціи, одинъ изъ [illegible] [illegible] [illegible] Высокій, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

въ мѣстномъ управленіи края и ни малѣйшаго средства контроля надъ мѣстными властями, но они даже не уравнены въ этомъ отношеніи съ жителями самой Франціи, гдѣ по крайней мѣрѣ общинные совѣтники (conseillers municipaux) и члены генеральныхъ совѣтовъ, состоящихъ при префектахъ, подлежатъ избранію своихъ согражданъ. Это новое устройство, подъ ложнымъ видомъ отмѣны централизаціи, ведущее лишь къ установленію какаго-то безотчетнаго, ничѣмъ не сдерживаемаго областнаго проконсульства, и не оправдываемое даже военнымъ характеромъ Алжирской колоніи, подвергалось справедливой критикѣ лучшихъ Французскихъ газетъ, при всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ подобнаго дѣла. Онѣ спѣшили сравнить новый бытъ, вымышленный для Алжира послѣдними декретами Людовика Наполеона, съ истинно-охранительными для мѣстнаго народонаселенія учрежденіями, даруемыми Англіею ея многочисленнымъ колоніямъ, и столько же обезпечивающими ихъ вещественное и духовное процвѣтаніе, сколько и привязанность ихъ къ благодѣющей метрополіи. Опытъ, совершаемый надъ Алжиромъ, не можетъ конечно служить ни доказательствомъ того, чтобы Людовикъ Наполеонъ дѣйствительно задумывалъ какое-либо новое областное подраздѣленіе Франціи, ни типомъ такаго устройства, которое было бы приложимо къ послѣдней. Во всякомъ случаѣ мы сомнѣваемся, чтобы Людовикъ Наполеонъ, даже при лучшемъ желаніи своемъ, могъ, при историческихъ условіяхъ своего правленія и власти, гдѣ нибудь и когда нибудь сочувствовать серьезнымъ областнымъ учрежденіямъ.

Учрежденія эти являются въ настоящее время лучшею точкою опоры для правительства во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ еще сохранились для возсозданія ихъ какіе либо живые элементы. Только съ ихъ помощію, при благотворномъ ихъ воздѣйствіи и вліяніи на мѣстное управленіе, можетъ принести какую-либо пользу сознательно и безсознательно нынѣ требуемое вездѣ и всѣми отмѣненіе административной централизаціи. Но подобный подвигъ возвышенной и безкорыстной политики можетъ совершить лишь Го-

сударь, рожденный на престолѣ, отъ самой колыбели окруженный любовію своего народа и столько же увѣренный въ немъ, сколько искренно и горячо его любящій. Возможность совершить подобный подвигъ сберегается скупою рукою Исторіи лишь для немногихъ, ей особенно сочувственныхъ, любимцевъ.

20 Февраля
1857.

ДВА СЛОВА

ПО ПОВОДУ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

Напечатано было въ 4-й книгѣ Русской Бесѣды 1858 года.

ДВА СЛОВА

ПО ПОВОДУ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

Послѣднія рѣшенія Парижской конференціи, касающейся соединенныхъ (по имени) княжествъ Придунайскихъ, и вновь ожидаемыя окончательныя ея постановленія о свободномъ или исключительно подчиненномъ Австрійскому вліянію плаваніи по Дунаю, уже самымъ внѣшнимъ образомъ вновь направляютъ общественное вниманіе къ Турецкому Востоку. Впрочемъ и безъ того общественная забота объ этомъ вопросѣ ни на минуту не прерывалась съ тѣхъ поръ, какъ успѣли замолкнуть Севастопольскіе громы, и участіе мыслящаго міра еще ни разу, ни на одно мгновеніе, не остывало, постоянно поджидая рѣшенія мучительнымъ своимъ недоумѣніямъ и ежедневно почерпая новую для нихъ пищу въ достовѣрныхъ, неутѣшительныхъ извѣстіяхъ съ Востока. Скажемъ болѣе: послѣ первыхъ, почти страстныхъ, ожиданій, возбужденныхъ Парижскою конференціею, всеобщее вниманіе какъ бы совершенно отвлеклось отъ происходившей въ ея средѣ дипломатической борьбы, исключительно обратившись на живой практическій интересъ вдали совершавшейся исторической драмы, и послѣднія засѣданія конференціи проволоклись среди всеобщаго къ нимъ безучастія, затемненныя даже двусмысленною комедіею Шербурга. Такое оскорбительное невниманіе общества къ дипломаціи, въ ту самую минуту, когда ей повѣрено рѣшеніе важнѣйшаго дѣла, не есть ли уже, само въ себѣ взятое, признакъ многозначительнѣйшій? Не заключается ли въ немъ по крайней мѣрѣ спасительное предостереженіе для той особенной части Европейской дипломаціи, отъ которой, со страхомъ или

съ надеждою, свѣтъ ожидаетъ живаго слова, историческаго дѣла?...

На другой отдаленнѣйшей точкѣ Востока, на почвѣ болѣе доступной еще первоначальнымъ правильнымъ впечатлѣніямъ и менѣе истощенной взаимно перекрещивающимися интересами народовъ и вѣковою борьбою разнообразныхъ и политическихъ началъ, въ Китаѣ, въ стѣнахъ Аюна и Тинцина, это историческое слово къ счастію успѣло высказаться, немедленно покоривъ себѣ всѣ умы и возвысивъ международное положеніе Россіи.... Россія съ сочувствіемъ и благодарностію повторяетъ имя Сибирскаго намѣстника, столь блистательно успѣвшаго возобновить, замолкнувшее было на время, политическое преданіе Русскаго вліянія въ Китаѣ. Она высоко цѣнитъ его благоразумную твердость и непоколебимую настойчивость при укрѣпленіи за нею, такъ долго слывшихъ для насъ заколдованными, береговъ Амура,—береговъ, которые такъ упорно противъ насъ охранялись, не столько безсильными руками трусливыхъ Богдыхановыхъ мандариновъ, сколько еще несравненно для насъ опаснѣйшимъ ученіемъ, пересажденнымъ къ намъ учениками Меттерниха изъ Австрійскихъ и Англійскихъ дипломатическихъ канцелярій, ученіемъ о благоговѣйномъ уваженіи къ политическому far niente Западной Европы и къ священнымъ гранямъ, для насъ придуманнымъ Англо-Австрійскою политикою. Россія радуется этому наглядному признаку перемѣны въ направленіи и искомомъ возрожденіи нашей дипломаціи, и съ тѣмъ большею увѣренностію ожидаетъ отъ нея упорнаго преслѣдованія самостоятельныхъ народныхъ цѣлей и преданій, слишкомъ долго позабытыхъ въ другихъ существеннѣйшихъ вѣтвяхъ нашихъ международныхъ отношеній.

Турецкій вопросъ, сказали мы, заключаетъ въ себѣ нынѣ и сосредоточиваетъ въ себѣ, какъ въ одномъ общемъ фокусѣ, все живое содержаніе всей всемірной политики. На этой почвѣ должны, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, получить себѣ разрѣшеніе почти всѣ затрудненія, нынѣ волнующія Европу или временно затаенныя въ ней: будущность Греціи, Славянскихъ племенъ Турціи и народовъ Румунскихъ, участь Австріи и связанныя съ нею судь-

ба Италіи и будущее устройство Германіи, союзъ Россіи съ Франціею, Египетъ, Суезскій перешеекъ и владычество на Средиземномъ морѣ, преобладаніе Англіи или постепенное низведеніе ея къ болѣе второстепенной роли; наконецъ, скорое возрожденіе множества, нынѣ кажущихся успокоенному человѣчеству порѣшенными, религіозныхъ вопросовъ,— вотъ отдѣльные члены этой всемірной задачи, подвергающей весь политическій міръ столькимъ мучительнымъ испытаніямъ.—Тщетно, съ полнымъ сознаніемъ опасностей, кроющихся для нея въ нѣдрахъ этого вопроса, пятится отъ него утомленная и полуразоренная имъ Европа; тщетно старается она то отдѣлаться отъ него полумѣрами, то ищетъ даже предаться минутному, скоропреходящему самообольщенію; грубые факты, печальная существенность, вскорѣ разгоняютъ неосновательныя надежды, пустыя мечты и, съ докучливою неотвязчивостію, требуютъ себѣ громогласнаго признанія и окончательнаго разрѣшенія. Восточный вопросъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь намѣченъ, какъ борьба Россіи и Запада на почвѣ Православнаго Греко-Славянскаго міра, родился въ тотъ день, когда Екатерина стала твердою ногою на берегахъ Чернаго моря, покорила его своему вновь созданному Черноморскому флоту и предъявила права Русскаго флага на почетную извѣстность въ водахъ моря Средиземнаго. Неустановившаяся еще политика Европы и собственная наша смѣлость долгое время доставляли намъ одни блистательные успѣхи; раздѣленныя между собою государства Западной Европы поочередно предавали намъ Востокъ, стараясь цѣною этой жертвы купить нашу дружбу или преходящій союзъ. Такъ дѣйствовала временно и Австрія при Іосифѣ II, вмѣстѣ въ нами воевавшая противъ Турціи; такъ и Англія, изнеможенная въ долгой борьбѣ съ своими Американскими колоніями, всячески домогалась расположенія Россіи, съ перваго слова стараясь обольстить князя Потемкина предложеніемъ твердой осѣдлости для Русскаго флота на любомъ островѣ Средиземнаго моря; такъ и Франція, наконецъ, при первомъ Наполеонѣ, спѣшила мириться съ Александромъ на счетъ Турецкаго султана. Съ водвореніемъ, въ силу Вѣнскихъ трактатовъ, новыхъ

международныхъ отношеній, положеніе Россіи на Востокѣ вдругъ измѣнилось: отселѣ окруженная въ Европѣ лишь взыскательными друзьями, со всѣхъ сторонъ опутанная узами добровольно принятыхъ на себя безвозмездныхъ обязательствъ, добровольно покинувъ высокое положеніе защитницы народовъ и промѣнявъ его на неблагодарную и хлопотливую роль охранительницы какихъ-то безъимянныхъ, отвлеченныхъ началъ и покровительницы полдюжины чуждыхъ ей династій,—Россія, въ теченіи сорока лѣтъ, стояла къ Востоку въ самыхъ противуестественныхъ, натянутыхъ отношеніяхъ, постоянно живя тамъ насчетъ однихъ лишь славныхъ воспоминаній прошедшаго, тщательно закрывая глаза отъ дневнаго свѣта, стараясь видѣть лишь въ чужія очки, вынужденная, наконецъ, всего бояться на Востокѣ, избѣгать всякой тамъ перемѣны, но главнымъ образомъ и болѣе всего страшиться всякаго собственнаго, слишкомъ явнаго успѣха на Востокѣ, такъ долго и такъ настойчиво на насъ напрашивавшагося. Рано образовалось въ Царьградѣ то сочетаніе дипломатическихъ силъ и вліяній, которое съ тѣхъ поръ постоянно тяготѣло надъ всей нашей политикою до самой настоящей минуты, представляющей намъ, наконецъ, залоги будущаго, болѣе правильнаго ея развитія.—Тѣсный союзъ противъ насъ Англіи и Австріи по Турецкимъ дѣламъ относится уже ко времени лорда Кастльрея; Каннингъ съ еще бо́льшею настойчивостію преслѣдовалъ это единство цѣлей обѣихъ державъ, и отъ него завѣщано оно лорду Редклифу. Къ сожалѣнію, и Франція была слишкомъ рано оторвана отъ всякаго твердаго единенія съ Россіею необходимыми условіями своей внутренней политики и громко заявленными требованіями своего общественнаго мнѣнія, уже съ первыхъ годовъ реставраціи и въ особенности со времени Іюльскаго переворота, видѣвшаго въ Русскомъ вліяніи сильнѣйшее противодѣйствіе развитію въ Европѣ конституціонной свободы. Личное расположеніе Карла X могло принесть намъ лишь преходящую выгоду; а правленіе Орлеанскаго дома положило основаніе тому задушевному согласію Франціи и Англіи, послѣдствіемъ котораго была Крымская война. Такимъ образомъ сложились для насъ въ

Константинополѣ, какъ вся сороколѣтняя дѣятельность тамъ нашей дипломаціи, предшествовавшая Парижскому миру, такъ въ особенности два самыхъ яркихъ ея кризиса въ началѣ и въ концѣ царствованія покойнаго Государя.—Ближайшій исходъ того и другаго оказался далеко не одинаковымъ; не въ правѣ ли мы ожидать не меньшаго различія и въ отдаленнѣйшихъ послѣдствіяхъ обоихъ явленій? Если война 1828 и 1829 года, открывшая Русскимъ знаменамъ безпрепятственный доступъ къ самому Константинополю, исключительно одолженному своимъ спасеніемъ собственной нашей политикѣ, кончилась добровольнымъ сохраненіемъ Россіею Турецкаго владычества въ Европѣ, временнымъ признаніемъ Турціи какъ бы за необходимый элементъ всемірнаго политическаго равновѣсія: то, быть можетъ, Парижскому трактату, положившему себѣ задачею на вѣки искоренить вліяніе наше на Востокѣ и уничтожить владычество нашего флага на Черномъ морѣ, суждено наоборотъ, въ силу неотразимаго хода историческихъ событій, возымѣть немаловажное вліяніе на окончательное разрушеніе Оттоманской Имперіи и возрожденіе на развалинахъ ея—постепенно пробивающихся вновь наружу и ежедневно усиливающихся элементовъ, болѣе сочувственныхъ христіанской гражданственности и законнымъ образомъ водворяющихся на древней почвѣ Византіи и Южно-Славянскихъ государствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, уже два съ половиной года протекло со времени заключенія Парижскаго трактата, уже два съ половиною года, какъ съ шумомъ провозглашено полное оффиціальное преобразованіе Турецкаго міра: снисходительно принявъ Турцію въ свою среду, приравнявъ ее себѣ и, въ одно и тоже время, оффиціальнымъ международнымъ актомъ признавъ ея безсиліе, вынудившее внѣшнюю дипломатическую гарантію ея бытія,—Европейскія государства тѣмъ не менѣе поручились передъ всѣмъ свѣтомъ въ правильномъ совершеніи обѣщанныхъ преобразованій и въ успѣхѣ Турецкаго возрожденія. Торжественное обѣщаніе Европы должно быть выполнено, во что бы ни стало: этого въ правѣ требовать отъ нея не одни только христіанскіе подданные Турецкой имперіи, бывшіе первою жертвою послѣдняго крестоваго похода

Западныхъ государствъ противъ Россіи и ради льстивыхъ обѣщаній, отказавшіеся во многихъ мѣстностяхъ отъ благопріятнаго случая къ ниспроверженію тяжелаго ига. Нѣтъ! Право и обязанность эта, быть можетъ, еще болѣе принадлежатъ единовѣрной имъ Россіи, въ пользу Европы и подъ вліяніемъ тѣхъ же обѣщаній отказавшейся отъ утвержденнаго за нею цѣлымъ рядомъ мирныхъ договоровъ права заступничества за христіанскую свою братію на Востокѣ. Россіи по преимуществу принадлежитъ право вновь возвысить въ ихъ защиту свой голосъ, если торжественный обѣтъ не будетъ выполненъ, если Европа окажется безсильною внесть новыя живительныя начала въ гражданскій бытъ Турціи; если, наконецъ, новый систематическій гнетъ Турецкаго владычества надъ нашими единовѣрцами и темное соучастіе Европы въ этомъ дѣлѣ лишатъ ихъ другаго убѣжища и докажутъ несостоятельность инаго покровительства. Слишкомъ тридцатимѣсячный опытъ, совершившійся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ полной свободы дѣйствій, при усердномъ и искреннемъ содѣйствіи самой Россіи, при употребленіи со стороны Западныхъ державъ самыхъ полновластныхъ, самыхъ крайнихъ, подчасъ даже самыхъ неразборчивыхъ, средствъ для подчиненія Порты малѣйшимъ своимъ прихотямъ и приказаніямъ,—таковъ слишкомъ достаточный матеріалъ, изъ котораго должно быть почерпнуто убѣжденіе въ пользу удовлетворительности или недостаточности выполненія Европою добровольно возложенной на себя обязанности и предпринятаго подвига. Благодаря послѣдней войнѣ и особенно возбужденному ею участію Европейской печати и журналистики во всѣхъ политическихъ явленіяхъ и событіяхъ Турціи; благодаря далѣе торговому и промышленному движенію, не преминувшему устремиться къ разработкѣ новаго для себя обширнаго, хотя подчасъ и обманчиваго рынка,—современное состояніе Турецкой имперіи въ короткое время перешло изъ области тайны и гаданій въ область всеобщей извѣстности. Малѣйшее въ ней симптоматическое движеніе съ быстротою электрическаго тока передается изъ всѣхъ ея захолустьевъ во всеобщее вѣдѣніе газетъ и журналовъ; путешественники и изслѣдователи ежедневно перекрещиваютъ

Востокъ во всѣхъ направленіяхъ, и каждый изъ нихъ старается подмѣтить и уловить ту сторону Турецкаго быта, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его системѣ и воззрѣнію; наконецъ, сами жители Востока, въ особенности Греки и Румуны, густою толпою спѣшатъ въ Парижъ, какъ временное средоточіе политическихъ сношеній и изданіемъ множества книгъ и памфлетовъ содѣйствуютъ все къ большему и большему уясненію для Европы разнообразнѣйшихъ сторонъ занимающаго всѣхъ вопроса. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что Европа, недавно еще такъ мало знакомая съ тайнами Востока, быстро вникаетъ въ сущность и подробности его жизни, и если даже нѣкоторый, какъ бы политическій, фатумъ еще тяготѣетъ надъ ея воззрѣніемъ и лишаетъ ее полной свободы мысли и совершенной ясности взгляда, тѣмъ не менѣе недостатокъ этотъ отчасти окупается полнотою и разнообразіемъ свѣдѣній и тщательнымъ изученіемъ всѣхъ слабыхъ сторонъ въ положеніи Россіи на Востокѣ. Это обслѣдованіе Восточнаго вопроса съ равною настойчивостію и усердіемъ производится въ Европѣ со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія не одними правительствами, но также, и даже праимущественно, дружною дѣятельностію всего общества, всѣхъ частныхъ людей. Нѣтъ того явленія въ жизненномъ развитіи на Востокѣ, которое ускользало бы отъ этой разработки: законы его, нравы, преобразованія, основы гражданскаго быта, наконецъ племенныя отношенія и столько важный на Востокѣ—даже для католиковъ—церковный вопросъ, все безъ изъятія подвергается обсужденію свободному и безграничному. Не только правительства, но даже сама Римско-католическая церковь, не взирая на всю свою исключительность, не пугается этого гласнаго и всеобщаго изслѣдованія, какъ ни враждебны другъ другу на Востокѣ отношенія и выгоды различныхъ ея монашескихъ орденовъ, какъ ожесточенно они ни нападаютъ другъ на друга, какъ ни изобличаютъ взаимные свои недостатки. Дѣло въ томъ, что, наученный многолѣтнимъ опытомъ, Западъ успѣлъ убѣдиться, что однихъ правительственныхъ свѣдѣній,—лишь съ трудомъ и значительными издержками пріобрѣтаемыхъ, притомъ часто, по самой оффиціаль-

ности своей, невѣрныхъ,—мало для всесторонняго изученія всякаго сложнаго вопроса, и что участіе частной дѣятельности здѣсь, какъ и вездѣ, незамѣнимо ничѣмъ. Онъ убѣдился далѣе, что всякой явной опасности, всякому страшному явленію,—въ какой бы сферѣ жизни, вещественной или духовной, они ни проявились,—лучше взглянуть смѣло въ лице, взвѣсить степень ихъ дѣйствительной важности, изучить ихъ причины и возможныя послѣдствія, во всей ихъ наготѣ и безобразіи, чѣмъ успокоивать себя мечтательными надеждами, неопредѣленными образами и робко отводить взоры отъ дѣйствительности, дабы сохранить за собою какъ бы право не предпринимать рѣшительныхъ мѣръ. Добровольная, такъ сказать, суевѣрная слѣпота не устраняетъ опасности, не исцѣляетъ язвы, которой стараемся мы не замѣтить, и которую желаемъ скрыть отъ самихъ себя, не искореняетъ причинъ, содѣйствовавшихъ ея развитію; напротивъ, она предоставляетъ этимъ причинамъ полный, опаснѣйшій просторъ, дозволяя имъ безпрепятственно дѣйствовать и разрушать организмъ и не противуполагая ихъ дѣйствію цѣлительнаго врачеванія. Тогда вполнѣ развившаяся и уже ничѣмъ неотклонимая опасность застаетъ государственную мудрость въ расплохъ, и чѣмъ чувствительнѣе тѣ струны общественной и духовной жизни, которыхъ боялась она прикоснуться для возможнаго ихъ изслѣдованія и врачеванія, тѣмъ болѣзненнѣе и страшнѣе крутой переломъ.

Мы не станемъ пересказывать здѣсь плачевной повѣсти всего того, чему Европа съ 19 Марта 1856 года была свидѣтельницею на Турецкомъ Востокѣ. Память о всѣхъ этихъ событіяхъ еще свѣжа въ умѣ каждаго; печальный рядъ ихъ еще далеко не замкнулся, и каждая новая почта приноситъ намъ свѣжія вѣсти, едвали уже кого нибудь поражающія неожиданностію. Сочиненія Матьё, Убичини, Викенеля, Бланки, Пициніоса и пр., подробно раскрыли намъ картину быстраго разложенія Турецкаго общества, если этимъ именемъ можно назвать государство, основанное позднѣйшимъ завоеваніемъ, съ самой первой минуты своего бытія донынѣ исключительно покоившееся на одномъ грубомъ насиліи и лишенное всякаго правильнаго гражданскаго основанія и раз-

витія. Замѣчательный памфлетъ—„L'Autriche dans les provinces danubiennes", надѣлавшій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ столько шума въ Европѣ и въ короткое время получившій тамъ столько заслуженную и своевременную извѣстность, обнаружилъ терпѣливую подземную политику новой Австріи, непрестанно стремящуюся, съ помощію Германіи, перенести свой центръ тяготѣнія на Востокъ. Эта политика заранѣе наводняетъ Придунайскія княжества самыми разнообразными вліяніями, сперва войскомъ, потомъ промышленными факторами, консулами, полицейскими агентами; принимаетъ десятками тысячъ въ свое подданство Румуновъ, ищущихъ во что бы ни стало избѣгнуть послѣднихъ слѣдовъ Турецкой власти; наконецъ настойчиво и неуклонно подготовляетъ себѣ въ Молдо-Валахіи завидную и легкую добычу. Превосходныя статьи о Болгаріи, помѣщенныя и въ Вѣстникѣ, и въ Бесѣдѣ, обличили біеніе живаго неизсякающаго ключа Болгарской народности, не примиряющейся съ давящими ее со всѣхъ сторонъ разнороднѣйщими началами, и громко начинающей наконецъ заявлять свои исконныя права, какъ бы почуя неминуемое скорое открытіе ничѣмъ неотклонимой развязки. Картина Босніи и Герцеговины и печальное безвыходное положеніе Боснійскаго раіи сняты съ натуры и съ дипломатическою точностію переданы въ область всеобщаго вѣдѣнія перомъ даровитаго наблюдателя г. Гильфердинга. Наконецъ, въ самое недавнее время, одинъ изъ любимѣйшихъ публицистовъ Іюльской Франціи, старый S-t Marc Girardin посвятилъ въ Двусвѣтномъ Обозрѣніи цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей, знакомыхъ и всей Русской читающей публикѣ, гдѣ онъ, съ несомнѣннымъ талантомъ, съ значительною долею безпристрастія и съ истинною душевною теплотою, оцѣнилъ главныя изъ новѣйшихъ сочиненій о Турціи: изслѣдовалъ направленіе каждаго изъ нихъ, указалъ на многіе существеннѣйшіе факты, краснорѣчиво опровергающіе мечту Турецкаго возрожденія и, наконецъ, пытался высказать послѣднее слово либеральной мысли Западной Европы въ пользу томящагося на Востокѣ Греко-Славянскаго міра. Этотъ богатый, нынѣ общедоступный запасъ несомнѣнныхъ и критически оцѣненныхъ фактовъ, ежедневно усиливающійся

еще дѣятельностію журналистики, избавляетъ насъ отъ труда повторять всѣмъ извѣстное и пересказывать сотни отдѣльныхъ случаевъ и событій послѣдняго времени, изобличающихъ все возмутительное безобразіе Турецкаго быта, начиная отъ забытаго уже почти теперь, среди тысячи другихъ подобныхъ случаевъ, слѣдствія надъ Варнскимъ пашою, до печальныхъ событій, служившихъ окончательнымъ поводомъ къ Критскому возстанію, до избіенія христіанъ въ Джеддѣ, непрестанныхъ всюду заговоровъ мусульманскаго населенія противъ христіанъ, и пр. Намъ довольно будетъ, отвлекаясь отъ случайныхъ явленій, указать лишь на главные результаты, добытые этимъ, безпримѣрнымъ еще въ исторіи, какъ бы повальнымъ обыскомъ, совокупно производимымъ правительствами и народами надъ едва живымъ, на глазахъ распадающимся государственнымъ организмомъ, и стараться высмотрѣть въ совершающемся вокругъ насъ тѣ поучительныя предостереженія, которыя несомнѣнно заключаются въ живыхъ явленіяхъ дѣйствительности и всегда съ большею или меньшею ясностію высказываются вопрошающему ихъ наблюдателю.

Немного прошло еще времени, едва успѣли умолкнуть на неосторожныхъ устахъ похвалы, съ такою неумѣренностію расточавшіяся Европою всеобщему преобразованію Турецкой Имперіи, и она въ смущеніи уже спѣшитъ позабыть свой легкомысленный и кратковременный восторгъ. За нѣсколько дней до Парижскаго мира, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ публицистовъ Франціи, въ комическомъ порывѣ презрѣнія къ Россіи, сравнивалъ ее съ Турціею и не сомнѣвался сулить послѣдней блистательную будущность. „Если справедливо, говоритъ онъ, что въ теченіи послѣдняго вѣка Русскіе подвинулись впередъ исполинскими шагами, то еще достовѣрнѣе, что Турція, сравнительно, сдѣлала неменьшіе успѣхи“ [1]). Не такъ судилъ старый дипломатъ, выжившій весь вѣкъ свой на Востокѣ и постоянно занимавшій въ Константинополѣ самое видное мѣсто, благодаря не только блистательному оффиціальному положенію своему, но еще и замѣчательнымъ своимъ дарованіямъ. Лордъ Редклифъ, вре-

---

[1]) E. Laboulaye „Etudes Contemporaines“.

менно уѣзжая изъ Турціи еще въ 1852 году, ясно провидѣлъ крывшіяся для нея въ ней самой опасности и, съ искреннею скорбію о потраченныхъ имъ въ Константинополѣ трудахъ и времени, говорилъ: „я предчувствую, что всѣ хлопоты мои здѣсь окажутся тщетными и что правительство Турецкое никогда не выступитъ на путь существенныхъ преобразованій...“ Предчувствіе благороднаго лорда оправдалось, быть можетъ, даже свыше мѣры его ожиданій: не только Турецкое правительство оказалось донынѣ неспособнымъ провести малѣйшее дѣйствительное улучшеніе въ образѣ своего управленія; но горькій опытъ окончательно убѣдилъ всѣхъ и каждаго, что даже, при лучшихъ минутныхъ порывахъ, задача эта для него рѣшительно неисполнима; что осуществленію ея непреодолимо и притомъ равносильно противятся самые тѣ элементы, на которые оно призвано воздѣйствовать, и тѣ, которые могли бы ему служить орудіями для достиженія этой цѣли; словомъ—что самое преобразованіе невозможно. Опыты и обѣщанія преобразованій не новы въ Турціи; къ этому дешевому средству посуловъ Абдулъ-Меджидъ прибѣгалъ уже не разъ для привлеченія себѣ, въ минуту грозящей опасности, спасительной помощи той или другой части Европейскихъ державъ, даже того или другаго Европейскаго банкира: уже 3 Ноября 1839 года, подъ вліяніемъ нависшей грозы со стороны Мехмета Али Египетскаго, былъ изданъ первый хаттишерифъ Гюльанейскій, обѣщавшій возсоздать Имперію на прочныхъ началахъ слишкомъ долго остававшагося въ пренебреженіи Корана, и исцѣлить вкравшуюся проказу нравственной порчи и растлѣнія. Но тщетно было вызываемо на помощь цѣлительное начало стараго Ислама и тщетно обѣщалось искорененіе всѣхъ злоупотребленій управленія; хаттишерифъ остался мертвою буквою, онъ не былъ даже объявленъ внѣ стѣнъ Цареграда, не былъ разосланъ по областямъ, какъ нынѣ достовѣрно стало извѣстно, и 29 Января 1855 года Англійскій консулъ въ Трапезундѣ едва могъ добиться обнародованія его въ этомъ городѣ, гдѣ до того времени никто объ немъ еще и не слыхалъ. За первымъ шагомъ слѣдовалъ танзиматъ, какъ прозвана была совокупность новыхъ

учрежденій, въ которыхъ правительство Оттоманское пыталось подражать пріемамъ Европейскаго управленія.—Около 1848 года началось усердное преобразованіе областнаго устройства и крестьянскаго быта, постепенно подготовившее настоящія волненія Босніи и Герцеговины, и рѣшительно вызвавшее наружу въ Европейскихъ областяхъ Турціи крестьянскій вопросъ, отнынѣ ставшій однимъ изъ существеннѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ затрудненій ея внутренней политики. Въ 1854 году, во время послѣдней войны съ Россіею, все мѣстное Турецкое управленіе подчинено непосредственному наблюденію и контролю Европейскихъ консуловъ. 18 Февраля 1856 года торжественно провозглашено и занесено въ акты Парижскаго мира новое обѣщаніе коренныхъ улучшеній и преобразованій подъ именемъ хатти-гумаюна, уже отрекавшееся отъ прежней исключительной основы началъ Ислама и утверждающееся на признаніи совершенной полноправности христіанскаго народонаселенія. Наконецъ, мы еще на дняхъ были свидѣтелями опыта новой послѣдней реформы въ ближайшей къ лицу самого султана области управленія, въ его, такъ сказать, домашнемъ, ежедневномъ быту, въ его собственномъ гаремѣ; мы видѣли новый хаттишерифъ, вновь въ тысячный разъ изобразившій все Турецкое управленіе въ самыхъ черныхъ краскахъ и вновь, по настоянію Фуада-паши, посулившій Европѣ коренное преобразованіе всего финансоваго устройства, вѣроятно не безъ тайной надежды на довѣрчивость Европейскихъ капиталистовъ и на легчайшее заключеніе послѣдняго займа. Тѣмъ не менѣе всѣ эти преобразованія или принесли мало существенной пользы, или, и при томъ еще чаще, обращались лишь ко вреду и большему отягощенію разноплеменнаго народонаселенія государства. Подобный исходъ цѣлаго длиннаго ряда законодательныхъ мѣръ, непрерывная цѣпь которыхъ, въ теченіи цѣлаго двадцатилѣтія, на первый разъ какъ бы поражаетъ наблюдателя всѣми внѣшними признаками послѣдовательности, а самая буква всегда какъ будто отличается полнымъ усвоеніемъ современнѣйшихъ началъ государственной жизни Европейской, невольно изобличаетъ отсутствіе какихъ либо внутреннихъ задатковъ ус-

пѣха, какъ въ свойствахъ самаго правительства, такъ и въ характерѣ всего гражданскаго быта и всего общественнаго устройства. Въ самомъ дѣлѣ только тогда правительство не достигаетъ своихъ цѣлей въ совершаемыхъ имъ преобразованіяхъ, когда оно само не научилось еще цѣнить неприкосновенныя права гражданской личности и не умѣетъ пользоваться иными побужденіями и струнами человѣческой природы—кромѣ только страха, и иными средствами—кромѣ одного только насилія; когда оно не руководится чистымъ желаніемъ общаго блага, но дѣйствуетъ подъ вліяніемъ тщеславія или страха и стремится достигнуть посредствомъ своихъ преобразованій однихъ своихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей. Только тотъ гражданскій организмъ остается безчувственнымъ къ улучшеніямъ, вызываемымъ настоятельною необходимостію, который страдаетъ неисцѣлимыми язвами, далеко превышающими мѣру предлагаемаго врачеванія, который основанъ на внутреннихъ, непримиряемыхъ самопротиворѣчіяхъ, и куда уже глубоко запало сѣмя новаго непреодолимаго дальнѣйшаго историческаго развитія по новому пути, еще сокрытому отъ глазъ человѣчества. Таковы въ самомъ дѣлѣ условія Турецкой жизни и Турецкой реформы. Для возможности успѣшнаго ея совершенія мало еще, болѣе или менѣе искренняго, желанія Турецкаго правительства выйти изъ затруднительнаго своего положенія предписаніемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ дѣлѣ управленія. Даже и при лучшемъ желаніи его необходимо—съ одной стороны сочувствіе народной среды къ пути, избранному правительствомъ,—съ другой нужно, чтобы само правительство ясно сознало внутреннюю необходимость преобразованія, и сознало, вмѣстѣ съ тѣмъ, личную для себя возможность измѣнить собственное свое существо, покинуть старыя преданія, примириться съ требованіями возникающей новой жизни, искренно исповѣдать свой грѣхъ и преобразовать самого себя, по крайней мѣрѣ въ той же самой степени, въ какой ощущается необходимость преобразованія и всего господствующаго племени. Задача далеко не легкая, едвали даже возможная для отупѣвшаго, сонливаго потомства Османа, невозвратно утратившаго вѣру въ свое нравственное

превосходство! Поэтому всѣ мнимыя реформы въ Турецкой имперіи неизмѣнно заключаются въ однѣхъ только перемѣнахъ, никогда не восходя на степень дѣйствительныхъ преобразованій, не касаясь нравовъ, убѣжденій и жизни господствующаго племени, не измѣняя его воззрѣній на свои отношенія къ племенамъ христіанскимъ, не посвящая его въ таинства для него недоступной, ему чуждой и имъ презираемой высшей христіанской гражданственности. Самъ законодатель, въ угоду Европѣ и съ голоса ея лепечущій непонятные для себя звуки о гражданскомъ равенствѣ народностей и вѣроисповѣданій, не обольщается пустыми мечтаніями; онъ ищетъ лишь усыпить притворнымъ согласіемъ своего докучливаго опекуна и, изъ множества преподаваемыхъ ему мудреныхъ наставленій, умѣетъ и старается приложить лишь тѣ, которыхъ осуществленіе обѣщаетъ государству немедленную, практическую, вещественную выгоду. Существенное дѣло или позабыто или искажено: реформа представляется важною лишь во столько, во сколько она способна доставить опустошенному казначейству нѣсколько лишнихъ мѣшковъ піастровъ, или султанскимъ министрамъ— возможность и случай создать нѣсколько новыхъ должностныхъ кормленій, для раздачи своимъ клевретамъ или продажи ихъ какъ бы съ публичнаго торга.

Такъ понятъ ими, напримѣръ, вопросъ административной централизаціи, столько плѣнительный для всякаго невѣжественнаго управленія, собственными грѣхами доведеннаго до невозможности идти старымъ путемъ, и вѣрнымъ чутьемъ своей грубой природы чующаго, въ возможныхъ на этомъ пути перемѣнахъ, обильную жатву ничѣмъ несдержаннаго произвола, безотчетныхъ злоупотребленій и вѣрнаго грабительства, прикрытыхъ блистательною внѣшнею вывѣскою либеральнаго или по крайней мѣрѣ Европейскаго преобразованія. Съ 1848 года центральное правительство Константинопольское, съ помощію вновь устроеннаго на Европейскій ладъ войска, повело окончательную, рѣшительную борьбу противъ всѣхъ мѣстныхъ, областныхъ аристократій, стараясь такимъ образомъ довершить дѣло, уже давно начатое Махмудомъ. Эти мусульманскія аристократіи, всюду

неправильно устроенныя, были дѣйствительно тяжкимъ бременемъ для народа; выборное начало было чуждо этому устройству; одна наслѣдственность административныхъ званій и власти сколько нибудь ограждала народъ отъ непосильнаго, чрезмѣрнаго разоренія, связывая правителей и управляемыхъ хотя нѣкоторою тѣнью общихъ выгодъ и взаимной отвѣтственности. Нынѣ во многихъ областяхъ, особенно въ сѣверо-западныхъ частяхъ Европейской Турціи, преобразованіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; прежніе наслѣдственные администраторы,—съ самой первой поры завоеванія, подъ разнообразнѣйшими названіями заправлявшіе мѣстными дѣлами и нѣкогда отстоявшіе въ своихъ областяхъ дѣло Ислама отъ Европейскаго преобладанія,—постепенно сошли со сцены и замѣнены цѣлою правильною сѣтью Турецкихъ чиновниковъ. Послѣдніе исключительно зависятъ отъ произвола высшей власти, непрестанно смѣняются, и потому съ жадностію, доселѣ безпримѣрною даже въ Турціи, спѣшатъ истощить всѣ средства мѣстныхъ жителей, для составленія себѣ запаса на черный день, дабы было чѣмъ подѣлиться съ своими милостивцами, чѣмъ откупиться отъ суда, въ случаѣ несчастія, чѣмъ наконецъ вновь купить себѣ кормленіе. Невыносимымъ бременемъ легъ на народъ этотъ новый тяжелый слой административный: всякая нравственная связь управляющихъ и правимыхъ исчезла; погасла послѣдняя надежда и на заступничество султана, такъ долго еще не покидавшая народа и подъ часъ успѣвавшая даже возбудить народъ къ дружному, великодушному стоянію вооруженною рукою за права центральной власти, когда послѣднія слишкомъ явно попирались мѣстною знатью. Отнынѣ раія знаетъ, что кругомъ его нѣтъ никого, кромѣ враговъ, и что изъ дальняго Цареграда ему не ожидать уже защиты, а развѣ новаго налога, или новаго еще жесточайшаго сборщика этого налога. А между тѣмъ Блистательная Порта не довольствуется этой побѣдою; ей мало полнаго покоренія себѣ мѣстныхъ властелей мусульманскихъ, такъ долго и такъ успѣшно противъ нея бунтовавшихъ: она съ одной стороны неуклонно преслѣдуетъ путемъ дипломатическимъ мысль, уже прежде на конференціяхъ

выраженную ея уполномоченными, о привлеченіи подъ свою руку всѣхъ лицъ, пользующихся, на основаніи давнихъ капитуляцій съ Европейскими державами, правомъ суда и подвѣдомства Европейскимъ консуламъ; она предъявляетъ, на основаніи обѣщанныхъ мнимыхъ реформъ, право на отмѣну этой, какъ бы оскорбительной для нея, привилегіи, и съ неограниченною наглостію указываетъ Европѣ на ея всеобщее земское законодательство, не допускающее никакихъ изъятій подсудности. Съ другой стороны, она простираетъ святотатственную руку и на исконныя, историческія права Восточной Церкви и, прилагая къ нимъ тѣже общія начала Европейскаго гражданскаго права, стремится сосредоточить въ нечистыхъ, безпутныхъ рукахъ своихъ всю государственную власть Церкви, обѣщается взять Церковь и клиръ на казенное свое иждивеніе, улучшить церковно-гражданскій судъ и взойти такимъ образомъ съ Православною паствою въ непосредственныя гражданскія отношенія.

Это новое притязаніе, о которомъ еще не было и помышленія до Восточной войны и о которомъ въ хатти-шерифѣ Гюльанейскомъ еще даже не упоминалось, родилось лишь въ самое недавнее время и впервыя высказано въ статьяхъ 4-й и 6-й хатти-гумаюна: „Власть, султаномъ Магометомъ II и его преемниками предоставленная патріархамъ и епископамъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, будетъ согласована съ тѣмъ новымъ положеніемъ, которое мы, вслѣдствіе нашихъ великодушныхъ и благодѣтельныхъ намѣреній, желаемъ обезпечить за христіанскими общинами. По пересмотрѣ правилъ, нынѣ существующихъ для избранія патріарховъ, пожизненное назначеніе послѣднихъ будетъ строго соблюдаемо, согласно съ фирманами, имъ жалуемыми на утвержденіе ихъ въ этомъ санѣ.... Церковныя подати, каковы бы ни были ихъ существо и образъ взиманія, будутъ уничтожены и замѣнены назначеніемъ патріарху и начальникамъ христіанскихъ обществъ точнаго и опредѣлительнаго дохода, прочимъ же членамъ духовенства назначится жалованье въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ сану и достоинству“.

Въ Ноябрьскомъ фирманѣ 1857 года Порта ступила еще одинъ дальнѣйшій шагъ на этомъ ложномъ и опасномъ пу-

ти. „Свѣтская и судебная власть патріарха Греческаго— гласитъ фирманъ—будетъ навсегда уничтожена". За тѣмъ фирманъ обѣщаетъ созвать чрезвычайное собраніе знатныхъ Грековъ Константинопольскихъ и опредѣляетъ правила, по которымъ сама Порта, совокупно съ созваннымъ сходомъ, изберетъ двадцать лицъ, которымъ поручится составленіе новаго положенія, подъ верховнымъ наблюденіемъ и съ согласія совѣта танзимата. — Не говоря о сущности и подробностяхъ новаго предполагаемаго Портою учрежденія, страшно подумать уже объ одной этой нѣжной заботливости Турецкаго правительства, объ этомъ предупредительномъ вниманіи его къ пользѣ Церкви, къ выгодамъ Православной паствы, къ преобразованію церковныхъ отношеній, опредѣленныхъ вѣками, ограждавшихъ до сихъ поръ по крайней мѣрѣ Греческую общину отъ ежедневнаго насилія Турецкой власти и постоянно противуставлявшихъ послѣдней непреодолимое сопротивленіе цѣльной, твердой, самостоятельной народности. Съ своей стороны, Западная Европа, въ припадкѣ тупаго злопамятства къ Православному населенію Турціи, къ Православной Церкви и къ Россіи, тщательно закрываетъ глаза и старается въ этомъ новомъ, систематическомъ и по этому самому жесточайшемъ, насиліи Турецкаго правительства видѣть одинъ болѣе или менѣе невинный опытъ приложенія современныхъ научныхъ административныхъ теорій.

Но, можетъ быть, Турецкое правительство лучше понимаетъ приложеніе этихъ началъ къ другимъ опытамъ государственной дѣятельности? Быть можетъ, обѣщая преобразованія, издавая множество новыхъ узаконеній по самымъ разнообразнымъ частямъ, стараясь пріучить разноплеменныхъ своихъ подданныхъ къ нѣкоторому государственному единству, оно щедрою рукою расточаетъ имъ средства къ образованію, необходимому для нравственной оцѣнки и практическаго приложенія новыхъ учрежденій? Быть можетъ, на этой, такъ сказать, примиряющей почвѣ новаго образованія и новой гражданственности, Порта стремится соединить и согласовать всѣ вѣковыя распри, порожденныя племеннымъ происхожденіемъ, религіозною враждою и общественнымъ раздвоеніемъ? Къ сожалѣнію, невозможно и этого сказать: всѣ свидѣ-

тельства единогласно подтверждаютъ противное. Еще недавно, какъ бы на дняхъ, авторъ извѣстнаго сочиненія „Les réformes de l'Empire Byzantin" разсказывалъ намъ, какъ въ числѣ 160 юношей, послѣ Парижскаго мира отправленныхъ на воспитаніе въ Европу, преднамѣренно не было помѣщено ни одного христіанина—Грека или Славянина,—и какъ всѣ они исключительно набраны изъ среды мусульманскихъ подданныхъ Порты. Другой достовѣрный изслѣдователь говоритъ, что между Турецкими министрами долго шло серьезное совѣщаніе о томъ грустномъ для нихъ обстоятельствѣ, что христіанское народонаселеніе, въ особенности же Греческое, стоитъ далеко выше мусульманскаго на стезѣ просвѣщенія; имъ казалось необходимымъ сравнять въ этомъ отношеніи другъ съ другомъ эти два народные слоя, и самымъ простымъ, удобнымъ для этого, средствомъ представлялось закрыть на нѣсколько лѣтъ возможно большее число училищъ христіанскихъ, дабы тѣмъ временемъ дать возможность мусульманскимъ родителямъ образовать своихъ дѣтей и научить ихъ наукамъ Европейскимъ; такимъ образомъ, думали они, должно естественно возстановиться нравственное равновѣсіе племенъ, столько необходимое для возможности дальнѣйшаго существованія разрушающейся Имперіи, въ настоящемъ ея видѣ.

Не болѣе успѣховъ оказало Турецкое правительство и въ дѣлѣ управленія финансоваго, этого вѣрнаго мѣрила степени заботливости и образованія всякаго правительства. Извѣстно, что почти исключительно преобладающая въ Турціи система собиранія налоговъ есть откупъ: откупъ простирается и на косвенные налоги, напримѣръ на таможенные сборы, и на большую часть налоговъ прямыхъ, за исключеніемъ только подати поголовной. Въ Турціи, какъ и вездѣ, этотъ образъ взиманія налоговъ успѣлъ уже издавна возбудить ненависть народа и негодованіе всѣхъ образованнѣйшихъ слоевъ общества. Но не вездѣ само правительство успѣло еще такъ ясно и отчетливо сознать всю безправственность подобнаго учрежденія и не выразило это сознаніе въ такихъ живыхъ, яркихъ и справедливыхъ краскахъ. Уже Гюльанейскій хаттишерифъ 1839 года, обѣщая отмѣненіе откуповъ, громоглас-

но призналъ, что „при преобладаніи этой системы, гражданское и финансовое управленіе цѣлыхъ областей предается на произволъ отдѣльныхъ лицъ, т. е. отдается въ желѣзныя руки самыхъ корыстныхъ и самыхъ низкихъ страстей“.... Хатти-гумаюнъ въ ст. 31 также осуждаетъ откупа, но обѣщаетъ отмѣненіе ихъ только уже къ тому времени, когда это позволитъ положеніе государственныхъ финансовъ. Слышно, будто бы, нынѣ подавленное, возстаніе Боснійскихъ крестьянъ вновь завоевало себѣ еще разъ обѣщаніе Турецкаго правительства отмѣнить навсегда, по крайней мѣрѣ, отдачу въ откупъ казенной десятины съ естественныхъ произведеній земли; но сбудется ли это обѣщаніе на дѣлѣ или нѣтъ, не подвергнется ли оно вновь той же самой участи, какой поочередно подвергались уже всѣ обѣщанія, дѣлавшіяся отъ имени правительства въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ,— вотъ вопросъ, для насъ по крайней мѣрѣ, въ высшей степени сомнительный, а въ глазахъ несчастныхъ раіевъ Боснійскихъ, быть можетъ, даже заранѣе рѣшенный. Между тѣтъ злоупотребленія десятинныхъ откуповъ дошли до невѣроятнѣйшей степени; еще не такъ давно мы имѣли случай читать правдивыя и теплыя слова г. Гильфердинга, описавшаго притѣсненія откупщиковъ, разоренія и слезы несчастныхъ крестьянъ. Откупныя суммы въ Босніи возросли, въ теченіи семи лѣтъ, почти въ девять разъ, постоянно возвышаясь параллельно съ народнымъ обѣднѣніемъ и покрывая Турецкое правительство тѣмъ несмываемымъ позоромъ, который постоянно сопровождаетъ безумную расточительность въ личныхъ издержкахъ двора и грубое, презрительное невниманіе къ народнымъ нуждамъ, къ сохраненію и развитію источниковъ его производительности и къ удешевленію предметовъ его потребленія. Одновременно съ этимъ гнуснымъ явленіемъ, въ Турціи постоянно возвышаютъ и всѣ прочіе налоги, во всѣхъ ихъ отрасляхъ, доходя иногда до баснословнѣйшихъ цифръ: г. Гильфердингъ указываетъ, напримѣръ, на отдѣльную деревню въ 30 дворовъ, съ которой ежегодно сходитъ податей 2,350 р. серебромъ; ежегодный денежный выкупъ отъ рекрутской повинности, замѣнившій прежній карачъ или поголовную подать, достигаетъ, по свидѣтельству Матье,

во всей имперіи до 62,000,000 піастровъ; въ Герцеговинѣ она теперь 20% выше прежней подати; на островѣ Критѣ усиленіе ея еще разительнѣе, какъ извѣстно изъ оффиціальныхъ источниковъ и обнародованныхъ жалобъ начальниковъ Критскаго возстанія. Вотъ чѣмъ разрѣшаются для христіанскаго народонаселенія блистательныя обѣщанія Порты, съ такою готовностію и легковѣрностію заносимыя Западною дипломатіею въ свои протоколы, и коренныя преобразованія управленія, уже столько разъ, съ такою неизмѣнною торжественностію, провозглашаемыя во всеуслышаніе Европейскихъ кабинетовъ! Православные подданные Порты, прочитавъ 27-ю статью хатти-гумаюна, гласившую, что въ самоскорѣйшемъ времени будетъ изданъ подробный законъ, опредѣляющій условія принятія на службу въ войско христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій, надѣялись, что, наконецъ, изгладится то коренное юридическое неравенство, которое доселѣ дѣлало оружіе исключительною принадлежностію мусульманина. Извѣстнѣйшіе публицисты Франціи громко заявляли свою радость въ лучшихъ органахъ Французской печати и, всегда готовые къ самообольщенію въ дѣлахъ Востока, смѣло предсказывали единодушное сліяніе всѣхъ народностей и всѣхъ религій въ рядахъ этого новаго образовательнаго учрежденія Турецкой арміи, на подобіе того, какъ нѣкогда единое войско Французскаго короля способствовало къ постепенному сглаживанію областныхъ особенностей жителей разныхъ мѣстностей Франціи; вдругъ, черезъ нѣсколько только мѣсяцевъ, христіане, въ Іюнѣ 1856 года, узнаютъ черезъ своихъ патріарховъ, нарочно призванныхъ въ Порту для выслушанія ея благодѣтельныхъ распоряженій, что они вновь избавляются отъ слишкомъ будто бы тяжкаго для нихъ бремени, и что все улучшеніе для нихъ въ этомъ дѣлѣ ограничится возвышеніемъ положенной на нихъ денежной подати. Точно такимъ же путемъ, съ другой стороны, въ сѣверо-западныхъ областяхъ Турціи преслѣдуется правительствомъ преобразованіе отношеній сельскихъ: крестьянамъ возвѣщено немедленное улучшеніе ихъ быта, облегченіе повинностей, отмѣна барщины; вдругъ все кончается законнымъ введеніемъ третины вмѣсто прежняго

девятаго снопа, дававшагося мусульманскому бегу, и несчастный раія внезапно становится бѣднѣе въ три раза, подъ предлогомъ отмѣненія нѣкоторыхъ обязательныхъ его повинностей, — отъ незаконнаго вымогательства которыхъ Турецкими бегами центральное правительство однако также мало можетъ оградить селянина теперь, какъ мало было оно способно и прежде спасти его отъ противузаконнаго установленія этой барщины. Удивительно ли послѣ этого, если одна Боснія, по свидѣтельству Матье, послѣ жестокаго усмиренія своего Омеромъ-пашою, въ 1852 году выслала въ Австрійскіе предѣлы до 16,000 перебѣжчиковъ? Удивительно ли, что мятежъ и всѣ сопряженные съ нимъ ужасы кровавой расправы сдѣлались тамъ какъ бы хроническимъ состояніемъ всей страны, и что, еще два мѣсяца тому назадъ, по свидѣтельству лучшихъ газетъ, болѣе 20,000 душъ вновь покинули свою несчастную родину, промѣнявъ ее на всегда готовое имъ убѣжище въ предѣлахъ Австрійской имперіи? Удивительно ли также неравнодушіе къ этимъ ужасамъ благороднаго Черногорскаго и Герцеговинскаго племени? И, наконецъ, какъ упрекнуть несчастныхъ, всѣми покинутыхъ Босняковъ—въ обращеніи ихъ къ заступничеству Вѣнскаго двора, искусно смѣняющаго угрозу ласкою и ласку угрозою, и неуклонно готовящаго себѣ кліентовъ во всѣхъ пограничныхъ областяхъ Сѣверной Турціи?

Очевидно, при такомъ неустройствѣ въ государственномъ управленіи и податной системѣ, въ соединеніи съ безумнымъ и безотвѣтственнымъ расточеніемъ государственныхъ доходовъ, и при всеобщей привычкѣ къ грабительству, претворившейся въ плоть и кровь всего должностнаго Турецкаго племени,—общее положеніе государственныхъ финансовъ неминуемо должно быть самое бѣдственное. Европа долго не вѣрила, что одинъ султанскій сераль ежегодно поглощаетъ болѣе ста милліоновъ піастровъ и сверхъ того ежегодно еще должаетъ, какъ утверждали это лучшіе изслѣдователи,—покуда недавній кризисъ, вызвавшій удаленіе отъ дѣлъ многихъ родственниковъ султана и придавшій Ризѣ-пашѣ полицейскую диктатуру надъ сералемъ, не подтвердилъ это показаніе и не обнажилъ все безобразное по-

ложеніе Турецкихъ финансовъ. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что этотъ новый внутренній переворотъ, послуживъ лишь къ совершенному оглашенію продѣлокъ, позорящихъ сераль, и къ разсѣянію послѣднихъ сомнѣній насчетъ Турецкаго управленія, будетъ безсиленъ искоренить причины, его вызвавшія. Таковымъ онъ оказался уже на дѣлѣ, и Турецкое правительство отнынѣ безвозвратно осуждено передъ судомъ общественнаго мнѣнія Европы: всѣ лучшіе органы Европейской журналистики, и во главѣ ихъ—Англійская газета Times, уже изобличили, въ болѣе или менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, новый пріемъ государственныхъ людей Константинополя, плѣнившій сихъ послѣднихъ своимъ практическимъ удобствомъ съ тѣхъ поръ какъ, четыре года тому назадъ, они рѣшились, наперекоръ исконному обычаю, заключить первый денежный заемъ у невѣрныхъ и, безсовѣстно расточая доходы государства, стали періодически пополнять казначейство новыми займами на Европейскихъ биржахъ. Пора, конечно, Европѣ перестать содѣйствовать этому непрестанному и быстрому возвышенію Турецкаго долга, уже теперь, при помощи ея, въ теченіи четырехъ лѣтъ доведеннаго до сравнительно огромной цифры 800 милліоновъ франковъ, пожирающаго около трети лучшихъ государственныхъ доходовъ и грозящаго принять еще бо́льшіе размѣры и еще болѣе осложнить окончательную развязку Восточнаго вопроса и окончательные по немъ расчеты. Этимъ слѣпымъ своимъ потворствомъ Европа, безъ пользы для себя, готовитъ лишь незавидную участь Греко-Славянскимъ племенамъ, законнымъ преемникамъ государственной власти Порты. Не лучше ли, не достойнѣе ли было бы не портить заранѣе и почти преднамѣренно ихъ будущее финансовое положеніе, и не заставлять ихъ расплачиваться вдвойнѣ за неспособность и злоупотребленія правительства, насильственно и эгоистически навязываемаго имъ самою Европою?... Рядомъ съ этимъ нравственнымъ безсиліемъ султанскаго правительства, и самъ мусульманскій слой народа неподвижно коснѣетъ, погруженный въ тупое безсмысліе, изъ прежняго быта своего почерпнувши главнымъ образомъ одни пороки и чувственность, изъ прежняго дѣятельнаго фана-

тизма, увлекавшаго его къ завоеваніямъ, сохранивши почти одно лишь чувство презрительной зависти къ христіанскому племени, къ его высшей образованности и явному преуспѣянію, но безсильный перенять у него уваженіе къ труду и чувство любви—эти два высшіе двигателя христіанскаго общества. Въ глубинѣ своей души мусульманинъ сознаетъ себя заранѣе побѣжденнымъ; онъ ясно видитъ возрастающее могущество свѣжаго племени, но умѣетъ лишь проклинать его торжество въ безсильномъ порывѣ ненависти. Трудъ его не привлекаетъ, въ какой бы сферѣ онъ ни родился; жизнь семейная, со всѣми своими обаятельными таинствами, для него не существуетъ; личная военная доблесть его покинула, побѣжденная всемогущею силою недоступной ему науки; остаются ему въ жизни — лишь вещественныя наслажденія, да грубая сила, покуда послѣдняя еще поддерживается молчаливымъ заговоромъ Западно-Европейской политики противъ возрожденія и будущности Греко-Славянскихъ племенъ. Съ этимъ нравственнымъ паденіемъ господствующаго племени стоитъ въ неразрывной связи цѣлая совокупность явленій, сопровождающихъ разрушеніе стараго Турецкаго быта: всеобщее опустѣніе городовъ, селъ и деревень, гдѣ трудъ христіанина ничѣмъ не огражденъ отъ насилія, а мусульманинъ считаетъ его для себя безчестнымъ; одновременный упадокъ и земледѣлія, и промышленной дѣятельности; страшное уменьшеніе народонаселенія, особенно мусульманскаго *); отсутствіе дорогъ, даже въ ближайшемъ отъ Константинополя разстояніи, такъ что 300 верстъ, отдѣляющія столицу отъ Филиппополя, невозможно даже лѣтомъ проѣхать менѣе какъ въ двѣнадцать сутокъ; постыднѣйшій торгъ невольниками, отсутствіе всякой общественной нравственности, безграничная случайность въ возвышеніи и

*) Книга Матье и статьи S-t Marc Girardin заключаютъ въ себѣ множество любопытнѣйшихъ фактовъ, доказывающихъ и объясняющихъ это замѣчательное и неоспоримое явленіе. По свидѣтельству Матье, взаимное отношеніе народонаселенія Турецкаго и Христіанскаго въ Европейской Турціи, въ концѣ XVI-го вѣка выражавшееся въ пропорціи трехъ къ одному, нынѣ совершенно извратилось и должно быть принято въ настоящее время по крайней мѣрѣ какъ одинъ къ четыремъ.

низверженіи общественныхъ дѣятелей, наконецъ постояннѣйшій и полнѣйшій развратъ въ высшихъ слояхъ Турецкаго общества, выражающійся въ самыхъ грубыхъ формахъ и какъ бы вѣнчаемый повсемѣстнымъ и явнымъ обычаемъ вытравливанія дѣтей матерями,—обычаемъ, дошедшимъ въ самой столицѣ до правильнаго устройства и почти признаннаго ремесла. Таковы самыя рѣзкія черты Турецкаго быта въ Европѣ. Справедливо замѣчено было Англійскою газетою Times, что Турки, въ теченіи 400 лѣтъ жившіе на счетъ плодовъ древней Византійской гражданственности, успѣли наконецъ потребить весь богатый вещественный капиталъ, завѣщанный имъ ихъ роскошною предмѣстницею. Не менѣе справедливо было бы сказать, что одновременно съ этимъ, и при томъ не менѣе всецѣло и безплодно, истреблено ими и духовное наслѣдіе стараго мусульмано-арабскаго міра. Какъ бы то ни было, будущее неминуемо принадлежитъ уже иному, болѣе производительному племени, и тяжелыя жертвы, приносимыя Западными государствами для минутнаго гальванизированія остывающаго трупа, безсильны возвратить ему жизнь, давно и безвозвратно его покинувшую.

Два противуположныхъ признака лежатъ теперь на всей Турецкой жизни или, лучше сказать, на бытовыхъ отношеніяхъ всѣхъ другъ другу чуждыхъ племенъ, населяющихъ Турецкую имперію,—признаки, рѣзко отличающіе современное положеніе и настроеніе умовъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ кризисовъ Турецкаго міра. Эти признаки съ одной стороны—всеобщее и неограниченное неудовольствіе всѣхъ и каждаго, безъ различія народности, вѣроисповѣданія и званія; съ другой,—и притомъ преимущественно въ областяхъ Турціи Азіатской,—внезапно вновь возродившаяся въ старой колыбели Ислама фанатическая ненависть противъ Европы и христіанскаго начала. Фанатизмъ этотъ выражается въ непрерывномъ ряду вспышекъ мѣстнаго мусульманскаго населенія противъ христіанъ и консуловъ Европейскихъ, на всѣхъ почти точкахъ Имперіи,—вспышекъ, ознаменовавшихъ собою почти каждый день, протекшій со времени Парижскаго мира. Иногда предупреждаемыя, иногда наказываемыя силою, подчасъ остающіяся по неволѣ безъ вся-

каго возмездія, онѣ питаютъ чувства живой неумолкающей ненависти между обоими населеніями. Послѣднія изслѣдованія указали на неожиданный источникъ этого умственнаго настроенія Азіатскихъ мусульманъ, на многовѣтвистый заговоръ и тайныя общества, корнемъ своимъ кроющіяся въ самомъ Арабскомъ святилищѣ мусульманства и сѣтями своими покрывающія всѣ не довольно населенныя мѣстности Азіатской и даже Европейской Турціи. Эти возбужденные магометанскіе элементы, глухо зашевелившіеся сперва во дни преобразованій султана Махмута и въ то время нашедшіе себѣ случайнаго представителя въ лицѣ Египетской династіи, нынѣ впервыя выступаютъ во всеоружіи нѣкотораго сознанія; они ищутъ себѣ внѣшней формулы и политическаго символа. Нужно лишь одно предпріимчивое лице, найдется оно—и новый внутренній Восточный кризисъ поневолѣ заставитъ Европу силою разрубить старый Гордіевъ узелъ, не скрывая долѣе своего разногласія и взаимной зависти за двусмысленными сдѣлками, на подобіе трактатовъ 1840 и 1856 годовъ.

Всякій новый кризисъ потрясетъ до глубины основаній старый Востокъ, отнынѣ исключительно вмѣщающій въ себѣ однихъ только недовольныхъ. Таково, по нашему мнѣнію, поучительное наставленіе, извлекаемое изъ сочиненія — „Les réformes de l'Empire Byzantin“ и представленное въ немъ съ тою яркостію красокъ, съ тою живостію сознанія, съ какою оно не изложено ни у одного другаго писателя. Въ причинахъ къ неудовольствію, какъ мы видѣли выше, нѣтъ конечно недостатка; но кромѣ исчисленныхъ, главныхъ, существенныхъ началъ раздора и разногласія между христіанскимъ и мусульманскимъ населеніемъ Турціи, множество еще другихъ второстепенныхъ поводовъ питаютъ духъ плохо скрываемой злобы въ отдѣльныхъ слояхъ этого несчастнаго общества. Такъ, напримѣръ, систематическое замѣненіе центральною властію мѣстныхъ правителей чиновниками, присылаемыми изъ Константинополя и тщательно почти всегда выбираемыми, какъ свидѣтельствуетъ г. Гильфердингъ, изъ лицъ, по рожденію своему чуждыхъ управляемой мѣстности, вооружаетъ противъ нововведеній Европейскихъ всѣхъ

тѣхъ, которые прежде привыкли безотчетно завѣдывать дѣлами и разработывать въ свою пользу выгоды своего края. Такъ точно, съ другой стороны, при пашахъ и министрахъ, Европейскіе агенты успѣли почти окончательно вытѣснить, безъ всякой, впрочемъ, пользы для края, ту вереницу Армянъ и Грековъ, которые прежде постоянно окружали этихъ сановниковъ и, служа имъ посредниками въ ихъ злоупотребленіяхъ, обогащались сами и подчасъ сохраняли еще тѣнь состраданія къ бѣдствіямъ своихъ единовѣрцевъ. Такъ всѣ новыя промышленныя предпріятія, существенно выгодныя или даже мечтательныя, вымогаются у Порты Европейскими посольствами въ пользу Европейскихъ промышленниковъ или искателей приключеній, въ ущербъ мѣстнымъ торговцамъ. Такъ сами Константинопольскіе фанаріоты видятъ себя вытѣсненными, вопреки давнему обычаю и ясно выраженному слову хатти-гумаюна, изъ лучшихъ и выгоднѣйшихъ должностей, административныхъ и дипломатическихъ, которыми прежде такъ щедро награждала ихъ Порта. Пицинiосъ съ трудомъ припоминаетъ имена трехъ или четырехъ изъ нихъ, еще сохранившихъ высшія служебныя должности; за другими осталось уже одно только вліяніе на дѣла Церкви, и то отнынѣ постоянно угрожаемое ежедневно разрастающеюся ненасытностію Турецкихъ сановниковъ и алчнымъ ихъ позывомъ къ систематическому вмѣшательству всюду, гдѣ только можетъ представиться случай къ личной корысти. Наконецъ, присоединимъ еще, въ заключеніе этой печальной картины, сильно развившуюся, подъ вліяніемъ особенныхъ, слишкомъ мало обслѣдованныхъ и слишкомъ легкомысленно донынѣ взвѣшиваемыхъ обстоятельствъ, внутреннюю горячую вражду двухъ подвластныхъ племенъ—Славянскаго и Греческаго, грозящую внести въ будущее историческое разрѣшеніе Восточнаго вопроса еще новые элементы, особенно важные для насъ и донынѣ оцѣненные нами, въ Россіи, менѣе, нежели которою либо изъ иныхъ намъ враждебныхъ дипломатій.

Таково положеніе государства, удостоеннаго почетнаго пріема въ семейный сонмъ Европейскихъ державъ въ то самое время, когда, по единогласному свидѣтельству луч-

шихъ изслѣдователей, оно все быстрѣе и быстрѣе клонится къ безвозвратному разложенію, когда два взаимно другъ другу противорѣчащихъ законодательныхъ тока упраздняютъ въ немъ на дѣлѣ всякій практическій смыслъ права и законности, когда о верховной въ ней власти напоминаетъ подданнымъ лишь ея безсиліе къ осуществленію добра и централизирующая тяга въ систематическомъ приложеніи новаго гнета, новыхъ стѣснительныхъ мѣръ. Дряхлое государство, облеченное деспотическою властію надъ всѣми своими подданными, постепенно дошедшее до полнаго отрицанія всѣхъ историческихъ преградъ, ему прежде встрѣчавшихся на поприщѣ своей внутренней дѣятельности, сломившее, съ помощію Европы, всѣ внутреннія препятствія, всякое жизненное сопротивленіе, стершее всѣ отдѣльныя привилегіи (даже множество злоупотребленій, за коими прежде подчасъ скрывалась хотя малая драгоцѣнная доля мѣстной свободы или произвола), провозгласившее вмѣстѣ съ тѣмъ новый законъ свободы, но само безсильное сознать и усвоить себѣ этотъ законъ, равно безсильное дать ему живое практическое осуществленіе у подвластныхъ себѣ народовъ: таковъ вѣрный, но еще далеко неполный, образъ современной намъ Турціи. Удивительно ли послѣ этого, что составныя начала ея какъ бы лѣзутъ врозь, полныя сознательнаго отвращенія къ искусственному, извнѣ налагаемому на нихъ политическому единству? Удивительно ли, что они неутомимо ищутъ себѣ новой формулы жизни, жадно простирая свои руки ко всякому, кто только въ силахъ имъ помочь?

Султанскому правительству и Турецкому племени запросъ туземныхъ христіанскихъ племенъ поставленъ нынѣ съ полною ясностію: и тому и другому предложено послѣднее, впрочемъ конечно едва ли исполнимое, средство и условіе для сохраненія Турецкаго государственнаго единства. Это средство, безъ сомнѣнія не лишенное комической стороны, почти одновременно предложено авторомъ „Реформъ въ Византійской имперіи“ и неизвѣстнымъ сочинителемъ замѣчательнаго письма Критянина къ своимъ соотечественникамъ, по поводу послѣднихъ событій въ Критѣ. Пицинiосъ

требуетъ обращенія главы правовѣрныхъ къ вѣрѣ исповѣдуемой лучшимъ большинствомъ его подданныхъ: неизвѣстный Британикъ обращается съ тѣмъ же убѣжденіемъ къ тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ предки случайно приняли законъ Магометовъ, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній Турецкаго завоеванія. Оба согласны въ томъ, что продолженіе государственной жизни Турціи возможно лишь при освященіи ея христіанскимъ началомъ „la christianisation du gouvernement Turc", какъ выражается Пицциосъ. Подъ нѣсколько юмористическою формою, въ которую облекается это требованіе, скрывается впрочемъ смыслъ глубокій и вѣрный; въ другихъ словахъ можно выразить его тою, кажется, несомнѣнною аксіомою, что при совокупномъ существованіи Ислама и Христіанства, тамъ только можетъ водвориться прочная вѣротерпимость и гражданское равенство, гдѣ господствующею вѣрою является Христіанство, ибо Исламъ по существу своему не примиряется ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изъ вышесказанныхъ началъ.

Требованіе Пицциоса, безъ сомнѣнія, не осуществится, и старый вѣковой споръ двухъ гражданственностей долженъ будетъ рѣшиться силою. Въ этой исторической борьбѣ два государства, неравныя по вещественной силѣ и нравственному значенію, но связанныя единовѣріемъ и политическимъ преданіемъ, преимущественно призваны осуществить новыя искомыя формулы, при полномъ взаимномъ другъ къ другу уваженіи и сознаніи своихъ взаимныхъ историческихъ правъ. Мало до нынѣ было обращаемо дипломатіею вниманія на слабое, едва дышащее королевство Греческое, съ его 1,200,000 жителей, съ его недостаточными еще финансами, съ его иноплеменною династіею. Но сила не всегда соразмѣряется съ пространствомъ и народонаселеніемъ страны, и государственная гордость, въ связи съ устойчивою народностію и любовію къ честному труду, подчасъ съ выгодою замѣняетъ другіе вещественные законы. Греція свободно и сознательно намѣтила свою будущность въ тотъ торжественный для себя день, когда на первомъ же законодательномъ своемъ собраніи 1822 года, въ ничтожномъ городкѣ Тревенѣ, она дерзнула во всеуслышаніе Европы провозгласить, что „Грече-

ская община (или народность) обнимаетъ всѣхъ безъ изъятія жителей Турецкой имперіи, исповѣдующихъ Христа". Этотъ нѣсколько поэтическій порывъ воскресающей Эллады, о которомъ старый Пиципіосъ припоминаетъ не безъ искренняго и глубокаго чувства народной гордости, въ то время вмѣщалъ въ себѣ едва ли не всю тайну успѣха Греческаго возстанія; но, скажемъ тутъ же съ полною откровенностію, въ немъ скрываются зачатки и возможныхъ для Греціи опасностей въ близкомъ уже отъ насъ будущемъ, если бы она слишкомъ односторонне увлеклась своею первоначальною мыслію и захотѣла бы принести ей въ жертву свободу и независимость другихъ племенъ Турецкой имперіи.

Россіи, этой первостепенной державѣ, этой старшей изъ сестеръ въ многочисленной семьѣ племенъ Славянскихъ, неотъемлемо принадлежитъ въ такомъ случаѣ высокая честь и трудная задача посредничества между соперничествующими сторонами. Какъ бы ни были разнообразны сопряженныя съ этимъ опасности, безразсудно было бы ей уклоняться отъ этого историческаго дѣла, добровольно закрывать глаза и прилагать къ нему унизительную и безплодную политику невмѣшательства, наконецъ отдать въ руки враговъ нашихъ возможность завладѣть этимъ могущественнымъ рычагомъ въ дѣлахъ Восточнаго міра и позволить имъ обратить противъ насъ самихъ опасное орудіе, нынѣ еще отъ насъ не ускользнувшее и готовое покориться всякому разумному съ нашей стороны направленію.

Пусть Европа оффиціальная и дипломатическая хвалится своею утонченною хитростію и тѣми несмѣтными жертвами вещественными и нравственными, которыя такъ щедро расточаетъ она, во имя искусственнаго поддержанія отжившаго быта и изнеможеннаго государства, наперекоръ законамъ исторіи и естества; пусть она легкомысленно приноситъ въ жертву непобѣдимому чувству зависти къ намъ судьбу нѣсколькихъ милліоновъ христіанъ и то высокое чувство уваженія къ свободной гражданственности, которое отличаетъ ее на собственной Европейской почвѣ. Пускай, съ другой стороны, литература ея, даже въ лучшихъ, наиболѣе либеральныхъ, своихъ проявленіяхъ, напримѣръ подъ искуснымъ перомъ S-t Marc

Girardin, ищетъ средствъ примирить это обвѣтшалое преданіе Европейской политики съ лучшимъ, болѣе человѣческимъ воззрѣніемъ и мечтаетъ найти это примиреніе въ системѣ безусловнаго невмѣшательства въ дѣла Востока; пускай она, по примѣру Французскаго публициста, считаетъ совершеннѣйшимъ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса оффиціальное открытіе кровавой, быть можетъ неравной, борьбы между различными народностями Турціи, какъ бы въ видѣ исполинской травли или боя борцовъ на жизнь и смерть, въ присутствіи безмолвно возсѣдающей Европы, призванной лишь увѣнчать побѣдителя, кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни погибъ его противникъ. Россіи предстоитъ жребій болѣе возвышенный; она иначе понимаетъ свой долгъ, какъ держава Православная; она выше цѣнитъ знакомую, родную себѣ плоть, и не требуетъ крещенія Востока кровію невинною для воскрешенія его къ новой, самобытной, народной жизни.

Парижскія конференціи, съ минуты заключенія послѣдняго мира сосредоточившія въ себѣ всѣ дипломатическія силы Европы, въ скоромъ времени завершатъ опредѣленный заранѣе кругъ своихъ занятій и возвратятъ каждому государству полную свободу дѣйствій, полную свободу сознанія своихъ выгодъ, ущербовъ и цѣлей. Тогда наступитъ для каждаго отдѣльнаго государства законная пора взглянуть на свое прошедшее, безстрастною рукою взвѣсить жертвы, имъ принесенныя общимъ требованіямъ, дать себѣ строгій отчетъ въ результатахъ, добытыхъ совокупною дѣятельностію Европы и, съ полною добросовѣстностію, подвести итоги подъ тѣ и другія. На совокупности этихъ необходимыхъ данныхъ должно основаться окончательное тогда принятіе того или другаго дальнѣйшаго образа дѣйствія участвовавшими въ конференціяхъ правительствами.

Этотъ опытъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ Европейскихъ дипломатическихъ силъ на Востокѣ можетъ въ окончательномъ результатѣ своемъ оказаться далеко невыгоднымъ для Россіи, ибо онъ далъ истинную непреложную мѣру того, чего народы Востока въ правѣ ожидать отъ совокупнаго вмѣшательства въ ихъ дѣла всѣхъ первостепенныхъ державъ. Россія свято, честно,—мы готовы сказать,—съ добросовѣ-

стностію почти щепетильною, но во всякомъ случаѣ не подлежащею уже нынѣ никакому сомнѣнію, выполнила обязательства, ею принятыя въ отношеніи къ Европѣ, въ ущербъ самой себѣ, но подъ условіемъ дѣйствительнаго улучшенія участи христіанскаго народонаселенія Турціи. Если цѣль эта донынѣ достигнута не вполнѣ, или если даже она не достигнута вовсе, то въ томъ виною передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ не Россія, но, очевидно, тотъ сложный и невѣрный путь, который, вопреки ей, избранъ Европою или, вѣрнѣе сказать, въ томъ виною сама Европа, съ ея историческими противорѣчіями и историческимъ презрѣніемъ къ Греко-Славянскимъ племенамъ.

Необходимая или случайная, но во всякомъ случаѣ единожды ясно сознанная безуспѣшность общаго дѣла развязываетъ руки Россіи и вновь ставитъ ее въ первобытныя естественныя отношенія ея къ Востоку, обогативъ ее опытомъ длиннаго ряда давнихъ предшествующихъ ошибокъ и возбуждая ея дѣятельность невольною памятью понесенныхъ въ Парижѣ пожертвованій.

Отселѣ законная задача Россіи — освобожденіе Греко-Славянскаго міра на Востокѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посредничество и примиреніе двухъ народностей между собою на началахъ разумныхъ, честныхъ, справедливыхъ для той и другой стороны. Необходимыя условія успѣха этого труднаго, но далеко не невозможнаго подвига—прямое, откровенное вмѣшательство, ясно сознанныя и столько же недвусмысленно выраженныя убѣжденія, вѣрное опредѣленіе относительной крѣпости и силы началъ единоплеменности и единовѣрія, страхъ лишь одного—недовольно полнаго и не всецѣлаго разрѣшенія всѣхъ трудностей и всѣхъ вопросовъ, твердая рѣшимость: не останавливаться ни передъ какимъ авторитетомъ, сколь бы ни былъ онъ нами уважаемъ, но подчинить себѣ всѣ авторитеты и предписать всѣмъ эгоистическимъ стремленіямъ высшій разумный законъ, лишенный всякихъ мелочныхъ, корыстныхъ цѣлей. Было время, когда одного имени Россіи, безъ яснаго сознанія ея цѣлей и путеводныхъ началъ, было достаточно для привлеченія къ ней всѣхъ разрозненнѣйшихъ элементовъ, подвластныхъ Турец-

кому міру. Но время и опыты проходятъ не безъ слѣда: въ извѣстную пору своей жизни сдавленныя народности быстро зрѣютъ и, на подобіе сказочнаго богатыря, мужаютъ не по днямъ, а по часамъ. Первые признаки въ перемѣнѣ ихъ настроенія къ намъ стали проявляться уже лѣтъ 30 тому назадъ; умный дипломатъ, посвятившій бо́льшую часть своей жизни службѣ Россіи, Поццо ди Борго, ясно провидѣлъ грозившую намъ опасность и указалъ на нее въ депешѣ 4 Октября 1825 года, нынѣ уже обнародованной. Онъ говорилъ: „Англія теперь доставляетъ помощь Грекамъ чрезъ своихъ либераловъ и создаетъ себѣ вліяніе посредствомъ своихъ эскадръ и управленія Іоническими островами. Греки, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ихъ вожаковъ, взываютъ къ ея покровительству и готовы теперь уже безусловно ей подчиниться. Будутъ ли ихъ предложенія приняты Англіею или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ и главнымъ образомъ важно то, что эти предложенія могли родиться и могли быть сдѣланы“.... *) Указанная старымъ дипломатомъ опасность не переставала съ той поры все болѣе и болѣе разростаться; конечно, не мало содѣйствовало тому враждебное намъ вліяніе Западныхъ государствъ и Западной гражданственности, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ щедрою рукою разсѣвавшихъ плевелы подозрительнѣйшаго и часто даже несправедливѣйшаго къ вамъ недовѣрія. Какъ бы то ни было, отнынѣ Россіи необходима на Востокѣ—ясная, положительная програма политической дѣятельности, основанная на признаніи народностей и провозглашеніи собственнаго полнаго вещественнаго безкорыстія. Лишь такою программою можетъ быть возмѣщено временное отсутствіе побѣдоноснаго Синопскаго флага. Девятнадцать лѣтъ тому назадъ, нынѣшній императоръ Французовъ, излагая путеводныя начала своей династіи въ сочиненіи подъ названіемъ „Des idées Napoléoniennes“ и предсказывая дальнѣйшее будущее развитіе Америкѣ, Россіи и Франціи, выражался въ слѣдующихъ словахъ объ нашемъ отечествѣ и о законной задачѣ его политики на Востокѣ: „Le pouvoir

*) Recueil des documents secrets et inédits etc. Paris, 1853. 1-e livraison, p. 12.

impérial (en Russie) doit lutter contre les vieux préjugés de notre vieille Europe... L'Orient ne peut recevoir que de lui les améliorations qu'il attend"...

Намъ ли Русскимъ отказываться отъ подобнаго гороскопа вѣщаго правителя Франціи, прежняго нашего врага, нынѣ, быть можетъ, и союзника?...

ПЕЧАТЬ ВЪ АНГЛІИ.

Напечатано было во 2-й книгѣ Р. Бесѣды 1859 года.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ КНИГИ

«Исторія печати въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ»

Кюшеваль-Клариньи. Парижъ 1857 года.

(Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats-Unis, par Cucheval-Clarigny. Paris 1857).

Часто проходятъ у насъ почти незамѣченными любопытнѣйшія произведенія иностранной политической литературы, не взирая на усилія многихъ нашихъ журналовъ и газетъ обратить на нихъ вниманіе читателей. Въ такомъ случаѣ не лишнимъ бываетъ напомнить о нихъ вновь, и вновь направить на нихъ заслуженное ими общественное вниманіе. Мы намѣрены теперь сказать нѣсколько словъ по поводу книги, вышедшей съ небольшимъ годъ тому назадъ, во Франціи, изъ-подъ пера одного изъ даровитыхъ сотрудниковъ Journal des Débats. Всѣмъ извѣстно жалкое современное положеніе періодической литературы, а съ нею вмѣстѣ и всего духовнаго движенія во Франціи. Это всеобщее стѣсненіе, этотъ строгій запретъ всякаго критическаго разбора внутренняго состоянія Франціи, по неволѣ заставляетъ людей мыслящихъ и не легко примиряющихся съ закономъ всеобщаго онѣмѣнія—искать искуснаго изворота мысли, охраняющаго ее отъ насилія внѣшней власти и углубляться въ учрежденія странъ сосѣдственныхъ, придавая критикѣ явленій домашнихъ форму описанія и справедливой похвалы учрежденіямъ иноземнымъ. Недавній примѣръ Монталамбера доказываетъ, конечно, что и эта метода не всегда безопасна въ странахъ, гдѣ не водворилось еще въ самомъ правительствѣ твердое сознаніе собственнаго достоинства и неразлучное съ нимъ уваженіе къ правамъ серьезной и добросовѣстной мысли, облекающейся въ строгія формы приличій и уваженія къ существующему гласному закону. Тѣмъ не менѣе литературный пріемъ этотъ, вынужденный отсутствіемъ разумной сво-

боды книгопечатанія, нынѣ, какъ онъ ни оскорбителенъ для достоинства общества, усвоенъ себѣ всѣми вообще Французскими публицистами. Точно также преобладалъ онъ нѣкогда, по свидѣтельству Кюшеваля, въ самой Англіи, и точно также неминуемо призванъ онъ, ко вреду истины и нравственнаго чувства, водвориться и во всякомъ иномъ обществѣ, искусственно останавливаемомъ въ своемъ развитіи слишкомъ неразумными предупредительными мѣрами власти. Говоря объ исторіи журналистики въ Англіи и Америкѣ, Кюшеваль непрестанно переноситъ насъ мыслію къ невольнымъ сближеніямъ съ современнымъ бытомъ своего отечества, сближеніямъ тѣмъ осязательнѣйшимъ, чѣмъ съ меньшею ясностію они высказаны въ его рѣчи. Впрочемъ пріемъ этотъ мало вредитъ дѣлу, и книга его во всякомъ случаѣ остается замѣчательнымъ свидѣтельствомъ о ходѣ развитія книгопечатанія въ разсматриваемыхъ имъ двухъ странахъ. Здѣсь не мѣсто и не время было бы представлять подробный обзоръ его сочиненія или дѣлать длинныя изъ него выписки для ознакомленія съ нимъ читателя. Совѣтуемъ каждому добыть себѣ самую книгу, внимательно ее прочитать и изучить, и заранѣе ручаемся, что память каждаго читателя обогатится несмѣтнымъ множествомъ любопытнѣйшихъ историческихъ и статистическихъ подробностей.. Въ самомъ дѣлѣ, едвали въ какомъ либо другомъ сочиненіи такъ ясно, такъ наглядно описанъ особенный характеръ печати въ каждой изъ двухъ разсматриваемыхъ странъ; едвали гдѣ либо, въ тѣсныхъ рамкахъ одной и при томъ не весьма толстой книжки, сосредоточено столько остроумныхъ мыслей и воззрѣній на развитіе журналистики и отношенія ея къ государству; наконецъ, едвали кто нибудь такъ вѣрно оцѣнилъ неотразимо всюду разрастающіяся средства и значеніе журналистики, какъ новой исторической власти, постепенно водворяющейся на почвѣ новыхъ историческихъ народовъ.

Эпиграфомъ сочиненія его поставлены извѣстныя слова Каннинга о значеніи въ Англійской конституціи общественнаго мнѣнія, облекающагося въ форму свободной печати, и въ окончательномъ результатѣ заправляющаго всѣмъ государственнымъ дѣломъ, притомъ, — какъ видно изъ ежеднев-

наго опыта,—безъ особенной невыгоды для самого общества и безъ ущерба общественному уваженію къ власти. Далѣе, на первыхъ страницахъ, мы находимъ замѣчательныя слова перваго Французскаго газетчика, Ренодо, нашедшаго себѣ покровителя въ кардиналѣ Ришелье, и уже въ раннюю эпоху 1636 года предугадавшаго тайну будущаго преуспѣянія и крѣпости новаго учрежденія. „Усердно прошу иноземныхъ государей и государства", писалъ онъ въ то время въ своей газетѣ, „не терять по-напрасну времени въ попыткахъ къ закрытію свободнаго пути сообщаемымъ мною вѣстямъ; ибо я веду такую торговлю, предотвратить которую никому доселѣ еще не удавалось; эта торговля одарена отъ природы бурною силою потока, отъ всякаго противодѣйствія и препятствія только еще болѣе раздражающагося". Пророческія слова Ренодо сбылись на дѣлѣ: сравните по цифрамъ, взятымъ изъ книги Кюшеваля, скромные зачатки журналистики въ самой Англіи съ тѣми громадными результатами, которыми гордится нынѣ Англійская періодическая литература. Подите далѣе, взгляните на Сѣверо-Американскіе Штаты, съ ихъ могучимъ дѣвственнымъ развитіемъ, и вы еще болѣе изумитесь. Въ 1760 годахъ Англійскія газеты считали своихъ подписчиковъ еще только сотнями, и одинъ Public Advertiser могъ похвалиться 3000 подписчиковъ. Теперь Times имѣетъ ихъ болѣе 35,000, не взирая на непомѣрно высокую цѣну этой газеты, цѣну рѣшительно неслыханную на материкѣ Европы. Въ 1753 году всѣ Англійскія газеты, вмѣстѣ взятыя, распродавались въ числѣ 7,400,000 печатныхъ листовъ; въ 1792 году цифра эта возрасла до 15,000,000; въ 1850 году нѣкоторыя отдѣльныя газеты должны были уплатить штемпельную пошлину съ цѣлаго милліона листовъ. Въ теченіи того же года Американская періодическая литература выпустила 422,600,000 печатныхъ листовъ. —Данныя, доставляемыя статистикою нашей отечественной журналистики, конечно отстоятъ еще на неизмѣримое разстояніе отъ этихъ баснословныхъ цифръ. Тѣмъ не менѣе и ея непрестанно возрастающее движеніе ясно доказываетъ, что и у насъ литература уже рѣшительно перестала быть роскошью, доступною лишь самому ограниченному кругу читателей; ясно, что

отнынѣ печать сдѣлалась насущною потребностію всего Русскаго общества и стремится стать на степень существеннѣйшаго и необходимѣйшаго органа общественнаго развитія. Это новое для нея положеніе должно безъ сомнѣнія обезпечить ей особенный почетъ въ народномъ сознаніи и вызываетъ уваженіе къ ней со стороны государственной власти; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно возлагаетъ и на литературу, и на журналистику въ особенности, немаловажныя обязанности нравственныя и долгъ строгаго, безкорыстнаго служенія вѣчнымъ законамъ правды и добра.

Англійская журналистика, какъ и всякая другая, купила современное блистательное свое положеніе цѣною многихъ тяжелыхъ пожертвованій: съ одной стороны—долговременною, неутомимою, часто неровною борьбою за свободу выраженія общественной мысли; съ другой—глубокимъ сознаніемъ и строгимъ соблюденіемъ своего собственнаго достоинства, и ревностнымъ охраненіемъ своей вещественной независимости отъ той льстивой сѣти приманокъ и искушеній, которою міръ всегда ищетъ опутать всякую вновь возникающую силу. Указанія на этотъ высокій нравственный характеръ Англійской журналистики щедрою рукою разсѣяны въ первой части сочиненія Кюшеваля; они служатъ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для правильнаго возсозданія исторіи развитія Англійской гражданственности во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, въ эпоху постепеннаго созрѣванія въ ней политической свободы послѣ бурныхъ дней XVII вѣка и при томъ подъ вліяніемъ правительства и парламента, далеко не чуждыхъ нареканій во взаимномъ подкупѣ и безнравственнѣйшихъ пріемахъ въ государственномъ управленіи. Кюшеваль ясно указываетъ на неоспоримое совпаденіе политическаго значенія Англійской журналистики съ выраженнымъ ею впервыя явно и громко сознаніемъ высокихъ нравственныхъ обязанностей, на ней лежащихъ въ отношеніи къ обществу, и съ провозглашенною ею необходимостію высоко держать знамя своей вещественной независимости. Даже тогда, когда Англійскія газеты случайно поддерживали то или другое министерство или, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, склонялись къ какой либо временной уступкѣ въ своихъ убѣж-

деніяхъ,—настоятельнымъ политическимъ потребностямъ или желаніямъ правительства,—и тогда, заботясь о сохраненіи доброй славы своей, онѣ тщательно отклоняли отъ себя всякое денежное вознагражденіе, хотя бы даже предлагаемое подъ самою скрытною и косвенною формою. Такой именно образъ дѣйствій въ отношеніи къ министерству Персеваля создалъ въ свое время политическое значеніе извѣстнаго Даніеля Стюарта, редактора сперва Morning Post'a, а послѣ Courrier'a; онъ же немало содѣйствовалъ тому огромному, безпримѣрному въ Европѣ вліянію, которое, въ теченіи шестидесятилѣтняго существованія своего, умѣлъ пріобрѣсти себѣ Times, благодаря въ особенности благоразумному, независимому характеру, втораго по времени, издателя своего Walter'a, завѣдывавшаго редакціею этой газеты отъ 1803 до 1847 года. Въ 1810 году, заявляя путеводныя начала своей первоначальной газетной дѣятельности и обѣщая оставаться имъ неизмѣнно вѣрнымъ, онъ не усомнился напечатать въ газетѣ своей объясненіе, которое, конечно, должно остаться почетнымъ воспоминаніемъ въ исторіи Англійской журналистики. „Владѣлецъ этой газеты", говоритъ онъ, „съ самаго перваго дня своего вступленія въ редакцію, добросовѣстно и безкорыстно защищалъ тогдашнее министерство лорда Сидмута. Газета наша продолжала и въ послѣдствіи поддерживать людей власти, но никогда не позволяла имъ расплачиваться съ нею посредствомъ такаго рода полуоффиціальныхъ сообщеній, которыя могли бы послужить къ сокращенію, хотя бы даже и въ самой ничтожной мѣрѣ, денежныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ изданіемъ газеты. Редакторъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что еслибъ онъ принялъ отъ министерства подобнаго рода вознагражденіе, онъ этимъ самымъ лишилъ бы себя права по совѣсти осудить дѣйствія того же министерства тогда, когда они показались бы ему вредными для общества или предосудительными. И такъ онъ поддерживалъ министерство лорда Сидмута единственно на томъ основаніи, что считалъ его, и донынѣ считаетъ, министерствомъ честнымъ и сознательно достойнымъ; но даже и въ отношеніи къ нему редакція не сочла возможнымъ отказаться отъ полной и неограниченной

своей свободы мнѣній и не соглашалась никогда принять отъ него какой бы то ни было услуги, хотя бы даже предложенной въ самой невинной формѣ; ибо она не могла быть увѣрена, что и это министерство не собьется случайнымъ образомъ съ своего прямаго пути и не впадетъ въ какія либо погрѣшности."—Таже самая мысль, еще сильнѣе выраженная, еще быть можетъ глубже сознанная, заявлена опять черезъ 42 года тою же газетою, по поводу негодованія всѣхъ вождей главныхъ политическихъ партій въ Англіи на Times за гласное выраженіе имъ своего нерасположенія къ Людовику Наполеону. „Достоинство и свобода печати сами собою исчезаютъ, говорилъ тогда Times, какъ скоро печать соглашается принять положеніе подручническое. Если она хочетъ сохранить полную свою независимость и, добросовѣстно выполняя лежащія на ней обязанности, желаетъ приносить публикѣ дѣйствительную пользу, въ такомъ случаѣ она отнюдь не должна вступать съ политическими людьми въ союзы слишкомъ тѣсные и всегда обусловливающіе подчиненіе; она не должна приносить въ жертву защищаемые ею вѣчные и никогда не вымирающіе интересы общества—требованіямъ преходящей власти какаго бы то ни было кабинета".

Кюшеваль, лишь мимоходомъ и въ самыхъ общихъ чертахъ очерчивая слишкомъ извѣстную исторію гоненій, претерпѣнныхъ печатію въ правленіе послѣднихъ Стюартовъ, довольно подробно указываетъ, напротивъ, на позднѣйшія стѣсненія ея въ XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка до 1830 года; онъ исчисляетъ многочисленные процессы, которые вчинались правительствомъ и парламентомъ противъ знаменитѣйшихъ представителей журналистики, которыми каждый разъ все болѣе и болѣе упрочивалось вліяніе послѣднихъ и которые окончательно содѣйствовали къ рѣшительному установленію въ Англіи преобладающей силы журналистики, какъ четвертой, почти признанной въ конституціи власти. И въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, были исчерпаны почти всѣ нынѣ извѣстныя предупредительныя мѣры: штемпельная подать на газеты введена уже въ 1712 г. и почти безъ измѣненія существовала до послѣднихъ годовъ, когда она ак-

томъ парламента обращена въ пошлину почтовую; въ томъ же 1712 году было уже предлагаемо въ парламентѣ введеніе въ Англійской журналистикѣ системы, нынѣ существующей во Франціи и требующей подписи имени автора подъ каждой статьею; наконецъ, и цензура имѣла въ Англіи дни долгаго, хотя и небезмятежнаго, владычества. Къ сожалѣнію, Кюшеваль представляетъ лишь мало данныхъ о цензурѣ и въ особенности объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ея окончательное исчезновеніе въ Англіи. Пробѣлъ этотъ крайне прискорбенъ. Любопытно было бы знать, какъ относились въ Англіи XVII и XVIII вѣка цензора къ власти и къ общественному мнѣнію; любопытенъ былъ бы, сохраненный безъ сомнѣнія преданіемъ, рядъ именъ тѣхъ изъ нихъ, которые равно добросовѣстно отправляли обязанности свои въ отношеніи къ правительству и къ общественной мысли. Имена подобныхъ скромныхъ, но честныхъ дѣятелей, въ высшей степени важныхъ въ ходу общественнаго развитія, заслуживаютъ тщательнаго храненія въ памяти общества.

Книга Кюшеваля не содержитъ также удовлетворительныхъ указаній на существованіе или отсутствіе въ Англіи, принятой во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, системы требованія отъ газетъ и журналовъ взноса извѣстнаго залога въ обезпеченіе тѣхъ штрафовъ, которые судебными приговорами могутъ быть наложены на редакцію. Очевидно, подобная система можетъ до нѣкоторой степени быть оправдана тамъ, гдѣ тяжба правительства противъ газетъ подвергается разсмотрѣнію суда присяжныхъ или, по крайней мѣрѣ, какъ во Франціи, суда, независимость котораго отъ исполнительной власти хотя сколько нибудь ограждена учрежденіемъ судейской несмѣстимости. Въ такомъ случаѣ невозможность ясно выразить и опредѣлить въ законѣ проступки, встрѣчающіеся въ области печати (такъ называемые délits de presse), невозможность эта отчасти восполняется самымъ свойствомъ той судебной среды, которая призвана прилагать законъ, по существу своему недостаточный. Вообразимъ тоже самое учрежденіе гдѣ нибудь въ другой странѣ, судоустройство которой не представляетъ тѣх-

самыхъ спасительныхъ обезпеченій, хотя бы напримѣръ въ Турціи: нѣтъ никакаго сомнѣнія, что тамъ, при безграничной почти и вполнѣ безотчетной власти правительственныхъ лицъ, подобное учрежденіе въ окончательномъ результатѣ своемъ соотвѣтствовало бы лишь прямому изъятію газетныхъ и журнальныхъ редакторовъ отъ общаго, для всѣхъ сословій всегда и вездѣ существующаго, закона о воспрещеніи произвольной конфискаціи имущества. Ибо ничто тамъ не могло бы обезпечить редакторамъ правильнаго и честнаго суда и нелицепріятнаго, безпристрастнаго приговора, призваннаго опредѣлить степень и мѣру взысканія и справедливость вмѣненія. Въ этомъ отношеніи совершенно безразлична даже та цѣль, которая могла бы быть выставлена закономъ для оправданія подобнаго требованія залога: законъ былъ бы во всякомъ случаѣ равно несправедливъ, даже и тогда, когда залогъ этотъ назначался бы имъ, напримѣръ, для вознагражденія подписчиковъ, на случай произвольнаго запрещенія журнала исполнительною властію. Скажемъ болѣе: достиженіе властію своей цѣли подобнымъ окольнымъ путемъ, облекающимся какъ бы въ наружное уваженіе къ правамъ общества, не могло бы не быть почтено дѣломъ глубоко безнравственнымъ, какъ по своей цѣли, такъ и по тѣмъ злоупотребленіямъ, съ которыми неразлучно связано приведеніе подобныхъ мѣръ въ исполненіе.

Но если сочиненіе Кюшеваля оставляетъ такимъ образомъ въ тѣни нѣкоторые вопросы, касающіеся исторіи печати въ Англіи, то оно, какъ бы въ вознагражденіе читателя, кидаетъ самый яркій свѣтъ на другія существеннѣйшія стороны того же самаго предмета. Всего яснѣе и нагляднѣе выступаетъ напримѣръ предъ читателемъ картина отношеній въ Англіи оффиціальной печати къ свободной печати, какъ къ выраженію общественной мысли. Нигдѣ, быть можетъ, не выражается такъ ясно, какъ въ этой особенности, тотъ исключительно Англійскому правительству принадлежащій характеръ, вслѣдствіе котораго оно является въ государствѣ отрѣшеннымъ отъ всякаго отвлеченнаго, правительственнаго типа, нигдѣ не выступая въ отвлеченной формѣ правительства, *какъ правительства*, въ отличіе отъ общества и какъ

бы въ противуположность ему,—но всегда воплощаясь въ осязательный жизненный типъ той или другой изъ значительныхъ политическихъ партій этого же самаго общества и поочередно и правильно переходя изъ рукъ одной изъ этихъ партій въ руки другой. Этимъ объясняется то замѣчательное обстоятельство, что Англійское правительство не имѣетъ никакаго, ему собственно принадлежащаго, органа; не имѣетъ никакой оффиціальной газеты, кромѣ только неважной Лондонской Газеты, существующей уже съ 1666 года, назначеніе которой исключительно ограничивается тѣмъ, что она является какъ бы только дневникомъ придворной жизни. Правительство или министерство вынуждено по этому искать себѣ опоры въ газетахъ и журналахъ той политической партіи, къ которой оно само принадлежитъ и, являясь лишь временнымъ осуществленіемъ въ правительственной сферѣ политическихъ мыслей этой самой партіи, получаетъ отъ ея органовъ, въ области печати, неподкупную, всегда правдивую, искреннюю, посильную помощь.

Въ этомъ отношеніи совершенное отсутствіе въ Англіи отвлеченно правительственнаго элемента, сопряженное съ полнымъ отсутствіемъ литературы оффиціальной или правительственной, порождаетъ окончательный результатъ почти тожественный тому, который въ другихъ странахъ, исключительно управляемыхъ правительственною дѣятельностію, безъ законнаго и обезпеченнаго участія въ этомъ дѣлѣ общественной мысли,—производится общественнымъ равнодушіемъ, а подъ часъ даже недовѣріемъ къ литературнымъ направленіямъ, извнѣ, искусственнымъ путемъ и помимо общественнаго сознанія, сообщаемымъ печати. Ни огромныя вещественныя средства, которыми располагаетъ всякая правительственная литература, ни бо́льшая доля свободы, ей предоставляемая, въ ущербъ земской мысли, ни самый талантъ оффиціальныхъ литературныхъ дѣятелей, ни даже, наконецъ, случайная правда ихъ цѣлей и стремленій—не въ силахъ обезпечить имъ того нравственнаго авторитета и самороднаго вліянія, которое бываетъ постояннымъ и исключительнымъ удѣломъ мысли, взрощенной и соврѣвшей при условіяхъ полной нравственной независимости. Эта особенная

щекотливость общественнаго сознанія, эта особенная взыскательность общества къ литературнымъ дѣятелямъ, эта строгость его къ тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно принимаютъ на себя призваніе безотвѣтственныхъ оффиціальныхъ наставниковъ, служитъ, въ странахъ еще чуждыхъ правильной свободы книгопечатанія, единственнымъ, драгоцѣннѣйшимъ и лучшимъ орудіемъ къ сохраненію нравственнаго и независимаго характера печати вообще и журналистики въ особенности. Поэтому только тамъ оффиціальная литература имѣетъ дѣйствительный смыслъ и приноситъ дѣйствительную пользу, гдѣ самая возможность ея обезпечивается существованіемъ внѣ ея—иной свободной литературы, способной съ нею состязаться безъ всякаго внѣшняго для себя стѣсненія, способной, въ противуположность оффиціальной печати, выражать неподкупный, правдивый голосъ той независимой среды общества, которая,—если, подобно всякой иной средѣ, и не обезпечена противъ заблужденія,—то по крайней мѣрѣ не знаетъ заблужденія инаго, кромѣ честнаго и добросовѣстнаго. Скажемъ болѣе: только при существованіи этихъ послѣднихъ условій оффиціальная литература не представляетъ существенныхъ неудобствъ для самого правительства, прибѣгающаго къ ея помощи. Только одинъ лишь незаглушенный, громкій голосъ неподкупнаго общественнаго мнѣнія можетъ равно предостеречь и оффиціальный міръ отъ слишкомъ одностороннихъ направленій, тѣмъ опаснѣйшихъ, чѣмъ болѣе они находятъ себѣ талантливыхъ представителей,—и самую оффиціальную литературу отъ всегда ей присущаго и равно гибельнаго для нея искушенія: или впасть въ пресыщеніе и сонъ, среди слишкомъ легкаго торжества, или же увлечься желчнымъ, недобросовѣстнымъ озлобленіемъ противъ общества, мало сочувствующаго вліяніямъ житейски-выгодной мудрости.

Тула.
10-го Января 1859 г.

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ АВСТРІИ И ТУРЦІИ.

(Недоконченная статья).

Князь Черкаскій. I, 17.

Вотъ отрывокъ, найденный въ бумагахъ князя Черкаскаго, написанъ имъ въ Ранницеи, въ исходѣ 1857 года, по поводу извѣстія изъ Москвы о возникшемъ тогда „Славянскомъ Благотворительномъ Комитетѣ“.

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ АВСТРІИ И ТУРЦІИ.

Въ Вѣнѣ застали меня первыя вѣсти изъ Россіи. Вездѣ и всегда на чужбинѣ ожидаешь ихъ съ невольнымъ нетерпѣніемъ; но всего отраднѣе поражаютъ онѣ въ Вѣнѣ, гдѣ все какъ-то враждебно напоминаетъ объ Россіи, гдѣ всякое учрежденіе какъ будто бы направлено непосредственно противъ ея вліянія и значенія; гдѣ даже всякое усовершенствованіе и улучшеніе, вводимое Австрійскимъ правительствомъ въ системѣ своего управленія и государственнаго или областнаго устройства, какъ бы обусловливается не столько внутреннимъ естественнымъ развитіемъ самой страны, сколько желаніемъ и необходимостію вырвать у Русской политики какое-либо орудіе дѣйствія, до того времени по случаю, или необходимости, или ошибкѣ какъ нибудь упущенное изъ виду. Ревностнымъ въ этомъ отношеніи и открытымъ помощникомъ Вѣнской политики является другой вѣковой врагъ Россіи—Римская церковь, наученная опытомъ на другой почвѣ проигранной ею тяжбы противъ Екатерины II и теперь съ безпримѣрною настойчивостію и громадными средствами придпринявшая наступательное движеніе противъ Восточнаго Православія и неразрывно связаннаго съ нимъ Русскаго вліянія. Но чѣмъ существеннѣе эти опасности для Россіи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, чѣмъ важнѣе для нея сохраненіе всѣми возможными средствами того послѣдняго единенія, которое издавна связываетъ ея судьбы съ судьбами Восточнаго міра, тѣмъ отраднѣе, наконецъ, дошедшій сюда, хотя и темный еще слухъ о томъ, что пробужденное общественное мнѣніе въ Россіи готово окончательно вступить на почву дѣятельнаго участія въ разрѣшеніи этого

важнѣйшаго для насъ вопроса вмѣстѣ и религіознаго вѣрованія, и церковнаго единенія и политическаго преобладанія.

Слышно, что замышляются у насъ дѣйствительныя, практическія средства на помощь нуждающихся исповѣдниковъ Православія, безъ различія мѣста ихъ водворенія, происхожденія ихъ, племени и принадлежности къ тому или другому государственному союзу. Мысль эта, принятая, въ этой широкой всеобщности своей, если ей дѣйствительно дано будетъ осуществиться въ этихъ размѣрахъ, конечно не лишена ни истиннаго величія, ни знаменательныхъ задатковъ могущественнаго развитія въ будущемъ и принесетъ высокую честь тѣмъ, кто приметъ на себя трудъ перваго ея осуществленія въ нашемъ обществѣ. Передъ дѣятелями новаго дѣла открывается широкое и разнообразное поприще.

Изъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій Православная церковь всѣхъ бѣднѣе вещественными благами, всѣхъ ограниченнѣе въ средствахъ содержанія своего духовенства и внѣшнихъ необходимыхъ принадлежностей своего служенія.

Безспорно, исканіе вещественныхъ богатствъ и не есть дѣло церкви, въ этомъ никто не усумнится; но не безполезно съ другой стороны дать себѣ ясный отчетъ и въ томъ, на сколько, въ наше время и при настоящихъ обстоятельствахъ, недостатокъ всякаго рода внѣшнихъ средствъ затрудняетъ успѣхи религіозной борьбы съ другими христіанскими исповѣданіями, историческимъ случаемъ поставленными въ несравненно благопріятнѣйшія обстоятельства.

Не говоря уже о баснословно-богатомъ Римско-Католическомъ духовенствѣ Австрійскомъ (примасъ котораго пользуется ежегоднымъ доходомъ до 2 милл. гульденовъ и котораго благосостояніе преимущественно утверждено на прочной основѣ недвижимой собственности), не говоря о почти столько же богатой церкви Англиканской, но даже въ самыхъ скромныхъ Протестантскихъ земляхъ, даже и въ самой Франціи церковь, раззоренная революціею, стоитъ на далеко высшей степени вещественнаго обезпеченія, чѣмъ въ большей части земель Православныхъ. Къ тому же, во всѣхъ этихъ государствахъ церковь не вынуждена довольствоваться одною благоговѣйною благотворительностію частныхъ лицъ,

иногда даже весьма щедрою, но уже по самому, ей всегда присущему свойству отрывочности, неспособною взойти въ состязаніе съ всегда живою, трезвою и послѣдовательною дѣятельностію общественною; напротивъ, церкви Западныя составляютъ предметъ непрестанной заботливости множества болѣе или менѣе обширныхъ обществъ, свободно образующихся изъ частныхъ лицъ и имѣющихъ исключительною и открыто высказанною цѣлію возможное удовлетвореніе всѣхъ вещественныхъ потребностей церкви и содѣйствіе ей во многихъ изъ болѣе возвышенныхъ ея духовныхъ цѣлей. Это-то богатство средствъ, эта свобода и независимость церкви, и это непрестанно поддерживающееся и обновляющееся общеніе съ нею свѣтскаго, гражданскаго общества, выражающееся во множествѣ произвольныхъ частныхъ союзовъ, для подчиненнаго служенія высшимъ духовнымъ цѣлямъ церкви: вотъ тѣ могущественные рычаги, которыми преимущественно обусловливаются вмѣстѣ и сила внѣшняго воздѣйствія Западныхъ церквей и тѣ опасности, которымъ въ борьбѣ съ ними подвергается церковь Православная, въ особенности на Турецкомъ Востокѣ и во владѣніяхъ Австрійскихъ.

Кромѣ Россіи, Православіе исповѣдуется еще въ трехъ государствахъ: въ имперіяхъ Турецкой и Австрійской и въ молодомъ королевствѣ Греческомъ *). Въ Греціи участь Православія безъ сомнѣнія почти обезпечена,—сколько непрестанно развивающимися свѣжими силами молодаго государства, успѣхамъ котораго не могли не отдать справедливости въ теченіи послѣдней войны даже враждебныя правительства Франціи и Англіи, столько же и самостоятельнымъ синодальнымъ устройствомъ народной церкви, обезпечившимъ свободное развитіе духовной жизни почти цѣ-

*) Въ Сѣв. Восточной Пруссіи существуетъ небольшая община Православная; въ 1843 году она состояла изъ 1879 душъ, изъ коихъ бо́льшая часть, т. е. 1482, поселены были въ десяти деревенькахъ Гумбинскаго округа. Но съ тѣхъ поръ численность Православныхъ непрестанно уменьшалась: въ 1846 г. ихъ оставалось во всей Пруссіи только 1675, а въ 1849 г.—1269. „Причина этого уменьшенія числа Православныхъ въ Пруссіи“, говоритъ Ал. Францъ въ своей Статистикѣ Пруссіи (т. I, стр. 23), „лежитъ во множествѣ огр[illegible] коимъ подвергаетъ ихъ законъ“.

лаго милліона Грековъ. Далеко въ худшемъ состояніи находится церковь во владѣніяхъ Австрійскихъ и Турецкихъ, и трудно даже рѣшить положительно, въ которомъ изъ этихъ двухъ государствъ ей суждено переносить болѣе тяжелыя испытанія; ибо, если въ Турціи бѣдность ея вопіюща, если она подчинена тамъ самому грубому произволу и насилію, если въ извѣстныхъ случаяхъ недостаетъ ея служителямъ и исповѣдникамъ даже самаго перваго обезпеченія — обезпеченія жизни, то въ замѣнъ этихъ внѣшнихъ благъ по крайней мѣрѣ поддерживается она глубокимъ сознаніемъ своего, ни на минуту не прерывающагося, мученическаго подвига и постоянно черпаетъ новыя силы въ мысли о превосходствѣ христіанскаго начала надъ всѣми прочими и о несомнѣнности окончательнаго торжества его въ борьбѣ съ ними.

Не таково нравственное положеніе Православной церкви въ Австріи, гдѣ отовсюду окружена она многолѣтнею и роскошною Германскою гражданственностію, далеко оставившею за собою донынѣ подъ гнетомъ ея неразвившіеся зачатки Западно-славянскаго міра, гдѣ богатое и всесильное послѣднимъ конкордатомъ другое христіанское же духовенство неутомимо разставляетъ ему всѣ сѣти, вытканныя вѣковымъ искусствомъ и трудолюбіемъ Іезуитовъ, гдѣ, наконецъ, правительство само охотно смѣшиваетъ ненавистное себѣ чувство приверженности къ Православной церкви съ чувствами преступнаго упованія и надежды на Россію и, подъ личиною громко, хотя и невольно высказанныхъ въ 1849 г. и никогда невыполненныхъ обѣщаній всеобщей вѣротерпимости, постоянно держитъ въ мысляхъ своихъ лишь одну цѣль—сглаженіе и искорененіе Славянскихъ народностей посредствомъ Римскаго католицизма. Къ тому же, Православная церковь въ Австріи тщательно отчуждена отъ всего прочаго Православнаго міра: вслѣдствіе перенесенія на Карловицкаго митрополита (въ Есклавоніи) іерархическихъ правъ перваго Сербскаго патріарха Арсенія Черновича (въ 1690 году перешедшаго съ 40,000 семьями изъ Турціи въ Австрію) и подчиненія ему почти всей Православной паствы Австрійской, искусно разорваны всѣ сношенія даже съ Цареградскою

церковію. Недавнее возведеніе (15 Декабря 1848 г.) той же митрополіи въ патріархію еще болѣе упрочиваетъ это искусственное одиночество дальней Славянской церкви, предоставленной такимъ образомъ на собственныя силы и, безъ сомнѣніи, болѣе чѣмъ когда либо нуждающейся въ ласковомъ привѣтѣ и ободреніи старшихъ, болѣе счастливыхъ братій. Непрерывное поддержаніе, наперекоръ Австріи, церковной пріязни и единеніе Русскаго міра съ Юго-западными Славянскими землями есть безспорно дѣло первѣйшей важности, и при значительной воспріимчивости послѣднихъ цѣль эта легко можетъ быть достигнута. Мнѣ самому удалось слышать отъ опытнаго очевидца, близко посвященнаго въ событія послѣдняго десятилѣтія въ Австріи, что въ это время къ утвержденію Славянъ въ наслѣдованномъ отъ отцовъ Православіи значительно содѣйствовало событіе, повидимому, чуждое всякаго церковнаго характера,—а именно походъ нашихъ войскъ въ Венгрію. Добродушные Славяне, видя нашихъ генераловъ и офицеровъ, убѣдились, что не вездѣ родная церковь ихъ притѣснена и не вездѣ паны и господа исповѣдуютъ Римскій католицизмъ, и, по свойственной человѣчеству слабости, стали отселѣ еще болѣе уважать вѣру, подъ хоругвями которой ликовали свои побѣды многочисленныя рати Русскаго войска. Число этихъ Православныхъ Славянъ Австріи разно опредѣляется различными статистиками, и цифры эти еще не согласованы новѣйшимъ изъ нихъ, Карломъ Чёрнигомъ. Какъ бы то ни было, паства Карловицкаго патріарха и седми его епископовъ можетъ быть, кажется, безошибочно и притомъ въ самой меньшей мѣрѣ опредѣлена въ 1,700,000 душъ *), живущихъ въ 1443 приходахъ; а съ присоединеніемъ Буковины и Далмаціи, число Православныхъ превзойдетъ 2,000,000. Всѣхъ Православныхъ епископовъ въ Австріи нынѣ считается 11.

Патентъ вѣротерпимости 4 Марта 1849 года на словахъ позволилъ и этимъ Православнымъ епископамъ свободно за-

---

*) Lietopis, за 1850 г., Сербское изданіе въ Пештѣ, считала 1.716,697 душъ, Фрёлихъ вслѣдъ за нѣкоторыми другими принимаетъ до 1,900,000 Сербовъ до 900 т., а значительная часть остальныхъ—Влахи или

вѣдывать дѣлами своей церкви и съѣзжаться на соборы для разсужденія о нихъ. Но на дѣлѣ вышло иначе: только одинъ разъ, по свидѣтельству самого Чёрнига, дозволено было имъ въ самомъ дѣлѣ соединиться и то лишь въ Вѣнѣ и въ ту самую первую минуту переворота въ 1851 году, и притомъ не иначе, какъ подъ ближайшимъ руководствомъ министра вѣроисповѣданій. Съ тѣхъ поръ явленіе это, столько необходимое для поддержанія правильной церковной жизни и единства, уже болѣе не повторялось, и Богъ знаетъ, удастся ли ему когда либо вновь повториться. Въ прошедшемъ вѣкѣ, послѣ страшныхъ возстаній Австрійскихъ Сербовъ въ 1750-хъ годахъ, отчасти разрѣшившихся значительными переселеніями ихъ въ Екатеринославскую губернію, Вѣнское правительство также временно разрѣшало четыре Православныхъ собора, сряду одинъ за другимъ, между 1763 и 1776 годами.

Несравненно многочисленнѣе Австрійской Православная паства въ предѣлахъ Турціи, хотя счетъ ея еще сбивчивѣе счета Православныхъ Австрійскихъ и еще болѣе затемненъ разнорѣчивыми и преднамѣренно запутанными вычисленіями преимущественно новѣйшихъ католическихъ писателей. Примѣромъ и доказательствомъ такаго преднамѣреннаго искаженія истины можетъ служить между прочимъ взаимное сличеніе хоть бы таблицъ, представленныхъ въ томѣ I, на стр. 22 и 25 и т. II, на стр. 177, замѣчательнаго впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ сочиненія Убичини „Lettres sur la Turquie“, гдѣ опытный взоръ, кромѣ многаго другаго, легко усмотритъ самое вопіющее противорѣчіе въ опредѣленіи общаго итога Славянскаго племени въ Турціи и частной числительности Турецкихъ Славянъ православнаго исповѣданія: пристрастный писатель нимало не усумнился для своихъ цѣлей забыть въ вычисленіяхъ своихъ болѣе милліона Православныхъ Славянъ, имъ самимъ въ другомъ мѣстѣ своего труда указанныхъ; не усумнился также, безъ всякаго разсужденія и оправданія, уменьшить почти на 400 тысячъ цифру Православныхъ Влаховъ, изъ Придунайскихъ княжествъ выселившихся въ Турцію, хотя эта цифра, какъ онъ самъ знаетъ, утверждается на документальной основѣ.

Какъ бы то ни было, число всѣхъ Православныхъ въ Турціи должно быть принято по крайней мѣрѣ въ 12 милл., изъ коихъ около 11 милліоновъ, живущихъ въ Турціи Европейской, остальные же, большею частію—Греки, въ Малой Азіи и Египтѣ. Въ Европѣ $5^1/_2$ милліоновъ падаетъ на долю Славянскаго племени—Болгаръ, Сербовъ, Босняковъ и пр.; около $4^1/_2$ милліоновъ—на долю Влаховъ или Румунъ; послѣдній милліонъ состоитъ изъ Грековъ, которые, не смотря на числительное меньшинство свое, доселѣ не перестаютъ занимать преобладающее мѣсто въ церковномъ управленіи. Изъ мѣстныхъ церквей только три успѣли достигнуть самостоятельнаго развитія подъ управленіемъ митрополитовъ: Валахская, Молдаванская и Сербская; Болгарская, не взирая на различіе языка и племени, доселѣ состоитъ въ непосредственной іерархической зависимости отъ Константинопольскаго патріарха и, коснѣя въ безвыходной бѣдности, конечно болѣе всѣхъ прочихъ нуждается въ помощи Россіи и болѣе всѣхъ имѣетъ на нее право.

На этотъ-то Славянскій элементъ Православной церкви въ Турціи преимущественно и была направлена до 1852 года вся сила Западнаго миссіонерства и, къ сожалѣнію, должно сказать, она успѣла возъимѣть на него разрушительное дѣйствіе. Извѣстно, что пять лѣтъ тому назадъ католическая церковь уже считала въ Турецкой имперіи до 760 т. послѣдователей, считая въ томъ числѣ и Уніатовъ, и что около половины всего количества составляли Славяне. Самымъ воспріимчивымъ къ Римской проповѣди изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ являются Босняки, непрерывно завлекаемые Римскимъ духовенствомъ въ Унію: сто лѣтъ тому назадъ изъ ихъ среды къ послѣдней принадлежало еще едва 50 т.; нынѣ ихъ завлечено уже болѣе 150 т. неутомимою дѣятельностію Босняцкихъ Францисканцевъ, съ необыкновенною дальновидностію издавна устроившихъ отличныя училища для образованія священниковъ изъ самой среды обращаемаго племени. Этому гибельному для Православной церкви образу дѣйствія суждено, кажется, въ настоящее время распространиться и сдѣлаться однимъ изъ главныхъ орудій въ рукахъ всѣхъ многочисленныхъ католическихъ (

посвятившихъ себя дѣлу распространенія Римскаго вліянія на Востокѣ. Эту жестокую борьбу Римская церковь ведетъ съ тою неутомимою послѣдовательностію и тѣмъ разнообразіемъ просвѣщенныхъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ, которыя часто возбуждаютъ заслуженное удивленіе въ самихъ противникахъ, заставляя ихъ на время забывать о многихъ темныхъ сторонахъ Латинской пропаганды, и глубокое изученіе которыхъ составляетъ настоятельнѣйшую потребность для тѣхъ, кто подвергается ея ударамъ.

Разнообразныя орудія Римскихъ успѣховъ могутъ быть подведены подъ слѣдующіе четыре главные разряда: миссіонерство, забота о народномъ воспитаніи, обезпеченіе извнѣ средствъ мѣстныхъ Римскихъ епископовъ и духовенства, наконецъ, политическія выгоды, укрѣпленныя за членами католической общины на Востокѣ. Съ 1776 года, по уничтоженіи папою ордена Іезуитовъ, Восточная миссія передана собственно братьямъ Лазаристамъ; но Іезуиты лѣтъ 20 тому назадъ вновь возвратились въ Сирію, вновь завели тамъ дома свои и проникли въ неизвѣданную еще никѣмъ глубь Ливанскую. Тѣ и другіе могутъ служить высокимъ образцомъ самоотверженной, хотя безъ сомнѣнія слишкомъ преданной мірскимъ интересамъ, проповѣди. Ежедневно возрастающее число Лазаристскихъ училищъ мало по малу вытѣсняетъ народное воспитаніе изъ Греческихъ школъ, подвергая вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтей и юношей бѣднѣйшаго сословія всѣмъ соблазнамъ обученія хорошаго и крайне-дешеваго, весьма часто даже даровaго, но сопряженнаго съ раннимъ усвоеніемъ Латинскихъ началъ. Лазаристы не довольствуются первоначальнымъ воспитаніемъ юношества: они и сотрудники ихъ основали еще четыре обширныя заведенія для гимназическаго или коллегіальнаго образованія, заведенія, пользующіяся громкою извѣстностію на Востокѣ; они устроили типографіи, изъ которыхъ наводняютъ весь Восскомъ книгами преимущественно духовнаго содержанія и писанными въ духѣ, безъ сомнѣнія, невраждебномъ латинству на темы въ родѣ жизни патріарха Фотія и Михаила Керулларія.

Въ этой своей дѣятельности они получаютъ драгоцѣнную помощь отъ безчисленнаго множества иныхъ религіозныхъ братствъ, союзовъ и обществъ, находясь въ живой, постоянной и непосредственной связи со всѣмъ духовнымъ и гражданскимъ обществомъ просвѣщеннаго Запада; въ ихъ дѣлѣ усердно участвуютъ и такъ называемые Братья Христіанскаго Ученія, и Дѣвы Св. Викентія де Поль, и Сестры Милосердія, и Общество распространенія вѣры, и множество другихъ. И это дружное и живое движеніе по единожды пробитой стезѣ не только не прерывается ни на минуту и не остываетъ, но съ каждымъ днемъ усиливается и возрастаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ усиливается и возрастаетъ въ неимовѣрной степени съ самаго начала послѣдней войны и забота Европейскаго общества къ дѣлу католической пропаганды на Востокѣ: не таясь ни отъ кого, не укрываясь ни за какими дипломатическими вымыслами, она смѣло и бодро выступаетъ впередъ, во всеоружіи гласности и свободы книгопечатанія, опираясь съ одной стороны на общественное мнѣніе, съ другой—на дѣятельную помощь папы и духовенства. Дѣятельность католическаго міра въ теченіи самыхъ послѣднихъ годовъ ударилась съ необыкновенною стремительностію на Придунайскія княжества и тамъ ищетъ прочно укрѣпить вліяніе Римской церкви, какъ первый шагъ къ дальнѣйшимъ политическимъ успѣхамъ; здѣсь первостепенную роль играетъ богатѣйшее духовенство Австрійское, ничего не жалѣющее для полученія себѣ завидной добычи. Такимъ образомъ недавно образовалось новое общество, въ неслыханныхъ еще размѣрахъ, „Общество, находящееся подъ Покровомъ Безпорочнаго Зачатія Божіей Матери“; главное мѣсто его— Вѣна, и лозунгъ его дѣятельности — распространеніе Австрійскаго вліянія. Съ другой стороны такъ называемое Общество распространенія вѣры издавна соритъ деньгами на содержаніе духовенства въ 16 епархіяхъ, подвѣдомственныхъ Латинскому Іерусалимскому патріарху...

ОТРЫВОКЪ

(Писано въ Парижѣ въ 1876 году).

Извѣстно участіе, принятое княземъ Черкаскимъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Имъ написанъ по этому предмету цѣлый рядъ изслѣдованій, статей и записокъ, которыя могутъ составить особую большую книгу. Въ послѣдніе годы жизни, онъ намѣревался написать также исторію крестьянскаго преобразованія въ Россіи, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія. Въ бумагахъ его нашлись слѣдующія, къ сожалѣнію, только начальныя страницы этого сочиненія.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

въ 1861 и 1876 году.

Посвящается дорогой памяти всѣхъ тѣхъ, остающихся въ живыхъ и отошедшихъ въ вѣчность, друзей и недруговъ, кто на зарѣ нынѣшняго благополучнаго царствованія, въ свѣтлый день освобожденія крестьянъ, съ чистымъ сердцемъ и искреннею волею трудились въ Губернскихъ Дворянскихъ Комитетахъ, Редакціонныхъ Комиссіяхъ и Главномъ Комитетѣ, надъ пріисканіемъ путей къ разрѣшенію задачи, послѣдовательно томившей пять царствованій и олицетворявшей лучшія чаянія Русскаго общества.

Послѣ многолѣтняго молчанія, въ первый разъ обращаясь къ гласному изложенію созрѣвшихъ во мнѣ убѣжденій и притомъ по вопросу, несомнѣнно имѣющему первостепенную политическую важность, я считаю неизлишнимъ вслухъ, въ бесѣдѣ съ читателемъ, провѣрить свою совѣсть, возвѣстить тѣ побужденія, которыя руководятъ мною и склоняютъ меня предпочесть печатное выраженіе мысли всякому иному способу ея распространенія, предложить читателю нѣсколько словъ въ объясненіе того способа, который мною избранъ для выраженія моихъ мнѣній. Я прибѣгаю къ печати, ибо считаю ея участіе не только законнымъ, но и совершенно необходимымъ для всесторонняго разъясненія правительству вопросовъ, которые занимаютъ или волнуютъ общество, и быстро измѣняющихся условій нашего внутренняго развитія. Полагая, что задача, въ современномъ Европейскомъ обществѣ выпадающая на долю Русской печати, не можетъ быть за нее выполнена ни правительственными канцеляріями и административными органами, ни даже земскими собраніями, какъ бы охотно и широко ни пользовались они правомъ, имъ предоставленнымъ статьею Положенія о Земскихъ учрежденіяхъ. Я обращаюсь къ печатному станку Русскому

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Болѣе чѣмъ кто либо я склоненъ думать, что это, не случайное, условіе нашей жизни налагаетъ на Русскихъ людей особенныя условія осторожнаго и скромнаго обхожденія какъ съ исторической истиной ближайшаго времени, такъ и съ обсужденіемъ современныхъ политическихъ вопросовъ. Этимъ взглядомъ я руководствовался въ теченіи долгихъ лѣтъ и, находясь не у дѣлъ, хранилъ добросовѣстное молчаніе по множеству вопросовъ, возбуждавшихся въ теченіи минувшаго десятилѣтія и изъ которыхъ не одинъ касался близко моихъ самыхъ завѣтныхъ убѣжденій. Въ настоящую минуту я обращаюсь прежде всего къ уясненію самому себѣ вопроса о томъ—имѣю ли я, наравнѣ со всякимъ другимъ, нравственное право печатно обсуждать современное положеніе крестьстьянскаго дѣла? Могу ли я, послѣ столькихъ лѣтъ, когда реформа почти во всѣхъ частяхъ своихъ уже совершилась, могу ли я, безъ нарушенія нравственныхъ обязанностей и строгихъ приличій, взяться за перо для хладнокровнаго изученія совершившихся фактовъ, для указанія тѣхъ данныхъ, которыя оффиціальная статистика могла почему-либо упустить изъ виду, для подведенія итоговъ подъ рядъ фактовъ совершившихся и неизмѣнныхъ, для извлеченія, наконецъ, изъ этихъ фактовъ и изъ личныхъ моихъ наблюденій указанія тѣхъ задачъ, которыя въ самомъ близкомъ будущемъ ожидаютъ и требуютъ неукоснительнаго разрѣшенія своего правительствомъ? Я продолжаю далѣе свой розыскъ и предлагаю себѣ вопросъ обратный: не наступила ли теперь для всѣхъ тѣхъ, которые съ юныхъ лѣтъ жаждали для Россіи совершенія великаго дѣла (какъ исхода изъ вѣковаго плѣненія и введенія будущихъ поколѣній въ обѣтованную сѣнь гражданской жизни), которые были счастливыми свидѣтелями и участниками въ его совершеніи и которыхъ еще пощадила судьба, оставивъ ихъ на короткое время въ рѣдѣющихъ день ото дня рядахъ старыхъ товарищей, не настала ли для нихъ пора высказать съ полною откровенностію свои послѣдніе выводы и заключенія? Не обязательно-ли это для нихъ? Не обязаны ли они въ настоящее время, уже столь далекое отъ страстнаго волненія, охватившаго все Русское общество 15-ть лѣтъ тому назадъ и не допускавшаго ни съ

стороны вполнѣ хладнокровнаго обсужденія дѣла, не обязаны ли они теперь попытаться дать Русскому обществу отчетъ въ тѣхъ совѣтахъ, которые ими въ то время, подъ собственный страхъ, были даваемы правительству и которые, быть можетъ, не остались на дѣлѣ безслѣдными, въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми они въ то время руководствовались? Если они ошибались, не пора-ли имъ нынѣ принести въ томъ правительству и обществу откровенное признаніе и полную исповѣдь, или, въ противномъ случаѣ, не должны ли они во всеуслышаніе засвидѣтельствовать неизмѣнность своего убѣжденія, избѣгая двусмысленнаго и лукаваго молчанія? Не наступила-ли благопріятная минута для этого, когда ежедневно вновь воскресаютъ старые вопросы, вызывая вновь и старые отвѣты, повидимому окончательно, было, изжитые предшествующимъ поколѣніемъ и не оправдываемые уже ни возможностію практическаго осуществленія, ни даже сознаніемъ большинства дворянства; когда, не взирая даже на благополучный исходъ крестьянскаго дѣла, не притупилось жало клеветы, такъ беззастѣнчиво и такъ безразлично преслѣдовавшей нѣкогда и существеннѣйшія его основы, и главныхъ его дѣятелей; когда великое благодѣяніе 19-го Февраля, нынѣшнимъ царствованіемъ завѣщанное Русскому народу, ожидаетъ своего окончательнаго завершенія и можетъ, смотря по рѣшенію, какое приметъ нынѣ правительство, либо временно умалиться въ своихъ благотворныхъ послѣдствіяхъ, либо обновленнымъ ключемъ вновь сильнѣе разлиться на Русскую землю и надолго упрочить въ народѣ сознаніе, что нескудѣющая рука Самодержавной власти полна для него щедротъ, сердце полно любви?...Всѣ эти вопросы разрѣшаются, на мой взглядъ, сами собою, ихъ откровенною постановкою. Я прибѣгаю къ печати потому, что считаю ея участіе не только законнымъ, но и совершенно-необходимымъ для всесторонняго изученія вопросовъ, которые волнуютъ общество и для уясненія тѣхъ быстрыхъ видоизмѣненій, которымъ по своему существу подверглись хозяйственныя условія нашего внутренняго развитія.

Передъ нашими глазами происходитъ странное зрѣлище. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, тихо, мирно, величественно

совершилось преобразованіе, въ самомъ корнѣ обновившее всю Русскую землю. Своими колоссальными размѣрами, широтою основаній, на которыхъ оно задумано, твердою рѣшимостію, съ которою оно приведено въ исполненіе, разнообразнымъ обиліемъ своихъ послѣдствій, это преобразованіе превосходитъ всѣ реформы въ томъ же родѣ, въ новой и древней исторіи, когда-либо совершившіяся. Верховная Власть, въ лицѣ нынѣ благополучно царствующаго Государя, сослужила Россіи этимъ дѣломъ незабвенную историческую службу, предрѣшившую ходъ нашего будущаго и надолго упразднившую въ немъ силу революціоннаго начала. Крестьянское дѣло не только удовлетворило первыя законныя ожиданія крестьянскаго сословія: оно вновь сплотило въ одно твердое, органическое тѣло разбредшіеся было элементы народной жизни; оно впервыя уяснило обществу основныя начала народнаго самосознанія, облегчило Россіи трудную борьбу на берегахъ Вислы и Нѣмана съ застигнутою въ расплохъ, оторопѣлою и неизмѣнно-завистливою Европою; оно, наконецъ, послужило толчкомъ для всѣхъ послѣдующихъ реформъ, такъ долго, такъ безнадежно ожидавшихся Россіею; оно пріуготовило пути для введенія Судебныхъ Уставовъ, Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и всеобщей воинской повинности.

Сама по себѣ взятая, крестьянская реформа была плодомъ продолжительнаго, добросовѣстнаго, всесторонняго изученія въ трехъ инстанціяхъ — Губернскихъ Дворянскихъ Комитетахъ, Редакціонныхъ Комиссіяхъ и Гл. Комитетѣ. Излишне было бы излагать здѣсь исторію этой разработки. Она еще слишкомъ свѣжа въ общей памяти. Достаточно будетъ, не касаясь въ настоящую минуту существа Положенія, указать здѣсь лишь на двѣ отличительныя черты, которыя наложили на эту работу свою особенную печать и важность которыхъ можетъ быть вполнѣ оцѣнена лишь тѣми, кто возметъ на себя трудъ вспомнить то полное отсутствіе твердаго плана и незыблемыхъ, прочныхъ основаній для крестьянскаго дѣла, какое въ то время замѣчалось не только въ обществѣ, но даже, къ сожалѣнію, и въ средѣ огромнаго большинства государственныхъ людей того вр-

Въ противоположность этому хаотическому состоянію мысли, Положеніе о крестьянахъ, выработанное Редакціонными Комиссіями, съ одной стороны представляетъ полную, строго проведенную систему, съ другой—отличается широкимъ синтетическимъ направленіемъ мысли, дозволившимъ Комиссіямъ связать и согласовать крестьянское дѣло со всѣми послѣдующими, въ то время еще лишь чаемыми, реформами и предопредѣлить будущее направленіе самаго крестьянскаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, постараемся мысленно перенестись въ ту пору, когда Редакціонныя Комиссіи были внезапно созваны правительствомъ подъ крышу Перваго Кадетскаго Корпуса на Васильевскомъ островѣ. Съ тѣхъ поръ дней прошло какъ бы немного, но цѣлая пропасть успѣла образоваться между тогдашнею и новою Россіею, и послѣдняя говоритъ уже новымъ языкомъ и едвали отдаетъ себѣ полный отчетъ въ впечатлѣніяхъ, убѣжденіяхъ и терминованіи Россіи, безвозвратно минувшихъ въ славный день 19 Февраля. Какая смѣсь изумленія, изступленныхъ страховъ, горячей благодарности и радостныхъ восторговъ привѣтствовала появленіе на свѣтъ незабвеннаго рескрипта 27 Ноября 1857 года! Подъ вліяніемъ этихъ противорѣчащихъ впечатлѣній положеніе Верховной Власти по отношенію къ крестьянскому дѣлу было самое затруднительное, повидимому—почти безвыходное.....

РѢЧИ

КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАСКАГО.

Здѣсь собраны рѣчи князя Черкаскаго, произнесенныя по разнымъ случаямъ и на разныхъ поприщахъ его общественной дѣятельности и государственной службы. Эта своего рода автобіографія, со временемъ, можетъ быть дополнена.

НАБРОСОКЪ РѢЧИ

къ мировымъ посредникамъ Тульской губерніи

(1861).

1. Обращаюсь къ товарищамъ моимъ, гг. мировымъ посредникамъ.

2. Мы здѣсь встрѣчаемся только во второй разъ и едва успѣли узнать другъ друга въ лицо. Первое собраніе было оффиціальное. Теперь надобно сблизиться.

3. Положеніе посредниковъ трудное.

4. Я не стану отвѣчать на отзывы, слышанные нами въ другомъ мѣстѣ и доказывать законность нашего существованія; ибо такая мысль не стоитъ опроверженія.

5. Другіе выводятъ невозможность нашего учрежденія изъ трудностей, которыя ему отвсюду предстоятъ; они не замѣчаютъ, что именно эти-то трудности узакониваютъ учрежденіе и дѣлаютъ его необходимымъ.

6. Да, трудности предстоятъ большія, но не непреодолимыя.

7. Наши обязанности двояки. Вопервыхъ, эти обязанности нравственныя. Мы поставлены на сторожѣ для охраненія законныхъ граней между двумя сословіями. Нашъ долгъ—полное безпристрастіе къ обоимъ, полная правда въ отношеніи обоихъ сословій. Мы обязаны: a) обезпечить начало собственности, соблюдая законъ; b) дружеской рукой, но безъ насилія, вести крестьянство по пути развитія; c) пріобрѣсти любовь общества къ мировымъ учрежденіямъ, безъ коей они не укоренятся въ общественномъ сознаніи. Это самая трудная задача. Положеніе мировыхъ учрежденій будетъ шатко, покуда общество не примирится съ нами во всѣхъ его слояхъ.

Съ другой стороны, — мы должны, строго выполняя Положеніе и отрѣшаясь отъ страстныхъ впечатлѣній, ста-

раться въ три года вникнуть въ хорошія и худыя стороны Положенія; ибо правительство и литература могутъ только отъ насъ получить вполнѣ вѣрныя указанія.

8. Счастливъ тотъ, кто по истеченіи трехъ лѣтъ возможетъ явиться сюда, на судъ товарищества, съ свидѣтельствомъ собственной совѣсти, что онъ выполнилъ свой долгъ и подвинулъ дѣло впередъ, хотя на шагъ.

9. Мы должны помнить всегда въ нашей дѣятельности, что мы всѣ разрозненные члены одной общей храмины, разсыпанной по всей Русской землѣ.

10. Итакъ, вспомнимъ здѣсь всѣхъ, кто себя посвятилъ общему дѣлу.

Да здравствуютъ и процвѣтаютъ мировыя учрежденія по лицу всей Русской земли! Да утвердятся и окрѣпнутъ они, и да укоренятся они глубоко въ народномъ сознаніи! И да здравствуютъ, безъ различія партій и знамени, всѣ члены мировыхъ учрежденій, которые приносятъ на общее дѣло честный трудъ и желаніе правды!

РѢЧЬ

сказанная въ Варшавѣ передъ вступленіемъ въ управленіе Комиссіею Внутреннихъ Дѣлъ въ 1864 году.

Господа!

По волѣ Государя Императора я вступаю въ управленіе Комиссіею Внутреннихъ Дѣлъ. Считаю полезнымъ высказать вамъ при этомъ съ полною откровенностію тотъ взглядъ, котораго я буду постоянно держаться и тѣ требованія, которыя я считаю себя въ правѣ предъявить гг. чиновникамъ, служащимъ въ вѣдомствѣ Комиссіи.

Первый долгъ каждаго служащаго есть, безъ сомнѣнія, безусловная преданность Правительству и строгое соблюденіе данной Государю Императору присяги. Одни лишь чрезвычайныя обстоятельства, въ коихъ послѣднее время находился здѣшній край, могутъ заставить меня напомнить объ этой первой и священной обязанности, которая составляетъ основаніе всякой службы. Надѣюсь, что я ни въ комъ не найду и тѣни уклоненія отъ этой обязанности. Надѣюсь также, что гг. старшіе чиновники, большею частію пробывшіе на службѣ много лѣтъ, будутъ въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, подавать благой примѣръ своимъ младшимъ сослуживцамъ.

Другая наша главная обязанность и передъ Государемъ, и передъ обществомъ есть служба честная и безкорыстная. Считаю долгомъ обратить на это особенное вниманіе ваше, ибо однимъ лишь удовлетвореніемъ этому необходимому условію мы можемъ заслужить общее уваженіе къ тяжелому труду чиновника.

Съ своей стороны могу увѣрить васъ, что усердіе, преданность правительству и честность каждаго изъ сослуживцевъ моихъ всегда найдутъ во мнѣ ревностнаго цѣнителя.

Напомню вамъ еще, господа, что каждый чиновникъ можетъ и долженъ даже внѣ круга своихъ служебныхъ обязанностей ревностно содѣйствовать правительству въ дѣлѣ скорѣйшаго водворенія въ обществѣ полнаго спокойствія и тишины. Эта обязанность неизмѣнно лежитъ на каждомъ гражданинѣ; ибо для преуспѣянія общества необходимъ прочный миръ, возможный только при совокупныхъ усиліяхъ всѣхъ его членовъ. Каждый изъ насъ можетъ и долженъ способствовать достиженію этой цѣли посредствомъ личнаго своего вліянія въ кругу своего семейства и близкихъ себѣ людей.

Прочное умиротвореніе здѣшняго края, тщательное изученіе его истинныхъ потребностей, матеріальныхъ и нравственныхъ, заботливое врачеваніе ранъ, нанесенныхъ ему мятежемъ, наконецъ—открытіе новыхъ источниковъ общественнаго благосостоянія во всѣхъ живыхъ силахъ народа: такова настоятельная задача нынѣшняго времени, и мы всѣ призваны трудиться общими силами надъ ея разрѣшеніемъ.

Государь Императоръ, Всемилостивѣйшимъ изданіемъ четырехъ указовъ сего 19 Февраля (2 Марта), положилъ твердое основаніе этому направленію. Онъ вызвалъ къ дѣйствительной жизни, гражданской и политической, огромное большинство народа, составлявшее донынѣ одну лишь безгласную массу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ограждены и законные интересы поземельной собственности назначеніемъ въ пользу владѣльцевъ справедливаго вознагражденія. Самому обществу предстоитъ нынѣ оцѣнить съ должнымъ безпристрастіемъ этотъ важный шагъ къ обновленію всего здѣшняго гражданскаго быта; черезъ это значительно облегчится задача администраціи. Во всякомъ случаѣ, наше дѣло—твердо и хладнокровно идти по пути, указанному Государемъ, равно стараясь избѣгать при этомъ всякаго рода крайностей.

Я счастливъ, господа, что могу посвятить свой трудъ на такую задачу; не сомнѣваюсь также, что, въ виду общаго блага, я встрѣчу съ вашей стороны искреннее содѣйствіе себѣ и въ особенности совершенную преданность волѣ Государя Императора.

РѢЧЬ

ВО ВРЕМЯ ПЕРВАГО ВСЕСЛАВЯНСКАГО СЪѢЗДА,

НА ПРАЗДНИКѢ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ СОКОЛЬНИЧЬЕЙ РОЩѢ,

21 Мая 1867 года.

Мм. гг.! Я прошу вашего снисходительнаго вниманія на нѣсколько лишь минутъ. На нынѣшнемъ общемъ нашемъ пирѣ я не готовился просить слова у нашего предсѣдателя; на случай же, еслибы довелось мнѣ просить слова, я рѣшился поставить себѣ обязанностію избѣгнуть по возможности упоминанія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, касающихся печальной современной розни въ Славянскомъ племени. Но два оратора *), равно мною уважаемые, одинъ изъ числа соотечественниковъ нашихъ, другой изъ среды нашихъ гостей, упомянули о Польшѣ и говорили объ отношеніяхъ ея къ Россіи. Мм. гг.! Я счелъ бы себя неправымъ, еслибы въ этихъ обстоятельствахъ не позволилъ себѣ просить вашего вниманія на нѣсколько минутъ, чтобы побесѣдовать съ вами рѣчью неприготовленною о томъ же самомъ предметѣ.

Мм. гг.! Мнѣ кажется, я могу сказать, что между взглядомъ обоихъ ораторовъ, говорившихъ о Польшѣ, и моимъ взглядомъ нѣтъ существеннаго противорѣчія и что на этой почвѣ, какъ и на всякой другой въ общемъ Славянскомъ дѣлѣ, мы всѣ присутствующіе здѣсь можемъ и должны сойтись. Но всякая общая мысль требуетъ разъясненія въ подробностяхъ; каждое общее соображеніе слѣдуетъ провѣрить частными фактами, и лишь затѣмъ должны мы постановлять свое окончательное сужденіе и опредѣлять свой образъ дѣйствій.

Мм. гг.! Здѣсь была высказана мысль, которая, безъ сомнѣнія, близка и дорога всѣмъ намъ, мысль, что отно-

---

*) М. П. Погодинъ и Ригеръ.

шенія двухъ сторонъ: одной—великой, сильнѣйшей, самостоятельной и побѣдоносной, другой—меньшей и силою судьбы подчиненной, что желательно было бы эти отношенія основать на справедливости и правомѣрности. Если я не ошибаюсь, если я правильно понималъ смыслъ блистательной рѣчи, нами слышанной,—вотъ та мысль, которую хотѣлъ выразить одинъ изъ нашихъ гостей. Мм. гг.! Неужели здѣсь, въ этомъ собраніи, есть хотя одинъ человѣкъ, который не раздѣлялъ бы вполнѣ этого воззрѣнія? (*Нѣтъ! Всѣ желаемъ того же!*). Всѣ мы желаемъ того же, и я смѣю утверждать, что Россія достигаетъ этой цѣли вполнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ, мм. гг., можетъ выразиться правомѣрность? Въ двухъ областяхъ: in jure publico и in jure privato, въ области государственнаго права и въ области частнаго права. Посмотримъ же, каковы отношенія двухъ сторонъ въ этихъ двухъ областяхъ, которыя, впрочемъ, такъ тѣсно между собою связаны, что нѣтъ возможности никому дѣйствовать въ одной изъ нихъ такъ, а въ другой иначе.

И такъ, мм. гг., соблюдена ли Россіей идея правомѣрности въ отношеніи къ несчастной Польшѣ, несчастной, впрочемъ, лишь по собственной винѣ? Соблюдена ли эта мысль въ области государственнаго права? Мм. гг.! Многіе изъ васъ, здѣсь присутствующихъ, родились до 1814 г.; многіе изъ васъ, даже по собственнымъ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ, знаютъ, какія установлены были въ то время отношенія между Имперіей и Царствомъ. Мы можемъ, не краснѣя ни предъ Европой, ни предъ общимъ Славянскимъ міромъ, ни предъ какою либо отдѣльною отраслью Славянскаго міра, здѣсь и вездѣ громогласно заявить, что отношенія эти были не только правомѣрны, но еще и въ высшей степени льготны. (*Рукоплесканія*).

Великодушный основатель Царства Польскаго,—я говорю—основатель, ибо въ то время Польскаго государства уже не существовало, оно уже растеряло свое политическое бытіе по всѣмъ стогнамъ Европы (*правда, правда!*), Александръ I-й создалъ Польшу и даровалъ ей политическую свободу. Но я, къ сожалѣнію, долженъ присовокупить (ибо это всѣмъ извѣстно), что эту политическую свободу тѣже самые Поля-

ки растеряли собственною виною два раза—и въ 1830-мъ, и въ 1863 годахъ. (*Рукоплесканія*).

Мм. гг.! Есть факты, совершившіеся въ исторіи, факты, которыхъ изъ страницъ ея никто вычеркнуть не въ силахъ—ни бытописатель, ни политическіе люди. (*Рукоплесканія*). Одинъ изъ такихъ фактовъ совершился между Россіей и Польшей. Россія покончила, она порѣшила разъ навсегда, безповоротно (*да, да*!), наши старые, историческіе счеты; и подобно тому, какъ нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы измѣнить естественное теченіе рѣкъ и заставить ихъ струи течь не отъ источника къ устью, но отъ устья къ источнику: точно также нѣтъ той силы на свѣтѣ, которая могла бы перемѣнить установившіяся нынѣ государственныя отношенія Россіи къ Польшѣ. (*Громкія и продолжительныя рукоплесканія*).

Изъ области государственнаго права, изъ этой шумной области, перейдемъ въ другую болѣе скромную и мирную сферу, въ сферу частныхъ отношеній. Я спрашиваю васъ, мм. гг., можетъ ли что̀ либо для человѣка, въ его частной жизни, быть драгоцѣннѣе увѣренности, что онъ ограждается правымъ, надлежаще устроеннымъ судомъ, по возможности гласнымъ и быстрымъ? Что̀ можетъ быть драгоцѣннѣе человѣку того убѣжденія, что потребность въ образованіи и просвѣщеніи его семьи, его дѣтей, удовлетворяется щедро? Что̀, наконецъ, затрогиваетъ его ближе, чѣмъ неблагодарная почва того податнаго устройства, требованіямъ котораго однако мы всѣ должны безропотно покоряться, ибо всякое государство требуетъ и имѣетъ право требовать отъ своихъ гражданъ средствъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ и потребностей? И наконецъ, позвольте мнѣ, мм. гг., предложить вамъ еще одинъ общій вопросъ: можетъ ли кто бы то ни было имѣть право желать, чтобъ одна какая-либо область государства была льготнѣе одарена, чѣмъ всѣ прочія области того же государства и чѣмъ господствующее его племя? (*Нѣтъ, нѣтъ*!). Обращаюсь ко всѣмъ Славянскимъ гостямъ: я полагаю, они всѣ были бы довольны отъ перваго до послѣдняго, не перечисляя отдѣльныхъ племенъ и областей, еслибъ они во всѣхъ отношеніяхъ пользова-

безусловно всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуется господствующее въ ихъ государствѣ племя.(*Слава! Живіо!*) Затѣмъ обратимся къ каждому изъ указанныхъ мною предметовъ въ частности и прежде всего къ судебному устройству въ Польшѣ.

У насъ, въ самой Россіи, при множествѣ громадныхъ заботъ, обременяющихъ правительство, судъ лишь въ недавнее время учрежденъ на тѣхъ началахъ, на которыхъ мы его видимъ нынѣ создавшимся; это есть одно изъ тѣхъ многочисленныхъ благодѣяній, которыя навсегда упрочатъ за нынѣшнимъ царствованіемъ любовь и преданность всего Русскаго народа. Мм. гг.! Въ Привислянскихъ, Польскихъ губерніяхъ Россіи судъ гласный и устный существовалъ гораздо прежде, чѣмъ въ Великорусскихъ, Малороссійскихъ и другихъ губерніяхъ; это былъ судъ не столь совершенный какъ вновь вводимый у насъ нынѣ, но во всякомъ случаѣ несравненно совершеннѣе того, который существовалъ у насъ доселѣ. Что̀ же касается до примѣненія новыхъ судебныхъ началъ къ Польшѣ, то дѣло это нынѣ уже начато разработкою.

Въ отношеніи къ народному просвѣщенію достаточно будетъ припомнить нѣсколько простыхъ, грубыхъ фактовъ, всѣмъ намъ извѣстныхъ. Въ той губерніи, къ которой принадлежу я, именно въ Тульской губерніи, имѣющей до 1,000,000 жителей, есть только одна мужская гимназія, и тоже можно сказать почти о всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ; въ Привислянскомъ краѣ Россіи, гдѣ теперь учреждено 10 самыхъ мелкихъ губерній, и гдѣ еще въ прошломъ году было только 5 губерній, едва равнявшихся нашимъ по народонаселенію, такихъ среднихъ учебныхъ заведеній состоитъ до 24. Это суть, мм. гг., не слова, но факты, которыми мы можемъ смѣло отвѣчать на самыя взыскательныя требованія Европы. (*Рукоплесканія*).

Мм. гг.! Я перехожу наконецъ къ повинностямъ. Въ 1864 и 1865 годахъ я имѣлъ случай довольно близко изучить этотъ вопросъ. Въ то время въ Привислянскихъ губерніяхъ Имперіи съ каждаго жителя приходилось всѣхъ податей и государственныхъ доходовъ около 4 рублей, а прежде того сходило еще менѣе, даже менѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой сторонѣ Европы. (*Рукоплесканія*).

Остальная Россія въ тоже время платила до 6 рубл. сер. съ жителя. Въ настоящее время отношенія эти постепенно уравниваются, и должно надѣяться, что Привислянскія губерніи будутъ приведены постепенно къ тому же податному знаменателю, подъ который подведена вся Россія (*желательно!*) Но, мм. гг., позвольте вамъ доложить, что даже теперь самый тяжелый налогъ, ведерный налогъ съ вина, въ Привислянскихъ губерніяхъ вдвое менѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Вотъ нѣсколько безъискуственно собранныхъ фактовъ, которые, я думаю, могутъ успокоить и вашу личную совѣсть, и общую совѣсть всей Россіи, какъ предъ Европою, такъ и предъ нашими дорогими Славянскими гостями. (*Рукоплесканія, Браво! Благодаримъ!*).

Таковы, мм. гг., наши отношенія къ Польшѣ. Вы видите, что они не только юридически справедливы, но даже и льготны. Затѣмъ пожелаемъ, чтобъ и въ самой Польской средѣ зародились или, лучше сказать, развились другія, болѣе справедливыя къ намъ чувства: я говорю развились; ибо вѣрю несомнѣнно, что такія чувства отчасти уже зародились, вѣрю потому, что видѣлъ отношенія Польскаго крестьянства къ намъ Русскимъ. Я видѣлъ, съ какою благодарностью принимали они тѣ благодѣянія, которыя расточались имъ высочайшими указами. (*Рукоплесканія*). Итакъ будемъ желать, чтобъ эти сѣмена разрослись еще болѣе, и принесли въ свое время обильные плоды. (*Рукоплесканія*). Мм. гг.! Когда сыны Польши добровольно возвратятся къ нашей общей братской трапезѣ, въ общій родительскій домъ, но не какъ строптивые сыны, а подобно блудному сыну, во всеоружіи искренняго, смиреннаго раскаянія: тогда Полякамъ будутъ широко раскрыты наши братскія объятія (*рукоплесканія*), и не будетъ въ нашемъ стадѣ довольно жирнаго тельца, не будетъ тельца въ нашемъ стадѣ, котораго мы пожалѣли бы заклать для этого радостнаго пира. (*Рукоплесканія. Такъ! Такъ! Правда!*)

Мм. гг! Я кончу свое слово нѣсколькими пожеланіями. Пожелаемъ, чтобы голоса, власть имѣющіе надъ умами, обратились къ самому Польскому народу съ убѣжденіемъ, что лишь отъ него зависитъ его будущая судьба. Мм. гг!

Тотъ, кто будетъ имѣть смѣлость прямо, лицомъ къ лицу, откровенно высказать эту истину Польскому народу и кто успѣетъ убѣдить Польскій народъ, тотъ окажетъ и ему, и намъ, и всему Славянскому дѣлу такую неоцѣненную услугу, которой ни мы и никто достаточно оцѣнить не въ силахъ. (*Рукоплесканія*).

Выражу еще другое пожеланіе. Пускай эти же, имѣющіе власть, голоса обратятся къ тому же несчастному племени и скажутъ ему: Россіи конечно вамъ трудно доказать теперь же, немедленно, ваши родственныя чувства; но есть племя въ Европѣ, живущее за предѣлами Россіи, племя, разбитое, племя нынѣ находящееся подъ чужою пятою, племя не просящее себѣ ни силы, ни власти, ни преобладанія, а лишь защиты. (*Громкіе, восторженные клики*).

Каноникъ Головацкій, сидѣвшій прямо предъ ораторомъ, наклонилъ голову, и крупныя слезы закапали на его тарелку.

Внемлите просьбамъ этихъ вашихъ собратій, Русскихъ Галичанъ; устройте для нихъ дѣло такъ, какъ оно было устроено для васъ въ Привислянскомъ краѣ, дайте имъ то, что́ дано вамъ. (*Громъ рукоплесканій. Сильное движеніе*),

И это увѣщаніе, мм. гг., если оно увѣнчается успѣхомъ, принесетъ самые лучшіе плоды. (*Рукоплесканія*). Изъ этого сближенія, изъ этихъ новыхъ отношеній двухъ родственныхъ въ Галиціи племенъ, мы увидимъ, имѣетъ ли мы и въ нашихъ отношеніяхъ къ Полякамъ дѣло съ одними лишь звуками, съ одними призраками, или же имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, съ искренностью и прямотою (*Рукоплесканія*). Мм. гг! Будущность Поляковъ отнынѣ въ ихъ собственныхъ рукахъ! (*Правда*).

Коснувшись Русскихъ Галичанъ, я охотно пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы вспомнить вмѣстѣ съ вами нѣкоторыя имена, дорогія и Галичанамъ, и намъ. Пора оставить поле распри и раздора и перейдти къ такимъ чувствамъ, которыя могутъ соединить всѣхъ насъ безъ исключенія. Мм. гг! Я не стану утруждать васъ подробнымъ изложеніемъ исторіи Галичанъ. Всѣ знаютъ, что Галичъ былъ искони Русскій край; знаютъ, что и въ новѣйшее время часть Австрійскаго Галича была соединена съ Россіей между 1809 и 1814 гг.;

всѣ знаютъ, что часть Галицкой земли и нынѣ принадлежитъ Россіи, именно та часть, которая находится въ Люблинской губерніи и гдѣ лежитъ любезный намъ Холмъ. И въ этой Галицкой землѣ, о бѣдствіяхъ которой я упоминать въ настоящее время не желаю, было цѣлое поколѣніе людей, трудившихся и сѣявшихъ на своей родной нивѣ, усердно работавшихъ на свой народъ. Имена ихъ вамъ присущи. На нынѣшнемъ братскомъ пирѣ позвольте вспомнить съ благоговѣніемъ и благодарностью ту охранительную, спасительную для Русской народности роль, которую въ томъ краѣ играло и нынѣ играетъ Грекоуніатское духовенство. (*Громкія рукоплесканія*). Помянемъ прежде всего покойника. Слава и вѣчная память усопшему святителю Галицкой земли, высокопреосвященному митрополиту Яхимовичу, который съ самой молодости и до гробовой доски посвятилъ себя дѣлу отечественной науки и роднаго церковностроительства (*вѣчная память!*) Вспомнимъ и скажемъ также вѣчную память другому труженнику науки, бывшему близкимъ знакомымъ митрополита Яхимовича и оставившему послѣ себя великій памятникъ; я говорю о Зубрицкомъ, историкѣ Червонной Руси, о томъ Зубрицкомъ, трудъ котораго переведенъ на Русскій языкъ стараніемъ О. М. Бодянскаго. Затѣмъ перейдемъ къ живымъ и прежде всего вспомнимъ нашего дорогаго и любезнаго всѣмъ гостя Якова Ѳедоровича Головацкаго. (*Рукоплесканія! Живіо! Слава!*) И наконецъ, слава всѣмъ сподвижникамъ митрополита Яхимовича и преемникамъ дѣла его на Галицкой землѣ, достопочтеннѣйшимъ: прелату Куземскому и канонику Петрусевичу, неутомимому священнику Наумовичу, и двумъ мірянамъ, редакторамъ Русскихъ журналовъ— *Слова* и *Страхопуда*—Дѣдицкому и нашему гостю Ливчаку. (*Слава! Живіо! Ура!*)

РѢЧЬ
ВЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЩЕЙ ДУМЫ,
29 Апрѣля 1869 года.

Мм. гг. Засѣданіе думы открывается согласно закону чтеніемъ журнала предшествующаго засѣданія; но еще прежде чѣмъ засѣданіе Общей Думы будетъ открыто, позвольте мнѣ, вашему новому городскому головѣ, обратиться къ вамъ съ нѣсколькими словами. Въ первый разъ являясь предъ избранниками Московскаго городскаго общества, я ощущаю настоятельную потребность выразить вамъ, мм. гг., и въ лицѣ вашемъ всему городскому обществу, тѣ чувства глубокой благодарности, которыми я проникнутъ къ Москвѣ за тотъ лестный выборъ, которымъ ей угодно было меня почтить.

Мм. гг. Въ настоящую минуту все содѣйствуетъ тому, чтобы глубоко смутить меня: и та обстановка, среди которой въ первый разъ имѣю честь обращаться къ городскому обществу съ моимъ словомъ, и сознаніе того нравственнаго долга, которымъ я, въ день лестнаго избранія, задолжалъ предъ Московскимъ городскимъ обществомъ, и наконецъ сознаніе той неравномѣрности, которая можетъ въ послѣдствіи обнаружиться между ожиданіями общества и моими собственными силами и способностями.

Мм. гг.! Московское городское общество почтило меня свыше мѣры моихъ ничтожныхъ заслугъ. Я старый Москвичъ по происхожденію, воспитанію и по всѣмъ моимъ сочувствіямъ, и ничто, конечно, не могло быть для меня лестнѣе и отраднѣе того выбора, который даетъ мнѣ право посвятить всѣ мои труды и все мое время моему родному городу, тому городу, среди котораго я выросъ и такъ долго жилъ, тому городу, который вмѣстѣ съ тѣмъ такъ до-

рогъ каждому Русскому, который былъ нѣкогда колыбелью Русскаго государства, а нынѣ сталъ живымъ средоточіемъ всей Русской промышленности.

Но чѣмъ лестнѣе для меня этотъ выборъ, тѣмъ ощутительнѣе для меня и объемъ тѣхъ нравственныхъ обязательствъ, которыя онъ возлагаетъ на меня, и тѣмъ, признаюсь откровенно, страшнѣе для меня самая мысль о томъ, сумѣю ли я, хотя въ слабой мѣрѣ, исполнить ваши ожиданія.

Мм. гг. Вы безъ сомнѣнія не потребуете отъ меня, чтобъ я сталъ въ настоящую минуту излагать вамъ какую-либо подробную программу будущихъ дѣйствій.

Въ дѣлѣ общественнаго городскаго хозяйства я являюсь предъ вами новичкомъ, и потому преждевременно и самонадѣянно было бы съ моей стороны излагать нынѣ какія-либо общія по этому предмету соображенія.

Впрочемъ, и по самому существу дѣла, и согласно дарованному городу общественному учрежденію, городской голова есть, главнымъ образомъ, исполнитель предначертаній Общей Думы; онъ обязанъ прежде всего слѣдовать той программѣ, которая установлена самою Общею Думою.

Я смѣю сказать, что въ этомъ отношеніи значительно облегчена дѣятельность каждаго новаго городскаго головы, который захочетъ сознательно слѣдовать правильному порядку.

Общая Дума, къ счастію, не есть учрежденіе совершенно новое, народившееся лишь со вчерашняго дня. Она успѣла уже установить свои воззрѣнія на главнѣйшія отрасли городскаго хозяйства; она успѣла даже выработать себѣ извѣстныя преданія, а добросовѣстнымъ и успѣшнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и прямодушнымъ образомъ дѣйствій, она успѣла равно заслужить довѣріе и правительства, и общественнаго мнѣнія. Эти-то добрыя преданія слѣдуетъ тщательно соблюдать и развивать. Въ этомъ и состоитъ, по мнѣнію моему, одна изъ главныхъ задачъ для новаго городскаго головы.

Я не стану, мм. гг., излагать исторію минувшей дѣятельности Думы, которой вы сами были участниками и которая вамъ даже ближе извѣстна, чѣмъ мнѣ. Ограничусь

[illegible] которыхъ главныхъ существенныхъ осно- [illegible] всегда руководили дѣятельностію Думы.

[illegible] начала своей шестилѣтней дѣятельности, [illegible] серіозно къ тому кругу занятій, который [illegible] ей правительствомъ и очерченъ ея учрежде- [illegible] добросовѣстное отношеніе ея къ дѣлу не из- [illegible] до сего дня. Она старалась пользоваться, и дѣй- [illegible] пользовалась, отведенными ей правами въ воз- [illegible] большомъ объемѣ. Въ этомъ стремленіи городскаго [illegible] выразилось не какое-либо недоброе, завистливое [illegible] враждебное къ кому бы то ни было расположеніе; на- [illegible] въ немъ выразилось лишь глубокое и благодарное [illegible] важности высочайше дарованныхъ ей правъ. Дума [illegible] вполнѣ, что благодарить достойнымъ образомъ За- [illegible] конодателя за отведенный ей кругъ дѣйствій и права она не [illegible] иначе какъ не оставляя дарованнаго ей учрежденія [illegible] мертвою буквою, какъ пользуясь этимъ учрежденіемъ и этими правами для успѣха общественнаго дѣла и для облег- [illegible] ченія задачи самого правительства въ недоступныхъ ему, чисто- [illegible] мѣстныхъ, хозяйственныхъ, общественныхъ, дѣлахъ. Въ наше время, когда слышится столько упрековъ обществу за то, что оно будто бы равнодушно или небрежно относится къ тому кругу вѣдомства, который добровольно отведенъ ему правительствомъ въ разныхъ сферахъ, — слишкомъ несправедливо было бы, наоборотъ, ставить въ укоръ Думѣ стремленіе противоположное, а именно: ея ревность къ осуществленію на самомъ дѣлѣ Высочайшей Воли.

Смѣю повторить еще разъ: заботливое охраненіе Думою ея хозяйственныхъ правъ и ревностное исполненіе сопряженныхъ съ ними обязанностей есть лучшее, единственно-практическое и самое полное выраженіе той глубокой благодарности, которую она всегда питала и питаетъ къ Августѣйшему Виновнику ея существованія и той неизмѣнной безпредѣльной преданности, которою она, вмѣстѣ со всею Москвою и со всею Россіею, исполнена къ Вѣнценосному Законодателю, пробудившему у насъ общественную жизнь и, по собственному почину, вызвавшему наружу дремлющія народныя силы.

Но, ревниво охраняя Высочайше дарованныя права, городское общество вмѣстѣ съ тѣмъ всегда тщательно заботилось о томъ, чтобы никогда и ни въ какомъ случаѣ не выходить изъ самыхъ строгихъ предѣловъ закона и законности.

Потщимся, мм. гг., и впредь свято хранить это заповѣданное намъ и дорогое всѣмъ намъ преданіе. Налагая на себя обязательство безусловной законности во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, мы не только выполняемъ нашу нравственную обязанность, но еще и остаемся вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ Русскими людьми; ибо не менѣе другихъ народовъ, Русскій человѣкъ умѣетъ уважать законъ и любить законность въ самомъ дѣйствительномъ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова и въ самомъ обширномъ его примѣненіи.

Вспомнимъ также, наконецъ, мм. гг., что нигдѣ, во всей Россіи, такъ сильно какъ въ Москвѣ и въ Московской Думѣ не утвердилось и не окрѣпло самое счастливое взаимное общеніе всѣхъ сословій. Это отрадное явленіе было отличительною, характеристическою чертой минувшаго періода, и, смѣю выразить несомнѣнную надежду, оно, конечно, не ослабѣетъ и въ будущемъ. Этимъ явленіемъ, какъ и многими другими успѣхами нашего общественнаго городскаго дѣла, мы обязаны, съ одной стороны, благопріятнымъ условіямъ нашей Московской почвы, а съ другой, и притомъ въ огромномъ размѣрѣ, личной, благотворной и искренней дѣятельности моего счастливаго и достойнаго предмѣстника. Вамъ всѣмъ, мм. гг., присуще имя почтеннаго князя Александра Алексѣевича Щербатова. Вы всѣ оцѣнили уже достойнымъ образомъ его шестилѣтнюю дѣятельность. Съ моей стороны, я могу лишь пожелать Москвѣ на будущее время продолжительнаго ряда столь же достойныхъ представителей города, какимъ мы всѣ знали князя Щербатова, какимъ онъ всегда былъ по своей горячей, искренней и безпредѣльной любви къ добру. Себѣ самому, мм. гг., я могу пожелать развѣ лишь одного: когда наступитъ конечный предѣлъ моего служенія, я счастливымъ почту себя, если удастся мнѣ вынести изъ этой залы хотя нѣкоторую долю того общаго и единодушнаго сочувствія всѣхъ городскихъ сословій, которое мой предмѣстникъ умѣлъ себѣ сни
и умѣлъ заслужить.

РѢЧЬ

на прощальномъ обѣдѣ, который былъ данъ князю Черкаскому Московскою Городскою Думою по выходѣ его изъ должности Городскаго Головы, 6 Апрѣля 1871 года.

Мм. гг.! Вамъ угодно было чествовать бывшаго избранника Московскаго городскаго общества. Устами достойнаго предшественника моего и многоуважаемаго моего преемника вы въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ высказали сочувствіе ваше моей кратковременной общественной дѣятельности въ Москвѣ. Вы не пощадили моей скромности. Единственная заслуга моя заключается однако лишь въ томъ, что я оставался и остался постоянно вѣренъ нѣкоторымъ завѣтнымъ убѣжденіямъ, насажденнымъ въ меня измала, взрощеннымъ во мнѣ Московскимъ университетомъ и съ университетской скамьи вынесеннымъ мною въ общественную дѣятельность, убѣжденіямъ, которымъ я надѣюсь остаться вѣрнымъ до конца. Я въ словѣ своемъ не выйду, мм. гг., изъ тѣхъ предѣловъ, которые очерчены лицами прежде меня говорившими; я буду бесѣдовать съ вами лишь объ интересахъ, касающихся нашей мѣстной жизни; но они всѣмъ намъ такъ близки и такъ дороги, что повтореніемъ сказаннаго прежде меня я надѣюсь васъ не утомить.

Два вѣрованія постоянно руководили мною въ общественномъ дѣлѣ: вѣрованіе въ необходимость и спасительность началъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, и не менѣе твердая вѣра въ необходимость, для успѣха дѣятельности общественныхъ учрежденій, полной, строгой, безусловной законности ихъ дѣйствій.

Кто въ настоящее время усомнится въ непреложной справедливости первой мысли? Отвлекаясь даже отъ всего, что̀ совершается у насъ дома, сто̀итъ лишь окинуть взоромъ кругомъ насъ: во всей Европѣ найдутся безчисленныя и не-

сомнѣнныя ей подтвержденія. Еще недавно замолкли громы исполинской борьбы, потрясавшей весь міръ. Боролись два народа, двѣ гражданственности, двѣ культуры, два разнородныхъ государственныхъ строя. На чьей сторонѣ осталась побѣда? На той ли, которая, въ теченіи своего многовѣковаго историческаго развитія, при всѣхъ самыхъ разнообразныхъ формахъ правленія, постоянно и слѣпо приносила все въ жертву своему любимому идолу, началу полнѣйшей, безусловной централизаціи, которая этому принесла въ жертву и свободную провинцію, и самостоятельныя муниципальныя учрежденія? Нѣтъ, Франція погибла, и побѣдительницею осталась Германія, успѣвшая, не взирая на всѣ превратности своихъ историческихъ судебъ, унаслѣдовать отъ предковъ и сохранить провинціальныя учрежденія, твердое городовое устройство, самостоятельные университеты. Германія побѣдила, не взирая на слишкомъ невыгодныя условія своей организаціи, не смотря на свою государственную разрозненность и на обветшалыя формы своего сословнаго быта. Я знаю, что кромѣ развитія мѣстныхъ учрежденій были въ пользу Германіи и другіе важные факторы побѣды; но мѣстная общественная самостоятельность, въ какія бы формы она ни облекалась, играетъ конечно въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль; ибо безъ нея нѣтъ мѣста для подъема народнаго духа.

И Англія также не одному Парламенту обязана развитіемъ своей государственной жизни: развитіе это покоится на болѣе широкой основѣ; оно коренится въ исконной мѣстной организаціи графства, мѣстечка и особенно прихода.

У насъ въ земскихъ и городскимъ учрежденіяхъ предложена вполнѣ достаточная почва для мѣстнаго самоуправленія. Великодушный Законодатель, которому Россія обязана своимъ обновленіемъ, вѣрный историческимъ преданіямъ нашего отечества, даровалъ намъ формы мѣстнаго земскаго и городскаго самоуправленія, въ существѣ своемъ опередившія во многихъ отношеніяхъ мѣстныя учрежденія Западной Европы. Обществу остается, какъ замѣтилъ князь Щербатовъ, наполнить эти формы живою дѣйствительностію. Ему предоставляется наполнить сооруженный Законодателемъ сосудъ живительною влагою, собранною изъ лучшихъ соковъ

всѣхъ безъ изъятія слоевъ народныхъ. Оно должно воспользоваться всею полнотою дарованныхъ ему правъ. Исполненіе этой задачи будетъ лучшая, благороднѣйшая дань признательности, которую можетъ общество воздать Государю.

Но, пользуясь дарованными имъ правами во всей ихъ полнотѣ, мѣстныя учрежденія должны въ дѣйствіяхъ своихъ руководствоваться полнѣйшею законностію. Эти слова—законъ, законность смущаютъ иногда нѣкоторыхъ изъ насъ. Они представляются намъ какою-то враждебною силою, насъ извнѣ стерегущею. Но это есть лишь заблужденіе, послѣдствіе односторонняго взгляда. Законъ налагаетъ узду на наши порывы, но туже узду налагаетъ онъ, или по крайней мѣрѣ долженъ онъ налагать, и на произволъ администраціи. Такимъ образомъ законъ является общею для всѣхъ гарантіею и обезпеченіемъ, прочною связью, тѣсно соединяющею мѣстныя учрежденія съ Верховною Властію, ихъ создавшею. Съ одной стороны мѣстныя общественныя учрежденія, съ другой учрежденія судебныя: вотъ двѣ твердыя точки опоры для государственной власти, равно созданныя для удовлетворенія мѣстныхъ и общественныхъ нуждъ, для огражденія общества и государства не только отъ произвола частныхъ лицъ, но также и отъ произвола самой администраціи, за которою государственная власть не могла бы иначе достаточно услѣдить.

Итакъ намъ нужно пользоваться дарованными намъ правами во всей полнотѣ, но не иначе какъ въ строгихъ предѣлахъ законности. Для этого, замѣтилъ князь Щербатовъ, необходима личная самостоятельность всѣхъ членовъ общества. Отвлекаясь отъ всего лично для меня лестнаго, что̀ по этому случаю имъ было выражено, я не могу не согласиться вполнѣ съ этою общею мыслію. Но если справедливо, что необходима самодѣятельность личная, то точно въ той же мѣрѣ нужна и необходима дѣятельность и притомъ всегда неизмѣнно согласная дѣятельность всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ корпорацій и сословій, которыя, какъ отдѣльныя единицы, входятъ въ составъ общаго учрежденія, какова, напримѣръ, Московская Городская Дума. Для такаго прочнаго сліянія сословій, въ средѣ Думы много сдѣлано въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, и въ особенности въ правленіе моего до-

стойнаго предшественника. Но я не боюсь съ его стороны опроверженія, если скажу, что отдѣльное лицо, даже и самъ городской голова, можетъ лишь мало сдѣлать, если онъ не найдетъ себѣ твердой поддержки въ той средѣ, изъ которой самъ вышелъ.

Мы должны въ этомъ отношеніи воздать должную дань справедливости дворянскому сословію, поставившему двоихъ первыхъ головъ. Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ дворянство находилось въ затруднительномъ положеніи. Съ постепеннымъ, желаннымъ распространеніемъ просвѣщенія и образованности во всѣхъ слояхъ народныхъ, дворянство постепенно утрачивало то исключительное положеніе въ государственномъ строѣ, которое дотолѣ у него никѣмъ не оспаривалось. Съ изданіемъ Положенія 19 Февраля, оно не могло не потерпѣть чувствительныхъ экономическихъ потерь. Положеніе его могло казаться безвыходнымъ, но руководимое вѣрнымъ политическихъ смысломъ, оно вышло побѣдоносно изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Оно признало справедливость неизбѣжныхъ историческихъ фактовъ, оно не вступило въ невозможную борьбу съ дѣйствительностію, оно добровольно наложило само на себя руку и само добросовѣстно привело въ исполненіе новое крестьянское законоположеніе. Затѣмъ оно безъ заднихъ мыслей протянуло братскую руку всѣмъ прочимъ сословіямъ, сдѣлалось ихъ руководителемъ въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія, наполнило всѣ земскія и городскія учрежденія и заняло въ нихъ лишь то почетное мѣсто, которое указывала ему сослуженная обществу служба. Три недѣли тому назадъ, въ этой же самой залѣ, дворянство съ единодушною радостію привѣтствовало новаго кандидата изъ купеческаго сословія на почетное званіе всесословнаго городскаго головы. Конечно, на Ивана Артемьевича Лямина указывали обществу его личныя качества, уже давно предвѣщавшія въ немъ будущаго городскаго голову. Но вступленіе его на это новое поприще привѣтствовалось дворянствомъ преимущественно, какъ счастливое предзнаменованіе новаго, еще тѣснѣйшаго сближенія съ городскимъ обществомъ всего торговаго сословія.

И я также съ особенною радостію привѣтствую моего многоуважаемаго преемника, именно въ этомъ же самомъ смыслѣ. Всѣмъ вамъ, мм. гг., слишкомъ коротко извѣстно наше Русское, наше Московское купечество; и потому мнѣ едва ли нужно здѣсь говорить ему хвалебное слово. Вамъ всѣмъ извѣстно, какой важный элементъ оно составляетъ въ нашемъ обществѣ. Это есть сословіе, такъ сказать, самозданное, для всѣхъ открытое, цвѣтъ нашихъ народныхъ трудовыхъ силъ. Люди торговые и промышленные, это все—сыны собственныхъ дѣлъ, безъ предковъ и безъ пергаментовъ, отводящіе сами себѣ въ обществѣ подобающее имъ мѣсто. Если отвлечься отъ промышленнаго характера купеческаго сословія и стараться уловить его существеннѣйшую отличительную черту, то его можно бы назвать олицетвореніемъ труда, упорнаго человѣческаго труда, увѣнчаннаго успѣхомъ. Московское купечество отличалось издавна и постоянно своею благотворительностію, своимъ радѣніемъ къ церкви, успѣшнымъ веденіемъ сословныхъ дѣлъ, строгимъ корпоративнымъ духомъ и умѣніемъ поддерживать свои корпоративные интересы. Нынѣ оно дѣлаетъ новый рѣшительный шагъ впередъ, выдвигая своего кандидата къ очередному, такъ сказать, занятію мѣста градскаго головы, которое не можетъ быть законфисковано въ свою исключительную пользу ни однимъ изъ городскихъ сословій, но составляетъ общее всѣхъ ихъ достояніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляя свои права на занятіе общественнымъ дѣломъ въ новыхъ, болѣе широкихъ размѣрахъ. Нельзя не сочувствовать этому глубоко. Дѣйствительно, одно богатство не можетъ удовлетворить ни отдѣльнаго человѣка, ни тѣмъ менѣе цѣлаго сословія. Груды золота и серебра не составляютъ еще достаточной силы. Это лишь средство, лишь рычагъ и, правда, рычагъ могущественный въ рукахъ опытныхъ и искусныхъ,—но все-таки не конечная цѣль человѣческой жизни.

Есть въ жизни иные высшіе интересы, которыхъ, конечно, нельзя также легко и взвѣсить и измѣрить, но которые соотвѣтствуютъ лучшимъ, высшимъ стремленіямъ человѣческаго духа. Есть иное, высшее служеніе, которое въ памяти людской оставляетъ болѣе прочные слѣды и которому также

самый живой интересъ. Жизнь общества какъ бы отчасти совершалась въ этихъ самыхъ стѣнахъ. И эта тѣсная связь не могла остаться и, конечно, не оставалась безъ благотворныхъ послѣдствій для всей университетской молодежи.

Реализмъ въ то время еще не былъ въ модѣ. Самые положительные изъ тогдашнихъ студентовъ едва ли не прослыли бы теперь за отчаянныхъ идеалистовъ. Университетъ нашъ, правда, по примѣру Берлинскаго, дѣлился между двумя направленіями, философскимъ и историческимъ. Каждое изъ нихъ имѣло достойныхъ представителей на каѳедрахъ. Самымъ рѣшительнымъ, вліятельнымъ и, смѣю сказать, типическимъ представителемъ послѣдняго былъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

Вокругъ его каѳедры охотно собиралась университетская молодежь. Ее привлекало не щегольство изложенія, не внѣшнее краснорѣчіе преподавателя, но независимо отъ существенныхъ ученыхъ достоинствъ курса, его живое, беззавѣтное, горячее отношеніе къ дѣлу. Онъ читалъ намъ Русскую исторію по источникамъ, знакомилъ насъ не съ одними внѣшними явленіями исторіи, но и съ сокровеннымъ внутреннимъ ихъ смысломъ; онъ училъ насъ любить науку, любить и уважать Россію, цѣнить тѣ великія тяжелыя жертвы, которыя древняя Русь умѣла принести ради сохраненія своего самостоятельнаго бытія и созданія единственнаго, устоявшаго въ буряхъ исторіи, Славянскаго государства; онъ училъ насъ сознавать себя Русскими членами одной Русской,—одной общей, великой Славянской семьи. Онъ вливалъ въ наши молодыя души живые задатки народнаго самосознанія.

Да, сознаніе! Народное самосознаніе! Я преднамѣренно, мм. гг., останавливаю ваше вниманіе на этихъ словахъ, ибо въ нихъ заключается ключъ и разгадка историческихъ судебъ всѣхъ великихъ, Божіимъ перстомъ отмѣченныхъ, народовъ. Только тѣ государства способны играть роль всемірно-историческую, которыя дорастаютъ до живаго и яснаго сознанія своей исторической задачи. Безъ историческаго самосознанія нѣтъ великаго народа. Трудно представить себѣ что-либо печальнѣе и безотраднѣе общества,

лишеннаго этой способности. Безъ нея, утративъ ее, или даже не доросши до нея, государство представляетъ странное явленіе: оно дѣлается притчею во языцѣхъ, соблазномъ для друзей, посмѣшищемъ для враговъ тайныхъ и явныхъ.

Возбудить, утвердить и развить способность самосознанія въ обществѣ—такова великая образовательная задача исторіи и великая гражданская заслуга историка, посвятившаго ей свои труды и свою жизнь. И если эта задача, и эта заслуга, велики и важны для общества во всякое время, то тѣмъ важнѣе онѣ, особенно въ тотъ періодъ его развитія, который можно назвать періодомъ его роста и возмужанія, и въ которомъ нынѣ находится наше отечество.

Достаточно намъ оглянуться, дабы убѣдиться, что нынѣ на чреду всемірнаго служенія вступили двѣ великія народности: Германская и Славянорусская. Первая съ ясною, достойною всякой зависти полнотою сознанія, быстро достигаетъ законной мѣры своего историческаго развитія. Предъ нами едва занимается заря новой жизни. Россію пробудили двѣ великія народныя войны: война 1812 года, и еще болѣе страшные громы, на нашей памяти и намъ въ поученіе раздававшіеся съ Севастопольскихъ твердынь. Послѣднія событія, потрясшія Европу до самыхъ ея основаній, и въ корень измѣнившія ея лицо, упразднили и положили конецъ всѣмъ сомнѣніямъ; они упрочили надолго Германскій міръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они самою силою вещей вызвали на свѣтъ всѣ дремлющія задачи Славянскаго міра; они предложили и Славянству, и Россіи роковой вопросъ о томъ, гдѣ же въ древнихъ преданіяхъ Славяно-русское единство, гдѣ область мечты, и гдѣ же, наконецъ, та трезвая, достойная уваженія дѣйствительность, предъ которою должны невольно преклониться и друзья, и недруги?

Отнынѣ, мм. гг., вопросъ этотъ уже болѣе не замолкнетъ. Онъ будетъ по пятамъ всегда и всюду сопутствовать Русскому государству въ его развитіи, неразлучно, неотступно, въ дни горя и радости, въ дни величія и невзгодъ, ожидая, прося, вымаливая, требуя себѣ рѣшенія, покуда, наконецъ, Русскій міръ, собравшись съ силами, сумѣетъ его разрѣшить, или Россія сама изнеможетъ печальною жертвою духовнаго безсилія...

[illegible] интересъ. Жизнь общества какъ бы отчасти [illegible] въ этихъ самыхъ стѣнахъ. И эта тѣсная связь [illegible] остаться и, конечно, не оставалась безъ благо[illegible]ныхъ послѣдствій для всей университетской молодежи. [illegible]измъ въ то время еще не былъ въ модѣ. Самые [illegible]ожительные изъ тогдашнихъ студентовъ едва ли не прослыли бы теперь за отчаянныхъ идеалистовъ. Университетъ нашъ, правда, по примѣру Берлинскаго, дѣлился между двумя направленіями, философскимъ и историческимъ. Каждое изъ нихъ имѣло достойныхъ представителей на каѳедрахъ. Самымъ рѣшительнымъ, вліятельнымъ и, смѣю сказать, типическимъ представителемъ послѣдняго былъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

Вокругъ его каѳедры охотно собиралась университетская молодежь. Ее привлекало не щегольство изложенія, не внѣшнее краснорѣчіе преподавателя, но независимо отъ существенныхъ ученыхъ достоинствъ курса, его живое, беззавѣтное, горячее отношеніе къ дѣлу. Онъ читалъ намъ Русскую исторію по источникамъ, знакомилъ насъ не съ одними внѣшними явленіями исторіи, но и съ сокровеннымъ внутреннимъ ихъ смысломъ; онъ училъ насъ любить науку, любить и уважать Россію, цѣнить тѣ великія тяжелыя жертвы, которыя древняя Русь умѣла принести ради сохраненія своего самостоятельнаго бытія и созданія единственнаго, устоявшаго въ буряхъ исторіи, Славянскаго государства; онъ училъ насъ сознавать себя Русскими членами одной Русской,—одной общей, великой Славянской семьи. Онъ вливалъ въ наши молодыя души живые задатки народнаго самосознанія.

Да, сознаніе! Народное самосознаніе! Я преднамѣренно, мм. гг., останавливаю ваше вниманіе на этихъ словахъ, ибо въ нихъ заключается ключъ и разгадка историческихъ судебъ всѣхъ великихъ, Божіимъ перстомъ отмѣченныхъ, народовъ. Только тѣ государства способны играть роль всемірно-историческую, которыя дорастаютъ до живаго и яснаго сознанія своей исторической задачи. Безъ историческаго самосознанія нѣтъ великаго народа. Трудно представить себѣ что-либо печальнѣе и безотраднѣе общества

лишеннаго этой способности. Безъ нея, утративъ ее, или даже не доросши до нея, государство представляетъ странное явленіе: оно дѣлается притчею во языцѣхъ, соблазномъ для друзей, посмѣшищемъ для враговъ тайныхъ и явныхъ.

Возбудить, утвердить и развить способность самосознанія въ обществѣ—такова великая образовательная задача исторіи и великая гражданская заслуга историка, посвятившаго ей свои труды и свою жизнь. И если эта задача, и эта заслуга, велики и важны для общества во всякое время, то тѣмъ важнѣе онѣ, особенно въ тотъ періодъ его развитія, который можно назвать періодомъ его роста и возмужанія, и въ которомъ нынѣ находится наше отечество.

Достаточно намъ оглянуться, дабы убѣдиться, что нынѣ на чреду всемірнаго служенія вступили двѣ великія народности: Германская и Славянорусская. Первая съ ясною, достойною всякой зависти полнотою сознанія, быстро достигаетъ законной мѣры своего историческаго развитія. Предъ нами едва занимается заря новой жизни. Россію пробудили двѣ великія народныя войны: война 1812 года, и еще болѣе страшные громы, на нашей памяти и намъ въ поученіе раздававшіеся съ Севастопольскихъ твердынь. Послѣднія событія, потрясшія Европу до самыхъ ея основаній, и въ корень измѣнившія ея лицо, упразднили и положили конецъ всѣмъ сомнѣніямъ; они упрочили надолго Германскій міръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они самою силою вещей вызвали на свѣтъ всѣ дремлющія задачи Славянскаго міра; они предложили и Славянству, и Россіи роковой вопросъ о томъ, гдѣ же въ древнихъ преданіяхъ Славяно-русское единство, гдѣ область мечты, и гдѣ же, наконецъ, та трезвая, достойная уваженія дѣйствительность, предъ которою должны невольно преклониться и друзья, и недруги?

Отнынѣ, мм. гг., вопросъ этотъ уже болѣе не замолкнетъ. Онъ будетъ по пятамъ всегда и всюду сопутствовать Русскому государству въ его развитіи, неразлучно, неотступно, въ дни горя и радости, въ дни величія и невзгодъ, ожидая, прося, вымаливая, требуя себѣ рѣшенія, покуда, наконецъ, Русскій міръ, собравшись съ силами, сумѣетъ его разрѣшить, или Россія сама изнеможетъ печальною жертвою духовнаго безсилія...

Намъ, Русскимъ, возможно ли, мм. гг., сомнѣваться въ исходѣ дѣла?

Я повторю, мм. гг.: одинъ изъ первыхъ въ Россіи, М. П. Погодинъ далъ у насъ рѣшительный толчокъ нашему народному самосознанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознанію нашего Славяно-русскаго единства. Въ то время Погодинъ былъ еще съ немногими. Но въ числѣ этихъ немногихъ были славныя и дорогія Россіи имена. Изъ числа ихъ вспомнимъ лишь одно имя, вызовемъ лишь одну великую тѣнь, тѣнь нашего безсмертнаго народнаго поэта Пушкина. Силою своего поэтическаго творчества онъ прозрѣлъ грядущія судьбы Россіи и выразилъ ихъ съ неподражаемою художественностію въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи (*Клеветникамъ Россіи*), въ тѣхъ превосходныхъ стихахъ, которые безъ сомнѣнія въ настоящую минуту просятся на память каждому изъ васъ.

Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ,
Оно ль изсякнетъ—вотъ вопросъ...

Мм. гг.! Вы конечно не откажете мнѣ въ вашемъ сочувствіи, если я предложу вамъ тостъ, въ которомъ постараюсь соединить имя Погодина съ тѣми существеннѣйшими мыслями и началами, которыхъ онъ былъ постояннымъ служителемъ.

За укрѣпленіе и развитіе въ обществѣ и въ насъ самихъ нашего народнаго и бытоваго самосознанія;

За развитіе въ государствѣ яснаго, твердаго и полнаго сознанія тѣхъ всемірно-историческихъ задачъ, которыя ему принадлежатъ и, такъ сказать, облегли его со всѣхъ сторонъ;

За процвѣтаніе въ Россіи науки исторической, лучшей руководительницы общества и государства въ ихъ внутренней и внѣшней жизни;

Наконецъ, за здравіе и долголѣтіе нашего маститаго юбиляра, въ теченіе всей полувѣковой своей дѣятельности не покидавшаго своего Славяно-русскаго знамени, за нашего историка и гражданина М. П. Погодина!

ИЗЪ РѢЧИ
ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГУБЕРНСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ
8 Января 1877 года.

Губернскому земству слѣдуетъ принять возможно-широкое участіе въ поощреніи у насъ народнаго образованія. Эта мысль раздѣляется, вѣроятно, всѣмъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и я примыкаю къ ней безусловно. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что чѣмъ болѣе готовы мы нести посильныя жертвы на дѣло народнаго образованія въ губерніи, тѣмъ осторожнѣе должны мы относиться къ этому дѣлу особенно при настоящемъ его развитіи и при настоящемъ положеніи средствъ какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ. Эти средства прямо должны употребляться на тѣ предметы, которые въ скоромъ будущемъ обѣщаютъ наиболѣе благопріятные результаты: нельзя тратить этихъ средствъ хотя и на важные предметы, но на предметы, являющіеся на мой взглядъ второстепенными. Я не обвиняю комиссію въ томъ, что она не имѣетъ этой мысли: она выполнила ту задачу, которая была на нее возложена губернскимъ земскимъ собраніемъ. Но я хотѣлъ бы представить нѣсколько соображеній относительно того, полезно ли собранію отступать отъ принятыхъ однажды началъ, не извѣдавъ ихъ примѣнимости или непримѣнимости, не убѣдившись, что это отступленіе вызывается насущными потребностями. Губернское земство всегда дѣйствовало послѣдовательно. Оно очертило свою задачу въ первыхъ еще сессіяхъ и затѣмъ довольно послѣдовательно проводило свою мысль. Допускаю, что были частныя отступленія; скажу болѣе: это были не отступленія, а скорѣе расширенія губернскимъ земствомъ своей задачи. Въ одной изъ первыхъ своихъ сессій собраніе отнесло на уѣзды заботы о постройкѣ училищъ, а себѣ предоставило дѣло подготовленія

учителей, и затѣмъ не отступало отъ этой мысли, за что оно заслуживаетъ похвалы и благодарности. Были потребности непредусмотрѣнныя, которыя между тѣмъ выдвигались, возникали рядомъ съ предусмотрѣнными и были удовлетворяемы земствомъ. Такъ напримѣръ земство оказывало пособія на устройство курсовъ техническаго рисованія; затѣмъ были и другія мѣры, которыя не могутъ быть разсматриваемы какъ отступленія отъ первоначальной задачи. Отступленіе было, можетъ быть, однажды: это случилось, когда земство на одну минуту болѣе щедро отозвалось къ дѣлу постройки училищъ и рѣшило выдавать на это дѣло безвозвратныя пособія. Потомъ были приняты другія правила, которыя дѣйствуютъ весьма удовлетворительно. Эти правила намъ извѣстны съ Декабря 1873 г. и заключаются въ томъ, что земствомъ даются небезвозвратныя пособія для постройки училищъ, а выдаются ссуды до 600 р. за весьма малый процентъ (4%) съ погашеніемъ въ 14 лѣтъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе ходатайства двухъ земствъ, предполагается сдѣлать отступленіе отъ этихъ правилъ и внести въ расходную смѣту губернскаго земства постоянную сумму въ 19.000 р., часть изъ которой должна быть выдаваема какъ безвозвратное пособіе на постройку училищъ. Если бы это предложеніе было принято, то съ одной стороны губернское земство отступило бы отъ своего прежняго постановленія и рѣшительно приняло бы на себя постепенную постройку всѣхъ народныхъ училищъ въ губерніи. Оно невольно высказало бы этимъ то убѣжденіе, что, желая помочь народному образованію, не находитъ для этого другихъ болѣе полезныхъ средствъ, другихъ болѣе полезныхъ мѣръ, чѣмъ постройка самыхъ училищъ. Но соотвѣтствуетъ ли это дѣйствительности? Можно ли сказать, что никто лучше губернскаго земства не можетъ заняться на мѣстахъ постройкою училищъ, что никто болѣе его не призванъ производить эти совершенно-мѣстные расходы? Нѣтъ ли другой, общей задачи, гдѣ губернское земство принесло бы бо́льшую пользу для той отрасли, которую комиссія хочетъ защитить, и къ которой мы имѣемъ болѣе сочувствія? Мнѣ кажется, что дѣло постройки народныхъ училищъ въ уѣздахъ не есть дѣло губернскаго земства, что э

чисто мѣстная повинность. Эти постройки, эти щепки воздвигаются на мѣстахъ подъ наблюденіемъ уѣзднаго земства, воздвигаются мѣстными старшинами, и полная отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ должна лежать на нихъ, и не только нравственная отвѣтственность, но и матеріальная. Мнѣ кажется, губернское земство на все это дѣло не можетъ имѣть другаго вліянія, кромѣ выдачи денегъ; а поэтому оно должно уклониться отъ этого дѣла и предоставить его уѣзднымъ земствамъ. Губернское земство имѣетъ другую, болѣе общую задачу. Губернская управа, какъ органъ губернскаго земства, можетъ заниматься такими вопросами, такою стороною дѣла, которою мѣстныя уѣздныя управы не въ силахъ такъ успѣшно заняться, т. е. она можетъ заняться приготовленіемъ и пріисканіемъ хорошихъ учителей и учительницъ, оказывать свое содѣйствіе въ этомъ увеличеніемъ вознагражденія этимъ учителямъ и этимъ учительницамъ. Вотъ та задача, которая должна лежать на губернскомъ земствѣ и на губернской управѣ. Мѣстныя управы не могутъ такъ успѣшно заняться приготовленіемъ и пріисканіемъ учителей и учительницъ, какъ губернская управа. Участіе ея можетъ выражаться въ томъ, что она будетъ рекомендовать учителей или учительницъ, оцѣнивать ихъ заслуги, назначать имъ дополнительное вознагражденіе изъ губернскихъ средствъ. Въ этомъ случаѣ она можетъ оказать значительную услугу мѣстнымъ управамъ. Вотъ почему моя мысль заключалась въ томъ, чтобы, не уклоняясь отъ первоначально поставленной себѣ задачи, не отмѣняя постановленія 1873 г. относительно выдачи заимообразныхъ ссудъ, губернское земство усилило фондъ, на это предназначенный, и помогло уѣзднымъ земствамъ, давъ имъ возможность широко примѣнять ихъ строительное поползновеніе, доставляя имъ возможность улучшить постройку, когда въ этомъ встрѣтится необходимость. Я позволю себѣ спросить, что важнѣе для училищъ: хорошее ли, свѣтлое, нѣсколько роскошное помѣщеніе, или хорошій учитель? Мнѣ отвѣтятъ: „желательно имѣть хорошаго учителя и хорошее помѣщеніе". Я не стану спорить противъ этого. Если вы изъ вашей смѣты можете выкроить то и другое, то я ничего противъ этого не имѣю; но я опль-

но сомнѣваюсь въ этой возможности. Губернское земство упрекаютъ въ томъ, что оно только 8% своего бюджета даетъ на народное образованіе. Я въ этомъ упрекѣ вижу весьма похвальное желаніе пристыдить насъ и поощрить къ бо́льшимъ пожертвованіямъ. Но я долженъ сказать, что это безусловно справедливо въ настоящую минуту. Мы не должны забывать, что, если мы даемъ только 8% нашего бюджета на народное образованіе, то это потому, что мы другими нашими расходами сберегаемъ средства уѣздныхъ земствъ на этотъ предметъ; мы принимаемъ на себя заботы о дорогахъ, освобождая этимъ другіе уѣзды отъ натуральныхъ повинностей и т. п. Издавна крестьянскія учрежденія лежатъ на губернскомъ земствѣ, а не на уѣздномъ. Мы даемъ 140.000 р. на устройство дорогъ, а по нынѣшней смѣтѣ даже и болѣе. Такимъ образомъ мы не только даемъ 8% на народное образованіе, но еще и освобождаемъ всѣ уѣздныя земства ото всѣхъ расходовъ по дорогамъ и по вознагражденіямъ за натуральную повинность и сберегаемъ бюджеты всѣхъ уѣздныхъ земствъ собственно на тотъ предметъ, чтобы онѣ могли употреблять болѣе денегъ на народное образованіе и на другія существеннѣйшія потребности. Я говорю не съ цѣлью ослабить желаніе губернскаго земства помогать народному образованію. Что̀ касается меня, то я считаю полезною каждую копѣйку, которую губернское земство можетъ посвятить на народное образованіе, на дарованіе труду наиболѣе производительнаго вида и на дарованіе молодежи самаго лучшаго образованія, необходимаго для ея будущей дѣятельности. Я считалъ бы такое употребленіе этой копѣйки не только дѣломъ полезнымъ, но даже необходимымъ. Излишне увѣрять меня въ томъ, что земство раздѣляетъ мой взглядъ, что для училища важно и хорошее помѣщеніе, и хорошій учитель. Сколько ни размышляю объ этомъ предметѣ, мнѣ кажется, что при трудности этихъ расходовъ, при ограниченности бюджета нужно дѣлать возможно болѣе расходовъ на первоначальное устройство дорогъ, которыя по мѣрѣ постройки высвободятъ употребленныя на нихъ деньги. Я полагалъ бы, что при ограниченности нашего земскаго бюджета земству нужно ограничить свою дѣятельность лишь самымъ не-

обходимымъ расходомъ. При настоящихъ условіяхъ бюджета надо быть осторожнымъ и не тратить на щепки то, что можетъ быть истрачено на живыя силы. Строительный матеріалъ полезенъ, какъ дѣло роскоши, и вопросъ о немъ возникаетъ въ странахъ тогда, когда остальныя цѣли достигнуты или близки къ достиженію, но не тогда, когда во всемъ ощущается недостатокъ. Мы должны обращаться къ самимъ себѣ такъ же строго, какъ мы часто относимся къ правительственнымъ начинаніямъ, гдѣ иногда прежде всего обращается вниманіе на великолѣпный фасадъ, на удобное помѣщеніе, на внѣшнюю роскошь постройки. Мы со строгостью говоримъ тогда, что мало думать о стѣнахъ: надо думать о существѣ дѣла, т. е. о томъ, чѣмъ наполнить эти стѣны, о внутреннемъ развитіи. Если мы строго относимся къ подобнымъ явленіямъ, то еще съ большею строгостью должны относиться къ нашимъ собственнымъ начинаніямъ; ибо мы еще болѣе знаемъ мѣстныя потребности и не можемъ оградить себя отъ обвиненія тѣмъ, что дѣло „не такъ заложено". Мы сами должны относиться къ дѣлу съ большею зрѣлостью. Порядочное училище можетъ существовать въ скверномъ помѣщеніи, но оно не можетъ существовать при скверномъ учителѣ. Гдѣ училище нѣсколько темное, можно прорубить окно повыше; гдѣ холодно, можно поставить желѣзную печку. Для народнаго образованія, для общей пользы слѣдуетъ оставить эти училища на нѣкоторое время (до дальнѣйшаго нашего обогащенія) въ этихъ убогихъ пріютахъ, подать имъ первую и главную силу — хорошихъ учителей. Создать ихъ мы не можемъ, но можемъ облегчить ихъ положеніе, можемъ заманчивымъ вознагражденіемъ менѣе обмануть ихъ въ ихъ надеждахъ. Вотъ на что въ настоящую эпоху мы, члены губернскаго земства, должны обратить наше преимущественное вниманіе. Въ докладѣ коммиссіи упоминается о 6075 р., отпускаемыхъ на вспомоществованіе учителямъ, и цифру эту не предполагается усилить. Въ этомъ отношеніи не должно останавливать вниманіе на смѣтѣ, а на ея дѣйствительномъ исполненіи. Вотъ какъ она исполняется и исполняется помимо ошибки со стороны управы, но исключительно согласно постановленію губернскаго зем-

скаго собранія. Я беру денежный отчетъ, и тутъ, кажется, есть несогласіе въ отношеніи къ цифрамъ, которыя выдаются учителямъ. На страницѣ 10 отчета № 1, по статьѣ 23 мы назначаемъ 19,500 р. на постройку училищъ, на созданіе щепокъ, которыя, Богъ знаетъ, какъ построятся, которыя, можетъ быть, скоро сгніютъ, и тогда къ намъ снова придутъ за деньгами; а на пособіе учителямъ даемъ 1673 р. и почему-то возлюбили тѣхъ учителей, которыхъ воспитали въ нашихъ семинаріяхъ, къ другимъ же питаемъ отвращеніе: „мы-де не воспитали ихъ". Я полагаю, что если бы я былъ учителемъ или учительницей и прочелъ бы въ докладѣ, что на постройку щепокъ назначается 19.500 р., а на пособіе учителямъ только 1673 р., то пожелалъ бы обратной перестановки цифръ. Намъ говорятъ, что Подольское и Верейское уѣздныя земства не воспользовались ссудою, но воспользуются безвозвратнымъ пособіемъ. Но уѣздныя земства убѣдились, что надо увеличить жалованье учителей; онѣ приступаютъ къ этому, принимаютъ дѣятельныя мѣры къ достиженію этого. Мы слышали, что земства ходатайствуютъ о помощи имъ въ этомъ дѣлѣ. Отчего не оказать имъ помощи въ этомъ случаѣ? Я лично говорю противъ всякаго пособія на дѣла чисто-матеріальныя—на мѣстныя постройки школъ, но полагалъ бы скорѣе дать пособіе на дѣла, которыя готовы, приняты земствами, такъ какъ я считаю всякую копѣйку, затраченною съ пользою, если она идетъ на дѣло, которое не гніетъ, какъ щепка, но принесетъ свой плодъ сторицею. Вотъ на основаніи этихъ-то соображеній и многихъ другихъ, которыхъ не буду излагать, потому что мнѣ не желательно было бы утруждать свыше необходимой мѣры вниманіе губернскаго собранія (если мнѣ будутъ возражать, то и съ моей стороны будутъ представлены возраженія), я полагалъ бы выразить полное сочувствіе основной мысли доклада и полную благодарность комиссіи за разработку этого наиполезнѣйшаго вопроса. Я согласился бы лишь съ нѣкоторыми заключительными статьями этого доклада (съ 12 и 13 параграфомъ), гдѣ говорится о пособіи двухкласснымъ училищамъ. Желательно было бы пойти далѣе по этому пути и вмѣсто одного двухкласснаго училища

устроить ихъ по два на каждый уѣздъ по мѣрѣ накопленія дѣйствительныхъ денежныхъ средствъ въ губернскомъ земствѣ. Крайне полезно идти по этому указанному комиссіей пути. Двухклассныя училища были бы существеннымъ пріобрѣтеніемъ для народнаго образованія. Я смѣлъ бы думать, что нужно отложить принятіе первыхъ одиннадцати пунктовъ (на мой взглядъ—даже совсѣмъ не принимать ихъ), но говорю отложить ихъ принятіе до тѣхъ поръ, пока наши средства не дадутъ намъ возможности не только увеличить пособіе учителямъ и учительницамъ, но и помогать постройкѣ училищъ. Когда мы разбогатѣемъ, тогда мы можемъ оказывать пособіе и на постройки; въ настоящее же время не слѣдуетъ давать на это 19.500 р., о которыхъ говорится въ докладѣ комиссіи, но слѣдуетъ оставить ихъ на предметъ пособія учителямъ и учительницамъ. Я желалъ бы обратить вниманіе собранія на то, какъ несравненно легче построить фасадъ, нежели выполнить существенную, живую задачу въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ добропожеланіяхъ у насъ никогда нѣтъ недостатка, но трудно осуществленіе ихъ; а потому я просилъ бы земство обратить на это вниманіе. Два или три года тому назадъ мы дали 2000 р. на техническое рисованіе; но оказывается, что мы ничего не израсходовали, задача наша не выполнена. Я въ существѣ согласенъ, что устройство нѣсколькихъ такихъ школъ было бы полезно. Если бы намъ сказали: „дайте 3000 р. на это устройство", то я сказалъ бы: дайте 3000 р., дайте 5000 р. Но губернское земство даже при содѣйствіи уѣзднаго земства не достигло бы этимъ желаннаго результата. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы показать то, что̀ мнѣ кажется совершенно вѣрнымъ и что̀ меня всегда занимаетъ: это—нашу готовность давать на внѣшнія украшенія, потому что ихъ легче осуществить, и насъ онѣ вводятъ въ усладительный и пріятный для насъ обманъ. Вѣдь легче отпустить 20.000 р. и накупить на нихъ строительныхъ матеріаловъ, давъ при этомъ возможность разворовать ихъ, и построить такъ или иначе училища, въ которыхъ будутъ учить плохіе учителя, но на которыхъ тѣмъ не менѣе остановится глазъ путе-

шественника съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и даже сознаніемъ прогресса! Я бы желалъ, чтобы глазъ этотъ остановился на гнилушкахъ, но чтобы онъ нашелъ что нибудь утѣшительное внутри этихъ гнилушекъ. Я просилъ бы не соглашаться съ 11-ю статьями доклада и замѣнить ихъ слѣдующимъ: не отступая отъ принятаго земствомъ правила въ дѣлѣ пособія при устройствѣ школъ, увеличить фондъ на этотъ предметъ до 80.000 рубл. Это обезпечило бы устройство несмѣтнаго числа школъ. Если бы уѣздныя земства не пришли къ намъ за помощью, если бы онѣ не пожелали воспользоваться ссудою на выгодныхъ условіяхъ, то я сказалъ бы, что постройка училищъ не такъ важна, какъ кажется на первый взглядъ. Комиссія же говоритъ: „пока мы давали пособіе даромъ, у насъ брали больше; а когда мы стали давать за процентъ, то стали брать меньше". Я изумляюсь и вмѣстѣ съ тѣмъ радуюсь, что уѣздныя земства стали осторожнѣе; я буду радоваться, когда онѣ утратятъ надежду на даровое пособіе и обратятся за ссудою. Если бы губернскому земству открылъ кто нибудь кредитъ по 4%, оно приняло бы это и построило бы больше школъ и даже, можетъ быть, построило бы среднія учебныя заведенія. Если уѣздныя земства не прибѣгаютъ къ этой системѣ, то тутъ не система виновата, а просто является естественное желаніе человѣка, привыкшаго къ даровой ссудѣ и имѣющаго надежды вновь получить ее. Каждый изъ насъ поступилъ бы также, если бы ему сказали: „вотъ тебѣ 100.000 р. даромъ". Я бы ихъ принялъ съ радостью, а за проценты еще подумалъ бы принимать ихъ. Когда уѣздныя земства одумаются и увидятъ, что овчинка стоитъ выдѣлки, тогда онѣ придутъ къ намъ за ссудою. Мы будемъ имѣть возможность дать широкое и выгодное примѣненіе системѣ, которая начата въ 1873 г., и отступать отъ которой теперь не время. Слишкомъ часто и безъ особой нужды отступать отъ однажды-принятыхъ основаній, если онѣ благоразумны, не слѣдуетъ. Къ ст. 1-ой я полагалъ бы присоединить нѣчто другое, а именно: правила о ежегодныхъ и временныхъ пособіяхъ учителямъ и учительницамъ распространить на всѣхъ вообще сельскихъ учителей и учитель-

ницъ, служба которыхъ будетъ признана полезною, и когда отъ уѣзднаго земства, или отъ общества, или изъ обоихъ источниковъ вмѣстѣ будетъ назначено годовое жалованье въ 200 р. для учителей и въ 175 р. для учительницъ: размѣръ жалованья увеличить для учителей до 300 р., а для учительницъ до 250 р. Если учитель дѣйствительно представляетъ достаточныя ручательства хорошаго исполненія своей профессіи, то назначать ему 100 р. прибавки, а учительницѣ—75 р., что до сихъ поръ предоставляется только стипендіатамъ нашихъ учительскихъ семинарій. Вѣдь не вся же мудрость сосредоточена только въ нашихъ семинаріяхъ: вѣроятно найдется она и въ другихъ. Сумма въ 19.500 р., которая назначается теперь на постройку училищъ, будетъ вполнѣ достаточна для 200 учителей и учительницъ. Мы въ этомъ отношеніи не рискуемъ ничѣмъ. Всѣхъ училищъ у насъ около 400, но я не думаю, чтобы онѣ наполнялись со дня на день хорошими учителями. Желательно было бы, чтобы уѣздныя земства, получивши пособіе, обзавелись такими учителями. Если бы даже на будущій годъ пришлось внести въ смѣту и 40.000 р. на этотъ предметъ, то я увѣренъ, что, при надзорѣ уѣздныхъ управъ за учителями и учительницами и при надзорѣ и совѣтахъ губернской управы, каждая копѣйка губернскаго земства принесетъ свой плодъ.

РѢЧИ И СТАТЬИ

О КНЯЗѢ В. А. ЧЕРКАСКОМЪ.

По случаю его кончины.

РѢЧИ
ВЪ ЗАСѢДАНІИ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ,
2 Марта 1878 года.

1. Рѣчь городскаго головы С. М. Третьякова.

Московская Городская Дума понесла невознаградимую потерю въ лицѣ своего гласнаго князя В. А. Черкаскаго.

Покойный князь, десять мѣсяцевъ тому назадъ, полный здоровья и силъ, покинувъ Москву, чтобы послужить святому дѣлу освобожденія нашихъ братьевъ, къ глубокому прискорбію, разстался съ нами навсегда.

Отдавшись этому дѣлу съ свойственною рѣдкимъ людямъ энергіею и самоотверженіемъ, онъ поплатился за то здоровьемъ и, наконецъ, жизнію.

Кто можетъ достойно оцѣнить теперь, какъ его послѣднюю дѣятельность, такъ и другіе труды, понесенные имъ въ продолженіе своей жизни на пользу государства и человѣчества? Исторія, потомство воздадутъ ему за все должное. Но мы не можемъ не вспомнить, въ настоящую тяжелую для насъ минуту, о любви покойнымъ своей родной Москвы, о его трудахъ для нея, о горячихъ заботахъ о ней. Покойный князь былъ гласнымъ Думы болѣе десяти лѣтъ и какъ гласный, былъ дѣятелемъ по истинѣ достойнымъ подражанія. Онъ былъ почтенъ избраніемъ въ Московскіе городскіе головы; во время служенія его въ этой должности, городское представительство находилось на высокой степени всеобщаго уваженія; много труда имъ было потрачено на дѣло городскаго самоуправленія: при составленіи и обсужденіи Высочайше дарованнаго въ 1870 году Городоваго Положенія, покойный князь былъ главнѣйшимъ дѣятелемъ.

На многое полезное, сдѣланное покойнымъ княземъ, можно бы было указать и еще; но и упомянутое мною, я полагаю, уже обязываетъ насъ, мм. гг., отнестись съ глубокою признательностію къ его дѣятельности и озаботиться, чтобы память о немъ навсегда сохранилась въ нашей Думѣ.

---

2. Рѣчь князя А. А. Щербатова.

Еще одной крупной личности не стало; еще Россія не досчитывается одного изъ преданнѣйшихъ сыновъ своихъ, жизнью запечатлѣвшаго свое служеніе отечеству: не стало князя В. А. Черкаскаго.

Черезъ нѣсколько дней Москва встрѣтитъ безмолвный гробъ того, чье слово такъ часто, такъ сильно и живо оглашало эту залу.

Мы свидѣтели, какъ горячо относился князь Владиміръ Александровичъ ко всему, что̀ касалось пользы и чести Москвы, мы не должны забыть трудовъ и пользы, которую князь принесъ по разработкѣ Городоваго Положенія—этого краеугольнаго камня городской общественной жизни.

Но служеніе городу и земству далеко не исчерпываетъ общественной дѣятельности князя Черкаскаго, носящей по преимуществу отпечатокъ государственнаго служенія. Служеніе земству было у него только однимъ изъ проявленій служенія государству. Окидывая взоромъ знаменательныя эпохи нынѣшняго знаменательнаго царствованія, почти всегда мы встрѣтимъ на видномъ мѣстѣ имя князя Черкаскаго. Москва можетъ гордиться тѣмъ, что въ числѣ главнѣйшихъ двигателей и дѣятелей по дѣлу освобожденія крестьянъ состояли двое изъ лучшихъ ея сыновъ: Ю. Ѳ. Самаринъ и князя В. А. Черкаскій. Эти два лица, связанныя искреннею дружбою, на общности убѣжденій въ дѣлѣ служенія отечеству основанною, встрѣчаемъ мы въ лѣтописяхъ крестьянской реформы; ихъ же встрѣчаемъ бокъ-о-бокъ и въ тревожную годину Польскихъ смутъ и реорганизаціи того края.

Несомнѣнно, мы бы встрѣтили ихъ вмѣстѣ и въ настоящую эпоху возрожденія Востока, если бы Богу угодно было допустить Юрія Ѳедоровича дожить до знаменательныхъ дней современной исторіи. Изъ двухъ друзей князь Черкаскій остался одинъ дослуживать воодушевляющей обоихъ идеѣ и дослуживалъ онъ ей до конца, и умеръ въ виду Царьграда, на зарѣ великаго дня.

Не на одномъ полѣ ратномъ подвизаются бойцы,—не на немъ одномъ получаютъ они раны и умираютъ.

Есть бойцы и на другихъ поприщахъ, — таковымъ былъ и князь В. А. Черкаскій.

Онъ призывался къ дѣятельности преимущественно въ минуты трудныя; его рѣдкія способности, его свѣтлый умѣ, его изъ ряда выходящая энергія давали ему право на подобные призывы; не только онъ отъ нихъ не уклонялся, но самъ шелъ навстрѣчу тяжкихъ трудовъ и подчасъ даже страстной борьбы; борьба эта порождала ему друзей, она же порождала и враговъ.

Отъ природы одаренный любящимъ сердцемъ,—чего онъ не скрывалъ только отъ слишкомъ близкихъ къ нему людей,—князь Черкаскій, выходя на общественное поприще, имѣлъ въ виду только ясно сознанную имъ цѣль, добивался ея неутомимо и неуклонно, мало обращая вниманія на то, что̀ подчасъ и противъ него говорилось.

Теперь бойца уже не стало, борьба кончилась; но дѣла, запечатлѣнныя любовію къ отечеству, остались, и многія изъ нихъ нескоро забудутся; съ ними не забудется и имя князя В. А. Черкаскаго.

---

3. Рѣчь, И. С. Аксакова.

Я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію князя Щербатова и повторяю, что Московская Городская Дума не можетъ не гордиться тѣмъ, что считаетъ въ числѣ своихъ гласныхъ, въ числѣ своихъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей по город-

скому хозяйству, такихъ историческихъ Всероссійскихъ дѣятелей, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ и князь В. А. Черкаскій.

Но слово „дѣятель“ само по себѣ еще ничего не опредѣляетъ. Надо вспомнить, какое высокое, благодѣтельное значеніе имѣетъ для Россіи, для насъ всѣхъ вообще и для каждаго въ частности, государственная дѣятельность князя Черкаскаго. Надо обновить въ своемъ сознаніи великій, исполинскій смыслъ реформы 19-го Февраля 1861 г.: это было освобожденіе не только 20 милліоновъ Русскихъ людей, но и насъ самихъ, всей Россіи отъ язвы ее растлѣвающей, отъ узъ, сковывающихъ ея общественный организмъ. Этою реформою мы живемъ, дышемъ и движемся; только съ этой поры стала возможною для насъ гражданская общественная жизнь; всѣ послѣдующія преобразованія, обновившія и переродившія Россію,—наши суды присяжныхъ, наше земское и городское самоуправленіе,—всему начало положено этимъ великимъ историческимъ актомъ; въ немъ причина и залогъ бытія всѣхъ реформъ совершившихся и будущихъ. Не къ представителямъ же Москвы, надѣюсь, можетъ быть обращенъ упрекъ, что они начинаютъ уже нѣсколько забывать прошлое, что они недостаточно цѣнятъ источникъ тѣхъ благъ, которыми они пользуются и заслуги людей,—повторяю,—истинно облагодѣтельствовавшихъ Россію своимъ самоотверженнымъ служеніемъ дѣлу 19-го Февраля. Не легко было сдвинуть съ Русской земли этотъ камень, подъ которымъ она задыхалась, и не случайно попалъ князь Черкаскій въ сотрудники знаменательной реформы. Съ самой университетской скамьи, всѣ его помыслы, всѣ усилія были устремлены къ одной цѣли,—къ освобожденію крестьянъ, и когда онъ и Ю. Ѳ. Самаринъ, не въ качествѣ чиновниковъ, а въ качествѣ выдающихся представителей и дѣятелей общественныхъ, были призваны къ составленію Положенія 19-го Февраля, они, какъ поденщики, работали до истощенія силъ; они вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ многочисленнымъ, могучимъ, озлобленнымъ большинствомъ противниковъ.

Перейду прямо къ послѣднему земному служенію князя Черкаскаго. Только что стихла военная буря, и настаетъ

вожделѣнный миръ. Наше городское представительство не непричастно совершившимся событіямъ. Вспомните адресы, поданные вами Царю въ Октябрѣ 1876 и Апрѣлѣ 1877 года, въ которыхъ вы отъ имени Москвы и отъ имени всего Русскаго народа молили о скорѣйшемъ исполненіи великихъ историческихъ задачъ Россіи, объ избавленіи Балканскихъ Славянъ отъ мусульманскаго ига. Не раззорять и завоевывать,—говорили вы,—идетъ Россія, а освобождать, обновлять и созидать. Такова была и мысль Царя, и сбылось по Его мысли и вашему чаянію. Рядомъ съ военною и сокрушительною для враговъ дѣятельностью, кипѣла зиждительная работа. Не только уничтожено Оттоманское владычество, но и призваны къ новому бытію цѣлыя страны, не только освобождены Болгары, но и созиждена несуществовавшая дотолѣ Болгарія во всеоружіи гражданскаго строя. Кто же былъ этимъ зодчимъ, этимъ строителемъ? Кого къ этому великому, славному и трудному подвигу призвало довѣріе Государя? Общественнаго дѣятеля изъ вашей среды, одного изъ представителей Москвы, вашего сочлена и сотрудника по Городской Думѣ, князя В. А. Черкаскаго.

Онъ понесъ за васъ, за насъ всѣхъ, всю тяготу, всю скорбь, всю муку труда по исполненію зиждительнаго призванія Россіи, вмѣстѣ съ арміею дѣлилъ и опасности, и лишенія, на самомъ театрѣ войны залагалъ фундаментъ новаго государственнаго зданія, среди насилія и безправія, необходимыхъ спутниковъ войны, силился водворять свободу, порядокъ и законность,—громадная, трудно разрѣшимая задача, которая едва-ли кому иному была по силамъ. Но она и подломила его силы. Въ самый послѣдній день подвига, да, въ самый день подписанія мира, торжественно признавшаго независимое гражданское бытіе Болгаріи, въ дорогую, завѣтную для князя Черкаскаго годовщину 19 Февраля, въ виду Царьграда, въ виду предѣла трудовъ и мученій, обрѣло себѣ предѣлъ и его земное поприще. Въ этотъ столь знаменательный въ его жизни день, князь Черкаскій какъ бы подвелъ истинный, дѣйствительный итогъ своей земной дѣятельности и росписался въ немъ своею смертью.

Московская-ли Дума, стоящая, безъ сомнѣнія, на высотѣ своего призванія, какъ представительница Москвы съ ея всенароднымъ значеніемъ, не почтитъ съ благоговѣніемъ и гордостью память такаго сочлена?

4. Рѣчь Д. Ѳ. Самарина.

Кончина кн. Вл. Ал. глубокою скорбью отозвалась въ каждомъ изъ насъ; Москва почувствовала, что лишилась одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ, который такъ томился жаждою посвятить жизнь свою на пользу своему отечеству. Князь Черкаскій является крупною, выдающеюся личностью не только потому, что онъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и таланта, но главнымъ образомъ потому, что былъ представителемъ извѣстныхъ принциповъ, которыхъ онъ твердо держался въ политической дѣятельности своей и осуществленію которыхъ онъ немало содѣйствовалъ вмѣстѣ съ друзьями своими. Какую же политическую исповѣдь оставилъ по себѣ князь Черкаскій? Въ той реформѣ, которая легла краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ преобразованій нынѣшняго царствованія, онъ стоялъ за полное освобожденіе крестьянъ съ землею посредствомъ выкупа и за крестьянское самоуправленіе; для проведенія этихъ началъ, онъ велъ горячую борьбу съ тою партіею, которая стояла за личное освобожденіе крестьянъ безъ земли и за введеніе у насъ патримоніальной юрисдикціи.

Въ земскомъ и неразрывно-связанномъ съ нимъ городскомъ дѣлѣ, онъ отстаивалъ самостоятельность общественныхъ учрежденій и видѣлъ въ мѣстномъ самоуправленіи лучшую школу политическаго воспитанія общества и твердое основаніе для дальнѣйшаго развитія свободныхъ учрежденій. Въ Польшѣ онъ содѣйствовалъ умиротворенію края посредствомъ кореннаго преобразованія всего общественнаго строя, освобожденія народа изъ-подъ власти пановъ и ослабленія политическаго значенія Римско-католическаго духовенства. Наконецъ, въ переживаемую нами теперь знаменательную эпоху князь Черкаскій былъ носителемъ идеи возрожденія Задунайскихъ Славянъ не черезъ прививку къ нимъ послѣднихъ

плодовъ Западной цивилизаціи, а черезъ возстановленіе природныхъ началъ Славянства. Онъ признавалъ, что эту задачу могла выполнить только Россія, и видѣлъ въ этомъ ея историческое призваніе.

Политическая дѣятельность, въ которой твердо и неуклонно проводились такія начала, не могла не обратить на себя общественнаго вниманія. Москва не разъ выражала поэтому свое горячее сочувствіе князю Черкаскому, какъ политическому дѣятелю: университетъ почтилъ его званіемъ почетнаго члена, Городская Дума—избраніемъ на должность городскаго головы. Когда обнаруживалось внутреннее настроеніе наше, когда наступали въ государственной жизни минуты трудныя, на кого постоянно и настойчиво указывала Москва, какъ не на князя Черкаскаго, намѣчая его на высшее служеніе отечеству? Но широко-ли, надолго-ли открывались предъ нимъ двери для дѣятельности, свойственной его призванію?

Исторія произнесетъ свой судъ надъ государственнымъ дѣятелемъ, но она произнесетъ его и надъ средою, въ которой ему пришлось проявлять свою дѣятельность, и скажетъ, оцѣнило-ли его общество въ мѣру его дѣйствительныхъ заслугъ. Мы, какъ современники почившаго, свидѣтельствуемъ только безспорный фактъ, что Москва умѣла цѣнить князя Черкаскаго при жизни его. Теперь, когда его не стало, когда онъ смертью запечатлѣлъ готовность свою принести въ жертву своему отечеству весь Богомъ данный ему талантъ, почтимъ достойно его память и не забудемъ, что зрѣлость общественная измѣряется умѣніемъ общества высматривать изъ-за ежедневной будничной жизни истинныя заслуги его дѣятелей.

Да сохранится же надолго память о почившемъ! Да укрѣпляетъ она въ насъ духъ, животворившій его, духъ стойкаго, самостоятельнаго служенія обществу! Да не оскудѣетъ земля Русская такими дѣятелями, какимъ былъ почившій князь В. А. Черкаскій, и да находятъ они въ ней полный просторъ для дѣятельности, соотвѣтствующей ихъ призванію!

РѢЧЬ

И. С. Аксакова въ публичномъ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества.

5 Марта 1878 года.

Путемъ смертей и страданій призваны мы были совершить святое дѣло воскрешенія нашихъ братьевъ. Болгарская почва упитана Русскою кровью. На Русскихъ костяхъ стала Болгарія. И еще недавно, уже по прекращеніи брани, послѣдній торжественный актъ ея освобожденія и признанія ея самостоятельнаго бытія ознаменовался великою Русскою жертвою. Во главу угла ея вновь созижденнаго гражданскаго строя легъ самъ строитель, легъ человѣкъ, отмѣченный высшими дарованіями. Учредитель и организаторъ этой новой сотворенной Россіею Болгаріи сраженъ внезапно нервнымъ ударомъ въ селеніи Санъ-Стефано, въ виду Царьграда и Св. Софіи, 19 Февраля, въ самый день подписанія мирнаго договора, въ тотъ мигъ, когда, послѣ долгихъ, тяжкихъ трудовъ, онъ по праву могъ бы сказать себѣ: „теченіе скончалъ, подвигъ совершилъ". Смерть Черкаскаго—не просто утрата умнаго, полезнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля: убыло знаменитымъ умомъ, убыло цѣлою крупною общественною силою, и замѣстить ее нечѣмъ.

Странное, замѣчательное, совершенно-оригинальное явленіе представлялъ собою въ Россіи князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій, именно этимъ сочетаніемъ въ себѣ дѣятеля общественнаго и государственнаго. Онъ былъ безспорно человѣкомъ государственнымъ и принималъ дѣятельное участіе въ величайшихъ государственныхъ дѣяніяхъ нынѣшняго царствованія, но онъ никогда не принадлежалъ

къ сонму ни царедворцевъ, ни сановниковъ, не считался у нихъ *своимъ* и не проходилъ обычныхъ ступеней нашей служебной іерархической лѣстницы. Онъ всегда, вольно и невольно, сохранялъ за собою характеръ какъ бы представителя или делегата отъ общества на государственномъ дѣлѣ, хотя бы онъ былъ и главнымъ его руководителемъ. Его имя служило уже знаменемъ, возвѣщавшимъ всякій разъ особую важность порученной ему работы, ея особое значеніе не только для государственныхъ, но и для общественныхъ, для національныхъ интересовъ. Таковы факты, представляемые его жизнью, которыхъ не можетъ отрицать никакое недоброжелательство, хотя бы и пыталось извратить ихъ дѣйствительный смыслъ.

Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенною творческою способностью низводить абстракты на реальную почву, запутаннѣйшія, отвлеченныя теоріи приводить къ конкретной, практической формулѣ, и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства въ смыслѣ подобострастія доктринѣ и насильственнаго подчиненія ей жизни, никогда не рабствовалъ отвлеченной логикѣ; напротивъ — онъ считался съ жизнію, съ бытомъ, цѣнилъ и уважалъ Русскую исторію и органическія стихіи народа, умѣлъ въ своихъ работахъ примѣняться къ современной дѣйствительности и вступать съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ, ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма, и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, были большею частію именно люди теорій и идеаловъ, и нисколько не практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію, и любилъ теорію лишь какъ освѣщеніе данныхъ жизни, какъ разумъ фактовъ. Но что̀ онъ любилъ пуще всего и самоотверженно,—это честь и достоинство Россіи и, безусловно вѣруя въ Русскій народъ, въ его великую всемірно-историческую будущность, трудился неутомимо, не щадя силъ,—какъ уже

выразился князь Александръ Васильчиковъ*) въ своей прекрасной статьѣ, — надъ *основаніями,* а не надъ вѣнцомъ зданія.

Значеніе князя Черкаскаго въ дѣлѣ Славянскаго возрожденія не только даетъ мнѣ право, но и налагаетъ обязанность задержать нѣсколько долѣе ваше вниманіе на этомъ недавно отшедшемъ и возстановить, на сколько мнѣ это возможно, его истинный, нравственный образъ. Говорю „возстановить", потому что, къ сожалѣнію, этотъ образъ большею частію совершенно искаженъ въ сознаніи Русской публики, и если всѣ сходились въ признаніи за нимъ блистательныхъ дарованій, то, наоборотъ, нравственная сторона его дѣятельности подвергалась самой разнообразной, хотя большею же частію отрицательной оцѣнкѣ. Князь Васильчиковъ уже коснулся этого явленія и указалъ, что̀ служило къ нему поводомъ, изъ кого главнымъ образомъ состоялъ хоръ ожесточенныхъ хулителей. Нѣтъ сомнѣнія, Русскіе крѣпостники, реакціонеры, скрывающіеся теперь подъ псевдонимомъ „консерваторовъ", Польскіе паны и ксендзы, которыхъ интересы имущественные и политическіе такъ много пострадали отъ реформъ, совершенныхъ при дѣятельномъ участіи Черкаскаго, пылали къ нему непримиримою ненавистью и, не жалѣя клеветъ, постарались и успѣли настроить враждебно къ нему людское мнѣніе. Было бы однакоже ошибкою утверждать, что только они, и они одни, относились къ Черкаскому съ непріязнью. Вина лежала отчасти и на самомъ князѣ. Всегда радушный хозяинъ, любезный и привѣтливый съ близкими или съ сочувственными ему лицами, Черкаскій по большей части стоялъ къ людямъ только одною стороною—стороною мысли, ума, разсчета. Онъ слишкомъ презрительно относился къ людскимъ толкамъ и пересудамъ, не заботился о мнѣніи лицъ имъ невысоко цѣнимыхъ, и никогда не пытался разсѣять недоразумѣнія, вызванныя его рѣчами и внѣшнимъ обращеніемъ. Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза, такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ, особенно же глаза

*) См. ниже.

людей съ туманною мыслью, ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глуповатостью, и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высокомѣрную злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣньемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста, и въ грудѣ фразъ о безкорыстіи и гуманности обличать присутствіе тайнаго, своекорыстнаго мотива. Всякое излишество чувствительности, все, въ чемъ было очень ужъ мало ума, хотя бы и много сердца, мало толка, а только прекрасныя тщетныя пожеланія, что̀ было больше по части праздныхъ чувствъ, чѣмъ настоящаго дѣла, встрѣчало въ немъ ироническую улыбку, которая, разумѣется, рѣдко ему прощалась. Дѣйствительно, онъ не всегда достаточно бережно отрезвлялъ юную идеалистическую восторженность, и этого, понятно, не могла любить пылкая молодежь. Таковы были особенности, скажу прямо, недостатки его натуры, связанные органически съ положительными свойствами его ума и дарованій. Онъ говорилъ въ свое оправданіе, что никто по крайней мѣрѣ не обвинитъ его въ притворствѣ. И дѣйствительно, онъ никогда не притворялся; но онъ не только никогда не щеголялъ, а даже какъ бы боялся покрасоваться своими добрыми нравственными качествами и, предпочитая казаться хуже чѣмъ лучше, — вполнѣ въ этомъ успѣлъ. Я позволю себѣ коснуться одной интимной его черты. Этотъ „безсердечный“ человѣкъ (какъ его называли) былъ самымъ заботливымъ и великодушнымъ изъ родственниковъ. Я не знавалъ сына нѣжнѣе и почтительнѣе къ матери (скончавшейся только за два мѣсяца до него); но если бы кто-либо изъ самыхъ приближенныхъ друзей отважился похвалить ему такое его качество, онъ вѣроятно вызвалъ бы отъ Черкаскаго какой-нибудь не совсѣмъ пріятный отвѣтъ. Въ его добрыхъ личныхъ дѣлахъ,—а ихъ было немало, — не было вовсе той елейности, которая нерѣдко цѣнится людьми выше чѣмъ самое добро....

Но всѣ эти недостатки, сами по себѣ несущественные, могли подать поводъ только къ недоумѣніямъ. Гораздо серіознѣе общія, ходячія, сложившіяся въ обществѣ обви-

ненія. Его постоянно клеймили и еще не перестаютъ клеймить прозваніемъ честолюбца, властолюбца, человѣка безъ убѣжденій, руководившагося лишь эгоистическимъ, личнымъ разсчетомъ.

Хотя и справедливо, что историческихъ дѣятелей, какимъ былъ князь Черкаскій, судитъ исторія; хотя, можетъ быть, и приличнѣе было бы, въ виду еще не опущеннаго въ могилу гроба, воздержаться теперь ото всякой строгой оцѣнки,—однакоже эти соображенія не настолько вѣски, чтобы давать безвозбранно укорениться ложнымъ навѣтамъ и оставлять въ заблужденіи современниковъ, въ чаяніи отдаленнаго суда потомковъ; тѣмъ болѣе, что смерть имѣетъ особенное свойство: разомъ подводя итогъ земному дѣланію человѣка, облегчать его уразумѣніе и всему отводить свое мѣсто. На ходу жизни, въ ея буйствѣ, ея ежедневныхъ случайныхъ проявленіяхъ, изъ-за чужихъ и собственныхъ толковъ, трудно познается основная, *внутренняя правда* человѣка, ускользающая большею частью даже отъ его собственнаго сознанія... Особенно же мало поддаются анализу такіе сложные организмы какъ у Черкаскаго, исполненные такихъ повидимому противорѣчивыхъ влеченій: анализъ дробится и не даетъ цѣльнаго вывода. Только со смертью раскрывается въ своемъ истинномъ смыслѣ жизненный подвигъ и тотъ нравственный центръ тяжести, которымъ самъ собою, хотя бы и безсознательно, опредѣлялся и уравновѣшивался человѣкъ.

Я не стану пускаться въ полемику съ обвинителями; пусть говорятъ за меня самые факты его жизни, въ ихъ совокупности, которымъ я и представлю бѣглый обзоръ.

Прилежный и даровитый студентъ юридическаго факультета Московскаго Университета, князь Черкаскій, съ особенною любовію занимается исторіею Русскаго права и пишетъ на золотую кандидатскую медаль изслѣдованіе о цѣловальникахъ, то-есть о древнемъ Русскомъ прообразѣ суда присяжныхъ. Затѣмъ, кандидатомъ, онъ продолжаетъ свои ученыя занятія и изготовляетъ, для полученія степени магистра, диссертацію объ *Юрьевѣ днѣ,* то-есть о свободѣ перехода и о закрѣпощеніи крестьянъ въ древней Руси. Вотъ къ чему, къ

какимъ основамъ Русской государственной и общественной жизни стремилась, съ самаго начала своего самостоятельнаго поприща, мысль молодаго Черкаскаго, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что умы современной ему молодой среды увлекались большею частію либерализмомъ совсѣмъ инаго, превыспренняго, неприложимаго къ Россіи и потому празднаго свойства. Въ первую пору, по выходѣ изъ Университета, онъ предполагалъ посвятить себя ученому поприщу и искать каѳедры исторіи Русскаго права, но отказался однакоже отъ этого намѣренія по совѣтамъ одного опытнаго и уважаемаго имъ лица, старавшагося направить его къ государственной службѣ. И дѣйствительно, съ своимъ умомъ и образованіемъ, со своими связями и положеніемъ въ свѣтѣ, кн. Черкаскій, по общимъ понятіямъ, могъ легко составить себѣ „блистательную карьеру"; для молодаго „честолюбца", казалось бы, нельзя было и желать лучшей обстановки, и онъ бы безъ труда дошелъ до высшихъ іерархическихъ степеней. Но, должно-быть, не такова была натура этого человѣка, чтобъ онъ изъ честолюбія согласился пожертвовать своею независимостью и пойти избитою рутинною дорогою! Должно-быть, уже и тогда „честолюбіе" въ немъ было нѣсколько инаго разряда: честолюбіе силы, себя сознающей и ищущей развернуться во всю свою ширь, *владѣть* дѣломъ, избираемымъ его мыслью, воплотить *свои* государственные идеалы... Трудно было даже и въ самые молодые годы Черкаскаго вообразить себѣ его въ роли какаго-нибудь чиновника особыхъ порученій, дѣйствующаго по чужимъ начальническимъ указаніямъ. Черкаскій не пошелъ на службу,— нельзя было считать службою принятое имъ на себя званіе почетнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ, — и жилъ большею частью въ Тульской деревнѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и изучая положеніе крестьянъ. Въ 1847 году онъ устраиваетъ въ Тулѣ кружокъ изъ нѣсколькихъ образованныхъ помѣщиковъ для разработки проекта объ уничтоженіи крѣпостнаго рабства,—кружокъ, который однако-
послѣ Февральской революціи 1848 года, былъ по
ряженію правительства закрытъ.

Различныя партіи тянули его къ себѣ: и

же,
распо-

аристократиче-

ская, которая думала найти себѣ въ немъ могучее орудіе для своихъ олигархическихъ химеръ, и такъ-называемые западники, которые видѣли въ немъ Европейца и упорно хотѣли считать его своимъ. Но ознакомившись со всѣми направленіями Московской интеллигенціи, Черкаскій, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, сталъ постепенно сближаться съ людьми такъ называемаго славянофильскаго круга, хотя сближеніе съ ними не представляло въ то время никакихъ выгодныхъ расчетовъ ни въ какомъ отношеніи, а способно было только компрометтировать и во мнѣніи властей, и еще болѣе во мнѣніи общества. Славянофилы въ тѣ годы не только не пользовались популярностью, но были предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, клеветъ и ожесточеннаго поруганія въ литературѣ. Что̀ же влекло его къ этимъ людямъ, съ которыми Черкаскій въ ту пору расходился по многимъ существеннымъ основамъ славянофильства? Вѣроятнѣе, прежде всего, таланты нѣкоторыхъ изъ нихъ, общая съ ними любовь къ Россіи, преданность ея національнымъ интересамъ, уваженіе къ Русскому народу и къ его исторической стихіи, потому что для Черкаскаго народъ никогда не былъ tabula rasa, какъ для тогдашнихъ раболѣпныхъ поклонниковъ Западной цивилизаціи. Влекло, можетъ-быть, также и невольное сочувствіе съ нравственными свойствами лучшихъ представителей этого круга. Какъ бы то ни было, но онъ дорожилъ отношеніями съ ними. Во второмъ томѣ *Московскаго Сборника* на 1853 годъ, должна была появиться его статья объ Юрьевѣ днѣ; но этотъ томъ, въ рукописи, весь со всѣми статьями, не былъ допущенъ къ печати,—„не потому что̀ въ немъ было сказано, а потому что̀ умолчено“, объяснилъ издателю покойный начальникъ штаба III отдѣленія, Л. В. Дульбетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые участники *Сборника*, въ томъ числѣ и князь Черкаскій, подверглись ограниченію въ правахъ печатанія и полицейскому надзору: все это было снято съ нихъ лишь по восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя.

Но и затѣмъ Черкаскій не пользуется никакимъ случаемъ для составленія себѣ служебной карьеры. Въ 1857 г., въ извѣстномъ славянофильскомъ изданіи *Русская Бесѣда*,

онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей, преимущественно по вопросамъ внѣшней политики, и этимъ первымъ своимъ печатнымъ дебютомъ сразу обратилъ на себя вниманіе какъ на первоклассного публициста.

Наконецъ, въ концѣ 1857 года, наступила пора такъ давно чаемая Черкаскимъ, къ которой вся предшествовавшая его жизнь была только приготовленіемъ. Высочайше разрѣшено было образовать въ губерніяхъ комитеты для обсужденія способовъ къ освобожденію крестьянъ, или „къ улучшенію ихъ быта", какъ это тогда оффиціально называлось. Черкаскій отдался любимой задачѣ вполнѣ, всѣми силами духа и, стоя во главѣ меньшинства, громилъ большинство своими блистательными и, правду сказать, нѣсколько язвительными рѣчами. Борьба была его стихіей... Большинство не могло ему простить, ему—князю, аристократу по происхожденію,—демократическую будто бы затѣю надѣленія крестьянъ землею: добро бы онъ былъ человѣкъ неимущій, искренній, простодушный идеалогъ, увлекающійся фантазіями либерализма, гуманности и т. д.! Но такаго права на ересь помѣщичье большинство въ Черкаскомъ не признавало, а между тѣмъ чувствовало въ немъ опасную себѣ силу. Раздраженіе дошло, наконецъ, до того, что на выборахъ въ Тульскомъ дворянскомъ собраніи два дня стояла буря: препирались объ исключеніи князя Черкаскаго, какъ недостойнаго, изъ числа Тульскихъ дворянъ. Съ ироническою улыбкою на устахъ выдержалъ онъ весь этотъ ураганъ, стихшій поневолѣ за неимѣніемъ законнаго повода къ исключенію. Но въ то самое время, когда партія крѣпостниковъ пыталась подвергнуть его такому остракизму, неистово бѣсновалась противъ Черкаскаго,—забавно, но и стыдно вспомнить,—либеральная, т.-е. наша претендующая на либерализмъ журналистика за то, что въ одной изъ своихъ по крестьянскому вопросу статей, въ журналѣ А. И. Кошелева *Сельское Благоустройство*, Черкаскій предполагалъ предоставить въ селеніяхъ старшинамъ право наказывать провинившихся крестьянъ, за неимѣніемъ другихъ мѣръ взысканія, нѣсколькими ударами розогъ. Не вѣдая никакихъ условій народной жизни, не принимая никакаго участія въ таж-

кихъ трудахъ по крѣпостному вопросу, нисколько не соображаясь съ положеніемъ самихъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы, только вкарабкавшись на ходули „цивилизаціи“, наши арлекины либерализма и гуманности, вмѣстѣ съ ругательствами, присылали по почтѣ цѣлые пуки розогъ въ редакцію *Сельскаго Благоустройства!* О томъ же какъ рѣшался вопросъ о надѣлѣ, пустоголовымъ крикунамъ не было дѣла. Не удивляйтесь, что я упомянулъ объ этомъ, повидимому ничтожномъ, мелочномъ обстоятельствѣ: еще недавно, послѣ двадцати лѣтъ, въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ журналахъ (и самыхъ значительныхъ) возобновленъ покойному дѣятелю освобожденія тотъ же шутовской упрекъ!

Призванный въ члены Редакціонныхъ Комиссій для составленія Положенія о крестьянахъ, Черкаскій переѣхалъ въ Петербургъ и сдружился на общей работѣ съ Н. Милютинымъ и въ особенности съ Юріемъ Самаринымъ. Сближеніе съ послѣднимъ, по собственному сознанію Черкаскаго, оказало на него значительное нравственное вліяніе. Дни и ночи самоотверженнаго, одушевленнаго труда въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, постоянная упорная борьба, шагъ за шагомъ, съ могущественными противниками; хулы, клеветы, ненависть, остервенѣлая брань,—все пережитое и испытанное этими тремя главными работниками величайшаго въ мірѣ благодѣянія, вѣчной славы нынѣшняго Государя,—все это теперь уже мало цѣнится или позабыто. Но таково значеніе для Россіи дѣла 19-го Февраля 1861 года, какъ бы оно ни было несовершенно въ частностяхъ, что имена упомянутыхъ дѣятелей должны бы произноситься не иначе какъ съ благоговѣйною признательностію!...

Это была лучшая эпоха въ жизни князя Черкаскаго. По изданіи Положенія, и онъ, и Самаринъ поспѣшили на новый подвигъ—практическаго примѣненія своей работы къ жизни: Самаринъ, въ качествѣ члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ Самару; Черкаскій, въ должности мироваго посредника, въ родной Веневскій уѣздъ. Его разумныя дѣйствія были тотчасъ же оцѣнены какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и прежняя озлобленная вражда Тульскаго дворянства къ Черкаскому была вскорѣ оставлена.

Послѣ двухъ лѣтъ труда открылось новое поприще. Начался Польскій мятежъ. Испробованные способы укрощенія и умиренія не приводили къ цѣли. Сила штыковъ при слабой мысли оказывалась недостаточною. Государю угодно было признать необходимость новыхъ пріемовъ и поручить дѣло Н. Милютину. Но Милютинъ не сталъ работать одинъ, а пригласилъ къ содѣйствію своихъ обоихъ сподвижниковъ крестьянскаго дѣла. Съ Высочайшаго соизволенія, но въ качествѣ частныхъ людей, Черкаскій и Самаринъ, вмѣстѣ съ Милютинымъ, не безъ опасности для жизни, объѣхали Царство Польское, и плодомъ ихъ усиленныхъ трудовъ явилось Положеніе 19 Февраля 1864 года, надѣлившее Польскихъ крестьянъ землей и освободившее ихъ отъ шляхетскаго матеріальнаго гнета. По исполненіи своей задачи Самаринъ возвратился въ Россію, а Черкаскій, по совѣту Милютина, вступилъ въ *первый* разъ на службу,—на должность главнаго директора Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Тутъ-то впервыя обнаружилъ въ себѣ Черкаскій блистательныя способности администратора, въ высшемъ политическомъ значеніи этого слова; впервыя почуяли Польскіе мятежные паны и ксендзы присутствіе новой, не проявлявшейся дотолѣ силы, силы мысли и сознательной воли. Русское знамя поручено было твердой и умной рукѣ! За то какой дружный походъ озлобленной ненависти воздвигло противъ себя это новое невиданное пугало—*Русскій умъ*—не только въ Польской средѣ, но и въ Римѣ, и въ Австріи, особенно, когда Черкаскій завелъ живыя сношенія съ Галиціей и съ Русскими уніятами. Вообще въ Австріи особенно ненавидѣли Черкаскаго, и были правы: Русь Карпатская и Русь Галицкая были его любимою, задушевною мечтою.... Въ Русской административной рутинѣ новая струя мысли и сознательнаго Русскаго національнаго чувства, внесенная Черкаскимъ изъ общественной сферы,—Черкаскимъ, прямо изъ общественныхъ вольныхъ дѣятелей, изъ мировыхъ посредниковъ вскочившимъ почти въ министры, представлялась также чѣмъ-то инороднымъ, какою-то занозою, неспособною раствориться въ этой стихіи посредственности, бездарности и пошлости.... Тѣ, которые могли считать себѣ Черкаск

будущимъ соперникомъ, и многочисленная дружина враговъ, нажитая себѣ Черкаскимъ за участіе въ Положеніи 19 Февраля, и не менѣе многочисленная фаланга высокопоставленныхъ иностранцевъ съ Русскими именами, не признающихъ въ Россіи ни Русскаго народа, ни народности, ни исторіи,— все и всѣ, соединясь въ общій станъ, направили свои стрѣлы противъ Черкаскаго. Послѣднему было еще нетрудно дѣйствовать при поддержкѣ Н. А. Милютина въ Петербургѣ; но параличъ, сразившій этого доблестнаго государственнаго мужа и замѣна его другимъ заставили Черкаскаго выйти въ отставку. Онъ былъ убѣжденъ, можетъ быть, и ошибочно, что ему не будетъ дано прежняго простора для дѣятельности, что онъ не будетъ уже такимъ хозяиномъ дѣла, какимъ былъ,— а онъ могъ управлять дѣломъ только въ качествѣ старшаго, въ качествѣ хозяина, почти самовластнаго..... Нѣсколько болѣе гибкости, болѣе ловкости, болѣе терпѣнія, болѣе „корыстнаго расчета", и Черкаскій остался бы, безъ сомнѣнія, на службѣ и достигъ бы, безъ сомнѣнія, высшихъ верховъ знати и почести. Какъ согласить такой неблагоразумный образъ дѣйствій Черкаскаго съ представленіемъ о честолюбцѣ, лишенномъ всякихъ убѣжденій и руководящемся только соображеніемъ личныхъ выгодъ?!.. Какъ ни желалъ онъ себѣ высшаго административнаго поприща, гдѣ бы его силы могли найти себѣ полное развитіе и примѣненіе, какъ ни клонило его въ эту сторону— чести и власти, былъ въ немъ, стало-быть, какой-то нравственный центръ тяжести, который перевѣсилъ расчетъ и поставилъ на своемъ....

Снова Черкаскій въ бездѣйствіи, но чрезъ два года снова выступаетъ общественнымъ дѣятелемъ уже въ званіи Московскаго городскаго головы... Здѣсь снова является такой эпизодъ его жизни, который совершенно противорѣчитъ понятію о Черкаскомъ, сложившемуся во всѣхъ умахъ, даже очень близкихъ къ нему людей. Никто не могъ себѣ объяснить, какъ „человѣкъ расчета", чуждый всякихъ увлеченій, ловкій и т. д., могъ совершить ту ошибку, которая заставила его сложить съ себя званіе головы и окончательно закрыла ему пути къ высшимъ постамъ администраціи. А между тѣмъ

иниціатива этой ошибки принадлежала всецѣло Черкаскому, хотя, повидимому, самое дюжинное благоразуміе способно было безъ труда предугадать, что лично для него она не можетъ имѣть иныхъ послѣдствій кромѣ самыхъ вредныхъ. Какъ торжествовали его враги, какъ осмѣивали его неловкость, не соображая, что подобную неловкость, подобную непослѣдовательность трудно однакоже поставить въ нравственную вину человѣку. Да и не была ли эта непослѣдовательность только мнимою? Наперекоръ всѣмъ расчетамъ, не было ли въ этомъ поступкѣ чего-то такого, что̀ согласовалось со внутренними, высшими требованіями его души?...

Тяжело было видѣть Черкаскаго осужденнымъ на жизнь частнаго человѣка, эти силы, эти способности бездѣйствующими; но еще томительнѣе было ему самому. Онъ старался разсѣяться путешествіемъ по Европѣ, гдѣ всѣ, отъ Бисмарка до Тьера, разомъ оцѣнили его по достоинству и только дивились Россіи, небрегущей такими талантами. Но путешествіе не могло удовлетворить жаждѣ дѣятельности этого атлета работы. Года проходили, силы ржавѣли въ праздности, душу точило раздраженіе. Прошло шесть лѣтъ. Раздалось знаменитое Царское слово 11 Октября 1876 г., какъ дальній раскатъ грома, предвозвѣщавшій военную бурю. Черкаскій не счелъ для себя возможнымъ оставаться въ сторонѣ и предоставилъ себя въ распоряженіе высшей власти. Настало его новое и послѣднее земное служеніе. Кромѣ обязанностей уполномоченнаго при дѣйствующей арміи отъ центральнаго Петербургскаго управленія Общества Краснаго Креста, довѣріе Государя Императора возложило на него званіе завѣдующаго гражданскою частью во вновь занимаемомъ краѣ.

Если только представить себѣ исполинскій объемъ, обстановку, всѣ трудности порученной Черкаскому задачи, такъ можно лишь дивиться, какъ сумѣлъ одолѣть ее Черкаскій и дать ей удовлетворительное рѣшеніе. Предстояло вводить гражданскій строй въ страну политически не существовавшую, которая даже не имѣла и признанныхъ географическихъ очертаній, которая была дотолѣ не болѣе какъ этнографическимъ терминомъ; въ страну почти незнаемую, о

которой ни Русская наука, ни министерство иностранныхъ дѣлъ, не заготовили никакихъ точныхъ свѣдѣній; въ страну, постепенно отвоевываемую у непріятеля, такъ что нельзя было даже заложить общаго фундамента сразу и вывести зданіе хоть вчернѣ, съ тѣмъ чтобы потомъ заняться его отдѣлкою и приспособить къ жилью, а приходилось, держа общій планъ, общую систему въ умѣ, строить кусками, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ и, не имѣя цѣлаго, приводить въ жизнь и въ дѣйствіе отдѣльныя второстепенныя части; наконецъ, въ страну, представлявшую менѣе удобствъ для рѣшенія подобной задачи, чѣмъ даже какая-нибудь Ферганская область. Въ послѣдней достаточно было смѣнить хана и высшихъ чиновъ и воспользоваться существующимъ гражданскимъ матеріаломъ; здѣсь же совершался цѣлый соціальный переворотъ, перемѣщеніе слоевъ населенія. Весь верхній, правящій слой—Турецкій—снимался или уничтожался; съ появленіемъ Русскаго войска бѣжало все, отъ паши до послѣдняго каваса, рушился весь административный порядокъ: надлежало вновь созидать все, сверху до низу, спѣшно, безъ малѣйшаго промедленія.

Прибавьте къ этому, что этотъ гражданскій строй вводился на самомъ театрѣ войны, по пятамъ воюющихъ войскъ, дѣйствующихъ естественно въ сферѣ „военнаго положенія", которое въ тоже самое время есть прямое отрицаніе гражданскаго! Рядомъ съ насиліемъ, хотя бы и организованнымъ, приходилось водворять организованную свободу, законность, порядокъ, и въ тоже время удовлетворять военнымъ потребностямъ трехсоттысячной арміи! Идутъ полки, гонятъ Турокъ, отнимаютъ городъ; вслѣдъ за ними водворяется гражданское управленіе,—и новые полки, проходя, не имѣя уже права распоряжаться по военному положенію, настойчиво предъявляютъ свои неотлагательныя нужды къ управленію, созданному лишь наканунѣ! Сколько поводовъ обвинять это управленіе въ недостаткѣ порядка и распорядительности!! Прибавьте къ этому еще, что гражданскому организатору приходилось имѣть дѣло съ населеніемъ хотя и родственнымъ, расположеннымъ къ намъ, но терроризованнымъ и насиліями Турокъ, и нашими неудачами, — населеніемъ,

отъ пятисотлѣтняго рабства лишившимся всякой иниціативы. Да и какое же могло быть добровольное содѣйствіе Болгаръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, которыя переходили не разъ отъ Турокъ къ Русскимъ и отъ Русскихъ къ Туркамъ? Могли ли Болгары, особенно въ селахъ, приниматься охотно за самоуправленіе по приглашенію Русскихъ властей и способствовать успѣху гражданской организаціи, имѣя предъ собою примѣръ Ени-Загры, Казанлыка, Елены? Вспомните, наконецъ, что до самаго конца войны едва ли кому могло быть извѣстно, вся ли Болгарія или только небольшая часть ея будетъ освобождена, будетъ ли она независима или полузависима и какую получитъ политическую форму.

А между тѣмъ Русское правительство не могло поступить иначе и ограничиться введеніемъ только военнаго управленія, потому что военное управленіе упраздняется съ отбытіемъ войскъ, и тогда Болгарія была бы ввергнута въ тотъ хаосъ, въ которомъ оставило ее паденіе Турецкой администраціи. Эта безурядица могла бы подать Европѣ поводъ ко вмѣшательству и снова поднять вопросъ о реформахъ посредствомъ Европейской комиссіи; введеніемъ же гражданской организаціи Россія заявляла, что призываетъ Болгарію къ немедленному самостоятельному бытію. И князь Черкаскій, что̀ бы ни говорили, съ замѣчательнымъ искусствомъ рѣшилъ эту, повидимому, неразрѣшимую, задачу. Введенное имъ гражданское управленіе не предопредѣляетъ и не исключаетъ никакой политической формы; оно—необходимая принадлежность всякаго благоустроеннаго гражданскаго организма. Для самоуправленія сельскаго, земскаго и городскаго онъ далъ широкій просторъ, воспользовавшись порядками, уже существовавшими при Туркахъ, и примѣнивъ ихъ къ потребностямъ Болгарской политической автономіи. Благодаря ему, Болгарія имѣетъ теперь орудія необходимыя для самостоятельнаго національнаго развитія и правильнаго, безпрепятственнаго отправленія гражданской жизни.

И при какихъ условіяхъ совершилъ онъ этотъ высокій подвигъ? Онъ не имѣлъ возможности свободнаго выбора подчиненныхъ. Откуда было взять людей для наполненія

должностныхъ мѣстъ, когда Болгары могли выставить лишь самое небольшое число образованныхъ работниковъ, и почти никого способнаго къ административному дѣлу?... Одинъ, вдалекѣ отъ Россіи, безъ друзей и товарищей, среди тревогъ и лишеній походной жизни, въ суетѣ главной квартиры съ ея многочисленнымъ личнымъ составомъ, среди пререканій всегда борющихся двухъ стихій, военной и гражданской; среди интригъ и сплетенъ неразлучныхъ съ высшими сферами власти; неся отвѣтственность и предъ арміей за слабость гражданскаго управленія и чуть ли не за всякаго запуганнаго Болгарина, и предъ Болгаріей и общественнымъ мнѣніемъ Россіи—за каждый произволъ воинскаго начальника и за каждую излишнюю ревность гражданскихъ чиновниковъ, при удовлетвореніи военныхъ нуждъ: вотъ та обстановка, при которой ему приходилось работать, та атмосфера, которою онъ дышалъ. Въ тоже время онъ исполнялъ и другія, не менѣе тяжкія обязанности по званію уполномоченнаго Краснаго Креста и также конечно былъ осыпанъ градомъ разнообразнѣйшихъ нареканій, какъ будто Красный Крестъ призванъ удовлетворять всѣмъ санитарнымъ нуждамъ арміи и восполнять собою недостаточность военно-медицинскаго управленія! Я впрочемъ не намѣренъ касаться этой стороны его дѣятельности. Позволю себѣ замѣтить только одно: едва ли, не говорю уже о Бисмаркѣ или Питтѣ, но Пальмерстонъ или даже графъ Андраши, которому сравненіе съ Черкаскимъ, конечно, можетъ быть только лестнымъ, пригодились бы для званія уполномоченнаго Краснаго Креста при дѣйствующей арміи. Эта высокопочтенная, благая дѣятельность едва ли требуетъ способностей государственныхъ, во всякомъ случаѣ требуетъ способностей нѣсколько инаго калибра и иной категоріи. Замѣчу также, что князь Черкаскій не щадилъ жизни при уборкѣ раненыхъ подъ Плевною и, по свидѣтельству иностранныхъ корреспондентовъ, распоряжался дѣломъ подъ пулями съ поразительнымъ мужествомъ....

Не подъ силу было одному человѣку нести такія задачи, такую тяготу труда, заботъ и борьбы. Онъ изнемогалъ отъ истомы и раздраженія,—и раздраженіе плодило ему новыхъ

враговъ.... Въ тоже время въ дорогомъ отечествѣ нашлись досужіе борзописцы, у которыхъ хватило духа пустить по Россіи лживые, дерзкіе пасквили, зная, что въ нашемъ обществѣ, при его дѣтской незрѣлости, всякому печатному слову еще готовы дать вѣру; зная также, что обвиняемый, по отдаленности и по своему офиціальному положенію, поставленъ въ невозможность опровергнуть клевету. Такія статьи, затрудняя задачи Россіи возбужденіемъ къ ней недовѣрія въ средѣ Болгаръ, такъ совпадаютъ съ цѣлями Англіи и Австріи въ настоящую пору, что можно было бы признать ихъ писанными по иностранному заказу, если бы только онѣ были дѣльнѣе и умнѣе. Но увы! все это доморощенные продукты той нашей интеллигенціи, преимущественно Петербургской, которая, своимъ лакействомъ предъ Европою, своимъ отчужденіемъ отъ Русской народности, обрекла себя на вѣчное недомысліе, вѣчное больное, худосочное дѣтство...

Перейдя пѣшкомъ Балканы и вступивъ вскорѣ потомъ, вмѣстѣ съ торжествующими нашими войсками, въ Адріанополь, князь Черкаскій, по его словамъ, былъ вознагражденъ этою минутою за всѣ 14 мѣсяцевъ трудовъ и скорбей. Его благоговѣнію предъ Русскимъ солдатомъ не было мѣры. На него и на Русскій народъ возлагалъ Черкаскій непоколебимую надежду за будущее Россіи. „Всю ее держитъ", писалъ онъ изъ-за Дуная, „на своихъ могучихъ плечахъ этотъ простой, этотъ сиволапый мужикъ!.. Все одолѣетъ, все вынесетъ нашъ добрый, нашъ великій страстотерпецъ—Русскій солдатъ!"

Я, можетъ-быть, слишкомъ увлекся и подробнѣе чѣмъ предполагалъ изложилъ вамъ главныя характеристическія данныя жизни князя Черкаскаго. Предлагаю вамъ самимъ сдѣлать логическую посылку, добыть выводъ и затѣмъ свѣрить его съ обычными, банальными сужденіями объ этомъ великомъ гражданскомъ бойцѣ и доблестномъ подвижникѣ. Въ знаменательномъ совпаденіи дня смерти князя Черкаскаго со днемъ 19 Февраля, днемъ освобожденія Русскихъ крестьянъ

и днемъ освобожденія Болгаріи, днемъ исполненія Россіею своего великаго историческаго призванія, видится что-то свыше правосудное. Этою смертью какъ бы запечатлѣна вѣчная, неразрывная связь имени князя Черкаскаго съ величайшими христіанскими дѣяніями не только Русской, но и всемірной исторіи....

У гроба князя Черкаскаго.

....Есть картина извѣстнаго художника: лежатъ два трупа, отъ ногъ до половины въ длину прикрытые погребальнымъ покровомъ; голова у каждаго изъ покойниковъ хранитъ на себѣ кровавую отмѣтку, полученную на плахѣ. Это два борца за великую свободу своего народа и за независимость своего государства. Они пали въ борьбѣ и казнены врагомъ, но самая ихъ смерть запечатлѣла торжество нравственнаго начала надъ зломъ. Трупы и смерть на картинѣ, но отъ этой картины вѣетъ невыразимо-глубокимъ примиреніемъ: наглядно изображается въ ней чувство совершеннаго подвига, и это-то чувство „исполненнаго гражданскаго долга" краснорѣчивѣе всякихъ словъ даетъ себя слышать въ величавомъ безмолвіи покойниковъ.

Этотъ гробъ, прибывшій въ Москву издалека, изъ самаго Царьграда, который несли на себѣ Черноморскія волны, безмолвіемъ своимъ также краснорѣчиво говоритъ о „чувствѣ исполненнаго гражданскаго долга". Русская земля выслала въ Болгарію одного изъ своихъ талантливѣйшихъ дѣятелей; Москвичи провожали его благословеніями на новую дѣятельность, которую предуказывало памятное, въ Кремлѣ сказанное, Царское слово.

Какъ мучительны были для него и для цѣлой Россіи дни, недѣли и мѣсяцы нашего вынужденнаго бездѣйствія во время нерѣшительнаго мира, увѣнчавшагося Константинопольскою конференціею и какъ потомъ еще мучительнѣе было время, протекшее въ нерѣшительности самой войны!

Ждавшіе его возвращенія хорошо знаютъ, чего теперь они лишились. Какъ бы онъ сумѣлъ представить намъ, возвратясь въ родную Москву, всю эпопею этой мученической войны; какими неимовѣрными кознями (со стороны не столько даже враговъ, сколько самихъ друзей нашихъ) было об-

ставлено уже самое начало этой войны; съ какими невѣроятнѣйшими затрудненіями, невообразимѣйшими препятствіями приходилось бороться на каждомъ шагу... Онъ разсказалъ бы намъ весь истинно-трагическій смыслъ нашего Плевнинскаго сидѣнія, и намъ еще явственнѣе представилось бы, какъ великъ Русскій народъ, какъ въ отчаяннѣйшія минуты всеобщаго къ себѣ недовѣрія приходилось дивиться величію того народнаго духа, который всегда въ труднѣйшія эпохи нашей исторіи проявлялъ себя въ простыхъ людяхъ. Правъ онъ былъ, когда въ тѣ минуты всеобщаго невѣрія такъ горячо вѣрилъ въ Русскій народъ и гласно высказывалъ, что вся будущность нашей исторіи не въ насъ, вверху, а въ этомъ народѣ. Какъ бы онъ разсказалъ намъ и о своей радости, о своей сбывшейся вѣрѣ, когда въ концѣ концовъ былъ сломленъ врагъ... Онъ разсказалъ бы намъ также, какъ онъ былъ въ огнѣ, хотя отъ него прямо этого и не требовалось, и какъ пули, ядра и картечь пощадили его... Но менѣе пощадила его та борьба, которую ведутъ не съ оружіемъ въ рукахъ и отъ которой надрывается энергія, чахнетъ духъ, теряется, наконецъ, и здоровье. Онъ разсказалъ бы намъ, сколько, при всѣхъ невзгодахъ, удалось Русскому уму посѣять добрыхъ сѣмянъ урывками и на ходу, и какія широкія задачи постепенно надвигались сами собою по переходѣ черезъ Балканы, въ виду Царьграда, на рубежѣ встрѣчи Восточно-греческаго и Восточно-славянскаго міра, и взаимныхъ Славянскихъ счетовъ, унаслѣдованныхъ вѣками.

И. Б.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

Въ день похоронъ князя Черкаскаго.

(15 Марта 1878).

Грустное, но вмѣстѣ и свѣтлое впечатлѣніе производилъ на душу этотъ гробъ въ Университетской церкви, который прибылъ къ намъ изъ далекой Болгаріи, только что возродившейся къ жизни. Мы хоронили человѣка, безвременно похищеннаго смертью, котораго многіе изъ насъ близко знали, цѣнили и любили; но надъ гробомъ его носилось дыханіе исторической жизни, которой онъ служилъ въ ея великія минуты, служилъ по призванію. Въ одну изъ такихъ минутъ застигла и смерть князя Черкаскаго. Предъ безмолвнымъ гробомъ намъ живо чуялся внутренній образъ почившаго, какимъ мы всегда знали его; намъ вспоминался его высокій, истинно-государственный умъ, тонкій, чуткій, способный проникать до сердца вещей, угадывать истину въ намёкѣ, оцѣнить всякое превосходство, взойти на всякую высоту, умъ способный осудить себя въ ошибкѣ и надъ ошибкою возвыситься. Кто близко зналъ его, въ томъ навсегда сохранится глубоко-симпатическое о немъ воспоминаніе,— грустное, но свѣтлое.

Много людей собралось въ Университетской церкви отдать послѣдній долгъ покойному. Церковь была полна. Были всѣ власти столицы, начиная съ генералъ-губернатора, самъ Университетъ, городское управленіе, Московское общество обоего пола, друзья и почитатели покойнаго, которыхъ у него было такъ много. Литургію и отпѣваніе совершалъ преосвященный Амвросій, епископъ Можайскій, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, въ числѣ коего были двое священниковъ, гласныхъ Думы. При окончаніи литургіи была произнесена рѣчь протоіереемъ Сергіевскимъ, профессоромъ Университета, а послѣ отпѣванія преосвященнымъ Амвросіемъ было сказано надгробное, живое, всѣхъ тронувшее слово.

Изъ церкви гробъ былъ вынесенъ на рукахъ друзьями и чтителями покойнаго. Многочисленная толпа двинулась за гробомъ. Предъ траурною колесницею двое студентовъ изъ Болгаръ несли большой лавровый вѣнокъ, принесенный проживающими въ Москвѣ Болгарами.

Когда похоронная процессія подошла къ Даниловскому монастырю, гробъ въ воротахъ былъ встрѣченъ духовенствомъ и на рукахъ друзей донесенъ до могилы. Преосвященный Амвросій далъ ему послѣднее благословеніе.

Могила, принявшая останки князя Владиміра Александровича, находится прямо противъ входа въ монастырь, у задней стѣны церкви Св. Троицы, недалеко отъ могилъ Хомякова, Гоголя, Юрія Самарина.

Вѣчная память!

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

Памяти князя Черкаскаго.

Князь В. А. Черкаскій скончался, и надо надѣяться, что надъ его свѣжей могилой умолкнутъ, хотя бы на время, нареканія, которыя его преслѣдовали до послѣднихъ предсмертныхъ его дней.—Для него, какъ и для прочихъ дѣятелей великой эпохи реформъ, судъ потомства будетъ справедливѣе, чѣмъ пересуды современниковъ, и имя его безъ сомнѣнія станетъ на ряду съ именами тѣхъ немногихъ государственныхъ людей, которые, по предначертаніямъ Государя, твердо, послѣдовательно проводили благія преобразованія настоящаго царствованія въ Россіи, Польшѣ и Болгаріи.

Но участь Черкаскаго отличается еще особенною чертою: на него, отчасти и по его собственной винѣ, обрушились, можно сказать, всѣ неудовольствія и злобы лицъ, пострадавшихъ отъ преобразованій въ имущественныхъ или личныхъ своихъ отношеніяхъ и всѣ мелкіе интересы, затронутые и оскорбленные государственными преобразованіями, коихъ онъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ исполнителей.

Положеніе его было уже очень трудное во время Редакціонныхъ Коммисій, но тогда онъ раздѣлялъ отвѣтственность съ другими и хотя преслѣдовался съ особымъ ожесточеніемъ, но раздѣлялъ эту честь со всѣми прочими защитниками поземельнаго надѣла крестьянъ.

Въ Польшѣ отношенія его сдѣлались еще болѣе натянутыми; не говоря уже о Польскихъ панахъ, которые видѣли въ немъ непримиримаго врага, онъ встрѣтилъ, при этомъ второмъ эпизодѣ своей службы, прежнихъ своихъ противниковъ въ Россіи, которые предъявили свои старые счеты. На вопли и жалобы пановъ, обвинявшихъ Черкаскаго въ самовластномъ распоряженіи ихъ имуществами, отозвались Русскіе люди, приписывавшіе ему (въ числѣ прочихъ) по-

трясеніе священныхъ правъ собственности. Польскіе голоса и Русскіе отзывы слились въ одинъ дружный хоръ, и солидарность интересовъ соединила ихъ въ общемъ противодѣйствіи такъ называемой Московской партіи.

Наконецъ, назначеніе Черкаскаго въ Болгарію возбудило вновь, послѣ десятилѣтняго промежутка, негодованіе и опасеніе Польскихъ эмигрантовъ, выразившіяся въ главныхъ ихъ органахъ „Journal des Débats“ и Neue Freie Presse“, и опять, по странному стеченію обстоятельствъ, эти злобныя нареканія нашли отголосокъ и въ Русскомъ обществѣ. Такимъ образомъ онъ служилъ во всю свою жизнь предметомъ, на которомъ вымещали свои печали и убытки люди, пострадавшіе отъ современныхъ событій или недовольные ходомъ нашей внутренней и внѣшней политики, и они избирали его цѣлью своихъ нападокъ тѣмъ охотнѣе и удобнѣе, что при этомъ не компрометировали себя передъ другими начальствами, а напротивъ, пріобрѣтали славу преданныхъ и благонамѣренныхъ людей.

Но мы выше сказали и повторяемъ, что Черкаскій былъ отчасти самъ виноватъ въ этомъ раздраженіи многихъ противъ его крутаго образа дѣйствій, и что именно поэтому онъ и навлекъ на себя больше всѣхъ бурю негодованій, возбужденныхъ общими мѣропріятіями.—Князь В. А. Черкаскій отличался вообще тѣми качествами и пороками, которые свойственны людямъ дѣла, людямъ, призваннымъ судьбою измѣнять и исправлять закоренѣлый строй современныхъ имъ обществъ. Эти люди вообще, при прекрасныхъ, даже мягкихъ свойствахъ сердца въ домашнемъ и семейномъ быту, бываютъ обыкновенно, за весьма рѣдкими исключеніями, жестки и рѣзки въ общественныхъ и служебныхъ своихъ отношеніяхъ; они внушаютъ поэтому мало привязанности и любви, возбуждаютъ противъ себя не только прямыхъ своихъ противниковъ, но и многихъ единомышленниковъ, оскорбленныхъ ихъ упорствомъ и рѣзкостью, и вообще не пользуются популярностію между своими современниками, покуда не преодолѣли всѣ препятствія и вражды. Но для такихъ трудныхъ задачъ, какія рѣшались въ наше время въ Россіи или во времена Штейновъ въ Пруссіи, нужны въ главныхъ

дѣятеляхъ, кромѣ привѣтливости, обходительности, еще и другія качества: твердыя убѣжденія, сила характера, обширныя познанія, свѣтлый умъ. Этимъ всѣмъ обладалъ Черкаскій и въ такой мѣрѣ, какая рѣдко встрѣчается въ нашихъ Русскихъ благодушныхъ натурахъ. Онъ глубоко вѣрилъ въ здравый смыслъ и въ силу Русскаго народа и находилъ въ немъ задатки будущаго лучшаго общественнаго строя. Онъ сознавалъ, что Европейскій либерализмъ, съ своимъ сложнымъ конституціоннымъ механизмомъ, не можетъ быть пересаженъ въ Россію, какъ декоративное растеніе безъ корней, и когда довѣріе Монарха призывало его на службу, онъ трудился надъ устройствомъ народнаго, общественнаго, земельнаго быта, надъ основаніями, а не вѣнцомъ зданія.

Труды подобнаго рода вообще неблагодарны; они нарушаютъ, хотя бы и временно, столько частныхъ интересовъ, требуютъ для исполненія такой непреклонности, что люди, дѣйствующіе на такомъ поприщѣ, не могутъ избѣгнуть большихъ непріятностей и столкновеній. Они очень часто исчезаютъ, не довершивъ начатаго дѣла, которое временно переходитъ въ другія руки, чуждыя всякому дѣлу и противныя всякимъ начинаніямъ, какъ это было въ Пруссіи послѣ смерти Штейна; но случается также, хотя и не всегда, что сѣмена, посѣянныя первыми сѣвцами, всходятъ много лѣтъ послѣ того, какъ сѣятели сошли въ могилу, и когда мы на панихидѣ Черкаскаго услышали молитву: „сотвори ему вѣчную память“, мы подумали—да, память имъ будетъ вѣчная, историческая, тѣмъ Русскимъ людямъ, которые служили дѣлу освобожденія народа въ Россіи, Польшѣ и Болгаріи.

Пройдутъ годы, умолкнутъ волненія личныхъ страстей, новыя поколѣнія не будутъ знать и именъ многихъ видныхъ людей нашего времени; а они, сотрудники освобожденія, будутъ жить въ народной памяти, какъ и то животворное дѣло, которому они положили начало.

Князь А. Васильчиковъ.

(Изъ Новаго Времени).

Болгары о князѣ Черкаскомъ.

Въ виду разныхъ мнѣній и взглядовъ на дѣятельность покойнаго князя В. А. Черкаскаго въ новоосвобожденной Болгаріи, небезъинтересно будетъ узнать, какъ отзываются о немъ Болгары.

Вотъ напримѣръ какими словами выражается газета *Болгаринъ*, издающаяся въ Букурештѣ, гдѣ нѣтъ никакаго стѣсненія печатнаго слова:

„Съ величайшимъ прискорбіемъ, пишетъ *Болгаринъ*, узнали мы печальную вѣсть о смерти князя Черкаскаго. Этотъ великій для насъ человѣкъ и столь способный администраторъ, имя котораго будетъ навѣки памятно въ лѣтописяхъ Болгарскаго освобожденія, умеръ въ тотъ моментъ, когда всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали его назначенія постояннымъ комиссаромъ Болгаріи. Смерть похитила его именно въ такое время, когда ему нужно было жить, чтобы самому увидѣть плоды своихъ неутомимыхъ заботъ по устройству нашего отечества".

„Вызванный первымъ извѣстіемъ о заключеніи мира восторгъ нашъ былъ вскорѣ отравленъ печальною вѣстію о смерти дорогаго намъ, по своимъ несомнѣннымъ заслугамъ, организатора нашего. Отнынѣ празднованіе памятнаго для насъ дня подписанія мира, дня санкціи Болгарской автономіи, будетъ тѣсно связано съ именемъ покойнаго князя".

„Мы увѣрены, что весь Болгарскій народъ раздѣляетъ общую печаль о потерѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ тружениковъ Болгарскаго освобожденія, и всѣ единогласно скажутъ: „вѣчная тебѣ память, незабвенный нашъ князь!"

Относительно мнѣнія Болгаръ о князѣ Черкаскомъ приведу еще полученное мною отъ одного Болгарскаго учителя письмо. Замѣчу притомъ, что этотъ учитель, воспитанный въ Константинополѣ, не отличается особенною привязанностію къ Русскимъ.

„Ты желаешь знать,—пишетъ онъ мнѣ,—какое мнѣніе составилось въ нашемъ обществѣ объ организаторѣ нашего роднаго края. Говорю безо всякаго преувеличенія: всѣ здравомыслящіе у насъ люди вполнѣ цѣнятъ труды князя и видятъ въ немъ способнаго и энергическаго правителя. Старики удивляются его обычаю лично все узнавать, лично изслѣдовать и распоряжаться. Ты помнишь, что этой замѣчательной чертѣ князя Черкаскаго и мы не менѣе дивились въ Букурештѣ. Привыкши къ Турецкимъ порядкамъ, въ силу которыхъ всѣ распоряженія „вали" дѣлались чрезъ вторыя, третьи руки, Болгары смотрятъ на князя какъ на неутомимаго дѣятеля и между собою дали ему прозваніе „чиличанъ-човѣкъ" *).

„Князь Черкаскій предоставилъ населенію самое широкое самоуправленіе. Административные и городскіе совѣты мы выбирали безъ малѣйшаго чьего-либо вмѣшательства. Мало того: князь предоставлялъ намъ иниціативу нѣкоторыхъ мѣръ, необходимыхъ для проявленія нашихъ народныхъ силъ".

„Однако нельзя опровергать и того факта, что есть *недовольные*. На всѣхъ не угодишь. Эти недовольные дѣлятся на два разряда: первый состоитъ изъ тѣхъ *чорбаджіевъ*, которые не нашли въ князѣ той доступности, которую они привыкли встрѣчать у Турецкихъ пашей, готовыхъ по обыкновенію на всякія корыстныя сдѣлки. Второй разрядъ это нѣкоторые изъ *молодежи*, домогавшіеся высокихъ должностей и не получившіе ихъ. Они обвиняютъ князя въ томъ, что онъ не закрылъ совершенно доступа къ городскимъ и административнымъ совѣтамъ *чорбаджіямъ*, которые прежде были будто бы настоящими Турками. Я не спорю о томъ, что между нашими чорбаджіями есть порядочное число такъ называемыхъ кулаковъ, эксплуататоровъ бѣдныхъ Болгаръ; но, ради Бога, кто лучше чорбаджіевъ знаетъ отношенія народа къ Турецкимъ властямъ, кто былъ бы въ состояніи немедленно принять участіе въ административныхъ и городскихъ дѣлахъ, какъ не тѣ, которые еще наканунѣ принимали постоянное участіе въ управленіи? Чорбаджіи

*) То есть стальной человѣкъ.

были даже необходимы на первое время; и если между ними и попадались негодные, это вовсе не вина организатора Болгаріи, а виноваты въ томъ мы, которые выбирали этихъ же чорбаджіевъ безъ разбора. И развѣ между нашею молодежью нѣтъ такихъ, которымъ еще меньше можно довѣрить, чѣмъ самому негодному чорбаджію?".

„Князя обвиняютъ еще въ томъ, что онъ не обращалъ будто бы надлежащаго вниманія на представленія тѣхъ Болгаръ, которые не были ему рекомендованы, что̀ невольно раздражало многихъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемой *интеллигенціи*. Я же въ заключеніе сдѣлаю слѣдующее замѣчаніе: еслибы не была бы Плевненская неудача, и война не продлилась бы такъ долго, то князь Черкаскій успѣлъ бы сдѣлаться любимцемъ всей Болгаріи безъ исключенія".

Почти также выражается о князѣ Черкаскомъ одинъ изъ Вѣнскихъ Болгаръ, посѣтившій недавно свой родной городъ. Свое письмо онъ заключаетъ слѣдующими словами: „Что̀ бы ни говорили о дѣятельности князя Черкаскаго, я знаю одно: князь былъ всею душою преданъ своему дѣлу, неустанно трудился, чтобы дать по возможности болѣе прочныя основанія освобождаемой Болгаріи и искалъ, такъ сказать, со свѣчкою въ рукѣ способныхъ нашихъ соотечественниковъ, которыхъ, къ несчастію, не всегда могъ найти".

С. С. Бобчевъ.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

Изъ Филиппополя.

12 Марта, по инициативѣ здѣшняго Болгарскаго Женскаго Дружества, въ присутствіи представителей здѣшнихъ властей, военной и гражданской, и при стеченіи всего Болгарскаго населенія города Филипополя, отслужена была соборнѣ викаріемъ Филипопольскаго Болгарскаго митрополита божественная литургія и панихида по покойномъ князѣ В. А. Черкаскомъ. По окончаніи панихиды, извѣстный здѣшній проповѣдникъ архимандритъ Меѳодій Кусевичъ произнесъ весьма трогательное по этому случаю слово. Перечисливъ всѣ лишенія, которымъ подвергались въ продолженіи войны Русскія войска и самъ Государь Императоръ, живя въ бѣдной Болгарской хижинѣ, упомянувъ о великихъ, ни съ чѣмъ несравненныхъ услугахъ, оказанныхъ Россіей бѣдной, истомленной вѣковыми насиліями тирановъ и призванной отнынѣ къ новой политической жизни Болгаріи, которая останется вѣчно признательною своимъ братьямъ-освободителямъ, проповѣдникъ указалъ и на великую потерю, понесенную Болгаріей въ лицѣ покойнаго князя Черкаскаго. „Скорѣе неусыпные труды по устройству Болгаріи (которыхъ я часто былъ очевидцемъ), чѣмъ что-либо другое", сказалъ проповѣдникъ, „унесли преждевременно въ могилу этого перваго гражданскаго управителя освобожденной Болгаріи; не забыть ей никогда трудовъ, положенныхъ въ основаніе ея будущаго устройства".

По Болгарскому обычаю, дамами-распорядительницами приготовлено было на большомъ подносѣ украшенное вензелемъ покойнаго князя роскошное *колево* (отваръ пшеницы), отъ котораго, послѣ панихиды, по приглашенію предсѣдательницы Дружества, вкусили всѣ представители военной и гражданской властей и всѣ присутствовавшія лица.

Затѣмъ предсѣдательница Женскаго Дружства г-жа Милкова вмѣстѣ съ другими дамами: Каблишковою, Дановою, Ивановою и проч., отправили въ Москву, супругѣ покойнаго, княгинѣ Черкаской, телеграмму, въ которой выразили ей свое соболѣзнованіе въ понесенной ею потерѣ, не менѣе чувствительной и для Болгарскаго народа.

И—въ.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ князя В. А. Черкаскаго.

Князь Черкаскій находился въ Боготѣ, когда пріѣхалъ туда графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ. Они видѣлись тамъ ежедневно и сговорились совершить вмѣстѣ переѣздъ черезъ Балканы. Они должны были отправиться за Главнымъ Штабомъ въ Казанлыкъ, тамъ предполагали оставаться недолго и возвратиться въ Сѣверную Болгарію, а оттуда ѣхать въ Бухарестъ и Россію.

Въ Габровѣ оставалась канцелярія князя Черкаскаго, съ Неклюдовымъ, а также вещи и князевъ камердинеръ. Князь предложилъ графу Олсуфьеву оставить за Балканами экипажъ и людей своихъ и воспользоваться коляскою и солдатами, назначенными сопровождать князя.

1-го Января они начали переѣздъ черезъ Балканы. Дорога были ужасная. Они вскорѣ убѣдились въ невозможности подвигаться иначе, какъ пѣшкомъ. Лишь изрѣдка садился князь въ коляску и большую часть переправы совершилъ пѣшкомъ, рядомъ или объ руку съ графомъ Олсуфьевымъ. Впослѣдствіи онъ писалъ объ этомъ переходѣ, что трудно будетъ его забыть. Для него онъ былъ особенно затруднителенъ, такъ какъ, вслѣдствіе перелома ступни одной ноги, сильнаго ушиба и боли колѣна въ другой, князь ходилъ не иначе, какъ опираясь на палку и послѣ малѣйшаго усилія страдалъ отъ опухоли. Но онъ всегда дѣлалъ бодро то, что считалъ или обязанностію, или неизбѣжнымъ зломъ. Онъ старался поддерживать бодрость другихъ, шутилъ, поддразнивалъ своихъ товарищей, бодро шелъ впередъ по скользкой тропинкѣ, у зіяющей пропасти или нависшей скалы. Но кромѣ матеріальныхъ препятствій, переходъ этотъ представлялъ рядъ нравственныхъ испытаній: дорога была усѣяна трупами. Убитые Турки лежали со всѣхъ сторонъ, а вотъ на склонѣ горы цѣлая рота Русскихъ солдатъ,—это они своею смертью обезпечили прочимъ частямъ арміи переходъ

черезъ Балканы. Они пали 28 числа; 15 градусный морозъ сократилъ страданія раненыхъ. Утомленіе князя выражалось лишь тѣмъ, что онъ иногда шепталъ своему спутнику: „какъ бы хорошо теперь сидѣть у себя дома, въ Чернышевскомъ переулкѣ!", или: „когда-то Богъ приведетъ быть дома!"

Нерѣдко падали наши путешественники вмѣстѣ съ солдатами, имъ помогавшими. Изъ двухъ солдатъ, которые поддерживали князя, особенно полюбился ему молодой солдатъ Илья. Онъ много говорилъ съ нимъ, распрашивалъ о родинѣ, о семьѣ. Онъ оказался уроженецъ Пензенской губерніи и разсказывалъ о молодой женѣ. Князь уговаривалъ его пойти къ нему въ услуженіе по окончаніи войны, замѣчалъ графу Олсуфьеву необыкновенную его внимательность и добродушіе, распрашивалъ, какъ бы взять его въ деньщики.

Не разъ говорили они о предстоящихъ событіяхъ. Князь оспаривалъ возможность остановиться на Балканахъ. Съ увлеченіемъ говорилъ онъ о красотѣ и богатствѣ восточной Болгаріи, о невозможности раздѣлить страну и однако предвидѣлъ, что далеко еще до окончательной развязки. Турки соберутъ свои послѣднія силы передъ Адріанополемъ, говорилъ онъ, и лютая война продолжится еще годъ. Планы будущей Московской жизни утѣшали нашихъ путешественниковъ. Графъ Олсуфьевъ объявилъ, что намѣренъ поселиться тамъ въ домѣ тестя своего, на Никитской, недалеко отъ Чернышевскаго переулка, что они часто будутъ сходиться и вспоминать Балканскій переходъ.

На одномъ изъ возвышенныхъ пунктовъ перехода, графъ Олсуфьевъ предложилъ остановиться у землянки, передъ которой стоялъ солдатъ. Это деньщикъ, сказалъ онъ, а гдѣ деньщикъ, тамъ офицеръ и, на вѣрное, закуска; взойдемъ туда! Предположеніе оказалось вѣрнымъ; деньщикъ сказалъ, что офицеръ пошелъ проводить артиллеристовъ, а закуски нѣтъ, кромѣ чернаго хлѣба и спирту. Подай же хоть это, сказалъ графъ Олсуфьевъ, входя съ княземъ. „Вотъ и намъ пришлось сегодня быть въ гостяхъ, замѣтилъ князь: сколько бы обѣгали мы сегодня домовъ, если бы были въ Москвѣ или Петербургѣ!"

Они отдохнули въ землянкѣ, уходя написали свои имена,

и князь поручилъ передать хозяину самое настойчивое приглашеніе посѣтить его въ Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Хозяинъ, Орловскаго полка поручикъ Денисьевъ, встрѣтился потомъ и принялъ это приглашеніе.

Спускъ совершился уже въ экипажѣ и къ вечеру пріѣхали въ деревню Шайново, у подошвы Балканъ; тамъ ночевали въ тѣсномъ помѣщеніи генерала Столѣтова, съ нѣкоторыми другими путешественниками. У него же обѣдали. Князь былъ бодръ и похваливалъ сытныя, простыя кушанья.

На другой день пріѣхали въ Казанлыкъ. Тамъ началась обыкновенная жизнь при Главномъ Штабѣ съ ежедневными обѣдами у Великаго Князя. Князь помѣщался на квартирѣ у Нелидова. Первое время онъ продолжалъ надѣяться, что скоро поѣдетъ въ Россію; но потомъ, по полученіи депешъ и писемъ изъ Россіи, настало горькое разочарованіе, о которомъ онъ и писалъ къ Нелидову, вызывая его вмѣстѣ съ канцеляріей изъ Габрова въ Казанлыкъ: „Государю угодно, чтобы я оставался здѣсь, и потому я отложилъ, къ искреннему своему прискорбію, всякую мысль о поѣздкѣ въ Россію, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, какъ это мнѣ ни тяжело“.

Во время пребыванія въ Казанлыкѣ, графъ Олсуфьевъ пришелъ однажды къ князю и сталъ разсказывать о встрѣченномъ имъ солдатѣ съ маленькою дѣвочкою на рукахъ; она была имъ подобрана надъ трупомъ Болгарской женщины, и теперь онъ не зналъ, куда съ нею дѣваться. Этотъ разсказъ заинтересовалъ князя, и онъ уговорилъ графа Олсуфьева сейчасъ съ нимъ отправиться отыскивать солдата съ дѣвочкою. Они скоро напали на ихъ слѣдъ у писарей Скобелевскаго полка. Прехорошенькая годовая дѣвочка крѣпко прижималась къ призрѣвшему ее солдату съ длинною бородою и ни къ кому не хотѣла идти. Солдатъ не зналъ, что дѣлать; онъ долженъ былъ выступить на другой день съ своимъ полкомъ. Подумавъ немного, князь рѣшился ѣхать въ сосѣдній женскій монастырь и постараться о томъ, чтобы приняли туда дѣвочку. Они туда отправились съ графомъ Олсуфьевымъ.

Въ монастырѣ встрѣтила ихъ старая игуменья, не говорившая порусски, но на помощь скоро явилась сестра Зинаида, жившая долго въ Москвѣ для сбора. Дѣло съ ней скоро сладилось; ей выданы были деньги на годовое содержаніе малютки, и въ тотъ же день обѣщано прислать экипажъ, въ которомъ она должна была пріѣхать и взять дѣвочку. Все это было въ точности исполнено. Графъ Олсуфьевъ говоритъ, что онъ былъ тронутъ сердечнымъ участіемъ, которое князь принималъ въ этомъ дѣлѣ.

Графъ Олсуфьевъ выѣхалъ 8 Января изъ Казанлыка. Онъ долго и упорно уговаривалъ князя ѣхать съ нимъ, какъ прежде предполагалось, подтверждая совѣтъ разными, весьма вѣскими доводами. Князь остался непреклоненъ, но о полученныхъ изъ Россіи письмахъ не говорилъ. Графъ Олсуфьевъ уѣхалъ съ убѣжденіемъ, что князь остается единственно потому, что, узнавъ о скоромъ пріѣздѣ Турецкихъ уполномоченныхъ, не хотѣлъ оставить дѣла въ самомъ его окончаніи и надѣялся подѣйствовать на обезпеченіе самостоятельности Болгаріи и въ особенности на опредѣленіе ея границъ.

12-го числа Главный Штабъ и съ нимъ и князь выѣхали изъ Казанлыка. Князь запасся съѣстными припасами и вечеромъ пригласилъ товарищей поужинать и вспомнить Татьянинъ день, праздникъ Московскаго Университета. Это было въ мѣстечкѣ Кизарь, въ убогой землянкѣ, гдѣ не было ни стола, ни стула. Князь былъ окруженъ людьми, которые еще незадолго до того были совершенно ему чужды, а нѣкоторые и совершенно незнакомы. Не трудно вообразить себѣ его чувства среди этой обстановки, среди ужасовъ войны, которая однако казалась исполненіемъ того, чего такъ давно въ Россіи желали и надѣялись. Милые образы друзей и родныхъ, еще живыхъ, и тѣхъ, которые уже покинули міръ, манили его къ себѣ изъ дальней родины.

На другой день утромъ продолжали путь. Дорога опять была трудная, опять приходилось много идти пѣшкомъ. Коляска Великаго Князя сломалась; всѣ остановились, всѣ были голодны, а провизія кой-какая оказалась лишь у запасливаго князя Черкаскаго; всѣ ею съ радостію

вались, до послѣдняго ординарца, и этотъ завтракъ на воздухѣ, съ сидѣньемъ въ коляскѣ вмѣсто стола и съ руками вмѣсто ножей и вилокъ, не лишенъ былъ оригинальности, говоритъ очевидецъ.

Страшныя картины разоренья и смерти встрѣчали путешественниковъ: обезображенные трупы, сожженныя деревни, бѣглецы. Но здѣсь, какъ и подъ Плевною, князь Черкаскій считалъ своимъ долгомъ не поддаваться впечатлѣнію, всячески бороться съ духомъ унынія, съ разслабляющею чувствительностію, при видѣ неизбѣжныхъ послѣдствій войны. Онъ зналъ ихъ и предвидѣлъ ихъ, возмущался видомъ страданій и, казалось, не было дѣла, къ которому онъ былъ менѣе склоненъ, какъ забота о больныхъ и раненыхъ; однакоже, взявшись за него, онъ старался воспитать въ себѣ и въ окружающихъ спокойствіе духа, необходимое для полезной дѣятельности и для преодолѣнія препятствій. Но это было не легко ему.

Ночевали въ Германли. Оттуда близко до желѣзной дороги. Видъ ея произвелъ на усталыхъ путешественниковъ радостное впечатлѣніе; они садятся въ вагоны и несутся на всѣхъ парахъ въ Адріанополь.

О пріѣздѣ туда князь самъ разскажетъ. Вотъ что онъ писалъ своей семьѣ:

„Адріанополь, 15 Января 1878 года".

„Пользуюсь случаемъ, дабы откликнуться и дать о себѣ вѣсточку. Мы двинулись съ такою быстротою, что всѣ расчеты обыкновенной жизни измѣнились; и трудно или, лучше сказать, совершенно невозможно предсказывать что-нибудь, хотя бы лишь за нѣсколько дней впередъ. Мы неслись, какъ огромная лавина, влекомая слѣпымъ рокомъ, которую ничто остановить не можетъ и которой предназначено волей-неволей совершить великую историческую задачу, нынѣ, быть можетъ, уже даже ускользающую отъ всякаго политическаго сознанія. Совершается исторія воочію, руками, доблестію и терпѣніемъ Русскаго солдатика. Исполать ему! Нѣтъ на свѣтѣ другаго такаго молодца и доблестнаго страстотерпца"....

„Послѣ мучительнаго перехода черезъ Балканы на Шибкѣ

и нѣсколькихъ дней пребыванія въ Казанлыкѣ, послѣ одной ночевки въ Ески-Загрѣ, до тла разоренной и гдѣ Главная Квартира едва-едва могла помѣститься въ крайней тѣснотѣ, и другой еще болѣе тѣсной ночевки въ Тырновѣ-Семенли, мы сдѣлали еще маленькій, но отвратительный переходъ въ Германли, откуда вчера поѣхали желѣзною дорогою до Адріанополя, куда Великій Князь совершилъ торжественный въѣздъ верхомъ съ огромной, блестящей свитой".

„Моя лошадка была также выслана впередъ, такъ что и я въѣхалъ вмѣстѣ. Никогда не забуду этого торжественнаго шествія по Адріанопольскимъ стогнамъ, среди множества ликующаго народа всѣхъ національностей — Болгаръ, Грековъ, Армянъ и даже Евреевъ, подъ потокомъ льющихся съ балконовъ и изъ оконъ цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтокъ, при непрестанныхъ встрѣчахъ, молитвахъ и рѣчахъ разновѣрнаго духовенства и депутацій. Одна лишь небольшая, угрюмая и безсильная толпа Турокъ стояла какъ бы въ сторонѣ отъ общаго движенія, живописно расположившись на контрфорсѣ старой, великолѣпной мечети султана Селима, которая сама по себѣ, расположенная на лучшей и самой видной точкѣ города, съ своими истинно-чудными и разнообразными минаретами, представляетъ великолѣпный образецъ восточнаго зодчества. Между тѣмъ дождь принимался нѣсколько разъ и лилъ немилосердно. Но и онъ не могъ ни испортить зрѣлища и впечатлѣнія, ни охладить восторга. О немъ всѣ, и мы, и мѣстные жители, говорили лишь какъ о доброй примѣтѣ и предзнаменованіи, какъ у насъ говорятъ въ народѣ о добромъ дождѣ въ день свадебный".

„Сегодня утромъ мы были съ Великимъ Княземъ въ соборной Греческой церкви, гдѣ служилъ Греческій митрополитъ Діонисій, а затѣмъ въ гостяхъ у него, въ митрополіи, пили чай. Затѣмъ я отправился завтракать въ очень порядочномъ трактирѣ „Америка", а послѣ того пошелъ съ Хитровымъ и Неклюдовымъ въ базаръ, гдѣ я накупилъ нѣсколько ковровъ, прелестный полный Турецкій костюмъ и всякой къ нему дряни, шитыхъ полотенецъ и платковъ. Наконецъ, пишу письмо и принимаю разныхъ Болгаръ. Я остановился въ домѣ стараго и почтеннаго Грека, очень издавна

Россіи приверженнаго, Алтыналмаза; вчера обѣдалъ у него, сегодня обѣдаю у другаго".

„Вотъ подробное описаніе настоящаго. Повторяю—будущее въ руцѣ Божіей; о немъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ теперь не говорить". „Всѣмъ нашимъ, роднымъ и друзьямъ, кланяюсь отъ души. Не скрою: вчерашній день вознаградилъ меня за многое, что̀ я претерпѣлъ въ теченіи послѣднихъ четырнадцати мѣсяцевъ. Такіе дни повторяются нечасто. До свиданія—но когда и гдѣ?"....

Письмо принесло радость и спокойствіе въ семью; давно не писалъ онъ такъ весело. Предъидущія выражали скорбь или скорѣе желаніе скрыть гнетущее чувство унынія и утомленія. Князь писалъ 2-го Ноября 1877 года: „Чувствую, что состарѣлся; пора, при первой возможности, идти долой съ колокольни; одиночество тягостно во всѣхъ отношеніяхъ" *).

Въ половинѣ Декабря князь былъ пораженъ горемъ, узнавъ о смерти матери; не смотря на то, что она была уже очень стара, онъ безпрестанно выражалъ надежду, что увидитъ ее весной въ Москвѣ.

Послѣ пріѣзда въ Адріанополь и минутной радости, начались новые, безпрестанные труды. Кромѣ посѣщенія больницъ, обычной дѣятельности по дѣламъ Краснаго Креста, настала спѣшная, усиленная работа и по гражданскому управленію, въ виду предстоящихъ условій мира. Работа эта была особенно трудна по случаю временнаго отъѣзда въ Петербургъ одного изъ помощниковъ... По своей дальновидности, князь не могъ въ глубинѣ сердца не бояться за окончательную развязку дѣла. Онъ еще 31 Марта 1877 года писалъ изъ Петербурга:

„Дѣла подвигаются быстро къ роковой развязкѣ. Дай Богъ, чтобы начатое съ трудомъ окончилось для Россіи съ успѣхомъ. Ей предстоитъ тяжкое испытаніе, и нужна твердая вѣра въ ея звѣзду, чтобы не побояться, какъ бы при теперешнихъ обстоятельствахъ Англія, въ самую послѣднюю минуту, не успѣла выхватить у насъ изъ рукъ самой драгоцѣнной части результатовъ тяжелой борьбы. Какъ бы то ни было,

*) За время похода князь В. А. Черкаскій весь посѣдѣлъ.

теперь слѣдуетъ и правительству, и народу напрячь всѣ силы". И онъ это слѣпо исполнилъ: онъ напрягалъ свои силы, сколько было можно, но его мужественная натура не выдержала.

Послѣ недолгихъ первыхъ минутъ отдыха въ Адріанополѣ, въ письмахъ его замѣтно уже опять грустное настроеніе. Отъ 17-го Января князь пишетъ: „Когда увидимся? Чѣмъ ближе конецъ войны, тѣмъ съ большею силою задаю себѣ этотъ вопросъ и ищу на него отвѣта. Но никто не можетъ отвѣчать на него положительно. Не привезетъ ли чего Игнатьевъ?" Отъ 26-го того же мѣсяца онъ писалъ близкому родственнику: Je dois le dire, je n'ai jamais pour mille raisons été plus enclin que ce dernier temps depuis à peu-près un an à apprécier tout ce que quellesques âmes charitables ont bien voulu me témoigner d'affection au milieu des circonstances difficiles où je me suis constamment trouvé... S'il y a quelque chose qui soit fait pour démoraliser et énerver les gens les plus robustes, c'est la conscience de se trouver comme sur une épave ou sur une île plus ou moins déserte, à une distance de plus de trois ou quatre semaines de toute espèce de communications. C'est pourtant la sensation qu'on éprouve ici, séparé comme on l'est de la Russie par des distances infinies que l'étât pitoyable de la poste et du télégraphe semblerait vouloir creuser et augmenter à l'infini plutôt que de chercher à les diminuer. J'ai presque cessé de lire les journaux, même étrangers: tant ils font l'impression d'une chronique vieillie et fânée plutôt que celle d'une actualité palpitante. Il ne reste donc plus que les maigres ressources de la conversation dans un milieu à peu-près également mal renseigné. C'est assez vous dire que le séjour n'est pas attrayant. Enfin laissons couler l'eau et abandonnons au bon Dieu le soin de tout régler dans Sa toute-puissante clémence *).

*) Долженъ признаться, что никогда, какъ въ послѣднее время, т. е. въ теченіе почти цѣлаго года, по множеству причинъ, не былъ я болѣе склоненъ дорожить привязанностью, которую мнѣ выражали нѣкоторыя добрыя души посреди трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я постоянно находился. Самые крѣпкіе люди падаютъ духомъ и разслабляются отъ того, что чувствуютъ себя словно на обломкѣ корабля послѣ бури или на какомъ-то болѣе или менѣе

Наконецъ, отъ 31-го Января князь Черкаскій пишетъ своему брату: „Дѣла гибель, не успѣваешь за нимъ. Истомился страшно, состарѣлся и похудѣлъ. Думаю: когда Господь сжалится надо мною и дастъ мнѣ увидать свою семью и свой домъ!“ Это были послѣднія скорбныя слова, обращенныя къ семейству; съ тѣхъ поръ не было больше писемъ.

Въ Воскресенье, 29-го Января, князь ѣздилъ къ обѣднѣ въ мѣстную Болгарскую церковь. Бѣдная обстановка этой церкви его поразила, особенно въ сравненіи съ Греческимъ храмомъ. Князя и его спутниковъ встрѣтили со всякимъ почетомъ, кидали цвѣты, ему поднесли вѣнокъ, и при этомъ учительница, „бѣжанка“ изъ Ени-Загры, говорила привѣтственную рѣчь.

Некогда было князю отдыхать или разъѣзжать по чуднымъ окрестностямъ Адріанополя и наслаждаться прекрасною, теплою погодою: пріемы и разговоры съ Русскими и Болгарами, множество бумагъ и писемъ крайне его утомляли. Являлось множество Русскихъ гвардейскихъ офицеровъ съ просьбою вступить на службу. Со всякимъ надо было говорить, испытывать способности и направленіе каждаго, въ надеждѣ найти дѣятелей для множества предстоявшихъ дѣлъ.

Первое время князь продолжалъ обѣдать въ конакѣ у Великаго Князя со всѣмъ Главнымъ Штабомъ. По вечерамъ любилъ онъ ходить въ дипломатическую канцелярію и отдыхалъ среди молодыхъ дипломатовъ и иностранныхъ военныхъ агентовъ, собиравшихся въ небольшое, но уютное помѣщеніе канцеляріи. Иногда сохранившаяся энергія брала

пустынномъ острову, въ удаленіи на три или четыре недѣли отъ всякаго рода сообщеній. Таково именно ощущеніе, испытываемое здѣсь. Россія отъ насъ Богъ вѣсть какъ далеко, и это отдаленіе не только сокращается, но выходитъ какъ бы еще труднѣе и безконечнѣе отъ почты и телеграфа, благодаря жалкому состоянію, въ которомъ они находятся. Я почти пересталъ читать газеты, даже иностранныя: до такой степени они производятъ впечатлѣніе устарѣвшей и безцвѣтной хроники и не отвѣчаютъ животрепещущей дѣйствительности. Остается скуднее средство освѣдомляться посредствомъ распросовъ и бесѣды въ средѣ, почти столь же мало вѣдающей о томъ, что происходитъ. И такъ вы видите, что жизнь здѣсь непривлекательна. Но пусть будетъ, что будетъ. Господь все устроитъ. Предадимся Его всемогущему милосердію.

верхъ надъ злобою дня: онъ шутилъ, острилъ, являясь тѣмъ любезнымъ Черкаскимъ, каковымъ его всегда знавала Москва. Но чаще онъ являлся угрюмый и говорилъ входя: „Дайте забыться за шахматами“.

2-го Февраля былъ день рожденія князя Черкаскаго. Ему исполнилось 54 года. Секретарь его (по Красному Кресту) Неклюдовъ и уполномоченные В. Н. Глѣбовъ, П. Н. Исаковъ и Савостьяновъ устроили въ честь его ужинъ. Ужинъ этотъ удался на славу; но Черкаскій, лицо котораго все болѣе и болѣе въ послѣдніе дни желтѣло, чувствовалъ себя уже совсѣмъ дурно и ничего не ѣлъ.

3-го Февраля онъ даже слегъ въ постелю, и Неклюдовъ пригласилъ къ нему доктора Великаго Князя, Обермиллера, который, побывавъ два раза, сказалъ, что авось дѣло обойдется легкою простудою. Однако аппетитъ вовсе пропалъ, и появилась сонливость; Черкаскій превозмогалъ себя и полулежа продолжалъ усиленно заниматься дѣлами.

5-го Февраля, окружающіе князя успокоились. Болѣзнь не внушала имъ болѣе опасенія, хотя больной не вставалъ съ постели и былъ относительно довольно слабъ. Докторъ Обермиллеръ говорилъ, что это было желчное разстройство. Повѣрить этому было нетрудно.

„Гибель работы“, писалъ отъ того же числа одинъ изъ приближенныхъ къ князю; „безпрестанныя непріятности и дрязги не подъ силу одному человѣку... Такова обстановка, продолжающаяся почти годъ. Поучительно, но нерадостно, и невольно заставляетъ подумать о шаткомъ и одиночномъ положеніи на свѣтѣ честнаго дѣятеля“.

7-го Февраля поутру, казалось, князю было нехуже. Съ утра безпрестанно являлись съ докладами по разнымъ дѣламъ. Неклюдову приходилось съ одной стороны уговаривать посѣтителей не тревожить князя, а съ другой упрашивать больнаго не принимать ихъ.

Въ этотъ день, около 4-хъ часовъ пополудни, князь заснулъ. Въ 6 ч. Неклюдовъ приказалъ его разбудить, такъ какъ докторъ Обермиллеръ совѣтовалъ не давать ему много спать. Проснувшись, князь удивился, что его такъ рано будятъ, думая, что уже наступило утро и никакъ не хотѣлъ

вѣрить, что едва повечерѣло. Вскорѣ послѣ ухода доктора, князь позвалъ Неклюдова и просилъ его прочесть ему только что полученныя письма и депеши. Но слова и мысли уже путались.

8-го утромъ Обермиллеръ предписалъ больному (у котораго оказалось полное отсутствіе всякаго сознанія) хины и камфоры и, находя положеніе Черкаскаго опаснымъ, потребовалъ консиліума. Призваны были главный врачъ Турецкой арміи, Армянинъ Стефанъ, главный инспекторъ военныхъ Русскихъ госпиталей Приселковъ, мѣстный врачъ Жупанъ и Московскій докторъ Б. П. Делоне, который съ этого дня постоянно и неотходно оставался при князѣ. Консиліумъ состоялся вечеромъ; мнѣнія врачей раздѣлились. Стефанъ предполагалъ, что у князя апоплексическій ударъ; другіе доктора признали болѣзнь за злокачественную Болгарскую лихорадку (febris Bulgariensis perniciosa).

Состояніе больнаго 8-го и 9-го Февраля было крайне тревожно.

10-го Февраля больной былъ спокойнѣе, и у него проявился первый признакъ сознанія гримасою, которую онъ сдѣлалъ, когда ему дали лекарство. 11-го числа сестра милосердія Глыбина, по настоянію доктора Делоне, дала ему дозу хины въ 20 гранъ. Съ тѣхъ поръ сознаніе стало быстро возвращаться. Увидѣвъ фески докторовъ Стефана и Жупана, снова пріѣхавшихъ на консиліумъ, князь спросилъ: „Кто эти Турки?“ Но о болѣзни своей онъ какъ будто забывалъ. 12-го и 13-го было постоянное и быстрое улучшеніе: князь могъ вставать съ постели, но не болѣе, какъ на полчаса или часъ времени. Онъ даже ходилъ по комнатѣ, но не иначе, какъ съ помощію сестры Глыбиной и камердинера, подходилъ къ окошку, но плохо еще видѣлъ и спрашивалъ у Глыбиной, то ли на самомъ дѣлѣ онъ видитъ, что̀ ему кажется. Едва сознаніе стало снова проявляться, какъ начались пріемы и доклады. Лежа на постели, съ тяжелою, еще смутною головою, князь уже писалъ дѣловыя бумаги. Напрасно умолялъ его докторъ Делоне поберечь себя. „Не забудьте докторъ“, отвѣчалъ

больной, „что въ настоящую минуту отъ меня зависитъ участь милліоновъ Болгаръ“.

Доктора единогласно рѣшили, что князю необходимъ полный отдыхъ и что, хотя перемѣна воздуха и была бы ему полезна, однако лучше ему остаться въ Адріанополѣ, чѣмъ ѣхать въ Санъ Стефано, гдѣ онъ утомилъ бы себя работою. П. В. Неклюдовъ настаивалъ на томъ, чтобы князю доктора посовѣтовали переѣхать въ какой нибудь приморскій городъ (но не въ Санъ-Стефано), гдѣ, вдали отъ дѣлъ, онъ отдохнулъ бы и окончательно поправился.

Узнавъ объ этихъ переговорахъ, князь Черкаскій позвалъ доктора Делоне и объявилъ ему, что онъ въ Санъ-Стефано поѣдетъ непремѣнно, что̀ бы доктора ни рѣшали. „Я долженъ видѣть Великаго Князя до заключенія мира“, сказалъ онъ Делоне: „отъ этого зависитъ участь Болгаріи; послѣ этого свиданія обѣщаюсь, любезный докторъ, быть самымъ послушнымъ изъ паціентовъ“.

Князь везъ въ Санъ-Стефано проэктъ учрежденія высшаго управленія Болгаріею.

14-го Февраля онъ окончательно покинулъ постель и сталъ ревностно цѣлый день заниматься приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ. Это его крайне утомило, такъ какъ онъ почти цѣлый день былъ на ногахъ. Въ 11-мъ часу онъ легъ спать, а въ пять часовъ утра уже всталъ и, повидимому, былъ довольно бодръ. Въ 7 часовъ онъ вышелъ изъ дому и отправился на станцію желѣзной дороги. Поѣздъ однако тронулся только въ двѣнадцатомъ часу. Долгое это ожиданіе было тягостно даже для здоровыхъ. Князь сѣлъ въ купе перваго класса вмѣстѣ съ Делоне, Неклюдовымъ и Левашевымъ. Дорогою онъ былъ сначала бодръ и почти веселъ. Но путешествіе было весьма утомительно; поѣздъ шелъ тихо, съ безпрестанными, бо́льшею частію неожиданными и долгими, остановками. Къ вечеру видно было, что князь нехорошо себя чувствуетъ, не смотря на его усилія скрыть это, чтобы не безпокоить спутниковъ. Однакоже слѣдствіемъ этихъ усилій были боли въ кишкахъ, которыя князь и по пріѣздѣ утаивалъ, боясь, что доктора ему помѣшаютъ отправиться на аудіенцію къ Великому Князю; но эти боли

уже съ этой минуты не покидали его. Ночью Неклюдовъ и Левашовъ удалились въ другое отдѣленіе вагона, а съ Черкаскимъ остался одинъ Делоне.

16-го Февраля, въ 5-мъ часу пополудни, поѣздъ наконецъ достигъ Санъ-Стефано. Погода была превосходная. А. А. Галлъ, гофмаршалъ Великаго Князя, приготовилъ и устроилъ покойную квартиру для князя Черкаскаго въ прекрасномъ домѣ, стоявшемъ у самаго моря, и выслалъ къ нему на станцію коляску. Князь видимо обрадовался чистому Европейскому помѣщенію, свѣтлымъ комнатамъ, а главное виду на море. Обращаясь къ Неклюдову, онъ сказалъ: Vous voyez, que vous avez eu tort de me déconseiller de venir ici [1]). Обѣдалъ князь съ своими спутниками въ восьмомъ часу. Онъ съ удовольствіемъ ѣлъ устрицы, которыя, по мнѣнію доктора, не могли причинить ему вреда.

17-го князь собирался съ докладомъ къ Великому Князю; но ему пришли сказать, что, по случаю развода, Его Высочество видѣться съ княземъ въ этотъ день не можетъ и проситъ его отложить посѣщеніе до слѣдующаго утра. Погода весь день была отличная; князь въ шубѣ сидѣлъ на балконѣ, наслаждался живительнымъ морскимъ воздухомъ и видимо радовался пріѣзду своему въ Санъ-Стефано. Утромъ онъ кое-кого принималъ, между прочимъ адъютанта военнаго министра, Миллера. Обѣдалъ онъ въ 6 часовъ. Изъ гостей былъ Юрій Милютинъ [2]). Князь былъ въ отличномъ расположеніи духа и пилъ за здоровье сестры своего гостя.

Послѣ обѣда къ князю пришелъ Русскій военный агентъ въ Черногоріи, полковникъ Боголюбовъ, съ письмомъ отъ военнаго министра. Полковникъ просидѣлъ у князя около двухъ часовъ. Разговоръ шелъ главнымъ образомъ о кандидатахъ на Болгарское княжество. Князь говорилъ, что все время болѣзни своей думалъ о кандидатѣ и теперь хочетъ повѣрить мысли свои. Боголюбовъ вышелъ подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что князь еще серьезно боленъ и только

---

[1]) Вотъ видите, что вы напрасно отговаривали меня ѣхать сюда.

[2]) Сынъ Николая Алексѣевича Милютина, офицеръ лейбъ-уланскаго полка.

превозмогаетъ себя. Вообще, князь Черкаскій въ этотъ день мало занимался, нѣсколько разъ ложился, много спалъ и неоднократно жаловался на сильное утомленіе. Въ ночь съ 17-го на 18-е Февраля надъ Санъ-Стефано разразилась сильная буря съ грозою. Около полуночи докторъ Делоне не ложился, такъ какъ князь не могъ заснуть отъ шума волнъ, ударявшихся почти о фундаментъ дома. Когда погода утихла, князю стали мерещиться какія-то галлюцинаціи. Крики солдатъ, грызню лошадей сосѣдняго эскадрона, а равно и мяуканье кошекъ, князь принималъ за что-то необыкновенное. Ему представлялось, что Турки рѣжутъ хозяевъ дома и что кто-то кричитъ „караулъ". Онъ безпрестанно призывалъ къ себѣ Б. П. Делоне, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, съ открытою дверью въ спальню больнаго, и говорилъ ему: Cher docteur, il se passe quelque chosse de terrible, on égorge en bas [1]). Больной успокоился только тогда, когда докторъ пошелъ въ палисадникъ и, обойдя его, вернулся съ увѣреніемъ, что ничего особеннаго на дворѣ нѣтъ. На слѣдующее утро сонливость была сильная; на вопросы доктора, не болитъ ли у него что нибудь, больной упорно отвѣчалъ, что онъ отлично себя чувствуетъ. Когда же зашелъ къ нему въ комнату Неклюдовъ и засталъ его еще въ постелѣ, онъ жаловался на боль въ желудкѣ. Тогда Неклюдовъ предложилъ послать къ Великому Князю и доложить ему, что князь по нездоровью не можетъ въ этотъ день быть у него; но на это больной разсердился и объявилъ, что пойдетъ непремѣнно и что чувствуетъ себя отлично. Въ 12 часовъ князь Черкаскій отправился къ Великому Князю. Всѣ встрѣтившіе его по дорогѣ были поражены болѣзненнымъ его видомъ и желтизною лица. У Великаго Князя онъ оставался около часа и доложилъ все то, что ему было нужно. Его Высочество былъ очень привѣтливъ, утвердилъ всѣ представленія и пенялъ князю, что при болѣзненномъ состояніи и слабости онъ побезпокоился придти съ докладами, тогда какъ Великій Князь охотно бы самъ навѣстилъ его на его квар-

[1]) Любезный докторъ, происходитъ что-то страшное; тамъ внизу рѣжутъ.

тирѣ и переговорилъ бы о дѣлахъ. Великаго Князя поразили болѣзненный видъ Черкаскаго и нервная его зѣвота. Утверждая представленія, Великій Князь просилъ прочесть ихъ графу Игнатьеву. Выходя съ аудіенціи, князь Черкаскій встрѣтилъ въ пріемной графиню Е. Л. Игнатьеву, неожиданно пріѣхавшую изъ Одессы. Черкаскій видимо ей обрадовался. Онъ взялъ ее за обѣ руки и сказалъ, что не можетъ выразить, какъ радъ ее видѣть, что намѣренъ часто ее навѣщать, что будетъ даже злоупотреблять дозволеніемъ бывать у нея. Графиню поразила перемѣна въ князѣ, его желтый, опухшій, болѣзненный видъ.

Возвратившись домой, князь Черкаскій шутя отвѣчалъ Неклюдову, спросившему его, не утомился ли онъ: „Я самъ утомилъ Великаго Князя, цѣлый часъ задержалъ его докладомъ". Сказавъ Неклюдову, чтобы онъ вечеромъ былъ непремѣнно дóма, такъ какъ надо будетъ продиктовать письмо къ военному министру, князь сѣлъ писать и самъ все исполнилъ, чтó вытекало изъ утвержденныхъ Великимъ Княземъ докладовъ.

Послѣ этого онъ прилегъ и впервыя сталъ жаловаться доктору Делоне на боли въ желудкѣ. На упрекъ доктора, отчего онъ до сихъ поръ это скрывалъ, князь отвѣчалъ: „Ну, что же? Тогда не сказалъ, а теперь сказываю. У меня два раза были воспаленія въ кишкахъ, когда мнѣ было лѣтъ 20". По сдѣланному докторомъ изслѣдованію оказалось только сильное растяженіе кишекъ безъ признаковъ воспаленія. Поставили горчичники, приложили теплыя салфетки, стали втирать теплую мазь съ хлороформомъ. Боли то утихали, то снова возобновлялись. Больной заснулъ и проснулся около 6-ти часовъ. Обѣдать онъ не выходилъ, въ 8 часовъ позвалъ Неклюдова, велѣлъ написать телеграммы, указавъ какое должно быть ихъ содержаніе и отправилъ его къ графу Игнатьеву, чтобы прочесть утвержденныя Великимъ Княземъ представленія. Графъ былъ въ это время занятъ послѣдними переговорами съ Турецкими уполномоченными: это былъ канунъ подписанія Санъ-Стефанскаго трактата.

Неклюдовъ долго ждалъ графа Игнатьева; наконецъ, онъ

вышелъ къ нему, объявилъ, что у него дѣла множество и просилъ отложить чтеніе представленій до другаго дня. Возвратившись часу въ десятомъ, Неклюдовъ засталъ князя Черкаскаго въ полномъ сознаніи. Онъ распрашивалъ его объ Игнатьевѣ, но притомъ объявилъ, что диктовать письма онъ не въ состояніи и даже отказался подписать написанныя Неклюдовымъ телеграммы. Отказъ этотъ крайне удивилъ и смутилъ Неклюдова: никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не случалось до сихъ поръ князю Черкаскому не только отказаться, но даже отложить на самое короткое время срочное дѣло. Неклюдову на этотъ разъ пришлось представить о крайней необходимости немедля отправить телеграммы, но князь на отрѣзъ отказался отъ подписи.

Страданія продолжались. Князь сидѣлъ въ креслѣ, полулежа, съ протянутыми на стулъ ногами.

Въ 11 часовъ князь легъ въ постель. До половины втораго ночи Неклюдовъ и Левашовъ сидѣли въ сосѣдней комнатѣ доктора Делоне, навѣдываясь безпрестанно о состояніи больнаго, который лежалъ какъ бы въ забытьи и повидимому даже спалъ. Около двухъ часовъ Неклюдовъ легъ спать. Делоне, не отходившій отъ больнаго, сказалъ ему, что особеннаго въ состояніи его въ настоящую минуту ничего не видитъ; но едва ушелъ Неклюдовъ, какъ княземъ овладѣло сильное безпокойство. Дыханіе его стало еще затруднительнѣе; онъ то вставалъ, то садился въ кресло, упирая голову въ спинку или къ стѣнѣ, при чемъ ему подкладывали за спину шубу, то снова ложился, часто повторяя: „Господи, прости мои прегрѣшенія!“ Обращаясь къ Делоне, онъ сказалъ ему: Cher docteur, cela va mal, cette fois vous ne me sauverez plus [1]). На вопросъ, отчего онъ такъ думаетъ, князь отвѣчалъ: Cher ami, je sens que ma langue s'embarasse [2]). Съ княземъ сдѣлался сильный обморокъ: голова повисла, ноги подкосились; больнаго съ трудомъ, на рукахъ, снова положили на постель. Вслѣдствіе вдыханія спирта и валеріановыхъ капель, присланныхъ Обермил-

---

[1]) Любезный докторъ, дѣло плохо; на этотъ разъ вы больше меня не спасете.
[2]) Любезный другъ, я чувствую, что языкъ у меня путается.

леромъ, князь пришелъ въ себя. Прибѣжалъ Неклюдовъ. Онъ сталъ звать князя; тотъ отвѣчалъ, но неявственно. Князь попросилъ пить, но не могъ уже проглотить поданнаго. Больной сталъ еще безпокойнѣе, безпрестанно кого-то звалъ, но кого именно, нельзя было разобрать, хваталъ руку своего камердинера Алексѣя Потапова и притягивалъ ее къ груди своей. Снова у князя сдѣлался обморокъ, еще сильнѣе перваго. Когда положили больнаго на постель, появились въ ногахъ судороги. Обермиллеръ подошелъ къ нему. Князь не только узналъ его, но даже на вопросъ, что́ болитъ у него, ясно отвѣчалъ, что „ничего не болитъ". Пробовали дать тотчасъ растворъ хинина, но больной глотать уже не могъ. Подавая лекарство, его приподняли и потомъ снова положили на подушку. Обермиллеръ и Делоне отошли къ столу для совѣщанія; въ это время больной раза два повернулъ головою и тихо, безъ агоніи, скончался, въ 5 $^1/_2$ часовъ утра 19-го Февраля 1878 года. Доктора полагаютъ, что кончина была мгновенная, безъ страданій.

„Не вынесло тѣло постоянной борьбы и работы духа", писалъ свидѣтель кончины.

Его бальзамировали доктора Обермиллеръ, Делоне и Поповъ. По случаю заключенія мира и поздняго парада съ молебномъ, первую панихиду могли отслужить только вечеромъ, въ 6 часовъ. Тѣло было выставлено въ той комнатѣ, гдѣ князь скончался; его окружили цвѣтами.

20-го были двѣ панихиды, утромъ и вечеромъ. Служеніе совершалъ протоіерей Великаго Князя съ полнымъ причтомъ и пѣвчими. 20-го тѣло было положено въ цинковый гробъ, обитый бархатомъ, выписанный вмѣстѣ съ покровомъ изъ Константинополя, а 21-го утромъ былъ выносъ въ Греческую церковь. Послѣ краткой литіи тѣло подняли. Въ шествіи участвовали все наличное Русское духовенство, Греческій митрополитъ, пѣвчіе, хоръ военной музыки, баталіонъ солдатъ безъ оружія. Гробъ несли: искренно любимый княземъ полковникъ Соболевъ, Неклюдовъ (всѣмъ распоряжавшійся), генералъ Анучинъ и другіе сослуживцы. За гробомъ слѣдовали всѣ наличные члены Краснаго Кре-

Необычайно-длинное шествіе направилось къ Данилову монастырю. Передъ колесницею Болгаре несли большой лавровый вѣнокъ.

Монастырь былъ полонъ. Преосвященный Амвросій ожидалъ тѣла у воротъ монастырскихъ. Въ послѣдній разъ пропѣли вѣчную память, и князя В. А. Черкаскаго опустили въ могилу рядомъ съ лучшими людьми земли Русской,—рядомъ съ Гоголемъ, Хомяковымъ, Самаринымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Вмѣсто предисловія: Студенческое воспоминаніе (1855). . VII
Выдержка изъ письма къ Ю. Ѳ. Самарину (1875). . . . XI

I. СТАТЬИ КНЯЗЯ ЧЕРКАСКАГО.

Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ. 3
Протоколы Парижскаго конгресса. 41
Обозрѣніе внутренняго законодательства. 73
Тройственный союзъ 15 Апрѣля 1856 года. 97
О сочиненіяхъ Монталамбера и Токвиля. 133
Два слова по поводу Восточнаго вопроса 211
Печать въ Англіи. Нѣсколько словъ по поводу книги Кюшеваль-Клариньи 247
О православной церкви въ Австріи и Турціи 258
Крестьянское дѣло въ 1861 и 1876 году 271

II. РѢЧИ КНЯЗЯ ЧЕРКАСКАГО.

Набросокъ рѣчи къ мировымъ посредникамъ Тульской губерніи (1861). 279
Рѣчь, сказанная въ Варшавѣ передъ вступленіемъ въ управленіе Комиссіею Внутреннихъ Дѣлъ въ 1864 году. . . . 281
Рѣчь во время перваго Всеславянскаго съѣзда, на праздникѣ въ Москвѣ, въ Сокольничьей рощѣ, 21 Мая 1867 г. 283
Рѣчь въ засѣданіи Общей Думы, 29 Апрѣля 1869 года. . 290
Рѣчь на прощальномъ обѣдѣ, который былъ данъ князю Черкаскому Московскою Городскою Думою по выходѣ его изъ должности городскаго головы, 6 Апрѣля 1871 года. . . . 294
Рѣчь на юбилеѣ М. П. Погодина, 29 Декабря 1871 года. 300
Изъ рѣчи въ Московскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи, 8 Января 1877 года. 304

III. СТАТЬИ О КНЯЗѢ ЧЕРКАСКОМЪ.

Рѣчи въ засѣданіи Московской Городской думы, 2 Марта 1878 года:

Стр.

С. М. Третьякова. 315
Князя А. А. Щербатова. 316
И. С. Аксакова. 317
Д. Ѳ. Самарина. 320

Рѣчь И. С. Аксакова, въ публичномъ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества, 5 Марта 1878 года. 322

У гроба князя Черкаскаго. 339

Въ день похоронъ князя Черкаскаго. 341

Статья князя А. И. Васильчикова. 343

Болгары о князѣ Черкаскомъ, С. С. Бобчева. . . . 346

Письмо изъ Филипополя. 349

О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ князя Черкаскаго, по разсказамъ очевидцевъ. 351

БИБЛИОТЕКА
ВЛАДИМІРСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРІИ

2 ГЧ8

Книжная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА
Получ.
НАТ.

DK 188.6 .C47 A3
Kniaz' Vladimir Aleksandrovich
Stanford University Libraries
3 6105 041 443 222

C.

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

AUG 30 1985
FEB 3 1989
APR 22 1989
JUN 1985
SEP 8 1989
MAR 17 1989
JUL 23 1989